

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. On the left, a large, glowing orange and red sun or moon hangs in the sky, partially obscured by the dark silhouette of a tree. Below the tree, a dark, gnarled branch or structure is visible. On the right, a tall, dark, vertical structure, possibly a tower or a pillar, stands against the sky. In the distance, a figure is visible, possibly a person or a creature, standing on a rocky or uneven terrain. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the warm tones of the sun/moon.

Ольга Гордеева

ОСТРОВ КОЛДУНОВ

часть 1

Шаги Пришествия

Мир Теллара, насквозь пронизанный древней магией, на грани катастрофы. Жрецы Небесного острова — Острова Колдунов — утверждают, что процесс можно повернуть вспять, если успеть в ближайшее время собрать пять артефактов. Успеют ли в срок те, кто отправлен на поиски? Тэйн Ройг, один из адептов магического учения, которому поручена эта сложная миссия, ищет камни-защитники, разбросанные по разным странам, и задается неизбежными вопросами — кто виноват в губительном катаклизме, жрецы Острова Колдунов, загадочные Творцы, или сами люди? Что случится, если мир, привыкший жить за счет магии, лишится ее полностью? Там, на Острове Колдунов, знают ответы, но чтобы получить их, придется отправиться туда и силой вырвать это знание у жрецов...

Ольга Гордеева

Остров Колдунов. Часть 1. Шаги Пришествия

(Сезон Ветров. Риаллар, Эргалон, Риан Ал Джар.)

Джерхейну она не понравится, подумал Ройг, глядя на хрупкую изящную женщину, церемонно скользящую через зал в сопровождении четырех унылых спутников в серых бесформенных хламидах.

— А по-моему, зря аш-чи сбежал к своим чудовищам, — авторитетно заявил Вельг. — Такая утонченная красота...

— Ледышка. Блеклая и безжизненная. Каменная.

— Вот-вот, фигура как у статуэтки! Талия в две ладони! Представь себе, как она танцует перед тобой танец Пламени и медленно снимает с себя...

— Танцевать она не умеет. Только приказывать.

Вельг обиженно замолчал, продолжая жадно глазеть на удаляющуюся процессию. Никто и никогда в Наземном мире не видел женщин Острова Колдунов. Только жрецов. Ни обычных людей, ни слуг, ни детей, словно их вовсе не существовало. Не любят Теллар островитяне, ох, не любят...

Впрочем, это взаимно.

Тут его толкнули, больно наступив на ногу. Ройг огрызнулся на толстяка, но, узнав в нем главу известного эргалонского семейства, поспешно извинился, но тот, охваченный страстным желанием разглядеть что-нибудь из второго ряда, даже не заметил, что его обругали.

Тэйн с трудом сдержал ухмылку. Поглядеть на будущую супругу любимого королевского сына хотелось всем, от убеленных сединами старейшин Совета Карн до многочисленной дворцовой челяди. Воины замковой дружины, расставленные по всем переходам дворца, с трудом держали оцепление, а помпезный, напичканный коллекционными древностями Зал приемов превратился сегодня в базарную площадь. Городская дружина окружила замок тройным кольцом, но любопытные прорывались всеми правдами и неправдами. Джайт, наследный сын риалларского правителя, отвечавший за охрану посольства, панически боялся, что островитяне расценят эти вполне обычные меры предосторожности как угрозу, и что-нибудь обязательно случится — нелепое и по сути безвредное, выливающееся в политический скандал, с которых так часто начинаются войны.

Все самое плохое уже случилось, подумал Тэйн, провожая глазами Кианейт. Нет, фигурка у нее на самом деле ничего... Пышная встреча была лишь красивым представлением для безыскусной публики, жаждущей зрелищ. На самом деле посольство Небесного Острова прибыло еще накануне вечером — пыльные, потные и раздраженные, они появились в Риан Ал Джаре с восходом Ночного солнца, и городская дружина Хэллиха, сопровождавшая их от Небесного столба до столицы, вздохнула с облегчением, сдав высокомерных и вечно недовольных островитян королевской дружине. Кианейт, дочь островного жреца Кимра, отдаваемую в жены второму сыну Холгойна, короля Риаллара, торжественно проводили отдыхать после непривычно тяжелого для островитянки путешествия по земным дорогам. А после в святилище Ильфейна состоялся долгий, неприятный разговор Кимра с Далланом, старшим илларом Ильфейна, и еще несколькими особо доверенными главами центральных эргалонских святилищ. Глубокой ночью третий жрец Илбара Кимр пустился в обратный

путь, заявив, что не может позволить себе задержаться в Наземном мире даже ради свадьбы дочери, и оставив от своего визита чувство досады, удивления и разочарования.

И странное поручение, которое они с Вельгом должны будут выполнить в самое ближайшее время.

— Для Холгойнов большая честь породниться с островитянами, — продолжал взволнованно шептать Вельг, не сводя восторженных глаз с Кианейт.

Конечно же, сегодня эта прелестная женщина приковала к себе взгляды всех, кому удалось прорваться в Риан Ал Джар. Истинная дочь Острова, утонченно-изящная, хрупкая и холодная. Достаточно было лишь взглянуть на ее кожу, жемчужно-белую, с тонкими серебристыми жилками на висках, с едва заметными матовыми тенями пепельного оттенка, чтобы понять ту пропасть, что лежала между Телларом — Наземным миром, и Небесным островом Агваллар. Сложная прическа пепельных волос, высокий рост и изумительно стройная фигура делали ее похожими на старинной работы вазу в окружении повседневных чашек и плошек. Она уверенно пересекла зал приемов, оставаясь совершенно равнодушной к его раритетам — она лишь скользнула по ним холодным взглядом своих выразительных миндалевидных глаз, величественно и надменно приблизилась и поклонилась риану Холгойну.

А вот у жрецов-островитян был донельзя жалкий вид. Их раздражала толпа, церемонии, необходимость произносить долгие ответные речи, часть из которых представляли собой протокольные речитативы, жрецам хотелось есть и спать, спать и домой, в привычный, уютный мирок своего острова, подальше от буйных толп дикого, вульгарного и непредсказуемого Наземного Мира.

Глядя на Кианейт, Ройг вдруг подумал, что его давно не волнует та завеса тайны, что окружает Небесный Остров. Как все мастера кэн-ли, он провел на Небесном Острове Агваллар несколько лет, и у него, как и у всех илларов, на месте воспоминаний об Острове зияла дыра — островитяне блокировали их перед возвращением в Наземный мир. Когда-то это вызывало ярость... Теперь он смирился: такова цена владения магическим искусством, без которого жизнь в Наземном мире стала бы невозможной.

А Джерхейн сбежал, услышав, что свадьба все-таки состоится. Сослался на донесения из срединного кольца, где недавно видели стаю кровавых гончих, и, как только пришло сообщение, что посольство Острова ступило в Небесный столб, во главе личной дружины рванул к Илломайну,

— Смотри, — Вельг дернул Тэйна за рукав ранда. — Даллан, кажется, зовет нас.

Похоже, церемония закончилась, поскольку на унылых физиономиях жрецов, холодном личике Кианейт и покрасневшем от напряжения лице Холгойна появилось плохо скрываемое облегчение. Холгойн поспешил отойти подальше от огромной мозаики во всю стену, изображавшей Илбара, простирающего руки над Наземным миром: все во дворце знали, что это древний следящий хэльд островитян. Даллан тем временем еще раз кивнул своим илларам, и Тэйн принялся протискиваться сквозь толпу, оставив Вельга восхищаться Кианейт.

— Холгойн с ума сошел от беспокойства, где это дьяволы небесные носят его сына, пока он сам отдувается за него перед его же будущей женой, — сказал Даллан ядовито, не поворачивая головы, когда Тэйн очутился рядом.

Тэйн многозначительно хмыкнул.

— Джер и раньше не был в восторге от идеи женить его на агвалларской ведьме. А уж теперь...

— Возьмет наложницу, — отрезал Даллан, провожая глазами главу посольства. — Или трех.

С Джера станется, подумал Тэйн.

— Ты и Вельг... — Даллан мельком глянул на своего ученика и помощника, — вечером во время арраса не расслабляться. Вельг следит за Кианейт, ты — за жрецами. Не верю я слащавым заверениям Кимра о крепкой дружбе и династическом родстве между Наземным Миром и Небесным островом. Белоглазые что-то затеяли, нюхом чую, но что именно, понять не могу.

— А вчерашнее поручение?

— Нет, они не брешут, проблема действительно существует... Но чтобы Агваллар раскрыл все карты?

Несмотря на возраст, глава храма Ильфейна все еще оставался быстр в движениях, энергичен, насмешлив, скуп в словах и порою непредсказуем в поступках. Вчера Ройгу показалось, что островитяне Даллана побаиваются. Вот уже двадцать лет Даллан возглавлял центральное, самое богатое и самое влиятельное святилище столицы Риаллара. Никогда он никому не кланялся и при этом все двадцать лет был как никто другой близок к правящей династии Холгойнов, оставаясь первым советником при риане Эйнире. Даже сейчас, при нынешнем падении интереса к учению и недовольстве политикой Небесного Острова, Даллан ухитрился собрать в своем храме лучших из лучших — двадцать илларов, из них семеро — второй ступени посвящения. Ройг был одним из них. Среди недовольных политикой Небесного острова голос эргалонского храма Ильфейна звучал в последнее время громче и увереннее остальных.

— Особенно меня удивляет, что Кимр уехал, не дождавшись, собственно, свадьбы, — продолжил Даллан. — И посольство уберется завтра... Торопятся. Почему?

— Может быть, здешний образ жизни им непривычен и неприятен? — предположил Ройг.

— Они лишь кажутся мягкотелыми и избалованными, — отрезал глава Ильфейна. — Кроме того, дочь у Кимра одна и, по моим данным, он к ней привязан. Она неглупа, хоть и не владеет кэн-ли.

— Возможно, на Острове надеются, что смогут управлять Джерхейном. На вид он, — Тэйн усмехнулся, — простак и вояка — легкая добыча для умной жены.

Даллан рассмеялся, наконец-то повернувшись лицом к своему лучшему ученику.

— На деле вряд ли им вообще кто-то сможет управлять. Тем более женщина. Пойдем, — он кивнул на поредевшую толпу — выход из зала был почти свободен. — Передай мое поручение Вельгу, и предупреди, чтоб не пил, а то знаю я его...

В самом конце галереи они неожиданно, лицом к лицу столкнулись с Холгойном.

— Это не женщина, а кусок хрусталя, — проворчал риан, отвечая коротким кивком на приветствие Даллана и на придворный поклон Тэйна. — Уж ее родословная точно длиннее моей. Ох и намучается мой мальчик с этим подарком небес! И ведь не откажешь, — заявил он, раздраженно взмахнув руками. — Мы для них едва ли не бунтовщики. О чем вчера вы так долго говорили в храме Ильфейна? — он требовательно уставился на Ройга и тот с трудом удержался, чтобы не поежиться. — Я не могу добиться от твоего наставника внятного ответа... Что там произошло?

— Кимр обвинил илларов Наземного мира в пренебрежении устоями и утрате веры, — ответил Тэйн уклончиво и, услышав одобрительный смешок Даллана, продолжил с нарастающей уверенностью. — Боюсь, к нашим возражениям он был умышленно глух.

Риан Эйнир Холгойн бросил быстрый, недоверчивый взгляд на Даллана, но продолжать не стал — понял, что не добьется откровенности даже от верных ему илларов. Несмотря на седину и обилие глубоких морщин, никто не давал риану Эйниру Холгойну его шестидесяти шести лет, может быть, из-за резкости характера, может — благодаря насмешливо-властному выражению подвижного лица, может — из-за живых, глубоко посаженных темных глаз. Нрав у него был весьма крутой: трех сыновей он держал в железном кулаке, в особенности — старшего наследного сына Джайта. Джерхейн, второй, ненаследный сын, больше походил на мать, первую наложницу риана, младшие сын и дочь были рождены так же, как и Джайт, от первой жены. Вторая жена, которую риан взял за себя совсем недавно, первая красавица Ахтамара, еще не подарила ему ребенка, но Холгойн надеялся зачать еще одного сына, поддержку и опору в старости. А может, и не одного. Несмотря на возраст, он все еще оставался энергичным и привлекательным. В столице знали, насколько их риан далек от образца супружеской верности: в замке правителя перебивало множество мастериц танца Пламени, к которым пылкий риан никогда не оставался равнодушен.

— Утром я говорил с Джерхейном, — риан сменил тему. — Через хэльд Окно. Что-то Белар долго с ним возился, — раздражение вновь прорвалось в его голосе. — Окно дважды гасло. Простейший же хэльд...

Хэльд Окно, один из самых популярных и легких в обращении, позволял связаться с находящимся в другом месте человеком и не требовал особого мастерства, но оживить этот древний магический инструмент могли только обученные искусству кэн-ли люди.

— Белар, к сожалению, не самый опытный иллар моего храма, — парировал Даллан с улыбкой.

— Я велел ему возвращаться, и побыстрее. Горожане ждут не дождутся свадебных гуляний, в лавках все сажди раскупили, половину уже выпили за здоровье будущего наследника... — он раздраженно мотнул головой. — У него там проблема, из-за которой он не может уехать. Ты, — он окинул Ройга властным взглядом, — отправишься к Нефритовым воротам и заменишь его во главе дружины. Я хочу, чтобы в ближайшее время мой сын вернулся в Эргалон.

Тэйн покорно склонил голову.

— Да, риан. Он не уточнял, что именно произошло?

— Кто-то из дружины застрял в Илломайнском лабиринте. Поговори с ним сам. И не откладывай выезд. — кивком велел Ройгу удалиться, Эйнир Холгойн развернулся к главе храма Ильфейна. — Завтра, когда посольство будет возвращаться на Остров, я хочу, чтобы твои иллары проводили их до Небесного столба. Отправь лучших. Глаза Илбара, я не хочу дурацких происшествий на моей земле...

Оставив правителя и главу храма обсуждать тонкие политические вопросы, Тэйн отправился в галерею хэльдов, на пути ненадолго задержавшись у распахнутого окна. Эргалон, яркий и праздничный, шумный и многолюдный, вечно заполоненный торговцами со всех краев света, странствующими музыкантами и сказочниками, воришками, бандитами, путешественниками, сейчас, во время Сезона Ветров, напоминал ахтанский ковер, изобилующий сочными оттенками желтого, коричневого и красного. Деревья-атлахи еще не сбросили листву, их некогда зеленые листья свились в огненно-рыжие кудряшки, отчего

пышные кроны стали похожи на очаровательную женскую головку. Если ветры с севера будут не слишком свирепы, они простоят так до Пробуждения Илбара, первого теплого сезона. Раскидистые раады, ветви которых гнулись под тяжестью спелых плодов огненно-оранжевого цвета, тоже не сбрасывали в холода свою сине-зеленую листву — они опадут только перед самым цветением, и сразу же покроются, словно снегом, крохотными белыми бутонами. К Рождению Илбара, празднику, с которого начнется новый год, опавшие листья раад сгребут в кучи и зажгут высокие костры, приветствуя приход тепла и милость самого могущественного из богов.

Хорошо бы успеть выполнить поручение Острова и вернуться до весны, подумал Тэйн невесело. Не хотелось бы встречать Рождение на чужбине, плохая это примета. Хорошо бы остаться там, в горах Илломайнского хребта, вместе с дружиной, вдалеке от лживых улыбок, выперенных церемоний и бестолковой суеты, и не ездить никуда с загадочным, туманным делом. Хорошо бы понять, что именно за ним скрывается, потому что наставник прав — пафосное выступление Кимра на вчерашнем совете — всего лишь дымовая завеса, скрывающая нечто важное. И никогда островитяне не скажут правды, не в их это интересах.

Тэйн Ройг попал на Остров еще в юности, сразу после смерти отца, благодаря дяде, илону маленького поселения на юго-восточном склоне Илломайна, где Тэйн родился. В детских мечтах Ройга не было места древнему учению о силах, он предпочел бы стать воином, как и его отец, как дед и прадед, как многие поколения Ройгов, принадлежавших к карне Хэллиха — касте профессиональных воинов, чьи услуги часто требовались в таких вот маленьких городках для того, чтобы поддерживать порядок и охранять от выбиравшихся из пещер Илломайнского хребта странных тварей.

Считалось, что только на Небесном острове Агваллар сохранились все четыре составляющие древнего магического учения, называемого Кэлленаром — хэльды, ка-эль, Круги Власти и тексты Откровений, именно поэтому обучиться искусству кэн-ли можно было только там. Островитяне учили и инициировали новых адептов за значительную плату, вносимую за будущих илонов и илларов святилищами или магистратами, а напоследок — загадочным образом убирали воспоминания о самом острове, о быте и особенностях его внутреннего устройства. Илоны — первая ступень мастерства, проводили службы в храмах, инициировали для жителей Теллара простейшие хэльды и учили детей грамоте; илларов обучали управлять всеми известными элементами кэн-ли с помощью магического языка — урда. Те и другие пользовались на Телларе особым уважением — от них зависело благоденствие всего Наземного мира.

Тэйн Ройг давно не жалел о том, как все сложилось. Не так уж и плоха была судьба иллара на Телларе. Пожалуй, она была лучше многих других... Исключение составлял только меч, владеть которым его учили с детства и который до сих пор не давал ему покоя. Став учеником Острова, ему пришлось полностью прекратить тренировки — мастерам кэн-ли запрещалось брать в руки оружие. Считалось, что сама суть древней магии не терпит насилия, что любая попытка использовать оружие отнимет у последователя Кэлленара его могущество. Илоны и иллары не должны причинять вред людям, поскольку сила и знания даны им для других целей. Здесь, на Телларе, можно было не опасаться за свою жизнь — все мастера кэн-ли, и старшие, и младшие, были святы, даже уличные грабители не покушались на служителей старинного культа.

В галерее хэльдов Риан Ал Джара было двадцать пять хэльдов, но современные иллары умели использовать лишь восемь. Может быть, знания утрачивались, а может, жрецы

Небесного острова умышленно ограничивали умения адептов Наземного мира. Собственные же знания теллариан о Кэлленаре, о Небесном острове, да и о происхождении самого Теллара были скудны и отрывочны, несмотря на все попытки ученых Наземного мира создать целостную непротиворечивую картину. Никто не знал, как и когда над Телларом возникло странное небесное образование в виде острова, почему именно там сохранились наиболее полные знания о мире, учение о силах, которое называли Кэлленаром, и какая из земель возникла раньше — наземный Теллар или небесный Агваллар. Может быть, на Острове и знали об этом, но предпочитали хранить молчание.

Остановившись перед хэльдом Окно Ройг нарисовал в воздухе урд-знак, влил в него каплю личного Огня жизни и направил тонкую ниточку воли к хэльду, мысленно добавив к нему еще три символа. Ему, иллару второй ступени, не требовались все двенадцать канонических урд-знаков, чтобы оживить этот легкий в работе хэльд, имевшийся во всех публичных местах, в частных домах, общественных галереях хэльдов и даже на перекрестках дорог. Голубая, обрамленная черным камнем поверхность хэльда быстро ожила, показав ему знакомую нефритово-зеленую арку в скалах — вход в Илломайнский лабиринт. Неподалеку от ворот был разбит походный лагерь. Командир отряда сидел недалеко от костра, без сапог, задумчиво разглядывая зазубренное лезвие меча.

— Что, приехала уже? — буркнул Джерхейн вместо приветствия. — Ну и как она тебе?

— Маленькая изящная льдинка, — хмыкнул Тэйн, — которой приказали доносить обо всем, что попадет на глаза. Отец приказал передать тебе, чтобы ты срочно возвращался. Он хочет покончить с этим делом побыстрее.

Джерхейн оглянулся на вход в лабиринт.

— Мы перебили кучу нечисти.

— Отсюда и раньше выползало... всякое, — парировал Тэйн, игнорируя его раздражение.

— Всякое, да не такое! Это даже не зверье. Мутанты. У меня двое тяжело раненых в отряде, и третий потерялся в лабиринте.

— Риан велел мне заменить тебя, — терпеливо продолжил Тэйн. — Боюсь, я не могу послушаться его приказа.

— Да уж, — пробормотал ненаследный аш-чи. — Его слушаешься...

— Кто потерялся?

— Ясмин, ты хорошо его знаешь. Попробуй отыскать его прямо сейчас, пока не поздно, может, будут хоть какие-нибудь ориентиры. А то я уже дважды тыкался вслепую. Как быстро ты приедешь?

— Отправлюсь, как только начнет светать, — заверил его Ройг. — Даллан велел присутствовать на аррасе, последить за гостями и за твоей нареченной.

— Не доверяет?

— А ты бы доверял? — и, увидев перекошенное лицо Джерхейна, добавил. — Подожди, я прямо сейчас попробую поискать Ясмينا.

Ройг погасил Окно и ненадолго сосредоточился, вспомянув Ясмина. Затем потянулся к хэльду, иницируя его повторно, но голубая поверхность вспыхнула ярко-алым и неожиданно почернела. Недовольно поморщившись, он попробовал снова, но темная поверхность упорно сопротивлялась оживлению. Странно... пришлось тщательно вывести в воздухе все положенные символы урда и влить в цепочку гораздо больше Огня Жизни, на пару мгновений сделав ее видимой. Языки пламени заплясали внутри холодного гладкого

камня, дохнуло жаром и зловонием, потом все неожиданно исчезло, показав опешившему Ройгу картину огненно-оранжевой реки, похожей на поток раскаленной лавы, разветвлявшейся на множество мелких ручейков.

Тэйн сосредоточился на одном из них, и картина, подчиняясь его мысленному усилию, стала сдвигаться в сторону. Ручеек исчез в камне, потом вынырнул на поверхность в каком-то непроницаемо темном месте, мрак которого рассеивало только свечение огненных частиц, облаком идущих от ручья. Лавовый ручей неожиданно окончился маленьким озерцом, над которым нависала бесформенная громада камня. Там, на обрывистом берегу озерца, пытаясь дотянуться до блестящей поверхности, лежал Ясмин, целый и невредимый. Тэйн позвал его, но тот не откликнулся. Ройг коснулся поверхности браслетом-усилителем — безрезультатно. Дружинник продолжил свои попытки дотянуться до ручья, и в итоге смог зачерпнуть немного блестящей жидкости, лизнул раз, другой, отряхнул руки, встал и шагнул куда-то в темноту. Тэйн пытался удержать изображение, но оно снова полыхнуло огненной вспышкой и погасло.

Озадаченный Тэйн отступил назад на несколько шагов от поверхности хэльда и расслабил кисти рук. Каждому из илларов кэн-ли давалось по-разному. Ройг чувствовал потоки энергии кончиками пальцев, отчего они иногда немели под конец работы. Подождав, пока онемение пройдет, он встряхнул кистями и снова вызвал Джерхейна. Аш-чи по-прежнему сидел у костра, с мрачным видом разглядывая свой клинок. Когда перед ним в пространстве вспыхнул тусклый овал Окна, явив объемное изображение друга, на его лице появилось слабое подобие облегчения.

— Там нигде нет поблизости ручья, похожего на поток лавы?

Джерхейн цветисто выругался, помянув небесных дьяволов и адовы облака.

— Райд описывал что-то похожее, но я решил, что у него бред от потери крови. Ты видел Ясмина?

Тэйн кивнул.

— Жив и даже не ранен. Находится около озерца, наполненного густой блестящей жидкостью.

— А, дьяволы небесные, даже если Райд мне объяснит, как добраться, мы не дойдем, потому что Сэллер тоже вышел из игры, — Джерхейн взлохматил и без того растрепанную копну огненно-рыжих волос и оглянулся в сторону лагеря. Оба иллара, сопровождавшие его отряд, выбыли из строя, а соваться в Илломайнский лабиринт без мастеров кэн-ли представлялось ему извращенным способом самоубийства.

— У тебя тут свадьба, — напомнил ему Ройг. — Заберешь раненых, а Ясмина я уж сам как-нибудь найду.

— Скажи отцу, я выеду не раньше, чем дождусь тебя. Я своих людей без опытного командира не брошу, тем более здесь, в этом дьявольском месте.

(Святылище Ильфейна, Эргалон)

Праздничный обед в честь прибытия Агвалларского посольства — аррас — начинался со второй стражи Ночного солнца, и Ройг подумал, что еще успеет на вечернюю службу в родном святылище, которую служили ровно по восходу Ночного солнца. Ему требовалось переговорить с Далланом с глазу на глаз и собраться в дорогу, чтобы сразу же после арраса выехать к Нефритовым воротам. Времени хватало — замок был связан со святылищем напрямую, с помощью пещерных галерей. Выстроенный на южном склоне Илломайнского хребта, королевский замок Риан Ал Джар возвышался над столицей монументальной громадой. Часть его врезалась в склоны Джар Ил, и множество подсобных замковых помещений, так же, как и замковая галерея хэльдов, располагались внутри горы. С древности Риан Ал Джар был тесно связан с храмом Ильфейна сложным лабиринтом переходов, выдолбленных внутри скалы. Для ученых Ильфейна эти лабиринты представляли величайший интерес и непреходящую головную боль: назначение доброй половины старых хэльдов было давно утрачено, проводить над ними эксперименты считалось рискованным из-за близости к королевскому дворцу, поэтому большинство лабиринтов и внутренних залов скальной части перегородили и завалили камнями. Впрочем, туда и так никто не совался, слишком уж много жутких легенд ходило о загадочном наследии прошлых эпох.

Но иллары Ильфейна активно использовали пещерные коридоры. На стенах вдоль основного пути висели шары хэльда Свеча, зажигаемые знаком Небесного огня, и Ройгу, с его второй ступенью хватало одного жеста, чтобы осветить проход. Он часто им пользовался, потому что проводил в королевском замке немало времени, как вместе с Джерхейном, так и по делам святылища. Не чуждался он и придворных развлечений. Привлекательная внешность — темноволосый, кареглазый, смуглокожий, высокий и статный, он нравился женщинам. Танцовщицы Койе редко отказывали иллара, надеясь на постоянство и будущий удачный союз, и пещерная галерея часто выручала его, когда после бурно проведенной ночи требовалось успеть из дворца к утренней службе в родное святылище.

Если верить Божественному канону, именно Ильфейн научил людей находить руды, лить металл и составлять сплавы, обрабатывать камень, изготавливать предметы домашнего обихода и ковать оружие, а потому именно здесь, в храме Ильфейна, были сосредоточены все секреты мастерства Карны Металла и Карны Огня. Сюда стекалась информация о богатствах недр, хранились секреты и технологии сплавов, собирались артефакты Кэлленара, связанные с разведкой недр. Люди верили, что даже сейчас Ильфейн не остается равнодушным к мастерству, иногда появляясь во плоти и помогая мастерам своей силой и добрым советом, подбадривая и поощряя терпение и трудолюбие.

Каждому храму на Телларе покровительствовало свое божество. Всего в пантеоне богов Наземного мира и Небесного острова их насчитывалось девять: старшим считался бог света Илбар, Хэллиху подвластен огонь, а значит, и война, Феоллон ведал течением времени и мудростью, Ильфейн владел недрами и их сокровищами, Фиал считалась богиней плодородия, Тармил — покровительницей домашнего очага, Мейр властвовал над водами, Келар — над лесами, степями и живностью, Койе — над ночью, тьмой и чувственной любовью. Испокон веков храмы были не только средоточием веры, но и науки, ремесла и

мастерства. Здесь обучали молодежь, собирали и накапливали знания, вели архивы, управляли карнами и цехами.

Ройг застал Даллана в рабочем кабинете, за составлением речи для выступления на грядущем совете храмов. Выслушав его рассказ, глава святилища озадаченно отложил перо.

— Огненная река... Озеро кипящей грязи, — пробормотал он. — Лахлайд... Где-то я читал про огненную реку под Илломайном, — и, видя попытку своего ученика сдерживать ироничную улыбку, пояснил. — Нет, не в «Истории богов и людей Наземного мира». Где-то в отчетах горнодобытчиков, причем очень старых.

Тэйн все-таки усмехнулся. В Лахлайде, подземном озере кипящей грязи, по легендам обитал один из самых загадочных богов телларианского пантеона — бог времени Феоллон. Он вершил суд над душами умерших, отправляя достойных отдыхать до следующего воплощения в алмазные чертоги, и погружая недостойных в озеро кипящей грязи. Фигурировало раскаленное озеро и в многочисленных сказаниях о конце света, которых по Теллару во все времена ходило великое множество.

— Судя по поведению Ясмина, она не только не кипящая, но и вполне съедобная... интересно, какого дьявола он тащит в рот всякую гадость... — Даллан остановил внимательный взгляд на Ройге. — Не задерживайся там. И не рискуй, ты нужен здесь и сейчас. Поручение Острова — помнишь про него? В свете последних событий мне не хочется тянуть с исполнением.

— Джер жаловался на тварей, — напомнил Ройг. — В этом году их особенно много.

— Твари, — Даллан встал, прошелся по кабинету — маленькой и темной комнатке, заваленной книгами, свитками, ка-эль — приспособлениями для магического воздействия, образцами минералов и подробными картами горных районов, выполненными на специальных кожах. — Что-то много их стало в последнее время. Да и хэльды... Отказы и впрямь участились, причем традиционный ремонт не помогает. Я связался с главами остальных святилищ, они подтвердили, что испытывают те же трудности. Пока отказов мало, но боюсь, что островитяне могут оказаться правы. Знают они гораздо больше нас.

Тэйн подобрал с пола и повертел в руках тоненькую трубочку, покрытую вязью знаков урда — ка-эль, с помощью которой горнодобытчики обнаруживали железную руду.

— Островитяне убеждали нас, что отказы хэльдов связаны с недостатком веры, — задумчиво произнес он, глядя на изящные узоры ка-эль. — Недостатком уважения к святыням, — он аккуратно положил артефакт на полку с подобными ему предметами. — Я не вижу связи между таким абстрактным понятием, как вера, и конкретными прожорливыми гадами, плодящимися где-то в недрах Илломайна. Лето в том году было жарким, предыдущая зима — мягкой, не передохли вовремя, вот и плодятся.

Даллан покачал головой.

— Кэлленар — древнее, сложное учение, а мы знаем о нем дьявольски мало. У нас нет Свода Откровений, чтобы самостоятельно продвинуться в изучении искусства, уменьшить наше вынужденное невежество. Что мы знаем об угрозах, тайных и явных, которые могут скрываться за подчас обыденными событиями? Обеспокоенность островитян выглядит истеричной, но не надуманной.

— Нас и самих немного, — буркнул Тэйн. — И становится все меньше, спасибо высокомерию и жадности Агваллара. Что еще можно противопоставить...

Закончить фразу он не успел, прерванный стуком в дверь. Вельг, коротко поклонившись Даллану, отыскал Ройга глазами и нетерпеливо спросил:

— Ты действительно уезжаешь к пещерам? Как же поручение Острова? Нам приказали отправляться немедленно...

Резким жестом Даллан прервал его.

— Кимр подождет. Что бы ни случилось в Наземном мире, я не позволю Острову Колдунов командовать в моем собственном храме. Кстати, не советую вам обоим пренебрегать сегодняшней службой, — усмехнулся он, глядя на Вельга с добродушным прищуром, — свадьба свадьбой, а канон — каноном.

Ритуалы, посвященные Ильфейну, велись в отдельно стоящем храме — Куполе служб, жилые и рабочие помещения располагались рядом. Здесь, под Куполом, было торжественно и красиво, в воздухе витал аромат священного дерева дейд, рошица которого окружала святилище. Стены овального зала, увенчанного массивным куполом, украшала мозаика на темы Божественного Канона, статуи богов прятались в нишах, свод купола, покрытый каменной резьбой, наполнялся звучными голосами илонов, сопровождаемых хором. Мозаичное изображение Ильфейна, несмотря на свою древность, до сих пор не утратило ярких красок. В чаши, размещенные вдоль стен, наливали смеси ароматических масел, пары которых делали воздух святилища целебным. Секрет смеси был у каждого святилища свой: утром запахи приносили бодрость и энергию, вечером — покой и умиротворение. На собственном опыте Тэйн знал, что первый утренний ритуал великолепно излечивает от похмелья, в особенности, если использовать тот состав масел, что делают иллары Хэллиха; службы в храме Тармил хороши для исцеления простуды, а уж если навестить вечером святилище богини Койе, выносливость и усердие, столь необходимое для производства наследников, будут гарантированы на всю ночь.

Сегодня, по вине зарядившего с восходом Ночного солнца холодного дождя, народу под Куполом оказалось немного. Тэйн, поискав Вельга и не обнаружив его, несмотря на намек главы святилища, протиснулся в первые ряды, вслушиваясь в оттенки хорошо знакомого пения илонов, в привычный ритм тунда и нежные переливы аэрии. Мысли все время возвращались к тому, что он увидел в хэльде Окно, и к самому хэльду. Откуда взялось это странное озеро прямо у них под боком? Конечно, существовала легенда о Феоллоне, боге времени, обитающем в Лахлайде — озере кипящей грязи, но одно дело — легенды, а другое — научные знания... Исследователи Ильфейна, знающие Илломайн как свои пять пальцев, никогда и ничего не упоминали об озере под горой. Более того, он и сам никогда не наткнулся ни на что подобное, ни в архивах, ни в реальной жизни. Может быть, именно озеро виновато в активизации обитающих в Джар Илломайн тварей; если так, то оно представляет реальную угрозу для Срединного кольца, чьи маленькие городки периодически страдали от нашествия агрессивных и безмозглых существ.

Он заметил, что служба закончилась, только когда немногочисленные ее посетители стали расходиться. Времени до начала арраса оставалось немного, и Ройг почти бегом добрался до своей маленькой каморки, чтобы сменить привычный илларский ранд на более подходящий случаю короткий камзол. Погода, к сожалению, испортилась окончательно — мелкая морось сыпалась с неба, подобно плоху перетертому жерновомы интару, не обещая ничего хорошего, кроме затяжной сырости, грозящей раньше времени перейти в колючие кристаллики льда. Небесный Остров был частично скрыт мутными серыми облаками, его яркие бордовые пятна с лиловыми и золотыми разводами иногда проглядывали сквозь прорехи облачного покрывала. Уже давно стемнело, и лишь тусклый свет ночного солнца, да редкие хэльды-фонари рассеивали густые сиреневые сумерки.

Тэйн спускался вниз по узкой извилистой улочке старого мастерового квартала, глядя на опустевшие улицы Эргалона, различимые отсюда светлыми пятнами выбеленных домиков, прилегающих один к другому, очень старых, подчас старее тех, что стояли в центре столицы. На их фоне резко выделялись высокие островерхие крыши святилища Илбара и холодный стальной блеск храма Хэллиха, похожего на трехгранный клинок. Из сада, окружавшего святилище Илбара, выскользнула знакомая плотная фигура в черном с серебряной отделкой ранде. Ах вот куда вместо службы смылся Вельг... Ему-то после арраса не нужно никуда торопиться, можно и в замке остаться, благо вина там сегодня будет литься немерено, да и танцовщицы наверняка превзойдут самих себя, назло островитянам, не одобрявшим обожествление Койе в танце. Тэйн неслышно нагнал друга и, хлопнув по спине, с легким злорадством наблюдал, как на его круглой добродушной физиономии испуг сменяется облегчением. Вот уж зря это он... Никто и никогда в Эргалоне не посмеет причинить вред иллари.

— Что ты думаешь об этом странном браке? — Вельг, в предвкушении арраса, был оживлен и разговорчив. — По-моему, эта попытка Холгойнов сохранить хорошие отношения с Агвалларом может очень дорого нам стоить. Джержейн не слишком рад этому альянсу. Что, если они не найдут взаимопонимания?

— Крайности часто сходятся, — ответил Тэйн, не желая продолжать скользкую тему. Уж он-то хорошо знал, насколько Джержейн не желал этого брака.

— Не понимаю Кимра. Слишком легко он жертвует собственной дочерью. Островитяне не привыкли к прямым солнечным лучам, к жаркой погоде, к острой еде...

— Если уж жертвовать дочерью ради политического спокойствия, то лучше правящей династии Холгойнов не сыскать, — бросил Ройг раздраженно. — Кроме того, почему ты уверен, что на Острове не бывает жары?

— Я ничего подобного не помню.

— И я не помню. Никто не помнит. Нам стерли воспоминания.

Вельг покачал головой.

— Посмотри на них, они же все бледные, как привидения. Откуда там взяться солнцу? Кроме того, мне интуитивно кажется...

Тэйн ускорил шаг, раздраженно слушая болтовню Вельга и не перебивая его, чтобы не втягиваться в давно опостылевшие ему разговоры об Острове. Вельг был старше его на пару лет, правом стоять в Круге Власти не обладал, родом был из обеспеченной семьи карны Ключа — потомственных торговцев, но не из Эргалона, а из Эркойта, большого и процветающего города на западной оконечности Риаллара. Ройг хорошо понимал, почему, выбирая исполнителей поручения, островитяне остановились именно на нем: Вельг был гибок, хитер и увертлив — пожалуй, даже чересчур для иллара.

К началу арраса они опоздали. Даллана не было, зато присутствовали почти все главы влиятельных семей Эргалона, главы карн, святилищ, ну и, конечно же, посольство Острова, включая гостей и невесту. Торжественные речи и благодарности чередовались с тостами за здоровье молодых и пожеланиями супружеского счастья, долголетия и обильного потомства, восславлялся союз могущественной державы и всесильного Острова, возносились хвалы мудрости богам и обеты верности и взаимопомощи. Гости и хозяева, размякнув от искристого сажди и обильных закусок, возлежали на мягких диванах, кушанья разносили юные, одетые в яркие шелковые хитоны девушки. Когда поток дипломатического словоблудия иссяк, в зале появились замковые танцовщицы. Самые красивые девушки

Эргалона посвящали себя этому сложному и волнующему искусству — искусству танца Пламени, танца Койе. Под звуки эвтана и унду, закутанные в шелковые хитоны танцовщицы постепенно сбрасывали одежду, оказываясь под конец полностью обнаженными.

Тэйн, выбравший удачное место для наблюдения и за Кианейт, и за танцовщицами, осторожно скосил глаза на островитян. Главы посольства уже не было в зале, он удачно ускользнул, остальные оставались на удивление равнодушными к происходящему. То ли пресытились, подумалось Ройгу с отвращением, то ли женщины их вообще не волновали. Здесь, на западе, в Риалларе и Ахтане, весьма трепетно относились к женской красоте и мужской силе, ставя искусство любви на один уровень со всеми прочими. Чувственная любовь — пламя Койе, и любовь духовная — нежность Тармил — считались божественными дарами, отвергать которые было святотатством.

Тэйн Ройг богов чтит, поэтому, поморщившись от кислых и бледных физиономий, он предпочел смотреть на танцовщиц. На середине танца он заметил, как исчез еще один островитянин, а следом за ним и Холгойн. Кианейт, расположившаяся на диване рядом с Джайтом, смущенно улыбалась, бледные щеки окрасились румянцем под гневными, ревнивыми взглядами супруги Джайта. Вельг увлеченно болтал с кем-то из отпрысков эргалонской знати, симпатичная девочка в огненно-алом хитоне подливала им обоим сахди, ловко уворачиваясь от рук, то и дело скользивших по хитону.

Танец закончился, девушки ушли, снова завернувшись в шелк, последовала очередная перемена блюд и вин, снова поднялись кубки, полились торжественные речи. Затем ритм тунда участился, начался новый, более волнующий и откровенный танец. Джайт и Кианейт переговаривались, островитянка больше не казалась смущенной, она что-то увлеченно рассказывала будущему наследнику, а Иллира, его жена, демонстративно отвлеклась на молодого иллара Койе, так вовремя подсевшего к ней, чтобы остудить беспричинный гнев. Джайт, несмотря на ее вздорный характер, был ей верен и до сих пор не взял в дом ни одной наложницы.

Аррас тек своим чередом, Ройг ловил обрывки разговоров, самые обыденные, о ценах на интар и райяс (все растут, подлые, а ведь урожай-то собрали неплохой!), о достоинствах сахди (уродила прошлым летом лоза, давно такого букета не пробовали), о последнем пограничном инциденте на ахтанской границе (два ахтанских аррита сожрали траву на риалларской полосе, не совсем трезвый лучник пытался отпугнуть их, да не попал, вернее попал, да не туда... Ахтамар прислал ноту протеста), о безобразном скандале в одном из влиятельных семейств города (дочь младшая, любимая, сбежала с воином эргалонской дружины, позор для уважаемого семейства), и удивлялся странному чувству тревоги, не отпускающему его с того самого момента, как он вошел в полный праздничной толпы зал.

Он еще раз внимательно оглядел присутствующих. Нашел глазами Вельга — тот счастливо улыбался в компании двух хорошеньких девушек, недавно танцевавших на возвышении. Порозовевшие островитяне блестящими глазами следили за танцовщицами. Кувшины сахди быстро пустели, Иллира улыбалась, пока иллар Койе, красивый молодой мужчина в скромном, но безукоризненно сидящем ранде с искусной вышивкой, что-то шептал ей на ухо, Джайт уговаривал Кианейт попробовать какое-то местное блюдо... Возможно, чувство тревоги относилось совсем к другим событиям: Ройг помнил, что для Ясмина, заплутавшего в илломайнском лабиринте, и двух раненых время течет совсем не так, как для него.

Девушки закончили очередной танец, замерли на несколько вздохов в ослепительной

нагоде, и, почти мгновенно завернувшись в полупрозрачный шелк, присоединились к гостям. Красавица Нейла, слывшая среди танцовщиц горячкой и недотрогой, подседа к нему, взяла из его рук пустой бокал, налила сажди, и с обольстительной улыбкой протянула обратно. Обменявшись с ней несколькими ничего не значащими фразами, Ройг решил вернуться в святилище, сообщить Даллану свои впечатления, выспаться перед дорогой и выехать пораньше.

Ни с кем не прощаясь, он покинул аррас, торопливо добрался до скальной части замка, поднялся по узкой и крутой, выдолбленной в камне лестнице, нашел начало тоннеля, ведущего в храм Ильфейна. В сумрачной тишине неожиданно для себя он уловил торопливые шаги, глухим эхом разносившиеся по пустынным залам. Отступив вглубь тоннеля, Ройг поспешно погасил вспыхнувшие было светильники и затаился в ожидании. Поступь путника казалась легкой, ритмичной, шелестящей — явно женской. Урдом усилив зрение и слух, он уловил ее взволнованное дыхание: она остановилась в пустынном зале с крохотными окнами-бойницами, через которые лился тусклый свет ночного солнца, и ждала, нервно озираясь по сторонам. Он тоже замер в ожидании, пытаясь разглядеть ее и одновременно опасаясь выдать себя дыханием. В нетерпении она повернулась боком, тусклый свет на несколько мгновений осветил ее лицо и фигуру, и Ройг с трудом удержал возглас удивления: он не мог не узнать это красивое лицо с тонкими чертами, эти серые надменные глаза и изящество древней вазы. Кианейт — здесь? Зачем? Что происходит?

Неожиданно старая каменная кладка недалеко от того места, где прятался Ройг, мягко и бесшумно сдвинулась, как хорошо смазанная и часто используемая дверь. В узкий проем протиснулся худощавый высокий мужчина, с ног до головы закутанный в плотный кожаный плащ. Было что-то настораживающее, неестественное в его облике, в резких движениях, в стремительной, но мягкой походке. Эманации гостя напоминали человеческие, но к ним примешивалось нечто чуждое. Утонченное восприятие кэн-ли нарисовало Тэйну демонический облик, и в какой-то момент он уже решил броситься на помощь Кианейт, испугавшись, что девушку собираются похитить, но опять вспомнил, что именно она пришла сюда первая и явно ждала своего странного гостя.

Мгновение первой встречи скрыл взмах плаща. Их шепот был гулким и неразборчивым, они явно о чем-то спорили, перебивая друг друга и обрывая фразы. Ройг отчетливо уловил слово «нет», «рано», «не могу» и «подожди», многократно повторенное девушкой. «Мне нужно возвращаться», — в конце концов заявила она, и ее странный собеседник отступил назад и низко поклонился, поцеловав край ее платья. Она вздохнула, погладила его по голове, скрытой капюшоном, повернулась и ушла. Ее собеседник какое-то время стоял неподвижно, потом, решительно взмахнув лапами плаща, будто крыльями, так же неслышно и осторожно направился к проему в стене, скользнул за дверь, которая за несколько мгновений бесшумно стала на место.

Ройг выждал достаточно, чтобы, по его расчетам, Кианейт успела дойти до залов арраса, и следом за ней вернулся в замок. Надо было оторвать Вельга от удовольствий, если он еще окончательно не напился, и отправить в святилище за Далланом, а самому попытаться убедить расслабившегося Джайта отдать приказ обыскать замок и усилить караулы. Уже почти добравшись до залов арраса, он свернул в уборную. В просторном помещении на мозаичном полу, в центре которого журчал фонтан, в глаза сразу же бросилась изломанная фигура в сером одеянии. Узнав главу посольства Небесного острова, Тэйн бросился к нему в надежде, что еще можно чем-то помочь, но обостренные с помощью кэн-ли чувства сразу же

подсказали, что островитянин мертв. На левой руке и на горле отчетливо виднелись аккуратные следы то ли когтей, то ли зубов — круглые дырочки с запекшейся кровью. Кожа вокруг них почернела.

Старательно сохраняя на лице выражение холодного спокойствия, Ройг вышел из уборной с острым осознанием, что выспаться сегодня ему так и не удастся.

(Эргалон, Храм Ильфейна, два дня назад)

— Вы утратили веру!

— В чем это выражается? — Даллан, в отличие от Рейна, главы храма Хэллиха, прекрасно владел собой и реагировал на гневные выпады Кимра с ироничным спокойствием.

— Жрецы Кэлленара — это люди с чистым сердцем и ясным разумом, — с пафосом заявил островитянин, проигнорировав усмешки на лицах своих слушателей. — А вы... Вы делите власть, манипулируя правителями и вмешиваясь в политику. Вы уподобились ростовщикам, копя золото и гонясь за выгодой.

— Разве мастерам кэн-ли предписано блюсти бедность? — фыркнул Кири. — Благосостояние святилищ ничем не противоречит учению, более того, оно позволяет вести самостоятельные исследования и тем самым повышать его престиж.

Кимр выпрямился во весь свой немалый рост и демонстративно ткнул пальцем в главу святилища Илбара.

— Знаешь ли ты, Кири, что лучшие дельцы Майра — это иллары Илбара, а из святилище в Каррее скоро превратится в банк? Знаешь, ведь так? И не ты ли этому способствовал? Я могу назвать размер золотого резерва твоего святилища с точностью до последней монеты! Ты ведь не собираешься это отрицать?

Глава храма Илбара хищно сощурился, переглянувшись с Далланом, который сделал ему знак помалкивать.

— Вы погрязли в разврате! — продолжил Кимр все с тем же раздражением, которое уже не казалось наигранным. — Риалларские иллары Койе — смазливые мальчишки, которые развращают девиц своими рассказками о темном лике Богини, и не только рассказками! А эти ваши танцы? Еще в прошлом столетии иллары блюли чистоту и невинность, а теперь вы позволили им заводить семьи! Да если бы только семьи! Хочешь я расскажу тебе, Даллан, сколько наложниц перебивало у тебя до того, как ты решил остановиться на последней?

Даллан неожиданно рассмеялся.

— Не знал, что в моей спальне установлен хэльд Окно. Подглядываете? Что, по-другому уже не заводит?

Кимр успешно проигнорировал оскорбительное замечание.

— А ты? Знаешь ли ты, Рейн, что иллары Хэллиха в Ахтане всю осваивают боевые искусства? Пока это только рукопашный бой, но еще немного, и они возьмут в руки оружие. И что тогда? Что случится тогда? — агвалларец обвел их торжествующим взглядом, словно ждал покаяния, но никто из собравшихся здесь глав святилищ Эргалона не торопился падать на колени и просить прощения.

— Видимо, Остров осведомлен о последствиях лучше нас, — Кири нарочно перебил Рейна, с губ которого уже почти сорвался резкий ответ. — Мы ждем, светлейший. Просвети нас.

— Искусство не терпит грязных рук и корыстных помыслов, — все тем же тоном продолжил Кимр. — Сначала откажут хэльды... Они уже отказывают, не так ли?

— Разве только у нас? — парировал Даллан. — Раз уж ты заговорил...

— Да, Майр и Ахтан не избежали этой напасти, — нехотя подтвердил Кимр. — Падение нравов зашло там слишком далеко. Что вы станете делать, когда откажут, а затем и

рассыплются в прах все до единого хэльды, вплоть до самых необходимых, без которых вы не сможете жить? Тепло, Свеча, Окно, Ворота, Исцеление? А если потом откажут круги Власти — малые колодцы силы?

— Значит, потом Круги, — констатировал Даллан без иронии. — Оставим гневные речи и беспочвенные обвинения. Объясни внятно, что происходит?

— Вы оскверняете учение, — голос Кимра, и без того высокий, чуть не сорвался на визг. — Вы руководствуетесь сиюминутной выгодой, и тем самым ведете мир к гибели, — бледный, высокий, худой жрец с льдистыми глазами, в которых светилось бешенство, зашелся в приступе ярости. — Вы сами приближаете момент своей смерти!

Главы земных храмов, которым изрядно надоело все это пафосное пустословие, недовольно зашептались, но Даллан терпеливо пропустил очередной истерический выпад жреца мимо ушей.

— Так в чем же причина отказа хэльдов? — повторил он терпеливо, как маленькому ребенку, сделав успокаивающий знак снова вспыхнувшему от возмущения Рейну.

— Дьяволы небесные, да я только что назвал ее и многократно повторил, — Кимр опять сорвался на крик. Даллан с Кирином переглянулись, начиная всерьез беспокоиться за рассудок островного жреца. — Уважение к Кэлленару падает с каждым годом, а иллары превращаются в дельцов от искусства. Вам больше нет дела до своего предназначения. Вас интересует только мир плоти — власть, деньги, удовольствия! Неудивительно, что инструменты, в основе которых лежит вера, отказываются вам служить!

— Все это эмоции, — вздохнул Даллан с разочарованием, и на его лице явственно проступила досада. — Значит, вы сами не знаете, что происходит. Жаль... Мы надеялись, что хотя бы жрецы Острова имеют об этом представление.

— Знаем, — возмутился Кимр, но уже спокойнее. — Знаем и последствия. Знаем и как этого избежать.

— Значит, процесс можно остановить? — Даллан пристально следил за реакцией островитянина.

— Можно, — ворчливо ответил Кимр. — Но ситуация может ухудшиться, если мы не поторопимся. Есть один старый и сложный способ. Он описан в одной из книг Откровений — Арта Сач Сал. Собственно, именно из-за этого я сюда и приехал. Несмотря на ваше отступничество...

— Не надо начинать все сначала, — хрипло перебил его Рейн.

— Насколько мне помнится, Арта Сач Сал не входит в основной Свод и была написана позже, — вставил Кириин. — Можно ли ей доверять?

Кимр не ответил. Смотрел он только на Даллана.

— Требуется провести один старый и редко используемый ритуал, для которого необходимы уникальные ка-эль. Их всего пять. Потребуется все, — продолжил Кимр, брезгливо оглянувшись на главу святилища Хэллиха. — Выглядят они как кристаллы со знаком урда внутри. Знаки разные. Раньше все пять хранились на Острове, но... — тут он поморщился, не желая делиться деталями, — теперь они разбросаны по Наземному миру. Кроме одного. Остальные — в Ахтане, Майре и два в Ард Элларе. Мы нашли владельцев Твои иллары, Даллан, должны собрать их — тайно и максимально быстро. Я сам выбрал исполнителей — вот этих двоих, присутствующих на нашем совете. Когда все пять ка-эль будут в ваших руках, кто-то из жрецов спустится сюда и очистит Наземный мир от ереси и скверны. Вашей платой будет повиновение.

— Стоит ли ему верить? — спросил Рейн Даллана, когда они закончили обсуждение деталей, недовольный Кимр покинул зал, потрясенные Ройг и Вельг, на которых свалилось нелегкое поручение, тихо отошли в сторонку, ожидая указаний своего мастера, а остальные участники встречи принялись костерить несдержанного жреца на чем свет стоит.

— Нет, конечно, — хмыкнул Даллан. — Но он что-то знает. А мы — нет. Для начала — попробуем выполнить его поручение. А там... там видно будет, куда оно нас заведет.

(Илломайн, на пути к пещерам, стоянка у Нефритовых ворот)

Аррит из риан ал джарских конюшен, молодой жеребец ахтанской породы, шел ровной рысью, и Тэйн предпринимал мучительные и почти бесполезные попытки не задремать в седле. Короткое разбирательство на месте, проведенное после обнаружения тела главы агвалларского посольства, вымотало его окончательно. Ложиться спать во дворце, зная, что в любой момент тебя могут вытащить из постели и начать задавать вопросы, показалось ему делом бестолковым и бесполезным. Решив выспаться в лагере дружины, он быстро собрался в дорогу, заверив риана, что приложит все усилия, чтобы убедить Джерхейна вернуться домой незамедлительно.

Столица была потрясена смертью островного жреца. Мгновенно поползли слухи о неизбежной мести островитян и чуть ли не о конце Холгойнов как правящей династии. Расследование началось и закончилось почти сразу же: тело главы посольства положили перед хэльдом Истина, в котором при правильной постановке вопроса умелым илларом отражались правдивые события, их причины и даже скрытые мысли тех, кто оказывался рядом. Даллан, объединив силы с одним из жрецов посольства, сумел развернуть на матово-черной поверхности хэльда события в обратном потоке времени. Ненадолго, но хэльд все же показал убийцу — высокое худое существо, завернутое в темно-коричневый плащ, из-под которого на несколько мгновений выметнулись костистые четырехпалые руки с жутковатого вида когтями. Двигалось оно стремительно, ловко и хищно. Свидетели процесса пришли в ужас: ничего подобного, наделенного разумом, до сих пор на Телларе не водилось. Ройг, помнивший тайного собеседника Кианейт, уловил нечто знакомое, но тот однозначно был человеком, а создание, убившее главу посольства, человеком не являлось. Даллан, выслушав его, велел молчать. Свадебные торжества хотели отложить, но Кимр, появившийся перед ними в хэльде Окно в самый разгар обсуждения, потребовал заключить брак как можно скорее.

На Илломайн надвигались сумерки, но Ройг рассчитывал добраться до Нефритовых ворот еще до восхода Ночного солнца. Над затянутой низкими тучами Джар Ил, самой высокой вершиной Илломайнского хребта, уже выступил сумрачный бордово-лиловый шар, испускающий слабое розовое свечение. Небесный Остров Агваллар, в народе — Остров Колдунов, был виден в небе над Наземным миром днем и ночью. Днем он казался ярче и светлее, вечером тускнел, а после восхода ночного солнца превращался в темно-лиловое зловещее пятно. Ученым давно было известно, что яркость свечения Острова зависит от яркости дневного солнца, от наличия облаков и небесных пятен, что светится всего лишь оболочка Острова, состоящая из ста сорока шести различных газов, удерживающих внутри Острова нормальную атмосферу и температуру, но иногда всем им казалось, что островитяне умышленно влияют на дневное и ночное небо Теллара, делая вид Острова как можно более зловещим.

Илломайнский хребет, на склоне которого лежала столица, ограждал Риаллар от ледяного дыхания северного океана и пронизывающе сырых ветров с запада. Густо заселенные юго-восточные отроги были покрыты лесами, выше Эргалона поднимались высокогорные пастбища, благодаря которым здешняя карна Быка прославилась на оба континента. Там, на склонах Илломайна, было разбросано множество маленьких деревушек

и селений. Именно здесь и начинался Илломайнский лабиринт — череда древнейших рукотворных пещер, построенная загадочными предтечами нынешней цивилизации, создавшими Кэлленар.

Лабиринты Джар Ил до сих пор оставались плохо изучены, потому что были напичканы хэльдами-ловушками, не позволявшими свободно перемещаться по залам и галереям и составить карту тоннелей, а казавшиеся безопасными пути заводили в тупик или обрывались в пропасть. В роскошных подгорных чертогах плодились и размножались странные твари, которые постоянно совершали набеги на аулы скотоводов и малонаселенные городки и пытались освоиться и выжить снаружи. Крупные эргалонские святилища, такие, как святилище Илбара и Ильфейна, из года в год вели осторожные исследования лабиринта, отправляя в пещеры наиболее смысленных и отважных илларов под охраной городской дружины Хэллиха.

Тэйн был одним из тех, кто принимал в этом участие. Там, в сумрачных подземных галереях они и познакомились — молодой, подающий надежды иллар святилища Ильфейна Тэйн Ройг, и средний сын правителя Риаллара Джерхейн Холгойн, с ранней юности рвавшийся на подвиги. Риан охотно поощрял стремления сына, внимательно следя за тем, чтобы они не перерастали в безумства, и с юности отправлял его вместе с исследовательскими экспедициями в качестве охраны для илларов.

Нечисть не переводилась никогда. Некоторые твари оказывались безвредными и быстро дошли сами, некоторые могли отправить на тот свет одним взмахом когтей. Эргалонская дружина Хэллиха регулярно патрулировала и предгорья, и срединное кольцо городов и селений, стараясь обнаружить не только самих тварей, но и места их выхода на поверхность. Выходы запечатывали, но вместо них с каждым сезоном появлялись новые. В иные годы нечисть исчезала бесследно, но бывали времена, когда патрули не успевали очищать склоны от злобных и прожорливых существ, с необъяснимой скоростью плодящихся и атакующих селения.

Илломайнское срединное кольцо городов тянулось вдоль хребта чуть выше Эргалона и жило в основном ремеслом, скотоводством и виноделием. Городки были крохотные, а по весне, как только стаивали снега, и вовсе пустели, когда народ уходил на пастбища и виноградники. По пути Ройг миновал несколько таких мест, малолюдных и безмолвных, где только приглушенные звуки тунда отбивали часы дневной стражи. К вечеру он добрался до Мертвой петли — последнего, обрывистого и ветхого участка дороги, лежащего на самом краю ущелья. К сожалению, это был единственный способ попасть к Нефритовым воротам, за исключением неудобных боковых входов, разбросанных ниже и выше по склонам.

Здесь он пустил аррита шагом: торопиться на этом участке было опасно для жизни. Холодный горный воздух выдул остатки сонливости из головы, и Ройг, прокручивая в памяти события последних дней, выстроил последовательность загадочных нелепостей, так неожиданно осложнивших ему жизнь. До сих пор она текла спокойно и размеренно, повседневная работа в святилище чередовалась с вылазками вместе с дружиной Хэллиха, часто возглавляемой Джерхейном, на охоту за илломайнской нечистью, либо деловыми поездками в другие города.

Все неожиданно изменилось с появлением островитян. Свадьба Джерхейна планировалась очень давно, однако сам он до последнего момента надеялся, что риан и островные жрецы так и не договорятся, но на этот союз возлагались большие надежды с обеих сторон: противоречия между Небесным Островом и Наземным миром год от года

лишь усугублялись, и первый в истории союз телларианина и островитянки мог бы стать шагом к их устранению. Теперь, похоже, надежда на это рухнула, и именно поэтому Даллан считал необходимым исполнить поручение островитян как можно точнее и в наикратчайший срок. "Мы зависим от них, — сказал он жестко, когда Тэйн возмутился. — Мы не можем игнорировать проблему отказывающихся хэльдов, а они предлагают хоть какое-то решение. Ты поедешь и выполнишь то, о чем они просят. А Вельг тебе поможет." Вельгу Тэйн был не рад, слишком уж болтлив был товарищ, но смекалист и изворотлив, что могло принести определенную пользу.

К Нефритовым Воротам он добрался на закате дневного солнца. За гладко отшлифованной нефритовой аркой, оплетенной узорчатыми письменами, скрывался темный, похожий на голодную пасть провал. Зловещая красота этого места каждый раз приковывала взгляд. Там, за аркой, начинался огромный и странный подземный дворец, причудливые покои которого тянулись во всех направлениях, тоннели уводили к другим вершинам Поднебесных гор. Документированная история Риаллара насчитывала около двух тысяч лет, и уже в самых первых хрониках летописцы упоминали загадочную красоту илломайнского лабиринта. Исследователи не без оснований предполагали, что в залах Джар Ил действительно кто-то обитал: две трети пещер напоминали обыкновенные жилые комнаты, пусть и непривычные для современников.

Создавшая их цивилизация имела много общего с современной. Хэльды лабиринта, изредка попадавшие там ка-эль и то, что в настоящее время принято было считать «ловушками», работало по все тем же законам Кэлленара. Различий, впрочем, тоже было достаточно. Причудливые витиеватые рисунки-символы, так похожие на магический язык урд, но урдом не являющиеся, множество приспособлений и устройств, похожих на хэльды, наталкивали исследователей на мысль, что цивилизация, создавшая этот подгорный дворец-лабиринт, могла быть предтечей собственно современной цивилизации Теллара.

Лагерь, развернутый маленьким отрядом, обустроивался со знанием дела. Здешней стоянкой пользовались не только исследователи лабиринта, но и дружины, патрулировавшие предгорье и склоны хребта. Просторные каменные хижины имели печи для обогрева, несколько открытых очагов, коновязь и полноценная крытая конюшня позволяли разместить несколько разных отрядов. Ройга встретили с радостью — его хорошо знали в дружине, уважали за спокойный нрав, отсутствие предрассудков и, несмотря на илларский ранд, умение владеть мечом. Он тренировался с затупленным оружием или с палкой, но только среди своих, и давно подозревал, что Даллан в курсе его неканонического поведения.

Спешившись и расседлав аррита, он почувствовал, что валится с ног и с тяжелым вздохом сел на кожаные мешки около очага. Ему сразу же передали миску с наваристой мясной похлебкой и кружку с арали. Тэйн слушал поспешно пересказываемые новости: Ясмин так и не выбрался из пещер, Сэллер, постоянный иллар Хэллиха при отряде, переоценил себя, самостоятельно сунувшись в лабиринт и попал там в ловушку, высосавшую силы. Райд, старый, опытный воин, пострадал от стаи красных гончих — злобных смышленных тварей с кроваво-красной шкурой. Во всем остальном рейд отряда по деревням был успешным, ка-эль «Посох Илбара», камни которой светились при наличии поблизости агрессивных существ, не подавала тревоги вот уже несколько дней. Отряд собирался в ближайшее время возвращаться домой, в Эргалон.

— Ну и как тебе она? — раздался над ухом хорошо знакомый веселый голос. — Из того, что я видел через хэльд, милостиво открытый моим заботливым папашей, это не женщина, а

бледная немочь! Как и все отпрыски этого куска грязи, повисшего на небе на месте прорехи в божьих штанах.

— Тише ты, богохульник, — рассмеялся Тэйн, поспешно поднимаясь и попадая в медвежьи объятия среднего из Холгойнов. Высокий, широкоплечий, резкий в движениях, Джерхейн Холгойн унаследовал от своего отца только рост. Лицом он пошел в мать, взяв ее большие, с тяжелыми веками темно-карие глаза, ее крупный улыбчивый рот, ее огненно-рыжие густые волосы, изогнутые дугой брови. Ростом и физической силой он был, несомненно, в прадеда, о подвигах которого здесь ходили жутковатые и подчас комичные легенды, а вот веселый и покладистый характер, добродушие и особый, иронично-жизнерадостный взгляд на жизнь были его собственными достоинствами.

Выглядел он не менее уставшим, чем Ройг, для которого шли вторые сутки без сна.

— Ну и как охота на чудовищ? Поймали кого новенького или все те же старые знакомые?

Джерхейн присел на расстеленные у очага шкуры и тоже налил себе арали.

— Так, мелочь, шастающая по амбарам. Правда, выглядят они до того уродливо, что от одного их вида хочется блевать. Кстати, в каждой первой деревне меня поздравляли с бракосочетанием, а в каждой второй — обещали скорый конец света. Ты в курсе?

— Бракосочетания? — развеселился Тэйн.

— Нет, конца света. Кстати, вот и стервятники уже слетелись. Как там папаша, отбился? И что там с моей нареченной?

— Потом расскажу, — ответил Ройг, не желая озвучивать подробности в присутствии воинов.

— Я вообще-то человек терпеливый, но если она попытается воспитывать меня, как благоверная братишки, я не посмотрю, что ее папаша похваляется браслетами на обеих руках, — продолжил Джерхейн все с той же усталой усмешкой. — Хорошо, что не я, а Джайт наследует корону. Я бы умер с тоски, решая государственные дела. Хорошо, что я могу сбежать в горы, подальше от этой дурацкой политики.

— Было бы хорошо, если бы ты еще и от такой жены смог сбежать, — хмыкнул Тэйн. — Уж больно беспокойное у нее приданое.

— Да уж, — поморщился Джер. — Хотя вдруг мы найдем с ней общий язык? Не думаю, что ей, девчонке, выросшей на утонченном и цивилизованном Агвалларе, в радость быть проданной на дикий Теллар, — последние два слова были произнесены им с особой иронией. — Не так-то просто выжить в месте, где даже солнце светит не так, как дома. Нет, я не буду ее обижать, — он решительно тряхнул рыжей гривой. — Малышке гораздо труднее, чем мне.

Тэйн осторожно покачал головой.

— Не торопись делать выводы.

Поев, он переделался, сменив илларский ранд на более удобный тхон, воинский облегченный доспех из мягкой кожи с кольчужными вставками. Тэйн часто предпочитал именно эту одежду привычному ранду, особенно тогда, когда по делам святилища приходилось отправляться в горы. Ношение тхона предполагало широкий пояс для ножен, но вместо них Ройг закреплял на кольцах необходимые ка-эль, такие, например, как тот же Посох Илбара. Он знал, что в таком виде практически не отличается от воина дружины Хэллиха, и чуть ли не впервые за все время согласился с островными жрецами: да, внешне

он действительно не похож на проводника веры и мирного искусства.

Нужно было срочно решать, что делать с Ясмином. Если он до сих пор жив, следовало идти на поиски в лабиринт, если же нет — оказать помощь раненым и возвращаться в столицу. За Нефритовыми воротами в самых первых залах имелись традиционные хэльды, которыми Ройг собирался воспользоваться прямо сейчас, пока голова еще соображала. Джерхейн отправился с ним, чтобы выслушать не предназначенные для чужих ушей новости.

— Что, если этот тип в плаще — из островитян? — предположил он после рассказа о тайном свидании Кианейт. — Может, у нее любовник из своих?

— Тогда он осведомлен о внутреннем устройстве твоего родового замка лучше, чем ты сам, — фыркнул Тэйн. — Что касается смерти островитянина... Кто-то не хочет твоей свадьбы гораздо сильнее, чем ты.

— И этот кто-то, не уговорив Кианейт, подослал убийцу к главе посольства, — продолжил Джер.

— Убийцу с клыками и когтями, который материализовался из ничего прямо в замке и таким же образом исчез. Прийти и уйти тем же путем он не смог бы — я бы его заметил. Езжай-ка ты домой, — вздохнул Ройг. — Не нравится мне все это. Кстати, с чего это вдруг вас понесло в илломайнский лабиринт? Ты ж хотел только по срединному кольцу пройтись.

— У Сэллера было поручение от своего святилища, — пояснил Джерхейн. — Опыт хождения по лабиринту у него маловато, а я не мог ему запретить или отказать. Дал ребят в помощь, из тех, кто уже бывал там... Они его и принесли.

За тремя арочными порталами Нефритовых ворот располагался огромный величественный зал, напоминавший дворцовый холл-прихожую. Свет лился сверху, от узорчатых полос-переплетений, украшавших потолок, чьи естественные неровности были отшлифованы до зеркального блеска. Причудливые колонны в виде деревьев с рельефными стволами и широкими узорчатыми листьями, темно-зеленые с золотистыми крапинками, выступали из стен, их ветви упирались в потолок. Собственно, ни одну из внутренних пустот Джар Ил нельзя было назвать пещерой — скорее, чертогом или залом. В этом, самом первом, не было никаких предметов обстановки, за исключением каменных чаш по сторонам колонн. Исследователи называли его Приемной; отсюда вело несколько путей в различные части подземного дворца. Крайний левый коридор уходил в маленькую пещерку, в центре которой располагался Круг Власти — малый силовой колодец Кэлленара — льдисто-холодный камень, идеально круглый и прозрачный, как вода в горном озере. Вокруг него друг напротив друга стояли шесть хэльдов: два Окна, четыре Двери. Ни одна из Дверей никогда не работала. Ройг предполагал, что мест, куда они ведут, больше не существует.

Оживив Окно, Тэйн увидел Ясмина буквально через мгновение: парень полулежал на берегу большого светящегося озера. Вид у него был уставший и грязный, но вполне здоровый. Заметив перед собой распахивающийся овал Окна, он неловко вскочил на ноги.

— Можешь хотя бы предположить, где ты находишься? — спросил Тэйн, коротко поприветствовав обрадованного юношу.

— Это уже не лабиринт, тут нет отделки и хэльдов, — печально сообщил тот. — Просто пещеры, самые обыкновенные. Ручейки лавы текут вниз, пока я шел, чувствовал постоянный уклон. Думал, они должны куда-то наружу вывести. А вышел к озеру, — он кивнул на золотистую сияющую гладь.

— Жарко?

— Нет. Это не совсем лава. Это вообще неизвестно что. Она холодная на ощупь. И вкус

у нее... приятный.

— Прекращай жрать всякую гадость, — раздраженно приказал Ройг. — Никогда, слышишь — никогда не смей тянуть в рот то, что попадет в этих пещерах! Тебе что, старшие ничего не объясняли?

— Нет, — испуганно пролепетал парень. Ройг решил не продолжать — и так напуган. Лучше провести воспитательную беседу по возвращении домой.

— Вода-еда есть? — спросил Джерхейн более добросердечно.

— Здесь недалеко ручеек, — пояснил Ясмин. — Еды мало, только галеты.

— Сиди на месте, жди помощи, не трать силы, — строго сказал Ройг. — Мы попытаемся тебя найти.

Утром они с Джерхейном попрощались: средний Холгойн смирился с необходимостью вернуться в Риан Ал Джар. Ройг, с мешком за спиной, увешанный ка-эль на все случаи жизни, и с грубо нарисованной Сэллером картой, следил, как с ним уезжает половина дружины.

В паре с Тэйном шел Блес, опытный и осторожный дружинник, до этого сопровождавший Сэллера. Он был уверен, что хорошо запомнил дорогу к тому месту, где они вместе с илларом видели маленький светящийся ручеек.

Все пути в лабиринт начинались из Приемной.

— Нам прямо, — пояснил Блес, кивая на лежащий перед ними проход. — Сэллер выходил на Внутреннюю дорогу.

Ройг молча кивнул и первым направился к низкой арке из того же нефрита — уменьшенной копии Ворот, сделал несколько длинных шагов во мраке, разделявшем подземные чертоги, и вынырнул через нефритовую арку в просторный зал, освещенный огненными завитками под самым сводом. Каменные деревья тянули вверх свои точеные ветви, сплетаясь на потолке волнообразными арками и образуя сплошную каменную аллею, конец которой терялся в зеленовато-сумрачном мерцании. Отсюда вело всего два выхода: к Тронному залу и к Внутренней дороге. Пройдя через Тронный зал, чертог с гигантским куполом из яшмы и оникса и опалово-огненным тронном, можно было попасть и дальше, в не менее загадочные и роскошные части лабиринта. Внутренняя Дорога представляла собой основной тракт — широкую арочную галерею, из которой вверх и вниз, влево и вправо ответвлялись пути в иные сегменты лабиринта-дворца.

Поворот направо, несколько шагов во тьме, низкая арка, настолько низкая, что приходится пригибаться... И еще один зал, волнообразные стены покрыты сплошными кусочками опалов, создающих впечатление естественного узора. Три колонны в центре сияют, освещая путь, а вдоль стен у самого пола бежит горящая строчка знаков-символов, напоминающих урд.

Пройдя девять залов, они оказались в Усыпальнице, названной так из-за похожих на надгробия каменных тумб. Тумбы-надгробия образовывали два кольца, в пустом центре зала на полу сложной вязью нечитаемых символов был начертан третий. Тэйн, осторожно обходя тумбы, остановился перед ними, с недоумением разглядывая рисунок-вязь, а Блес и вовсе опасно остановился у стены.

— Они светятся, — пробормотал он испуганно. — И горячие. Раньше ведь не светились, да?

— Не светились, — согласился Ройг, разглядывая пылающий рисунок с недоумением и опаской. — Пошли-ка отсюда... Мало ли что.

Внутренняя дорога начиналась за Усыпальницей. Там же начинались и ловушки, пройти которые получалось не у всех. В начале пути тоннель разветвлялся в четырех направлениях, и Ройг оглянулся на Блеса.

— Куда дальше?

Блес свернул в крайний левый, а Ройг сверился с картой, начерченной Сэллером.

Пройдя сквозь очередную завесу крошечной тьмы, выполнявшей в этом загадочном дворце функцию двери, они вышли к анфиладе комнат, не менее роскошных, но больше похожих на жилые покои. Здесь стояли каменные кресла в форме чаш, в нишах и углублениях находились сосуды конической формы, плоские узорчатые блюда, изящные хрустальные кубки. Светильники на стенах имели форму причудливых цветов, крохотные фонтанчики били из морд неведомых животных. В некоторых залах попадались бассейны, полные прозрачной ледяной воды, дно которых переливалось звездочками бирюзы и аметиста. Каменные скамейки кое-где сменились просторными ложами на возвышениях, к которым вело множество маленьких ступенек.

Не обращая внимания на все это великолепие, Тэйн остановился перед очередной нефритовой аркой, за которой опять зиял черный провал.

— Там дальше — ловушка, — предупредил он Блеса, не оглядываясь. — Не нейтрализуется. Просто идем, не оглядываясь.

— Помню, — пробурчал тот, поморщившись. — Воспоминания.

— Или темнота, — добавил Ройг. — Идем быстро, ни на что не отвлекаемся.

И он уверенно нырнул под арку. Там, дальше, стены зала, колонны, пол и потолок были зеркальными, но отражали они не его-сегодняшнего, а его-прошлого. Поговаривали, что здесь можно увидеть и будущее, но Ройгу, неоднократно проходившему этим путем, ни разу не везло. Когда-то, после Острова, он намеренно пришел сюда, чтобы попытаться разблокировать воспоминания, в надежде увидеть хоть что-нибудь из агвалларского периода, но тщетно — хэльд выуживал только то, что ты действительно помнил, желал или боялся. Он проскочил зал, глядя строго под ноги, и вывалился в соседнюю пещеру через внезапно обнаружившийся черный проем в стене-зеркале.

Блес застрял между колонн, растерянно топчась и разговаривая сам с собой. Ройг окликнул его, и, обнаружив, что звук рассеялся, крикнул снова, усилив голос парой урд-знаков. Его спутник вздрогнул, оглянулся, и бегом бросился к выходу.

— И что тебе привиделось? — спросил его Тэйн с дружелюбной насмешкой.

— Ничего хорошего, — проворчал тот.

За зеркалами лежал следующий тоннель, опять же — непроницаемо черный, и Тэйн поспешно зажег свет, повесив перед собой знак Небесного огня. Сориентировавшись по рисунку Сэллера, они уверенно зашагали вперед, считая ответвления. Остановившись у восьмого, Брес сказал:

— Нам сюда. Там опять ловушка.

Ройг кивнул. Ту ловушку он знал.

— И зачем им были нужны эти ловушки? — спросил Блес с раздражением. — Если они здесь жили, зачем строить ловушки внутри собственного жилища? Если они опасались врагов извне, гораздо логичнее было бы окружить ими пещеры, или хотя бы разместить их во внешних залах.

Тэйн пожал плечами.

— Мы считаем, что они не были людьми. Что, если врагов они ждали не снаружи, а

изнутри? Может быть это не ловушки, а расстроившиеся со временем хэльды?

Пройдя еще несколько поворотов, они задержались в крошечной тупиковой камерке с фонтанчиком ледяной воды, стекавшей в лазуритовый бассейн-колодец, напились, пополнили фляги и продолжили путь.

— Как вы определяете, хэльд это или просто деталь интерьера? — поинтересовался Блес, оглядываясь на большую чашу из оникса, полную воды. Когда он захотел к ней прикоснуться, Ройг с раздражением шлепнул его по руке.

— По эманациям. Действующие хэльды — теплые. От мертвых тянет холодом. Ловушки... как бы это описать... покалывают, что ли. От них веет опасностью.

Основной тоннель явно шел под уклон, освещенные участки почти не встречались, и если бы не ка-эль и не знак над головой, они бы заблудились в этом беспорядочном на первый взгляд лабиринте. Наконец Блес остановился перед очередной развилкой, указал на уходящий вправо коридор:

— Если мы нигде не сбились, там — ловушка, за ловушкой — лестница. Идем?

Ройг кивнул.

— Идти за мной и ни шага в сторону.

И он шагнул вправо, в абсолютную тьму, поскольку светильники на всякий случай опять пришлось погасить — знак Небесного огня мог и взорваться при столкновении с активным хэльдом. Ройг сделал несколько шагов вперед, наугад, ожидая реакции затаившихся во мраке сил. Ничего не произошло. Он двинулся дальше и сразу же ощутил ползущие по ногам ледяные иголки. Следующий шаг дался с трудом, он вымучил еще один и остановился, скованный ледяным оцепенением. Оглядевшись, он обнаружил себя и своего спутника вмержшими в светящийся голубой лед, в глубине которого распустились удивительные синие узоры.

Едва шевеля окоченевшими пальцами, он нарисовал несколько знаков урда и влил в них немалую порцию Огня жизни, а затем толкнул их вперед, заставив рассыпаться по пещере мерцающими огоньками. Узоры вспыхнули и засветились, лед с треском раскололся, вернув телу подвижность.

— Там, за правым поворотом, должен быть ручеек лавы, — пояснил Блес, когда они снова вышли на дорогу. — А еще ниже — ловушка, которая высосала силы Сэллера.

— Как она выглядела?

— Как вихрь. Сэллер барахтался в нем, как в водовороте, потом упал, а вихрь исчез.

Ручеек обнаружился на выходе из пещеры. Тек он вместо обыкновенного водного ручья, струился в тесном каменном ложе, тускло поблескивая бледно-оранжевой непрозрачной поверхностью. У ручья дорога разветвлялась, и Ройг, определив направление, обернулся к Блесу.

— Где была ловушка?

— Ниже по течению. Когда Сэллер наклонился над ручьем, она на него напрыгнула...

Тэйн повесил на кончики пальцев правой руки знак урда «Лед», левой — «Ураган»; один позволял ненадолго заморозить живое существо или замедлить движущийся объект, а второй — сбросить его с пути. Затем осторожно двинулся вдоль ручья.

Вихрь свалился откуда-то сверху. Исследователи лабиринта называли подобные ловушки бродячими столбами — они не имели постоянного места и реагировали на движение. Нейтрализовать их получалось далеко не у всех илларов. Работали они по-разному — некоторые выбрасывали жертв в неожиданные места, некоторые обездвигивали,

а часть, как в случае с Сэллером, высасывала Огонь жизни.

Тэйн попятился назад, не сводя глаз с разноцветного вихря. Медленно вытащив ка-эль, усиливающую эффект заклинаний, он принялся плести мысленный узор из слов и знаков, нанизывая их на мелодический ряд, словно бусины на нить. Влив в нее столько Огня жизни, сколько могли вобрать в себя знаки, он бросил получившуюся урд-конструкцию навстречу вихрю.

Взрыв был ужасающий. Его зацепило ошметком разлетевшегося на лоскуты вихря, ослепило точечными огненными искорками, обняло тишиной. Несколько долгих мгновений вихревого движения — и он свалился на пол в крошечной тьме. Какие-то существа, кряхтя и повизгивая тоскливыми голосами, кинулись врассыпную, оставив его в одиночестве на теплом камне. Как уж тут было не вспомнить о кипящей грязи, небесных дьяволах и прочей вселенской нечисти...

Тэйн с трудом вызвал знак Небесного огня, чтобы осмотреться. Чувствовалось, что сбросило его с немаленькой высоты, но к счастью, кости были целы, руки-ноги двигались исправно. Из пещеры вел единственный выход в виде ручейка лавы, но шире и полноводнее. Он задрал голову, ища, откуда свалился. Сверху доносился испуганный голос Блеса.

— Я здесь, — крикнул он и вздрогнул — вышло неожиданно громко. — Ловушка исчезла?

Блес разразился малопонятными возгласами восторга.

— Как ты будешь выбираться? У меня есть веревка, если ее зацепить за...

— Не нужно, — оборвал его Ройг. — Я пойду вниз вдоль ручья. Ты останешься здесь, подготовишь веревку для подъема. Если не хочешь ждать, возвращайся в лагерь.

— Но я... неизвестно, что там дальше, может на тебя нападут или...

— Одному безопаснее, — оборвал его Ройг. — Кроме того, я хорошо знаю лабиринт.

— А если...

— Нет, — твердо остановил Ройг очередную попытку возразить. — Одному проще справляться с ловушками.

— Ага, видел я, как Сэллер справлялся, — пробурчал воин, отступая от края. — Как хочешь. Я закреплю веревку и вернусь, пусть Сэллер следит за тобой и Ясмином через Окно. В крайнем случае, пусть его высочество возвращается и сам тебя вытаскивает.

— Договорились, — проворчал Ройг, гася знак. Света от ручейка пока достаточно, а собственные силы лучше приберечь до следующих сюрпризов.

(Риаллар, Илломайнский лабиринт)

Ройг шел по выступающим из ручейка камням. Заплечный мешок был на месте, запас воды и еды — тоже, но листок с планом исчез: видимо, выпал из рук на месте возникновения вихря. Потеря его не беспокоила, дорогу обратно он мог найти и без плана, по собственным меткам. Судя по грубо вырубленным проходам и отсутствию украшений на потолке и стенах, ручей уходил в сторону и вниз от Внутренней дороги.

Поток неожиданно привел его в роскошный чертог с высоким сводом, украшенным опалесцирующими лиловыми полусферами. Стоило Ройгу сделать шаг вперед, как навстречу поползли тонкие, похожие на паутину нити, зацепились за ноги, стремительно обвили и обездвижили. Зная, что наскоком из неизвестной ловушки не выбраться, он терпеливо ждал, пока паутина закончит свое дело и остановится на уровне плеч, и только потом осторожно повернул голову, оглядываясь по сторонам. От лиловых полусфер исходило слабое свечение — видимо, в них и был механизм ловушки. Он шевельнул кистями рук. Пальцы двигались. Он начертил первые несколько урд-знаков, напел простенькую мелодию-основу, подождал реакции, потом немного изменил акустическое воздействие, добавив к нему знак «Водоворот». Путы ослабли, но не исчезли. Он высвободил руку и продолжил поиск ключа.

На вычисление нужной комбинации мелодии и жестов ушло немало времени. Конструкция оказалась громоздкой, в одну фразу не укладывалась, пришлось поработать еще, усилив основу Огнем Жизни. Когда он, наконец, воспроизвел ее целиком, паутина рассыпалась невесомой пылью.

Единственный выход из зала-ловушки привел его через длинную череду однообразных мрачных пустот в громадную пещеру. Сделав несколько шагов вперед, он понял, что стоит на краю широкого выступа, кольцом идущего вокруг гигантской пещеры, вверху которой располагаются такие же каменные кольца. Золотистый свет поднимался откуда-то снизу. Огромный грубо вырубленный колодец тянулся в обоих направлениях, сужаясь кверху. Над выступами чернели отверстия — видимо, такие же выходы наружу, как и тот, через который Тэйн попал сюда сам. Там, внизу, где оканчивалась каменная спираль, лежало большое озеро пузырящейся, желтой с оранжевыми разводами жидкости, от которого исходило слепящее огненное сияние. Всплывающие на беспокойной поверхности пузыри, воронки и водовороты бросались в глаза даже отсюда. Оранжевые и красные потоки вливались в озеро с нескольких сторон и создавали в его середине единое кипящее варево. Пузыри надувались и лопались, всплески субстанции взлетали вверх, рассыпаясь множеством мелких шариков-искр, падали и погружались обратно, создавая впечатление огненной потехи.

Вот она, так называемая "лава" под Илломайном, озеро «кипящей грязи» Где-то здесь, поблизости, должен находиться Ясмин. И стоит, пожалуй, попробовать узнать побольше об этом загадочном месте. Любопытство исследователя победило, и Тэйн осторожно приблизился к самому краю выступа.

Усилив зрение так, чтобы разглядеть поверхность огненного озера, он создал тоненькое щупальце и направил его вниз. Ощущения, конечно, совсем не те, если пощупать его ладонями, но и так результат должен получиться... небезынтересным. Щупальце спускалось невероятно долго, и Тэйн уже начал уставать от сложной концентрации сил, когда, наконец, оно коснулось сияющей поверхности. Он ждал всплеска жара, готовясь отдернуть щупальце,

чтобы не обжечься, но жара не оказалось. Не было даже простого тепла... Пожалуй, наоборот — легкий холодок, словно мурашки, бегущие вверх, от шупальца к руке... Оно было живое, это вещество, неестественное и непривычное, но живое. И еще — от него исходила мощь, сравнимая разве что с мощью самых больших Кругов Власти.

Экспериментируя, он пробыл над озером еще какое-то время: вызывал урд-знаки, устойчивые фразы-заклинания, воспроизводил иницирующие и гасящие жесты, пробовал ка-эль, принесенные с собой, но ни на одно из традиционных воздействий огненная субстанция не отозвалась. Когда он чертыхался, поминая по очереди всех небесных дьяволов, на поверхности возникали яркие всплески, напоминающие человеческие руки. Возможно, лава эта отвечала на эмоции лучше, чем на все магические манипуляции. Он попробовал рассмеяться — получилось натужно и неестественно, однако озеро отреагировало слабым всплеском. Он вызвал страх, представляя, как Джерхейн попадает в темноте какому-нибудь местному монстру, и с надеждой взглянул вниз. Несколько тонких сияющих рук — пальцев на них было явно больше, чем пять — потянулись к нему из озера, и пока он всматривался в них с холодным любопытством экспериментатора, они оплыли и стекли обратно. Посмеявшись над этими руками со множеством бессуставных пальцев, на это раз искренне, он увидел на поверхности озера большой вздувающийся пузырь. Смех оборвался — пузырь лопнул.

Для первого раза достаточно, решил он и задрал голову вверх, разглядывая каменные выступы. Надо искать Ясмина. Снова усилив зрение, Ройг принялся осматривать нижние ярусы. Никого живого... Он крикнул — голос утонул в какофонии звуков, создаваемых потоками и лопающимися пузырями. Поорав еще немного, больше для удовлетворения, чем для дела, он вздохнул и принялся искать относительно безопасный путь наверх.

Подниматься по наклонному карнизу пришлось медленно и долго. Светящееся озеро притягивало, вызывая неестественное желание прыгнуть, погрузиться в него с головой. Одолев половину спирального витка, Тэйн недолго отдохнул, перекусил и поплелся дальше. Привязалась сонливость и подозрительное беспокойство: ему казалось, что с верхних каменных уступов за ним кто-то наблюдает.

В конце концов он остановился на верхней площадке, прямо перед узким лазом, за которым шли неровные влажные ступеньки. Тело требовало отдыха, но задерживаться на краю гигантского провала Ройг не собирался. На всякий случай оставив на стене отметку, он протиснулся в узкий проход и очутился в маленькой темной камерке с широкими выступами вдоль стен. Прекрасное место для отдыха... Велев себе проснуться через два часа, Тэйн с удовольствием вытянулся на жестком каменном ложе, в последний раз подумал о диковинном озере и закрыл глаза.

Он очнулся от леденящего чувства опасности. Что-то затаилось в крошечной тьме в нескольких шагах от него. Существо — а эманации от него шли явно нечеловеческие — стояло почти рядом, замерев настолько, что не различалось даже дыхания. Он тоже замер, не зная, то ли осветить пещерку и прогнать его, то ли рассмотреть получше, то ли подождать, пока оно само определит свои намерения. На всякий случай он мысленно подготовил несколько связок урда, которые могли бы задержать существо, вздумай оно немедленно скрыться, однако оно первое начало действовать. Тэйн едва увернулся от стремительного прыжка, клинок свистнул рядом, с грохотом обрушился на камень скамьи, рассыпав вокруг веер зеленых искорок.

Следующий удар — Тэйн опять увернулся и, не дожидаясь еще одной атаки, бросился

под ноги нападающему, свалив его на пол. Тот ударил наотмашь конечностью по спине и снова замахнулся, но Ройг перехватил лапу с оружием и отвел в сторону, прижав к полу, а сам поднялся на колени, собираясь огреть его по голове, но противник вывернулся и вскочил на ноги. Тэйн отступил. Мелькнула мысль о том, что надо зажечь хотя бы свет, это отвлечет внимание, но и он сам на несколько мгновений потеряет концентрацию. «Г-голодная Глотка, — ругнулся он, увертываясь от очередного прыжка твари, — и кипящая грязь!» — и попятился к выходу из каморки. Там, в колодце с озером, по крайней мере света больше.

И в этот момент существо метнуло в него свой клинок. Тэйн больше почувствовал, чем понял это. Неожиданная вспышка молнией рассекла воздух, он инстинктивно подался в сторону. Меч со звоном упал рядом и Ройг, нащупав рукоять, повинуюсь чутью, а не разуму, сделал выпад в сгустившуюся перед ним темноту. Рука остановилась, наткнувшись на что-то плотное, и в следующее мгновение препятствие исчезло. Существо с шумом осело на пол, издав тоскливый горловой звук, а он сам ощутил тысячи холодных иголок, побывавших по руке, затем — по всему телу, и когда они добрались до мозга, темнота вспыхнула вокруг него мириадами пылающих искр, разбивших мир на черные осколки...

Возвращение к жизни было безрадостным. Тэйн пошевелился и обнаружил, что все еще держит чужой клинок в руке. Ужас охватил его: он кого-то убил, пусть защищаясь, пусть неосознанно... Отбросив клинок, он вызвал в себе Огонь Жизни, ожидая пустоты и бессилия, но сила, несмотря ни на что, пришла с легкостью, отработанной годами. Он зажег знак Небесного огня, осторожно сел, шипя и чертыхаясь, и тупо уставился на лежавший на полу клинок.

Это был короткий прямой меч с широким лезвием и маленькой овальной гардой, с рукоятью, покрытой тонкой вычурной резьбой на костяных накладках, с хорошо знакомой вязью урда вдоль остро отточенного клинка. Его металл имел густой синий отблеск, желобок посередине был тонок и едва заметен. Тэйн протянул к нему руку и тут же отдернул, вспомнив холодные иголки, добравшиеся до сознания. Его долгий сон был похож на провал в никуда только поначалу, а затем его захлестнул водоворот необычных образов. Мужчина в возрасте, чье лицо ни о чем ему не говорило, кроме как о принадлежности к Острову — худое аскетичное лицо, бледные глаза и волосы, маленький сжатый рот — неожиданно закатил глаза, схватившись худыми руками за горло, словно задыхаясь, и медленно осел на пол; в длинных тонких волосах на висках запутались маленькие паучки. Их тонкие, как шелковые нити, лапки, украшенные на сгибах крохотными драгоценными камешками, слегка подрагивали, словно желая выбраться из паутины тускло-серых волос. На мгновение человек пришел в себя, с перекошенным ненавистью и болью лицом вырвал их вместе с прядями и отшвырнул в сторону. Это не принесло ему облегчения — глаза его снова закатились.

Обрыв в темноту... Неожиданно он увидел странную, висящую в воздухе лестницу, совершенно прозрачную, лишь радужный перелив ее контуров говорил о том, что она существует на самом деле — и он неуверенно поставил на нее ногу, затем другую... Лестница привела его в огромный, замкнутый в радужную оболочку-пленку пузырь, где прямо в центре висело нечто, похожее на кусок вырубленного из озера льда, а прямо к нему вела тонкая серебристая пленочка, ненадежная, едва различимая, но другой не было, и он двинулся к центру, осторожно переступая по едва видимому мостику. Мост оказался на удивление прочным, и когда он шагнул на гладкую ледяную поверхность, кусок льда резко оборвался вниз, с такой стремительностью, что у него перехватило дыхание...

Образы, четкие и ясные, не были похожи на бред или на сон. Что-то ему напоминало этот радужный пузырь с падающей вниз глыбой, что-то знакомое, привычное до рутины. Он напрягся, пытаясь вспомнить, где он мог видеть подобное, но резкая головная боль и вспыхнувшие перед глазами огненные точки заставили его отказаться от этих попыток. Что ж, может быть, потом...

И он осторожно поднялся, ища глазами напавшую на него тварь.

Существо лежало в стороне от него, закутанное в некое подобие плаща. Тэйн нагнулся, пытаясь определить, живо оно или нет, и оно шевельнулось, словно желая отодвинуться. Тэйн опасливо раздвинул складки плаща, чтобы разглядеть его, потом присел на корточки, пытаясь осмыслить то, что открылось его взгляду. Тело существа напоминало человеческое, но таковым не являлось — патологически худое, с впалой грудью, гладким животом с подозрительными боковыми щелями на коже, похожими на карманы, без каких-либо внешних органов размножения, с тощими голенастыми ногами и сильно выступающими коленями, с перепончатыми ступнями ног, на которых, похоже, было всего четыре пальца, с синеватой кожей, на ощупь холодной и состоящей из мелких чешуек; руки существа оказались длиннее человеческих, на левой ладони четыре, на правой — шесть пальцев с длинными плоскими ногтями; два дополнительных пальца правой руки были похожи на обрубки, из которых торчало по закругленному острому когтю. Голова существа немного напоминала человеческую, за исключением больших выпученных глаз, тяжелых и толстых, двойных век, полного отсутствия волос и увеличенных ушных раковин. Из небольшого пореза на груди сочилась вязкая зеленоватая жидкость.

Существо приподняло веки, обнаружив очень светлые глаза розоватого оттенка с вертикальным, как у животных, зрачком, зашевелилось и, видя, что его противник не собирается нападать, медленно отползло в сторону. Затем оно попыталось подняться на ноги, потерпело неудачу и рухнуло на пол с горестным всхлипом. Тэйн протянул руку, желая помочь ему, но оно очень по-человечески покачало головой.

— Я умираю, — сказала оно тихо, но внятно, на том же языке, на котором говорил весь Наземный мир.

— Ты кто? — спросил Тэйн неуверенно, — Напал-то зачем?

— Нечего тут ходить, — проворчал тот. — Шастают всякие, лезут куда не надо... — он снова всхлипнул и перевел дыхание. — Выбросишь меня в озеро, когда я умру, — сказал чужак неожиданно требовательным тоном.

— Может, я могу чем-нибудь помочь... — начал Тэйн, но тот оборвал его.

— Не можешь. Выбросишь тело вниз. Все.

И он закрыл глаза, вытянулся и замер, словно в ожидании конца. Тэйна затрясло от непривычной жалости к этому невесте откуда взявшемуся собрату по разуму. Он осторожно протянул руку к ране, потом отдернул, боясь причинить боль, поискал у себя в кармане платок и хотел было стереть зеленоватую жидкость, но чужак дернулся и прошипел, не открывая глаз:

— Я умираю не из-за этого, — его рука поднялась и упала. — Успокойся и не вини себя. Я все равно слишком долго не ел...

— У меня есть еда, — начал Тэйн, хватаясь за мешок, — если это может хоть как-то...

Чужак шумно выдохнул, на его физиономии отразилась почти человеческая усмешка.

— Это я не ем.

— А что тогда?

— Кйти.

— Что это?

Тот не ответил. Он лежал тихо, часто дыша, потом неожиданно сел, взмахнул руками и упал обратно на каменный пол. Тэйн наклонился к нему, осторожно приложив руку туда, где под худыми ребрами только что вздрагивал синеватый бугорок. Биения не было.

Подождав еще немного, Ройг поднялся на ноги, подобрал чужака, завернул его в плащ, отнес на каменный выступ над колодцем, заканчивающимся огненным озером, швырнул почти невесомое тело вниз и поспешно отошел от края, усилив зрение и слух. Услышав приглушенный всплеск, он осторожно выглянул вниз. Светящаяся субстанция вздулась огромными красными пузырями, тело исчезло — его закрутил огненный водоворот, но пузыри все продолжали надуваться, и когда ими покрылась вся поверхность озера, взорвались с глухим отчетливым треском.

Тэйн медленно вернулся в пещеру, пытаясь избавиться от странного чувства вины. Что это за существо, откуда взялось, почему так сильно отличалось от людей, но говорило на их языке? Нигде и никогда ни иллары, ни простые обитатели Наземного мира не встречали разумных обитателей пещер Илломайна, только тварей-мутантов. Жаль, уже не спросишь. Что побудило его напасть, сочтя безоружного человека опасным, откуда взялся меч, явно выкованный в кузницах Наземного мира, почему он умер, если был уверен, что рана ни при чем...

Ройг осторожно протянул руку к мечу. Его он заберет с собой. Надо показать его мастерам карны Огня, пусть определят, когда и где он откован и где мог пролежать все это время. Тэйн поднял меч, и, положив руку на рукоять, ощутил уже знакомые холодные иголки. На этот раз ничего не произошло, только странная пустота где-то внутри словно откликнулась леденящим дуновением на зов стали в руке. Он опасливо прикрепил меч к поясу тхона, вместо одной из ка-эль, закинул мешок за спину и снова вернулся на каменный карниз. Надо было продолжать поиски.

Он тащился по спиральному карнизу колодца, потеряв счет времени. Несколько раз натыкался на ручейки лавы, подобно маленьким водопадам стекающие в озеро. Через них приходилось перебираться, иногда — с риском свалиться в колодец. Привязалась необычная сонливость, не имевшая ничего общего с усталостью, все время хотелось закрыть глаза, привалиться к ближайшему камню и сдать сну. Ройг упрямо сопротивлялся. Болели руки: илларское клеймо-браслет на левом плече зудело и кололось, будто живое, а металлический браслет-усилитель, тот самый, что помогал концентрировать Огонь жизни и означал знакомство со второй книгой Свода, жегся, как раскаленный. В конце концов Ройг снял его и засунул в мешок.

Пройдя еще один виток каменной спирали, он неожиданно наткнулся на великолепный зал, украшенный мозаикой из драгоценных камней, с забавным фонтанчиком в виде гиялли — обитателя предгорий, ложами каменных кресел и несколькими мертвыми хэльдами. На низком овальном ложе под роскошным мозаичным цветком, подложив под голову походный мешок, крепко спал Ясмин.

— Ага, вот ты где, — пробормотал Ройг, садясь рядом. Он поспешно проверил состояние молодого воина. Истощен, конечно, но, к счастью, не ранен, и вполне еще способен сам дойти до выхода из лабиринта. Впрочем, тот небольшой запас провизии и инты, имевшийся у Ройга в заплечном мешке, должен был помочь им обоим восстановить силы.

Тэйн не стал будить парня. Проснется — сам сообразит, что к чему. Вместо этого он устроился рядом, прямо на чуть теплом каменном полу, и провалился в сон.

...Он стоял внутри гигантской полости. Стены ее терялись где-то вдалеке, в белесом тумане. Вокруг и впереди него, высоко над головой неподвижно висели огромные, белые с розовыми, сиреневыми, голубыми и нежно-желтыми разводами пузыри. Некоторые из них срослись в единое пузырьчатое облако, похожее то ли на цветок, то ли на забавное живое существо... Вокруг шаров плавали ледяные глыбы и радужные прозрачные пленочки, окружая шары и сферы каким-то феерическим подобием крыльев. Где-то в этом хаосе пузырей должен находиться переход на другой уровень, но им его, конечно же, не отыскать... Тэйн заметил, что созерцает эту волшебную картину не один — рядом с ним стоит его друг. Как же его звали? А, кажется, Кельхандар... В то время и в том месте они были очень дружны, даже жили в одном пузыре, и учитель у них был один... Где же он теперь? Вернулся домой, наверно, как и он сам, только немного позже. Там, во сне, Тэйн шагнул вперед, направляясь по прозрачной дорожке к самому большому скоплению пузырей, и Кельхандар двинулся следом за ним, что-то ворча насчет глупых запретов. Тэйн уже летел вперед, скопище пузырей приближалось...

Действие резко оборвалось, он упал в темноту, которая неожиданно приобрела очертания хэльда Окно. Лазурная поверхность потемнела, прояснилась и показала нескольких незнакомых людей. Унылые и дряхлые старики с недовольно-брюзгливыми лицами что-то говорили друг другу, морщась и осуждающе качая головами. И неожиданно среди них возникла хорошенькая женская головка, тонкие одухотворенные черты лица и огромные темно-синие глаза, контрастирующие с ослепительно белой кожей и тяжелым серебром волос. Казалось, ничего другого и не было на этом лице, только глаза, опущенные темными густыми ресницами, такими длинными, что, казалось, веки сами опускаются под их тяжестью. Старцы брюзгливо трясли головами, осуждающе хмурились, но в этих огромных глазах не было ни отвращения, ни осуждения. Только любопытство. И страх.

Изображение дернулось и потемнело, поглотив и стариков, и девушку, черный водоворот закружил, потом неожиданно вспучился вспышкой света. Он вздрогнул, сообразив, что глаза его открыты, и он смотрит прямо на собственный знак-светильник, который, кстати, изрядно уменьшился. Ясмин сидел, изумленно таращась на него.

Тэйн поднялся. Пора было возвращаться.

(Сезон Ветров, Ахтан, Сухое Море)

...А оно все тянулось и тянулось, от края до края, до самого горизонта. Охра и пурпур глинистой земли, тусклое серебро облаков, расцвеченное желтоватым отблеском дневного солнца, редкие островки блеклой травы, сухой и колючей, редкие каменные нагромождения, рядом с которыми иногда обнаруживались колодцы, хилая, стелющаяся по земле поросль. И еще более редкие поселения степных кочевников. Шатры шра, искусно вышитые яркими шелковыми нитями, причудливые узоры, переплетения кожаных шнуров с узелками — знатность рода, воинская доблесть, накопленное богатство. Большие каменные очаги с похлебкой суари, сваренной из трех видов местных кореньев, мяса идги — степного хищника, наглого, опасного и завораживающе красивого, говорили, нельзя смотреть ему в глаза, на всю жизнь потеряешь волю, став рабом его мертвой души. В суари иногда добавляли прокисшее кобылье молоко, отчего она приобретала столь непередаваемый вкус, что новичков выворачивало с непривычки. Лепешки дадаг, пресные и жесткие, с добавками тех же трав, горчили хуже местного крепкого пойла. Сами кочевники, люди-арриты, не слезающие с седел, глаза непроницаемо черные, то спокойно-невыразительные, то страстно-безумные, одни глаза на закрытых повязками ушари лицах. Мужчины-воины, охотники, по два ятагана за поясом шийяра, луки рга с тетивами из кишок идги, вываренных в особом настое из девяти степных трав... Сухие и жилистые женщины, глаза, полные ненависти, и тонкая черная полоска бровей, своры вооруженных камнями и пращей ребятишек... Мальчишка-проводник говорил, что эти, сторонние, чьи стойбища лежат вдалеке от основных дорог, почти не воюют, больше охотятся на местное зверье да диких арритов, объезжают их и продают другим племенам, тем, что побольше да посильнее, и нынче непросто проехать через Сухое Море без столкновений...

Сухое море. Мальчишка-проводник, нанятый ими на границе Ахтана в одном из таких стойбищ, обещал, что в объезд торговых путей на дорогу уйдет не менее десяти дней, если не поднимется свижь, бешеный южный ветер, гонящий по степи облака рыжей раскаленной пыли. Тогда придется пережить его в одном из стойбищ, что займет не менее двух-трех суток — пока свижь пройдет, пока пыль уляжется... Тем не менее, пока что им везло, мальчик уверенно вел их от одного водоема к другому, обещая выйти к ахтамарскому кольцу не позднее Дня Сухих Листьев — местного праздника, отмечаемого только в Ахтане. Оказалось, до праздника оставалось не более трех дней, и все они чрезвычайно обрадовались — однообразие Сухого Моря, тряпки ушари и чертова вонючая похлебка надоели им до предела.

За двенадцать дней, проведенных в Ахтане, они настолько отузились, что в удаленных от границ стойбищах их принимали за своих. Исключение составлял только Джерхейн, и то, если снимал ушари, а в последнее время он старался делать это как можно реже. Кочевники не любили «меченых солнцем» — светловолосых, рыжих и светлоглазых, а густая рыжая шевелюра выдавала в Джерхейне чужака. Тэйн привык к странной одежде и образу жизни кочевых племен быстрее и легче, чем его друг — аш-чи, а Вельг вообще ворчал всю дорогу насчет вонючих кожаных штанов и ярко-красного шийяра, в который его обрядили еще перед хэльдом Дверь, ведущим в Ахтан. (Ухмылка Прародительницы! Вы что, решили из меня бабу сделать? Да я лучше голым поеду!). Он так и не смирился с

необходимостью скрывать свою принадлежность к высшей касте Наземного мира. Илланы здесь не путешествовали по дорогам, да еще в Сухом Море, они предпочитали ахтамарское кольцо городов и саму столицу, богатую, роскошную и не такую варварскую.

Островитяне требовали сделать все тихо и незаметно. Обязательно — мирным путем. Никаких конфликтов. Никаких споров. Никаких контактов с ахтамарскими властями. Ни в коем случае не разглашать правду об артефактах. Никому. Нигде. Даже под пытками... Если артефакты можно выкупить — значит, их надо купить. Кимр выдал им внушительную сумму денег, пригрозив, что в случае обмана все равно узнает об этом с помощью хэльда Истина. Надеть одеяние кочевников, освоиться в Ахтане, привыкнуть к его обычаям и образу жизни посоветовал Тэйну Даллан, и Ройг не мог не согласиться с разумностью этого совета. Как войти в доверие к человеку, если ничего не знаешь о его народе? Как разговаривать с ним, да еще о таком деликатном деле? Хуже всего было то, что Ахтан и Риаллар враждовали вот уже вторую сотню лет, и никакие ссылки на поручение Острова не остановили бы разъяренных последним поражением на границе ахтанцев. Даже ранд иллара, полагал Даллан, вряд ли удержит их от возмездия.

Им повезло с проводником. Мальчишка-подросток, тринадцати лет от роду, сообразительный и услужливый, согласился провести их до Ахтамара и обратно за умеренную плату. Как только они выехали в степь, он принялся всячески заботиться об их безопасности, давать советы, иногда даже ругаться с Джерхейном, который поначалу взбрыкивал, как молодой аррит, на каждом шагу. Впрочем, Джер быстро остыл после того, как в первом же стойбище его побили камнями, когда он вопреки настояниям мальчика стянул с головы ушари и принялся распорядиться так, как распорядился своими воинами. Пара ссадин от камней и фантастическая непочтительность одной из местных женщин, показавшей ему свой давно не мытый зад в знак крайнего протеста — кстати, как объяснил мальчик, весьма распространенный жест возмущения среди степняков, — все это впечатлило его больше словесных уговоров.

Тэйн не возражал. Мальчишка — его звали Кири — ему нравился. Он не был дерзок или жаден, никогда не настаивал на своем, и вообще старался угодить молодым господам из страны Поднебесных гор. Впрочем, он надеялся на вознаграждение после путешествия, поскольку ему обещали заплатить островным золотом. Золотые монеты с изображением Небесного Острова ценились на обоих континентах, их курс был чуть ли не втрое выше всех местных валют, а уж в небогатых степных стойбищах их и вовсе видели чрезвычайно редко.

Впрочем, Ройгу нравилась не угодливость, а острый, наблюдательный и цепкий ум паренька, хитрые глаза и любознательность. Он с удовольствием отвечал на его вопросы о Риалларе, об истории и устройстве мира, рассказывал ему то, что обычно рассказывают детям илоны-учителя в городских школах. Ахтан казался Ройгу убогим и варварским, однако наблюдение за кочевниками и их образом жизни занимало его больше, чем предстоящее задание Острова. Некоторые вещи производили неизгладимое впечатление. Как и все илланы, он владел целительским искусством, однако здесь, в ахтанской степи, где попадались только примитивные святилища девяти богов, лечением людей занимались не илланы и даже не бродячие лекари, а местные шаманы. Один только их внешний вид вызвал у Ройга отвращение, не говоря уж о каком-либо доверии к их искусству. Тем не менее, по пути он успел заметить нечто, требовавшее особого внимания...

К вечеру они подъехали к очередному стойбищу, расположившемуся вблизи огромного нагромождения рыжих валунов, внутри которых, как сообщил им Кири, находилось одно из

степных святилищ. Место это считалось святым. Вот уже много лет ни одно из кочевых племен не осмеливалось нападать на обитавших рядом степняков. По традиции мальчишка оставил гостей дожидаться у торгового очага, а сам, сняв ушари, отправился к вожакам племени договариваться о ночлеге для чужестранцев. Пока он отсутствовал, Джерхейн и Вельг тихо переговаривались, Тэйн разглядывал окрестности.

Шатры были здесь непривычно низкие, зато богато разукрашенные. Чуть в стороне он насчитал восемнадцать очагов, дым от которых тяжелыми пахучими клубами расплывался над стойбищем. Арриты были отогнаны далеко за высокую каменную стену, уходившую на юго-восток и теряющуюся где-то вдаль. Там, за стеной, он заметил блеск водоема и низкорослые деревья, ветви которых серебрились тонкими острыми листочками. Бесформенную грудю валунов никак нельзя было назвать святилищем, однако между двумя из них отчетливо обозначилась широкая щель в виде арки, очень похожая на вход.

Темнота обрушилась на стойбище необычно быстро, огненно-рыже-красное закатное небо приобрело оттенок жидкой лавы, потемнело, лиловый диск Острова слился с ним в несколько мгновений, и когда стало совсем темно, стойбище, стена и святилище будто бы провалились в бездонную черную яму, и только огоньки очагов да уже привычная вонь готовящейся похлебки напоминали об ахтанской степи.

Кири возник словно из воздуха, быстро и ловко пробираясь мимо вывороченных из очага булыжников. Его аррита уже не было, он шепотом сообщил им, что животных отведут к озеру, в общий табун, за небольшую мзду, а пока пусть путешественники пройдут следом за ним в шатер для гостей... Они спешили, отдав поводья какому-то юркому сгорбленному старичку, и неторопливо отправились следом за мальчиком, обходя выскакивающие из темноты низкие шатры. Он отвел их на другой край стойбища, отдернул тяжелый украшенный кожаными шнурами полог гостевого шатра, предлагая войти. Джерхейн, вынужденный низко нагибаться, пробормотал что-то насчет вони, однако здесь пахло не так сильно, как в предыдущих местах ночевок.

Тэйн усмехнулся — кисло-соленый запах шатра, горечь, идущая от циновок, пыльный дух степи и густой тягучий смрад очагов делали воздух здешних жилищ особенно тяжелым. Посреди шатра на блюде плавали пропитанные особым составом палочки, светящиеся при погружении в воду. К великому сожалению всех троих, эти необычные осветительные приборы тоже воняли не хуже похлебки, поэтому когда мальчишка удалился, пожелав им благостных сновидений Прародительницы, Джерхейн первым делом выплеснул воду в угол, а Тэйн зажег несколько маленьких светильников — урд-знаков, стараясь, чтобы освещение по-прежнему оставалось неровным. Не хотелось увидеть что-нибудь, способное в очередной раз отбить и аппетит и здоровый сон. Высушенную голову аррита, например, висящую на одном из полотнищ, облезлую, с торчащими на месте среза жилами и смердящими кусками мяса — символ воинской удачи. Или мумифицированную человеческую руку или ногу — гордость какого-нибудь проезжего путника, кочующего от стойбища к стойбищу, случайно забытую здесь после бурно проведенной ночи с местными охотницами до острых ощущений. Или еще чего-нибудь похлеще. Ройг всю дорогу посмеивался сам над собой и над своими спутниками — угораздило же королевского сына и двух избалованных комфортом колдунов отправиться через дикую степь... какие еще сюрпризы преподнесет им далекая от привычного быта реальность?

Вельг заявил, что займется ужином, и принялся вытряхивать из сумки остатки риалларских припасов. Похлебку суари они ели только тогда, когда их приглашали разделить

трапезу к общему очагу, в остальных случаях готовили сами. Джерхейн послушно отправился за водой, а Тэйн, убедившись, что его друзья прекрасно справляются без его руководства, выбрался из шатра, собираясь дойти до святилища и, если получится, поговорить со здешним илларом.

(Эргалон, 15 дней назад)

Ройг и Ясмин успели благополучно вернуться в Эргалон в день свадьбы Джерхейна. Церемония обручения, пышная и нудная, посеяла еще больше беспокойства: каменное лицо жениха, холодное личико невесты, бесстрастность Даллана, с трудом скрываемая растерянность его величества, унылые физиономии старейшин-островитян вынудили Тэйна бежать в святилище, прикрываясь усталостью, как щитом. Даллан был занят, поговорить о расследовании смерти главы посольства не удалось, а у Ройга после похода по лабиринту появились кое-какие соображения. Лапы твари с острыми когтями, напавшей на него в Джар Ил, напоминали ему лапы, замеченные в хэльде при восстановлении эпизода смерти островитянина. И след от зубов и когтей на шее... Такой след мог бы остаться от когтей и зубов того загадочного существа из пещер.

Праздничный аррас начался после четвертой стражи, а к шестой почти все присутствующие были пьяны. Густой дым ал-за усиливал опьянение, и даже те, кто почти не прикасался к вину, чувствовали себя не вполне трезво. Даллан исчез из зала сразу после ухода молодых, которым не полагалось в этот день даже легкое и сладкое сахди. Тэйн остался наблюдать за островитянами. Впрочем, их очень тщательно охраняла дворцовая стража и несколько илларов Хэллиха. Наблюдать не получилось — уже к середине арраса он сам был пьян настолько, что сомневался в способности самостоятельно добраться до родного святилища. Холгойн королевского достоинства не ронял, но на ногах тоже держался не очень уверенно. Островитяне вяло свешивались со столов, шаря по залу одуревшими от непривычной смеси вина и дыма глазами. Когда наконец они покинули аррас, их поддерживала дворцовая стража. Тэйн побрел домой, не дожидаясь появления танцовщиц. Просыпаться наутро не в своей постели ему не хотелось.

В злополучном коридоре он снова увидел две фигуры, там же, где и раньше. Мужская фигура, закутанная, как и в прошлый раз, в темный безразмерный плащ, двигалась впереди девушки, накидка которой скрывала ее очертания, но темно-лиловые цветы шейны, вплетенные в ее сложную прическу, случайно мелькнувший рукав голубого свадебного платья наводили на мысль о том, что это опять никто иная, как Кианейт. Кианейт... Кианейт? «Во набрался, — подумал Тэйн вяло. — Пузырь Утопленника... Спяну и не те примерещится. Уж ее-то здесь точно не может быть. По крайней мере сейчас», — он хмыкнул, прислонился к стене и перевел дыхание. Добраться бы до дома... Он представил, как утром Даллан подбирает его здесь по пути в замок, и коридор почти сразу же перестал троиться, а стены — набегать друг на друга. Он с усилием сдвинулся с места. Надо будет потом рассказать Джерхейну о галлюцинации — пусть посмеется.

Проснулся он только к третьей страже, пропустив утренний распев, встречу с Далланом, еще целый ряд мелких, но важных дел. В ожидании нагоняя поспешно вытащил из потайного шкафа, вмурованного в стену под кроватью, непочатый кувшин арали и, отхлебнув несколько глотков, засунул его обратно. Пошатываясь и ворча, добрался до чаши с водой и окунул голову, постепенно приходя в себя. В конце концов, решившись выбраться наружу, отправился в библиотеку святилища и выбрав там одну из незаконченных ранее хроник, уткнулся в нее с видом человека, озадаченного серьезной исторической проблемой.

Здесь его и нашел Джерхейн.

— Даллан сказал, что ты здесь, — сообщил он с виноватым видом. Тэйн поднял глаза — его друг явно не был похож на счастливого молодого мужа.

— Интересно, откуда он узнал, — проворчал Ройг, пододвигая Джерхейну стул. — Я его еще не видел.

— Он сказал, что ты всегда сидишь здесь, когда тебя мучают две вещи — угрызения совести или похмелье. Или и то и другое вместе, как сейчас.

Тэйн хмыкнул.

— Когда ты уезжаешь?

— Я еще не виделся с Вельгом, — начал Тэйн с удивлением, — но вообще мы планировали уехать сразу после твоей свадьбы.

— Я еду с вами, — решительно заявил тот. — Я не собираюсь задерживаться здесь дольше, чем на день. Если ты не уедешь в ближайшее время, я вернусь к своей дружине и своим чудовищам.

— Что случилось? — только теперь Ройг понял, что смущало его в облике друга — хмурое и замкнутое лицо. И тоска в глазах, в глубине которых мелькали огоньки злости.

Джерхейн отвернулся.

— Когда мы пришли в ее покои, она... сказала мне, что наш брак — чисто политическое соглашение, что она не любит меня и не собирается делить со мной ложе. Повернулась и надменно удалилась, демонстративно заперев за собой двери. Как будто я собирался взять ее силой... Она даже не попыталась сделать хотя бы шаг мне навстречу... Что ж, Остров и мой отец получили то, что хотели. Я хочу уехать отсюда, подальше от их интриг.

— Мы можем собраться очень быстро, — предложил Тэйн. — Кстати, отец уже знает о твоих намерениях?

Первым пунктом в плане стояла поездка в соседнее с Риалларом государство Ахтан.

— Нет еще. Конечно, он не обрадуется моему отъезду, но возражать не будет.

— А она?

— Ее мнение больше меня не интересует.

Ройг был искренне рад, что Джерхейн увязался за ним. Еще перед вылазкой в лабиринт он посвятил друга в подробности встречи с островными жрецами. Джерхейн не хотел отпускать его одного, особенно во враждебный Ахтан и загадочный Ард Эллар. Год назад, когда Холгойн выиграл очередную войну, его средний сын немало отличился в решающем сражении с ахтанцами. Об образе жизни и привычках кочевых племен он знал больше Тэйна. Вельг не осмелился возражать. Джерхейн для него был прежде всего королевским сыном, обличенным властью не меньшей, чем островные жрецы. Даже теперь, после стольких дней совместного путешествия, он называл его исключительно официально, используя обращение «аш-чи» — королевский родич.

Меч, доставшийся Ройгу в лабиринте, висел у него в ножнах. Вельг косился на него с осуждением, а когда они с Джером и вовсе устроили разминку на мечах, разразился праведной речью о недопустимости оружия для илларов. Ройг выслушал отповедь молча. Возразить было нечего. Даллан, выпросив подробности встречи с загадочным существом, к мечу так и не прикоснулся. Осторожно осмотрев надпись, он сообщил Ройгу, что расшифровать цепочку символов не может, хотя в том, что это некий магический язык, сомневаться не приходится.

— Оставь его у себя, — сказал он после долгого раздумья. — Может быть, он понадобится тебе в Ахтане. Для защиты, — опередил он возражение, готовое сорваться с губ Тэйна, — не для убийства. Человек без оружия там что птица без крыльев. Только не позволяй Вельгу прикасаться к нему даже из любопытства.

— Разве со мной уже что-то случилось? — не на шутку встревожился Тэйн.

— Похоже, что так, — откликнулся Даллан.

Тэйн спросил, что именно, однако старый иллар предпочел уйти от ответа.

Он быстро привык к мечу, чувствуя уверенность и защищенность, пока они ехали через полную всяких неожиданностей степь. Он вырос в семье воина. Он поступил бы в дружину Хэллиха, достигнув совершеннолетия, если бы не смерть отца. Меч для него, даже символический, на самом деле более чем символ.

Странные картины продолжали посещать его во сне, однако они становились все более и более короткими и расплывчатыми; ему не хотелось лишаться их, он учился задерживать и перемещаться в них по своей воле, будто бы и не сны это были, а некие путешествия в иную реальность. Он уже начинал догадываться, в какую именно...

Внутри святилища стоял полумрак, рассеиваемый тремя чашами все с теми же светящимися палочками. Лики богов, сумрачные и неожиданно рельефные в этой красноватой полутьме, казались суровыми и словно живыми. Тэйн подождал, пока здешний иллар сам выйдет на звук его шагов, но тот, видимо, не слышал посетителя. Пришлось отправиться на его поиски. Через одну из боковых дверей он выбрался в коридорчик, который привел в галерею хэльдов.

Галерея мало чем отличалась от традиционной, хотя и здесь обнаружилось несколько неизвестных Ройгу хэльдов. Тэйн подошел к хэльду Окно, желая передать весточку Даллану, однако лазурная поверхность хэльда неожиданно оказалась серой и безжизненной. С нехорошим подозрением Ройг обернулся к хэльду Зеркало и увидел, что три его зеркальных поверхности, расположенные под углом друг к другу, ничего не отражают. Отойдя к ведущей части хэльда Тепло — огненно-красному столбу, Ройг попытался его инициировать и приложил ладонь, ожидая, когда его поверхность нагреется, но ничего не произошло.

Вот оно, подумалось ему со страхом. Отказы хэльдов, и не в фантазиях Кимра, а в реальности. «Да у вас здесь тишь да гладь по сравнению с тем, что творится в Майре и Ахтане», — вспомнилась истерическая реплика островитянина.

— Да, молодой человек, — раздался старческий хрипловатый голос. — Что-то с ними случилось. И не только здесь, в Сухом Море. Говорят, ахтамарским илларами они тоже перестали повиноваться.

Тэйн обернулся. Старый иллар с печальным видом разглядывал своего гостя. Ушари, традиционная для степняков, болталась на одном ухе, открытое лицо, обветренное и обожженное солнцем, за годы приобрело красно-коричневый оттенок местной земли. Под рандом у него были такие же, как и у всех кочевников, кожаные шаровары, с широким кожаным поясом, на котором Тэйн заметил кольца ножен и кинжал в них. Этот иллар носил оружие... Его удивление было настолько сильным, что он не удержался и положил руку на рукоять своего меча, будто бы напоминая себе, что ему самому пришлось взять оружие не по своей воле. Он поспешно отдернул руку, подумав, что иллар может неправильно истолковать его невольный жест.

— Круг Власти неподалеку, — продолжал старик, — какая-то дьявольщина. Он мутный.

— Мутный? — изумился Ройг. — Вы позволите взглянуть?

— Конечно.

Старик провел его в каморку с низким потолком, где сделал несколько пассов и запел на заунывно низкой ноте. Ройг узнал попытку зажечь знак Небесного Огня и удивился, не чувствуя отклика сил. Вежливо подождав, попытался проделать это сам. Знак вспыхнул, но только за счет его личного Огня жизни.

Такого не должно быть прямо над силовым колодцем...

Он зажег знаки-светильники, чтобы осветить полутемное помещение и сразу же почувствовал, как они вытягивают из него энергию. Круг Власти напоминал кусок камня, мутного, не то серого, не то грязно-зеленого цвета, в котором колодец силы узнавался только благодаря стандартной идеально круглой форме и гладкой поверхности. Ройг снял браслет, положил его на Круг. Силовой колодец должен был откликнуться яркой вспышкой света, но камень так и остался сер и безжизненен.

— Говорят, многие Круги Власти помутнели... — вздохнул старый иллар. — Я обращался за помощью к агвалларским жрецам святилища Илбара, но они предпочитают винить во всем нас самих.

— Пафосно заявляют, что мы утратили веру и погрязли в грехах, — усмехнулся Тэйн.

— Именно, — кивнул старик. — А вы откуда знаете?

— Общались, — ответил Тэйн с раздражением. — По той же проблеме.

— Риаллар... — пробормотал старик. — Странно. Значит, не мы одни...

Печально помолчав, он кивком предложил Тэйну вернуться обратно.

Они вышли в другое, более просторное помещение, обстановка которого сильно напоминала местный шра, с теми же циновками на полу, гладко обточенным камнем в центре, служившим кочевникам столом, с двумя блюдами светящихся палочек в противоположных краях зала. Только толстые пыльные манускрипты и старые пергаментные свитки, сваленные на камне-столе, да несколько традиционных ка-эль напоминали о том, что это жилище иллара, а не шатер кочевника.

— Хотел бы я понять, что происходит с Ахтаном в последнее время... — пробормотал он, указывая Тэйну на одну из циновок. — Не только с кэн-ли — со всем нашим миром, — крихтя, он уселся напротив гостя и продолжил, не глядя на собеседника. — Остров Колдунов недолюбливали и в более спокойные времена, а нынче люди пылают ненавистью. Города больше не хотят платить островитянам то, что положено... Илларов становится все меньше. Не только из-за платы... — вздохнув, он достал откуда-то из-под камня глиняный расписной кувшин и шербатые пиалы. Тэйн с подозрением следил, как он распечатывает кувшин и разливает прозрачную светлую жидкость. Уловив запах, он вздохнул с облегчением: это была не местная бурда, приготовленная непонятно из чего, а настоящее арали. С удовольствием он принял протянутую ему пиалу и отпил несколько глотков.

— Секреты карн теряются... И не только тех, что напрямую связаны со святилищами. Те, что существуют отдельно от нас, тоже изменились. К худшему... Мы меняемся. Вымираем, — он печально усмехнулся, допив арали и оставив пиалу. — До меня в этом святилище было три иллара и шесть илонов. Там, за стеной у озера, догнивают останки школы. Большую часть дерева давно уже растащили на растопку. На все Сухое море — чуть ли не полтысячи тагалов с севера на юг и столько же — с запада на восток — нет ни одного иллара второй ступени! Это не первый Круг Власти, который помутнел. Я не знаю, как исправить положение. Когда люди приходят ко мне с просьбами о помощи, я только

беспомощно развожу руками и предлагаю молиться. Они покидают меня разочарованные, идут к шаманам, кустарям и бродячим болтунам... и гибнут, калеча свои жизни. Или обрекая себя на вечное рабство у собственного невежества и жадности.

Ройг молча слушал, понимая, что старик не ждет ответов.

— Кочевые племена теперь предпочитают не разводить скот, а грабить и убивать! — воскликнул тот горестно. — Это у них считается доблестью, — фыркнул он. — Иллары Хэллиха в столице учат убивать, — он посмотрел на Ройга, ожидая реакции, но тот лишь кивнул, подтверждая, что слышал эту новость. — Да что говорить, я сам ношу нож, чтобы защитить себя от грабителей.

Он снова наполнил пиалы вином.

— Когда я понимаю, что молчащие хэльды — лишь часть общей беды, меня душит ярость бессилия. Может быть, я просто стар... — он вздохнул. — Всем нам кажется, что времена нашей молодости были самыми лучшими за все течение Великого Круговорота. Может, я уже неспособен воспринять то новое, что несут его потоки? К несчастью, я не вижу ничего, что могло бы прийти на смену уходящим знаниям. Его нет! Когда-нибудь Кэлленар потеряет свою прежнюю силу... Мы сами откажемся ее использовать! — голос старика неожиданно окреп и помолодел. — Кэлленару нужно долго учиться, необходимо терпение, упорство, сила духа. Конечно, есть более легкий путь — война, разбой, воровство, а то и просто праздность. Зачем нам сила духа, правила и самоограничения, зачем напрягать мозг, учиться, если мы и мечом добудем то, что нам хочется, быстро и без особых усилий? Так теперь рассуждают многие... и не только молодые. Простите мне, юноша, мое брюзжание, но разве я не прав?

Тэйн молча кивнул. Прав. Не во всем, конечно... Спорить со старым илларом он не собирался — тому просто требовалось выговориться.

— А столица? — продолжал тот. — Городские святилища полупусты и запущены, двор шаха погряз в интригах и разврате, а разбойники, что грабят маленькие города поблизости от Ахтамара, там теперь в большом почете. Да и война... Наши предки не любили войну, они предпочитали торговать с Риалларом, а не раздувать склоку из-за жалких кусков сухой земли... — он отпил вина и сморщился. — Даже виноделие и то пришло в упадок. Если вы, юноша, действительно путешествуете из Риаллара, скажите мне, верно ли то, что Джар Илломайн дымится и извергает лаву, и что вблизи Эргалона видели озеро кипящей грязи, рождающее чудищ? И что одно из их убило жреца?

Тэйн не удивился. Слухи летят быстрее, чем арриты.

— Не совсем так, — мягко поправил он. — Но кое в чем вы правы, — и он рассказал об озере под Илломайном, немного добавив красочных подробностей, чтобы развлечь старика.

— Говорят, на юге, за Каньоном Красных Скал, тоже появились какие-то твари, — пробормотал старый иллар. Но там пустыня. И есть нечего.

— Под Илломайном тоже есть нечего, — хмыкнул Тэйн, — поэтому они и лезут на поверхность.

Старик допил арали и наполнил пиалы по новой.

— Грядет Хаос Окончания, — заявил он торжественно. — Скоро, очень скоро не станет ни земли, ни неба, ни солнца, ни Острова, лишь Великий Круговорот, в который волеется еще один поток. Кто знает, может быть, и бессмертные боги наконец-то обретут покой?

(Ахтан, небольшой городок в тридцати тагалах от столицы)

Как мальчишка и обещал, накануне праздника они выбрались из Сухого моря к полосе городов ахтамарского кольца. Первый из них, маленький и неуютный, похожий на обыкновенное стойбище, лежал на краю Сухого моря, отгороженный от него такой же высокой каменной стеной, что они видели в степи. За стеной начиналась полоса блеклой, опаленной солнцем зелени, домишки, похожие на шатры, все те же открытые очаги-печи прямо перед входом в дома, окна и дверные проемы, затянутые разноцветной линялой тканью, слои красной, глинистой пыли, чад очагов, грязь и пепел сожженных стойбищ, витающий в воздухе. В центре города обнаружился большой естественный котлован, со дна которого били ледяные ключи чистой воды. Немного в стороне от него находилось святилище девяти богов и городская управа, единственное здание в два этажа, не повторяющее традиционную форму шатра. Были еще кое-какие постройки, отличавшие это место от обыкновенных стойбищ, но риалларцев они ничем не заинтересовали. Кири помог им устроиться на ночлег на окраине городка, в убогом подобии караван-сарая. Вельг, обрадованный появлением хотя бы примитивных проявлений цивилизации после десятидневного пути через Сухое море, заявил, что пойдет прогуляется. Джерхейн поморщился и изъявил желание искупаться в местном озере, пусть оно и ледяное. Тэйн молча улегся на циновки, собираясь поразмышлять — до Ахтамара оставалось не более двух дней пути, а ни у него, ни у Вельга не было четкого плана, что они будут делать и говорить, когда встретятся с владельцем первого артефакта. Он надеялся, что план появится после личного знакомства, но и для знакомства нужно было придумать повод.

Еще в Эргалоне Кимр показывал Вельгу и Ройгу в хэльде Окно хозяина первого камня мастера музыкальных инструментов. Ройг предполагал появиться в его лавке в качестве покупателя, но что покупать, если никто из них в этих инструментах толком не разбирается? Впрочем, если признаться в своем невежестве, этим можно расположить хозяина... Если, конечно, хозяин — делец, а не истинный мастер.

На пороге возник Джерхейн. Ушари он снял и размахивал ею как тряпкой.

— Оказывается, в этом озере купаться запрещено, — проворчал он обиженно. — Пить воду — сколько хочешь, а пачкать ее своей грязной задницей — ни-ни. Неудивительно, что от них так воняет, — он растянулся на циновке рядом с Тэйном, заложив руки за голову. — Неужели в столице будет так же?

— А где Вельг? — спросил Тэйн, не замечая его раздражения.

— Пошел искать какую-нибудь винную лавку, — ответил тот, широко зевнув. — Сомневаюсь, конечно, что он найдет здесь что-либо приличное, за исключением той кислой дряни, что мы пили в дороге. Я дал мальчишке монету — может хоть он чего-то раздобудет. Хотя сомнительно — в этой-то дыре...

И он снова широко зевнул.

Через затянутое грязной тряпкой окно уже не пробивались солнечные лучи, и Ройг сам не заметил, как провалился в сон. Он падал меж гигантских радужных пузырей, неловко удерживая равновесие на стеклянной глыбе, похожей на кусок льда. На этом сходство заканчивалось, разве что пузырьки внутри глыбы напоминали о замороженной воде. Падение длилось несколько долгих мгновений и остановилось прямо напротив большого

сиреневого, с белыми и серебряными пятнами шара. Со всех сторон к нему лепились шары поменьше. Ройг уверенно шагнул на прозрачную ленту, висевшую над бездной подобно кисейному шарфу. Он знал, как осторожно нужно идти по ней. Останавливаться нельзя, иначе эта капризная штукавина может прилипнуть к ногам, начнет раскачиваться, а потом возьмет и перевернет тебя головой вниз, в сияющую голубым и сиреневым, серым и розовым бездну. Пока наблюдатель из пузыря доберется до тебя, ты уже изрядно одуреешь от гимнастических упражнений этой полумразумной субстанции...

Он благополучно миновал то небольшое расстояние, что отделяло движущуюся глыбу от его родного пузыря. Радужная мембрана проглотила его с забавным хлюпаньем и выплюнула в белый холл. Дежурный наблюдатель кивнул, бросил пару приветственных слов, которые Тэйн не расслышал, потому что уже поднимался по висящим прямо в воздухе ступенькам... Еще одна мембрана, на этот раз — белая, за ней — ровная полоса матовой пленки, почти похожей на пол... потом снова ступеньки в воздухе и наконец — полусфера, разделенная на сотни маленьких ячеек-комнат, почти таких же, как дома, только с висящей в воздухе мебелью. Кельхандар уже здесь, его постель — высоко наверху, почти под потолком, к ней спиралью проложены ступеньки, которые можно передвинуть в другое место или вовсе убрать, если использовать соответствующую формулу урда. Он свешивается с этой плавающей люльки, что-то весело рассказывает, перебивая свой рассказ смехом и жестами, Тэйн отвечает, но отдыхать не торопится — там, в другом конце ячейки, плавает плоская глыба чего-то изумительно-голубого и прозрачного — стол, на котором навалены книги. Он должен еще кое-что подготовить...

А вот книги здесь такие же, как и в Наземном мире, шуршащая бумага, ровные темные строчки, тяжелый кожаный переплет. Кто-то из товарищей по учебе говорил, что Книги Кэлленара ничем не похожи на обычные, что там нет ни слов, ни страниц. Как же их тогда читать? Но ведь читали же их люди, многие и многие из тех, кто вернулся домой, в святилища... Он садится за стол, на такую же плавающую плоскую глыбину, поднимает ее в удобное для него положение — Кельхандар выше его ростом, ему удобнее, когда «стул» опущен пониже, — и открывает лежащий сверху тяжелый манускрипт...

Странный сон-воспоминание рассыпался со звонким щелчком, словно лопнула та непрозрачная сфера, под которой находились ячейки-комнаты. И сразу же после оглушающей тишины небесного пузыря на него лавиной хлынули звуки — бешеное конское ржание, сухие щелчки ругательств и гортанные завывания степных наездников — родовой клич охотников, треск раздираемой ткани, поток брани, звон клинков и свист рассекающих воздух с яростным визгом плетей. Он вскочил на ноги, не сразу понимая, что происходит, увидел в темноте просторного шатра несколько темных фигур у самого входа, полог которого был сорван, Джерхейна, еще не успевшего полностью подняться со своей циновки, но уже вырвавшего меч из ножен. Вельг согнулся в три погибели в стороне от рваной дыры входа — видимо, он первым попался под руку незваным гостям. Рваные огненные блики пятнами падали на пол, на стены шатра, на лица друзей...

С яростным воплем Джерхейн ринулся на ближайшего из гостей, однако тот успел отразить атаку. Еще двое кинулись ему на помощь, а четвертый в одно мгновение оказался рядом с Тэйном. Тот едва успел увернуться от удара, нашел свой меч, отбил два следующих, изловчился и пнул своего противника по колену и отскочил назад, оглядываясь на Вельга, который уже распрямился и теперь с оцепенелым ужасом глядел на своих спутников. Увернувшись от очередного удара и отразив еще один, Ройг крикнул ему: «Зажги свет и

собирай вещи!»). Стало немного легче, когда в свете вспыхнувшего прямо над головой урднака он разглядел своего врага. Впрочем, лица он не увидел, только брови и глаза, черные и яростные, как у всех степняков. За это мгновение растерянности наездник выбил из его рук меч и едва не оттяпал ухо. Ройг проклял себя за тупость и медлительность, но меч искать не стал, понимая, что соревноваться с опытным воином на мечах он сможет еще очень нескоро, а вот насчет рукопашного боя, о котором ничего не говорилось в Кэлленаре... Несколько мгновений спустя ятаган противника валялся где-то у входа в шатер, Ройг вырубил степняка хорошо поставленным ударом по двум жизненно важным точкам, и за ноги выволок того из шатра, заодно убеждаясь, что Вельгу ничего не грозит, он занят делом, а Джерхейн прекрасно справляется и без его не слишком-то ловкой помощи.

Шийяры у напавшей на городок банды были зеленые, со сложными узорами-шнурами по подолу и рукавам, и Тэйн сразу же вспомнил рассказы мальчишки о рисунках на одежде, характерных для разных степных племен. Эти пришли с запада. Там, вокруг главной торговой дороги, обреталось немало таких вот отрядов, промышлявших грабежом неудачливых торговцев, рисковавших пуститься через Сухое море в одиночку или без должной охраны.

Оттащив неудачливого грабителя в сторону, Ройг выскочил за ограду, вспомнив о мальчишке-проводнике, и тут же остановился, потрясенный открывшейся ему картиной. Город горел. Из охваченных пламенем домов и шатров с воплями выскакивали люди, наездники в зеленый шийярах проносились между ними, подхватывая на ходу выволоченный из пожарища убогий скарб, изредка взмахивая саблями, опуская их на головы тех, кто пытался сопротивляться. Несколько наездников направлялись сюда, к гостевым шатрам, надеясь поживиться добычей у незадачливых торговцев. Джерхейн выскочил наружу с ворохом одежды, снятой с поверженного противника. Кинув Тэйну зеленый шийяр нападавших и его собственную повязку-ушари, он стал поспешно натягивать на себя кожаные потертые штаны, пояс с ножнами и сапоги — там, в шатре, увидев противника, он не терял времени на такие пустяки, как одежда. Сказывался боевой опыт... Вероятно, именно это и подвело Вельга.

Торопливо натягивая шийяр и наматывая повязку, Ройг вышел за ограду, заметив бегущего навстречу Кири. Наездники были уже совсем рядом, и Тэйн попятился, видя, что они не обращают на мальчишку ни малейшего внимания. Когда первый ворвался во двор, Ройгу удалось выбить его из седла. Подоспевший Джерхейн разрубил одного из бандитов пополам, сшиб другого, оглянувшись на Ройга и убедившись, что с тем все в порядке, принялся хищно озираться в поисках следующих жертв. Кири ловко прошмыгнул мимо дерущихся, кинулся к стойлам и поспешно вывел арритов. Из шатра выбрался Вельг, волоча за собой котомки, прохромал к стойлам и принялся помогать мальчишке седлать арритов. Джерхейн с радостным визгом, мало отличавшимся от пресловутых родовых кличей степняков, сшиб лбами еще двоих, прыгнул в седло, подхватил брошенную ему Вельгом котомку, и первым выехал за ограду.

Тэйн вспомнил о своей илломайнской находке, стремглав бросился в шатер и с трудом отыскал ножны с мечом среди груды развороченных циновок. Джерхейн с Вельгом были уже в конце улицы, когда он нагнал их.

Разбой на улицах продолжался, степные наездники безумствовали, и только зеленые шийяры, предусмотрительно прихваченные Джерхейном, позволили им беспрепятственно выехать из города. Мальчишка увел их к главной торговой дороге, утверждая, что если ехать

без остановок, к утру они будут в следующем городке ахтамарского кольца, а там до самой столицы — рукой подать. Какое-то время они скакали галопом, периодически оглядываясь на пылающий позади город. Тэйн усиливал зрение, вглядываясь в темноту и пытаясь разглядеть погоню, но только после восхода ночного солнца он убедился, что их не преследуют.

Его еще долго лихорадило — всплывали картины пожара и резни на улицах. Никогда еще ему не приходилось сражаться против людей — только против тварей. Иллары святы... Только благодаря боевому опыту Джерхейна они выбрались из города целыми и невредимыми. С этого момента задание островитян перестало казаться ему простым и безопасным. Похоже, Кимр лучше знал, что именно им предстоит, когда настаивал на осторожности и скрытности.

Ему еще ни разу в жизни не приходилось убивать людей. Против илломайских тварей он всегда применял кэн-ли — существовало множество способов сбить тварь в атаке, замедлить ее движение, парализовать и уничтожить. Небесный Огонь, Смерч — удар движущегося воздуха, Булава, используемая горнодобытчиками для разрушения породы, или Клин — та же Булава, только узконаправленная, или Молот в кузнечном деле, были не менее опасными и разрушительными, чем человеческое оружие. Проще и эффективнее было бы сбить бандита Небесным огнем или тем же Молотом, думал он, так проще и привычнее, но применить кэн-ли против человека... Все его естество противилось этому. Иллары созданы, чтобы защищать людей, а не уничтожать их.

Он догнал Джерхейна, ускакавшего далеко вперед.

— Я буду тренироваться на каждой стоянке. Как можно больше, — и, видя, что Джерхейн не удивляется и ни о чем не спрашивает, добавил. — Если мы опять попадем под налет, от меня будет больше пользы.

Джерхейн молча кивнул.

— Ты что, с ума сошел? — вскинулся только что подъехавший Вельг, который прекрасно слышал его слова. — А если ты кого-нибудь убьешь? Ты же слышал, что говорил Кимр...

"Понесло", — мрачно подумал Ройг. Иногда Вельга пробивало на обличительные речи. Стиснув зубы, он смотрел вперед, на дорогу, не собираясь отвечать. Джерхейн, у которого имелось свое мнение и об островитянах, и об илларах, слушал его с хмурым сосредоточением на лице, а когда Вельг стал повторяться, оборвал его:

— Слушай, заткнись, а?

Не выполнить приказ аш-чи Вельг не мог. Оскорблено замолчав, он вернулся в арьергард их маленького отряда.

(Сезон Ветров, Ахтан, Ахтамар)

Ахтамар пришелся им по душе. Им — это Джержейну и Ройгу, да и Кири, пожалуй Вельг не переставал ворчать: со дня резни степных наездников он пребывал в хронически плохом настроении. По столице ползли слухи о многочисленных дерзких нападениях одного из самых сильных кочевых племен на окраинные городки Сухого моря. Джержейн, болтаясь из одной трайты в другую, успел собрать немало жутких историй о жестокости степных кочевников. Насмешливо поглядывая на испуганное лицо Вельга, он со вкусом пересказывал кровавые подробности налетов, в результате чего Вельг вспыхивал и принимался грозить бандитам всеми карами Прародительницы.

Ахтамар сильно напоминал Ройгу родной Эргалон — те же яркие цвета, оживление, пестрые толпы народа, бродячие музыканты, торговцы из разных стран, красивые женщины, множество веселых и чумазных ребятишек. Разве что некоторый налет варварства и вульгарности портил эту греющую сердце схожесть. Довольно скоро они привыкли и к уличным дракам, после которых стража отволакивала трупы к городской стене, засыпая песком кровавые лужи, к шумным пьяным оргиям в трайтах и тихим грабежам на вечерних улицах. Эргалон был цивилизованнее и утонченнее. Эргалон был старше и мудрее, спокойнее и благополучнее Ахтамара. Даже Джержейн, у которого не получалось равнодушно проходить мимо уличных потасовок, и который с удовольствием вмешивался туда, куда считал нужным вмешаться, осуждал ахтанского шаха за неумение навести порядок в собственной столице.

В конце концов именно Вельг отыскал Керина, хозяина нужного им артефакта, несмотря на то, что все они с утра до ночи бродили по музыкальным лавкам. Вельг догадался заглянуть в святилище Илбара, под покровительство которого находились все люди искусства, встретиться с главой карны Арфы и разузнать о нужном человеке. На четвертый день обитания в столице они добрались, наконец, до маленькой лавчонки на краю города, расположенной в похожем на шатер одноэтажном домике. Джержейн потоптался у входа, вспомнив, что в небогатых домах комнаты освещались уже знакомыми вонючими палочками в блюде с водой, поморщился и, наконец решившись, первым сделал шаг вперед.

Владелец лавчонки оказался невысоким толстым человечком неопрятного вида. Редкие черные волосы, в которых запутались какие-то подозрительные опилки, сморщенная загорелая кожа, нос-клюв, чрезвычайно невымытая шея и руки производили убогое впечатление, но, несмотря на общую замызганность, одет он был богато, в новый роскошно расшитый шийяр, на широком кожаном поясе которого по последней ахтамарской моде болтались драгоценные бусы. У Тэйна перехватило дыхание, как только он разглядел их. Самая крупная бусина представляла собой искусно ограненный небесно-голубой кристалл, внутри которого светилась серебром маленькая, свернувшаяся тугими кольцами змейка — урд — знак «Жало».

Вельг незаметно отвел Джержейна в сторону и тихо объяснил ему, что именно висит у этого типа на поясе. Ройг, чтобы отвлечь внимание, завел разговор с хозяином. Тот с готовностью представился, предложил свои услуги и стал расхваливать висящие на стенах музыкальные инструменты. Тут были и те, которые Тэйн немного знал и даже мог извлечь из них нехитрую мелодию, попадались и такие, о которых он понятия не имел, не только как

играть на них — как правильно в руки-то взять. В итоге он остановился на вишве, со знанием дела проверил корпус, пробежался пальцами по струнам, убеждаясь в их прочности, взял несколько печальных аккордов и заявил мастеру, что удовлетворен выбором. Джерхейн тем временем уже вполне освоился с новой ситуацией, встрял в разговор, принялся торговаться о цене с удивившей Ройга настойчивостью и знанием дела. Мастер Керин тут же включился в этот сложный и весьма увлекательный процесс, чуть ли не пританцовывая от удовольствия. Когда они сошлись-таки в цене, Джерхейн заявил, что купит еще что-нибудь в подарок для своей молодой жены, если хозяин берется дать ему хороший совет. Хозяин с воодушевлением согласился.

Через какое-то время они уже болтали на темы, совершенно далекие от музыки. Джерхейн по секрету поведал Керину, что он с другом — кивок в сторону Тэйна — путешествуют по Наземному миру, он — с целью написать путеводитель для странствующих торговцев и мастеровых, а его друг собирает мифы и легенды разных народов Теллара. Тэйн тут же подключился к беседе и на ходу выдал разинувшему от изумления рот хозяину первое, что пришло в голову, точнее, то, что тут же на месте и сочинилось. Попугав его для остротки тремя новыми неудачными воплощениями известных богов, которые в ближайшем будущем присоединятся к уже имеющимся семи небесным дьяволам на Адовых облаках, он свернул на степных наездников и принялся в красках описывать драку в гостевом шатре. Мастер вскрикивал от волнения и удовольствия, Джерхейн заявил, что выбрал, наконец, подарок жене, Керин скинул цену, и они все вместе решили пойти в ближайшую трайту отметить удачную сделку и состоявшееся знакомство. Вельг, все это время тихо наблюдавший в сторонке, на ходу шепнул Тэйну, что возвращается домой, чтобы им не мешать.

В трайте было весело и шумно. Для начала они заказали три кувшина арали и полагающуюся под него закуску. Керин божился, что никогда ранее не встречал таких душевных покупателей, Джерхейн одобрительно хмыкал и рассказывал об их воображаемых приключениях по дороге в Ахтамар. Через полтора круга они обменялись сначала кувшинами, потом — местами за столом — традиционные телларианские жесты закрепления нового знакомства, а еще через круг на месте Керина оказался Тэйн. Под столом валялось уже шесть пустых кувшинов, у Джерхейна заплетался язык, а мастер все еще громогласно вещал о благородных покупателях и неожиданно изъявил желание попутешествовать вместе с ними. Тэйн тут же рассказал на ходу сочиненную им байку об ужасном огненном смерче, преследующем его всю дорогу от одного города к другому. Мастер решительно послал смерч на Адовы облака, объявив, что не боится ни реальных небесных дьяволов, ни тех, кто еще не состоялся.

Все это время Ройг исподтишка разглядывал артефакт на поясе мастера. Стащить его, что ли, когда тот окончательно напьется? Тьфу, стыдобища. Лучше раздобыть какой-нибудь пояс с драгоценными бусами, из тех, что так популярны в Ахтамаре, и попробовать поменяться с мастером на память, если, конечно, это не семейная реликвия.

Он присоединился к очередному тосту за знакомство. От выпитого Джерхейна уже мотало в разные стороны, мастер принялся орать какую-то непристойную песенку, а когда закончил, Тэйн заявил, что запишет ее слова — на память о встрече. Мастер затянул еще одну, на этот раз общеизвестную, за соседним столиком подтянули, безбожно перевирая мелодию, хозяин трайты поднес им еще один кувшин арали за счет заведения, Джерхейн и мастер прикончили его в несколько глотков, на спор, кто быстрее, Тэйн рассердился, что

ему не оставили, предложил перейти на инту, поскольку только юнцам и женщинам пристало пить арали, а настоящие мужчины пьют только инту, и не разбавляя, мастер возликовал, Джерхейн свалился на стол, мастер поднял его, убеждая, что ночное солнце еще не вошло, настоящие мужчины не встают из-за стола раньше восхода ночного солнца, Джер заявил, что настоящие мужчины не встают с ложа любви раньше заката ночного солнца, они выпили за пламя Койе и нежность Тармил, за всех тех, кто делил, делит или разделит с ними это ложе в прошлом, настоящем и будущем, затянули еще одну непристойную песню, на этот раз Джерхейн пытался подпевать Керину, несмотря на полное отсутствие слуха, потом они оба запутались в куплетах, забыли конец и решили начать все с начала.

Когда ночное солнце все-таки вошло, в дверях трайты появился Вельг, вытаращил глаза, выволок мастера из-под стола и потащил к выходу, тихо ругаясь, вывел на улицу и прислонил к стене трайты. Потом вернулся за Джерхейном, поставил того на ноги, довел до двери и велел сторожить мастера, который тем временем уже обнюхивал мостовую в поисках упавшего куска жареной колбасы, стянутого с последнего столика. Ройга он обругал пузырем утопленника, дал пинка и, бесцеремонно толкая в спину, выгнал на улицу. Джерхейн тем временем направился в одному ему известном направлении, Вельг подхватил мастера и поволок того к лавчонке, Тэйн поплелся за Холгойном, вяло убеждая его вернуться домой. В конце концов они каким-то явно волшебным образом оказались дома, Джерхейн рухнул на циновке у входа и захрапел, Вельг выдал Ройгу еще пару пинков, от которых тот благополучно приземлился на кровати и с неохотой подумал о необходимости раздеться. Рассерженная физиономия Вельга еще несколько раз мелькнула у него перед глазами и наконец исчезла, сменившись мутной темнотой...

(Ахтамар, Ахтан)

— А я говорю тебе, невидимая лестница есть, — горячится Кельхандар, забавно взмахивая руками. Так он похож на потревоженную земную птицу, и Тэйн смеется. Он не верит ни в какую невидимую лестницу, он считает, что выход в другое пространство шара, за радужную пленку, отделяющую этот слой от следующего, более высокого, находится где-нибудь в укромном местечке, о котором ученикам не положено знать. Почему? Да потому что островитяне не хотят, чтобы люди Наземного мира видели, как они живут на самом деле. Ни те, кто нанимается на работу на Остров, ни те, кто становится здесь илонами и илларами. Никто. Ну и пусть, у всех у них есть тайны, ему не очень-то хочется их знать. Вдруг они на самом деле уродливые, или живут в таких условиях, которые людям Теллара покажутся отвратительными? Зато каждый из учеников побывает во всех основных святилищах Острова, а тот, кто достигнет особых успехов, будет допущен в Святилище Илбара, к священному своду Кэлленара. Это гораздо интереснее, чем бытовые подробности...

— А может, туда попадают на такой же прозрачной глыбе, что и сюда, — предположил он, чтобы не обижать Кельхандара, которого так занимает этот вопрос. — Или может, есть специальный хэльд, вроде хэльда Дверь, который переносит островитян с одного островного слоя на другой.

Кельхандар пожимает плечами. Сама идея невидимой лестницы нравится ему больше всех реально возможных путей.

— Мы не можем ее видеть, потому что мы родились на Телларе, наши глаза устроены по-другому. Для нас она — невидимая, — упорствует он. — Ведь не могут же островитяне смотреть на солнце. А мы можем. Они не могут долго находиться под солнечными лучами, сразу получают ожог, а нам — хоть бы хны. Вот и лестница из того же списка. Они видят ее, а мы — нет.

Тэйн улыбается. Конечно, островитяне не переносят жаркого телларианского солнца, потому что оболочка Небесного Острова не пропускает ультрафиолет, их кожа не знает, что такое солнечные лучи, с самого рождения. Конечно, если рожденного на Острове поместить в Наземный мир и постепенно приучать его к солнцу, он привыкнет и перестанет его бояться, но коренные жители Острова не покидают свою родину. И в этом нет ничего удивительного — они здесь родились, живут, это их дом. Он сам, к примеру, ни за что не согласился бы провести всю свою жизнь в этих причудливых пузырях. Вот и сейчас ему чертовски хочется домой, но до конца обучения еще далеко... ох как далеко. А Кельхандару еще дольше, ведь он пришел сюда на год позже Тэйна.

Сон оборвался резко и неожиданно — его выдернули из него, словно рыбу на удочке. Пробуждение было более чем неласковым — на него обрушился поток ледяной воды. Он сел, обнаружив, что так и не разделся, что уже утро, что Джерхейн возится у колодца во дворе. Вельг, устроивший ему эту утреннюю экзекуцию, недовольно покачал головой.

— Пузырь утопленника, — повторил он с осуждением в голосе. — Ты что, меры не знаешь?

— А где Керин? — поинтересовался Ройг вяло, подумав, что Вельг прав и меры он

действительно не знает, голова вот совсем тяжелая, соображать не хочет.

— Дома, где ж еще. Мне его на себе пришлось тащить, — ответил тот. — Протрезвеешь — пойдешь проведешь.

— А Джер? — Тэйн кивнул в сторону окна.

Вельг только хмыкнул в ответ.

Умывшись и переодевшись, Тэйн отыскал Кири и предложил ему вместе позавтракать. Тот обрадовался возможности вкусно поесть, да еще в солидной компании — мальчишек в трайты не пускали, даже при наличии денег, только со взрослыми, и только с мужчинами. По дороге они беспечно болтали о ерунде, пока мальчишка не упомянул о вчерашней пьянке. Тэйн нахмурился. Ему стало неловко, что парень видел, как Вельг доставлял их домой, пьяных до безобразия. Но Кири имел в виду вовсе не это.

— Пока вас не было, тут крутились какие-то хмыри. В окна заглядывали, слуг расспрашивали, кто живет да когда приехал. Потом тот, что в ушари, меня увидел, ну и стал выпытывать, зачем вы приехали да куда пошли. Я, конечно, дурнем прикинулся, что не знаю. А потом пообещал, ну, это, залезть к вам да в вещах порыться, — мальчик вздохнул. — Но они сказали — не надо. И уехали.

Тэйн покачал головой.

— Кому-то могла не понравилась рыжая шевелюра Джерхейна, — пояснил он. — Вот и разнохивают. Ты молодец, все сделал правильно. Что ж, мы будем осторожнее. Можешь их описать?

Кири надолго задумался.

— Вообще-то они на отряд похожи. Шийяры разные, но все неброские, в одной манере сделаны. Трое в ушари и тюрбанах. Двое с открытыми лицами. Лица горожан, не степняков. У всех ятаганы, кроме главного. Главный у них, ну, тот, что со мной разговаривал, странный какой-то, — мальчик сделал паузу. — Жуткий.

— Жуткий? — переспросил Ройг. — Почему?

— Высокий очень. Худой. Шийяр в поясе перемотан шелковым шарфом, так кажется, будто он вообще... как палка тонкий. Тот кусочек лица, что из-под ушари виден — очень бледный, белый прямо-таки. Самое ужасное — глаза у него белые... — мальчик поежился.

— Совсем белые? Без зрачков, что ли? — удивился Тэйн.

— Очень светлые. Будто бы из серебра сделаны. А белки — голубые. А еще я видел его волосы. Они длинные, из-под тюрбана сзади свешивались. Они черные и белые одновременно!

— Как это? Седые, что ли?

Кири отрицательно затряс головой.

— Не бывает такой седины! — жутким шепотом заявил он. — Прядь черная, прядь белая. И так попеременно. Нелюдь он, вот что! — и затрясся, взвинченный собственным воображением.

— Постой-ка, — поспешил успокоить его Ройг. — Давай я опишу тебе разумную тварь, которую я на самом деле видел, — и он, вспомнив существо, напавшее на него в илломайнском лабиринте, постарался подробнейшим образом его описать. — Похож?

— Нет, — снова затрясся мальчишка. — Это вы мне совсем чудовище изобразили! А тот — человек. Просто он как... как... Небесный Дьявол!

— Небесный Дьявол, значит... — Тэйн улыбнулся. — И какой же именно из семерки?

Завтракали они там, где и раньше — в маленькой трайтке недалеко от постоянного двора. Мальчишка уплетал соленый сыр и все те же лепешки за обе щеки, Тэйн едва впихнул в себя кусок лепешки и в который раз поклялся, что больше не будет пить с Джерхейном — тот никогда не мог остановиться вовремя. Да и весовые категории у них разные. Впрочем, не только в выпивке.

После завтрака он отправился к мастерской Керина, поглядеть, как там мастер, прихватив мальчишку с собой. К счастью, лавка была открыта, Тэйн заметил посетителей, разглядел и хозяина, вид которого не просто говорил — кричал о чрезмерных возлияниях накануне. Понаблюдав со стороны, как у него идут дела, больше для очистки совести, чем для дела, и убедившись, что бусы по-прежнему висят у того на поясе, Тэйн решил не заходить в лавку. Теперь, когда артефакт найден, следовало позаботиться о путях отступления, особенно если за ними следят. Тэйн и Даллан заранее установили все хэльды-пути из Ахтана, но следовало заранее проверить их работоспособность и вычислить наикратчайший путь от постоянного двора и лавки мастера. Кири увязался за Тэйном, убедив его, что он тоже должен знать, куда благородные господа из Риаллара направятся, если у них случатся неприятности.

Путей из Ахтана было несколько. Первый, обыкновенный хэльд-Дверь, вел в Дарнейт, крупный город на юго-востоке Риаллара, и располагался в городском святилище Илбара. Второй, хэльд Ворота, интересовавший Тэйна гораздо больше остальных, находился на окраине столицы, на какой-то убогой торговой площади, и вел прямо в Каррею, столицу Майра, следующее место на карте их пути. Если все получится, именно этим путем Тэйн собирался уводить Джерхейна Вельга из города. Еще два пути вели домой, почти к самому Эргалону, однако они были неудобны для возвращения, потому что находились в предместьях Ахтамара, в каких-то маленьких святилищах, одно из которых было, по словам Даллана, и вовсе разрушено. И, наконец, самым последним путем отступления был Небесный столб, находившийся чуть ли не в центре города. Тэйн считал, что в самом крайнем случае можно воспользоваться и им, перенестись на Небесный Остров и попросить островитян проводить их до того Небесного столба, что вел в Риаллар или Майр, в зависимости от результатов. В конце концов, они выполняют поручение Острова, и скромная помощь с стороны жрецов пришлась бы более чем кстати.

Тэйн покосился на уверенно топающего впереди Кири. Только что тот заявил, что знает, где находится нужная Ройгу торговая площадь с Воротами. Вздохнув, он вернулся к своим утренним размышлениям. Итак, с некоторых пор ему снится Остров. Более того, не просто снится, а вспоминается, постепенно, шаг за шагом, образ за образом. Уже не только во сне, иногда и наяву какие-то детали, подробности, все новые и новые лица всплывают у него перед глазами. Он обнаружил, что хорошо помнит Кимра, что не раз встречался с ним там, на Острове, что тот читал им один из наиболее сложных разделов Кэлленара — теорию акустических воздействий и их сочетания с жестовыми символами. Он вспомнил, что даже видел когда-то Кианейт, вместе с ним, где-то... вот где именно, пока неясно, только вот выражение его лица было при этом совершенно не похоже на обыденное: тогда Кимр смотрел на свою дочь с неожиданной для этого холодного человека нежностью. Оказалось, что Тэйн очень хорошо помнит своего собственного наставника, лицо которого он не мог вызвать в памяти все годы, проведенные в Эргалоне после возвращения в Наземный мир. Постепенно, одного за другим, он вспоминал своих товарищей по учебе, вспоминал сам Остров, его необычную структуру и непривычный телларианам образ жизни.

Многое, очень многое еще оставалось на дне памяти, но теперь он надеялся со всей страстью, на которую был способен, что со временем восстановит все до последней мелочи. Единственное, что казалось странным, так это причина появления этих неожиданных воспоминаний. Ни Вельг, ни Даллан, ни другие иллары, которых он знал, даже самые старые, не помнили Острова. Это было одно из основных правил Агваллара — они запрещали илларам помнить то, что не касалось полученных знаний.

Что же с ним происходит?

Впрочем, было у него одно любопытное подозрение. Воспоминания стали приходить к нему после встречи с той тварью под Илломайном и после общения с озером светящейся субстанции, которую они условно называли лавой. Одно из этих событий, видимо, повлияло на сознание, уничтожив путы навязанного беспомыслия. Он усмехнулся и подумал, что островитянам лучше об этом не знать. Вряд ли им понравится такой поворот дела.

Мальчишка тем временем привел его на эту самую площадь на окраине города. Тэйн огляделся и брезгливо поморщился. И это центральные ворота в Каррею? Печально, если не сказать — отвратительно. Торговые ряды, покосившиеся и заваленные отбросами, грязные, ветхие домишки, опять же, слишком похожие на степные шатры, несколько гнусно воняющих очагов, на которых кипело уже известное тошнотворное варево, какая-то подозрительная лужа, вовсе не грязной воды, как показалось ему вначале. И посреди всего этого убожества — высокая каменная арка, затянутая струящейся розово-лиловой дымкой — Ворота. Там, за этой непрозрачной пленкой древнего хэльда, лежал Майр.

Тэйн подошел к Воротам, нарисовал урд-знак Ключ, и пленка на воротах всколыхнулась и подернулась серебристой рябью. Он облегченно вздохнул, убедившись, что хэльд работает. В глубине души он опасался увидеть его серым и безжизненным. Нет, хвала Илбару, здесь все в порядке, несмотря на хлюпающее под ногами месиво отбросов, уличной грязи, человеческих и лошадиных экскрементов. Ничего, там, в степи, бывало и хуже.

Кири, внимательно следивший за его действиями, спросил, когда они вышли с площади на прямую и чистую улицу.

— А можно научиться чему-нибудь такому... ну, из того, что умеете вы, иллары. Например, проходить через эти ворота? Или зажигать свет без помощи палочек?

Тэйн улыбнулся и покачал головой.

— Можно научиться использовать профессиональные ка-эль. Тебя научат этому в храме, под покровительством которого находится твое ремесло. Если же ты хочешь большего, тебе придется долго учиться на Небесном Острове. Больше этому искусству нигде не учат.

Парень поморщился.

— А если я хочу учиться, но не хочу идти на Остров? Почему нельзя дома?

— Не знаю, — искренне ответил Тэйн. — Может быть, потому что для этого нужны специальные книги. Может быть, потому что большинство илларов не умеют этому учить. Может быть, потому что Остров против. Если в Наземном мире начнут учить Кэлленару, никто не захочет платить Острову дань. Может быть, есть другие причины, которых я не знаю.

— Жаль, — вздохнул Кири. — А то я бы попробовал.

— А почему ты не хочешь отправиться на Остров? — поинтересовался Тэйн.

Парнишка сделал страшные глаза

— А вы знаете, что они жертвы приносят? — шепотом спросил он. — И кровь пьют.

Нашу. А небесные дьяволы ходят к ним в гости чуть ли не каждый день — Адовы облака-то рядом! Они сначала научат, а потом заколдуют так, что память отшибет. И будешь ты ходить, как мертвяк, и шпионить, и островитянам докладывать. Во сне докладывать, — пояснил он.

— Я похож на заколдованного? — рассмеялся Тэйн.

Мальчик хмыкнул.

— Некогда мне там время терять, — заявил он с неожиданной серьезностью. — Домой вернусь — отец арритов прикупит, работы будет невпроворот. Шра перенести, законы ставить... Это при том, что братишка мой старший уходит на запад собирается, в стойбище за Сухим морем, там его звали. Обьездчик он хороший, — сказал он с гордостью. — Островным золотом обещали платить. Не до Острова мне, — вздохнул он, и Тэйну неожиданно послышалось сожаление, тщательное прикрываемое озабоченностью делами родного дома.

Некоторое время они шли молча, но когда выбрались на людную улицу, Ройг заметил, что мальчик стал настороженно оглядываться по сторонам. Несколько раз он неожиданно сворачивал в переулки, ускоряя шаг, а когда возвращался на центральные улицы, снова начинал тревожно озираться.

— Что тебя беспокоит? — спросил Тэйн после очередной петли по закоулкам.

— Два каких-то типа тянутся за нами от самых Ворот, — сказал Кири с волнением. — Осторожно так идут. Вроде и не прячутся, но и на глаза стараются не попадаться. Я-то их сразу приметил, рожи у них подозрительные, а один и вовсе ушари нацепил, из Сухого моря, значит.

— Не обязательно, — возразил Тэйн. — Удобная вещь — ушари. Надел — и нет тебя, одни глаза, а разве по глазам узнаешь?

— Еще как узнаешь, — засмеялся Кири. — Это вы непривычный, в степи чуть побыли. А я с детства за такими глазами слежу. Мне что глаза, что вся рожа — все равно узнаю. Остальное, пожалуй, даже мешать будет. А вот походка у него ровная, и спина не такая. Не наездник, — заключил он решительно.

— Что делать-то будем? Попробуем оторваться?

Мальчик пожал плечами.

— Они, наверно, и раньше за нами тащились, да мы их не видели. До храма-то далеко, может, потеряют по дороге. А так — пусть идут, мы же ничего не делаем, гуляем только. Пойдем вот в винную лавку, купим пару кувшинов, да и вернемся к вашему мастеру. Пусть думают, что хотят.

— Странно все это со стороны будет выглядеть, — пробормотал Тэйн. — Приехали из Сухого моря, спаиваем зачем-то мелкого лавочника, продавца музыкальных инструментов, напиваемся сами, шляемся по городу от одного хэльда к другому...

— Это уж пусть они мозги ломают, — фыркнул Кири.

До святилища Илбара они добрались без приключений, но хвост не отстал. Тэйн переговорил с илоном, проверил хэльд, а потом, как и предлагал Кири, завернул в винную лавку за парой кувшинов и отправился к мастерской Керина, собираясь продолжить знакомство и поправиться после вчерашнего. Впрочем, он не сомневался, что мастер уже поправился и без него. Кири сообщил, что до лавки их благополучно проводили все те же личности. Недолго потоптавшись напротив лавки, они ушли, решив, видимо, что ничего нового про своих подопечных сегодня не узнают.

В лавке мальчишка сразу же заторопился обратно, заявив, что пойдет к постоялому двору, посмотрит, не объявился ли там вчерашний Небесный Дьявол.

— Скажу, что залез к вам ночью, — продолжил он. — Скажу, что в вещах у вас свитки разные, куда вы всякие сказки записываете. И про вишве скажу, и про аэрию новую. И про выпивку, — тут он хитро улыбнулся.

Тэйн отпустил его с тяжелым сердцем. Парень относился к проблеме слишком легкомысленно, так, словно играл в увлекательную игру. Если уж ими интересуются, следует отпустить мальчишку, не подвергая его риску: в первую очередь соглядатаями могли оказаться люди ахтанского шаха, чья разведка всегда работала не хуже риалларской, и которая вполне могла клюнуть на приметную рыжую шевелюру Джерхейна.

Однако Керина в мастерской не оказалось. За прилавком стоял молодой подмастерье, который объяснил, что мастер, помаявшись до обеда, куда-то ушел, не сказав, когда вернется. Тэйн подумал, что Керин решил не мучить себя и отправился либо домой — отсыпаться, либо туда же, где был накануне, заесть и запить нынешнее нездоровье. Недолго думая, он добрался до трайты, в которой они отмечали состоявшееся знакомство, и, войдя в ее прохладный низенький зальчик, сразу же увидел эту парочку. Впрочем, похоже, пили они на этот раз весьма умеренно, он заметил под столом всего один кувшин, второй же стоял рядом с Джерхейном. Судя по неловким движениям Керина, разливавшего арали в этот самый момент, кувшин был почти полный. Сильный запах ал-за, смешанный с ароматом готовящейся пищи, вполне приличной, если судить по внешнему виду блюд, что стояли на столе, сразу же ударил в голову, опьяняя не хуже вина. Ройг, почувствовав, как поднимается настроение, рассмеялся и подошел к ним, собираясь присоединиться. И удивился — Джерхейн и Керин играли в кости.

Впрочем, они оба бурно обрадовались, завидев его. Оказалось, вдвоем им играть не интересно. Джерхейн тут же вынудил Ройга присоединиться. Игрок, надо сказать, он был такой же, как и пьяница — никудышный. Не было азарта. Через какое-то время ему становилось скучно, независимо от проигрышей-выигрышей, и он оставлял игру. Джер, впрочем, обычно старался не увлекаться — азарт был его слабостью, стоило ему один раз выиграть, и он уже не мог остановиться.

Тэйн заказал ужин, обильный и сытный, и сыграл с ними несколько конов, проиграл, причем не Керину, а Джерхейну, которому явно везло, потом утолил яростный голод, мужественно отказавшись от арали и перетерпев все подначки Джерхейна, который, похоже, после вчерашнего так и не смог остановиться. Они все продолжали играть, с переменным успехом и с нарастающим азартом. Тэйн понаблюдал за ними, устал от их эмоций и решил вернуться домой, справедливо полагая, что так будет лучше. Сегодня явно его очередь разводиться эту парочку по домам. Если Джерхейн будет продолжать в том же духе, скоро из мастера можно будет веревки вить.

Домой он добирался уже в сумерках. До восхода ночного солнца оставалось совсем немного, но он не решился использовать Небесный Огонь, опасаясь привлечь чужое внимание.

В том крыле, где находились их комнаты, было темно и подозрительно тихо. Постояльцы, по-южному деятельные и шумные, то ли выехали все одновременно, то ли разом куда-то убрались. Через обшарпанный и убогий зальчик с ямой посередине, где раньше, по-видимому, был не то колодец, не то фонтан, Ройг направился к жилым комнатам. Дверь их комнаты, прочная, обитая кожей и изящными чеканными накладками, вела себя явно не

так, как полагалось бы толстой надежной двери — он с ужасом заметил, что та бессильно обвисла на одной петле, душераздирающе-тоскливо скрипнула и приоткрылось. Он похолодел и кинулся туда, на ходу зажигая яркий клубок света.

В зале никого не было, валялась только нечто покореженное и перекошенное, в чем Ройг с трудом, но все же узнал останки столика на колесах, некогда помещавшегося в спальне Джерхейна. Уже понимая, что это может означать, он прежде всего на всякий случай окликнул Кири. Не дождавшись ответа, бросился сначала в свою, затем в комнату Джерхейна. Ничего там не было, кроме беспорядка, свидетельствующего о чрезмерном любопытстве незваных гостей. Вся их поклажа уцелела, только валялась распотрошенной по разным углам. Тэйн огляделся еще раз, пытаясь понять, чем именно интересовались пришельцы, махнул рукой и направился в комнату Вельга.

Вельг валялся у стены посреди такого же беспорядка. Несколько запекшихся ссадин на лице и заплывший глаз говорили о том, что ему пришлось лично общаться с незваными гостями, и что он хотя бы попытался объяснить им, насколько нехорошо вламываться в чужие апартаменты без разрешения. Тэйн перетащил его на кровать и привел в чувство. Некоторое время тот никак не мог сообразить, где находится и что произошло, но постепенно пришел в себя и начал относительно внятно излагать события. Оказалось, какие-то темные личности ворвались сюда после заката дневного солнца, перерыли все комнаты, выпотрошили вещи. Вельг затаился и ждал, уже не пытаясь сбежать. В конце концов они наткнулись на него, и некоторое время избивали, пытаясь выяснить, кто он такой. Обнаружив на его плече клеймо Острова, непрошеные гости перепугались до дрожи, оставили его в покое и принялись совещаться, что теперь лучше сделать — убить его или оставить все как есть, но Кири, появившийся в этот момент, поднял шум — с криками о помощи он рванул обратно, и бандиты кинулись следом за ним. Вельг считал, что парню удалось их одурачить и выскользнуть из дома целым и невредимым. Куда именно он мог отправиться, Вельг понятия не имел, дальнейшее тоже не помнил, потому что напоследок его оглушили и бросили валяться тут, у стены. Закончив рассказ, он еще какое-то время ругался, поминая небесных дьяволов и озеро кипящей грязи, но потом неожиданно замолк и тупо уставился на Тэйна.

— Может быть, ты хотя бы попытаешься предположить, что именно они искали? — спросил Тэйн, уже зная, что он сделает в самое ближайшее время. Вельг лишь вяло пожал плечами, и тогда он сказал:

— Поднимайся на ноги, собирай наши манатки, седлай арритов и отправляйся к той трайте, где мы были вчера. С хозяином пока не расплачивайся — может быть, именно он и шепнул кому надо о подозрительных постояльцах. В этом случае ему будет достаточно морального удовлетворения.

— Ты куда? — спросил Вельг, дернувшись вслед Ройгу, который уже стоял в дверях, сжимая рукоять меча.

— За Джером. И за Керинном.

(Ахтамар, Ахтан)

Оседлав своего аррита, он добрался до трайты быстрее, чем рассчитывал, и все же опоздал. У ее дверей уже стояли два ахтамарца в боевых тхонах — полукольчугах. На мостовой, в стороне от трайты, валялось несколько тел. Тэйн остановился рядом с ними, глянул мельком, убеждаясь, что ни Керина, ни Джерхейна среди них нет, и уже собрался подъехать к дверям трайты и попытаться договориться со стражниками, когда один из них повернулся и попытался приподняться. Тэйн с холодным ужасом узнал Кири. Спешившись, он кинулся к мальчику, перевернул его, опытным глазом целителя-иллара убеждаясь, что помочь ему уже невозможно. Та попытка приподняться была агонией.

Он скрипнул зубами, задохнувшись от рвущегося бешенства, и осторожно положил Кири наземь. В ледящем яростном спокойствии он неспешно подошел к воинам у входа. О мече в ту минуту он забыл, но он ему и не понадобился. Мирный вид и обманчиво спокойные движения сделали свое дело: он оглушил первого древком вырванной у него же из рук алебарды, другого напугал до смерти, нарисовав перед его носом один из самых зрелищных урд-знаков — Фейерверк. На несколько мгновений на улице стало светло и шумно — знак вспыхнул разноцветными огненными брызгами, обдав ахтамарца волной жара и грохота. Тот завизжал, как резаный, и бросился куда-то в сторону. Ройг ворвался в трайту и замер на несколько мгновений у самых первых столиков, оглядывая зал и оценивая происходящее.

Драка была в самом разгаре. Хозяин заведения забился под стойку и иступленно визжал, осатанелые ахтамарские воины рубили в капусту все, что попадалось им на пути, кто-то оскальзывался на обедках и черепках винных кувшинов, усеявших пол вместе с человеческими телами и обломками мебели, Джерхейн, трезвый и злой, возвышался на единственном уцелевшем столе, одной рукой удерживая обвисшего Керина, другой — размахивая ятаганом. Против него было четверо степняков в безликих шийярах, замотанных в ушари. Увидев Тэйна, Джерхейн издал торжествующий вопль. Ройг ухватил какой-то кусок мебели и обрушил его на голову тому, кто первым кинулся на него, потом, отступив назад, выиграл несколько мгновений для концентрации и зажег несколько урд-знаков. Они вспыхнули под потолком ослепительно белым светом, и он разом потушил их, вместе с тускло чадающими факелами на стенах.

Ругань и вопли были ему ответом. Кто-то со всей силой обрушился сверху, подмял под себя, иступленно ругаясь и втыкая клинок рядом с его шеей. Ройг успел увернуться, вскользь ударить, метя по точкам ар и эйх, с трудом сбросил с себя обмякшее тело, снова зажег свет, на этот раз — один только тусклый урд-знак, такой, чтобы видеть зал самому, нашел Джерхейна, который волок мастера следом, продолжая успешно отбиваться свободной рукой, отметил, что воинов осталось всего двое. Отбиваясь ножкой стола, Ройг пробрался к Джерхейну. Через несколько мгновений они оба вывалились на улицу. Тэйн задержался в дверях, погасил свет в зале и нарисовал в проходе все тот же Вихрь, только сильно видоизмененный и увеличенный в размерах. Смотреть на его бешено пылающую разноцветную воронку было невыносимо больно, не смотреть — невозможно, он притягивал к себе все живое, особенно — раздутый до таких размеров, притягивал и всасывал, а потом взрывался, не причиняя никакого физического вреда, кроме полной дезориентации на какое-

то время... Джерхейн яростно оглядывался по сторонам, попытался поставить мастера на ноги, и в конце концов, заметив появившегося в другом конце улицы всадника, направился ему навстречу. Тэйн, усилив зрение, узнал Вельга.

Мастер был еще жив, но ранен. Когда Вельг, наконец, подъехал, Джерхейн взвалил несчастного на своего аррита и, вскочив в седло, спросил, глядя на яркую вспышку в дверях:

— Может, отвезти его не домой, а в святилище?

Вельг растеряно пожал плечами. Очумелые вояки вываливались из дверей, еле держась на ногах и дико озираясь.

— Надо бы, но я не знаю, где здесь святилище Тармил. Лучшие лекари должны быть именно там, — сказал он тихо.

— Я знаю, где святилище Илбара, — отрезал Тэйн раздраженно, — лучшие, не лучшие — хоть какие-нибудь! Я сам не могу с ним возиться, негде, да и лекарств нет. Поехали отсюда, пока стража не прибежала, — он развернул аррита в сторону центра, отъехал немного, потом неожиданно остановился, пропуская Джерхейна и Вельга вперед. Спрыгнув на мостовую, он подобрал тело Кири и поднял его в седло.

Иллары Илбара сами послали за лекарем из святилища Тармил. Молодой иллар, осмотрев Керина, заверил их, что его жизнь вне опасности и пообещал вскоре поставить его на ноги.

— Хорошо еще, вы не стали мешкать и принесли его именно сюда, а не к какому-нибудь местному дикарю-шаману. Тогда ему точно пришел бы конец. Впрочем, что я говорю, мы же почти коллеги... Вы какого святилища?

— Эргалонского Ильфейна, — с гордостью заявил Вельг. Тэйн внимательно следил за реакцией иллара. Тот удивился, но ничего больше не отразилось на его спокойном лице.

— В Ахтамаре по делам святилища? — спросил он буднично, почти теряя интерес к разговору.

— Острова, — ответил Вельг. Иллар коротко кивнул, словно путешественники по делам Небесного Острова заезжали сюда каждый божий день.

— Оставайтесь здесь хотя бы до рассвета, — предложил один из илбарцев. — Глава святилища сумеет защитить вас от неприятностей после ночной стычки, — сказал он уверенно, разглядывая ссадины на лице Вельга. — Вам тоже нужна помощь. Зря вы скрывали свою принадлежность к Ильфейну. У нас, конечно, не Эргалон, но до сих пор на илларов нападений не было.

Тело мальчика по здешнему обычаю сожгли на восходе солнца, спустив пепел в огромную, высеченную из гигантского куска черного мрамора урну, где лежал прах тысяч и тысяч ушедших до срока. Только глава святилища и Тэйн присутствовали на церемонии, и как только солнце коснулось черного камня своими щедрыми золотистыми лучами — этим заканчивался обряд, Ройг сразу же ушел к себе. Чувство вины не давало ему покоя. Именно он втянул Кири в это дело, предложив ему еще там, на границе, стать проводником. Если бы он вовремя отправил мальчишку домой, а не таскал с собой по городу, ведя душеспасительные беседы об Острове Колдунов, парень был бы жив. Если бы... Да разве теперь изменишь хоть что-нибудь?

После второй стражи они встретились во внутреннем дворике святилища. Надо было решать, что делать дальше.

— Эти идиоты видят шпионов во всех, кто приезжает из Риаллара, — раздраженно буркнул Вельг. — Вот если бы...

— Это не люди шаха, — оборвал его Ройг. Потом подробно передал рассказ Кири и свои собственные наблюдения.

— Небесный Дьявол, значит, — задумался Джерхейн. — Странная внешность... Тебе это ничего не напоминает? — спросил он Тэйна.

Тот покачал головой.

— Я описывал мальчику ту подгорную тварь, но он не нашел сходства. Кири настаивал, что их главарь точно был человеком.

— Может, случайность? Обычные бандиты... — буркнул Вельг.

— Непохоже, — покачал головой Джерхейн. — Что мы будем делать дальше? Поедем в Майр?

— А как же артефакт? — заволновался Вельг. — Керин скоро очухается, так может быть, подождать?

Джерхейн ухмыльнулся и вытащил из кармана нитку бус, по центру которой сиял лазурно-голубой кристалл с застывшей внутри змейкой.

— Вот твой артефакт, — он повертел его в руках, разглядывая бусины, невесело улыбнулся и пояснил. — Мы же весь вечер играли с ним в кости. Керин пару раз выиграл, а потом стал проигрывать, ну и в конце концов сам поставил его на кон. И проиграл. Вот и все. По-моему, он не особо ценил его. Так что первую вещь мы, точнее, вы получили. Не благодарите меня, — заявил он, глядя на Вельга с кривой ухмылкой. — А отсюда нужно убираться, и как можно скорее. Слухи о побоище в трайте уже наверняка разгуливают по городу.

— Причем, скорее всего, в таком искаженном виде, будто сам небесный дьявол Ллих принимал в нем участие, — хмыкнул Тэйн.

— К тому же, ты использовал кэн-ли для боя, — с тихим упреком сказал Вельг.

Яростные взгляды Холгойна и Ройга одновременно замерли на его побитой физиономии.

— Хочешь, снова применю? — вкрадчиво начал Тэйн. — На тебе? Кляп вставлю. Урд-знаком Паук?

— Ты бы поосторожнее, — несчастным голосом продолжил Вельг. — Что если островитяне потом припомнят нам такую вольную трактовку...э... священных текстов?

— До этого «потом» еще дожить надо, — отрезал Ройг.

— Нам действительно не остается ничего другого, — подытожил Холгойн. — Едем в столицу Майра?

Ройг кивнул.

— Хорошо хоть Майр не такой дикий и варварский, как Ахтан, — вздохнул Вельг. — И климат там получше. Да и народ воспитанный...

— Не уверен, — хмыкнул Джерхейн. — Если судить по женошке моего братца, чего ей точно не хватает, так это воспитания. Плеткой, — добавил он после многозначительной паузы.

(Агваллар, 10 лет назад. Вылазка)

Лестница действительно оказалась невидимой. Точнее, оба они, Кельхандар и Тэйн, увидели ее только с помощью специальных очков, которые Кельх где-то украл. Только через тонкие радужные пленочки-стекла они смогли разглядеть хрупкие, словно сотканые из воздуха, ступеньки. Ройг не сразу согласился на эту авантюру, надеясь, что Кельхандар ничего не найдет, но, когда тот доказал, что лестница действительно существует, отступить стало некуда — Кельх смотрел на него с усмешкой и вызовом, и Тэйну с трудом удалось удержать невозмутимое выражение лица и принять вызов. На самом деле, Ройг не был по-настоящему уверен, что хочет нарушить запрет учителей. Всем ученикам школы илларов хотелось знать, что находится там, за пределами оболочки-сферы, отрезавшей их от остальных чудес Острова, но не все были готовы идти наперекор запрету учителей покидать облачный купол школы без сопровождения наставников.

Тэйн уверенно шагнул вперед, загнав поглубже страх и сомнения. Подъем оказался легким, он взбирался вверх с удивившей его самой скоростью, не чувствуя усталости. Лестница закончилась вуалью, тоже невидимой невооруженным глазом, только через очки. Он оглянулся на Кельха, который как раз ставил ногу на последнюю ступеньку, и решительно шагнул в центр тугой, переливающейся серебром пленки. Там, с другой стороны, был пузырь, такой же, как и везде, только вуалей-дверей оказалось несколько, и располагались они в хаотическом беспорядке, некоторые — прямо над головой. Он шагнул вперед и понял, что добраться до них не составит особого труда, ноги здесь словно прилипали к тонким поверхностям-пленочкам, которые сами несли к нужной вуали. Он в несколько мгновений добрался до той, что находилась прямо по центру, подождал Кельхандара и нырнул в нее, снова оказавшись внутри шара с вуалями. Шагнув к центральной, он вышел на ровной площадке из плотной белесой материи, чуть пружинящей под ногами. Кельхандар появился несколько мгновений спустя, он тяжело дышал от волнения и нервно озирался по сторонам. При виде этой странной, необычной красоты, открывшейся взору, Тэйна охватил восторг, постепенно сменившийся страхом — окружающее пространство оказалось во много раз больше той сферы, в которую была замкнута школа. Ему почудилось, что он стоит над миром, не меньшим, чем сам Теллар, созерцая сверху, словно с облаков, его бескрайние просторы.

Слоистые поверхности простирались во все стороны настолько далеко, насколько хватало глаз. Свет шел словно бы ниоткуда, вернее — ровное свечение было разлито в воздухе, при этом единого источника света они не обнаружили. Там, ближе к рваным слоям плотного вещества, похожего на облака, висели уже знакомые пузыри. Они группировались вокруг вьющихся белесыми столбиками сгущений той же облачной субстанции, что и составляла псевдоповерхность; в таком виде они были похожи на виноградные гроздья, разве что цвета их варьировались от нежно-голубого с серебром до густо-алого с оранжевым. Скоплений этих оказалось бесчисленное множество, клубы облачной материи вились от одного к другому наподобие паутины, превращая всю конструкцию в сложное несимметричное кружево. На глазах у изумленного Тэйна один из пузырей отклеился от «ножки» и медленно поплыл в сторону ближайшего провала, потом остановился и стал стремительно падать на поверхность. Очень скоро он и вовсе слился с ее розовато-серыми

клубами, полностью потерявшись для случайных наблюдателей.

— Представляешь, сколько их там... — пробормотал Кельхандар сдавленно.

— Пузырей? — шепотом переспросил Тэйн.

— Ага. Интересно, как отсюда спуститься?

— Ты хочешь вниз?

Кельхандар кивнул.

С помощью все тех же очков Тэйн искал что-нибудь похожее на лестницу или, на худой конец движущуюся глыбу. Не найдя ничего подходящего, он снова принялся разглядывать этот совершенно ни на что не похожий мир живыми глазами. О свет Илбара, до чего же здесь красиво... и странно. Этот мир действительно огромен, не меньше Теллара. Он оглянулся на вуаль за спиной — и не нашел ее. После приступа паники он вспомнил, что ее, как и лестницы, не видно без очков.

— Давай вернемся и попробуем другие входы, — предложил он.

Кельхандар кивнул.

Вернувшись в предыдущий пузырь, они выбрали ту из вуалей, что располагалась прямо над головой, и с тем же результатом — они очутились на полупрозрачной поверхности посреди гигантского пространства, внизу которого гроздьями висели разноцветные шары. На этот раз картина была иной, и Тэйн с ужасом понял, что они оказались совсем в другом месте, в другой части Острова. На этот раз Кельхандар обнаружил дорожку, по которой они смогли перебраться на движущуюся глыбу. Та со свистом ухнула вниз, обхватив своих пассажиров мягким, но прочным коконом, и остановилась у ближайшего пузыря, прямо перед тоненькой полоской радужной дорожки, словно приглашая гостей перейти туда. Тэйн проделал короткий путь от глыбы до пузыря на дрожащих ногах и ввалился в проем, затянутый точно такой же радужной пленочкой.

Там, внутри, обнаружился целый мир — волоски паутины по стенам, так напоминавшие растения, вьющиеся в воздухе коконы, струящиеся пленки, по которым легко и уверенно двигались существа. Существа? Нет, обыкновенные люди, настоящей островной расы, тонкотелые и бледные, с белыми волосами, длинными, короткими, прямыми, вьющимися... Обыкновенные. Они шли и смеялись, среди них были мужчины и женщины, были и дети, были какие-то существа, поведением напоминавшие животных. Кельхандар восхищенно переводил дыхание рядом с ним, неловко топтался и в конце концов выдавил:

— Вот эти — настоящие. Их люди... Их мир.

— Я думал, у них нет животных, — пробормотал Тэйн.

— Слушай, может, спустимся? — предложил Кельхандар неуверенно.

— А они нас не испугаются? Мы ведь... не такие, — засомневался Тэйн.

Но они все-таки спустились. И — странное дело, никто их не испугался, никто не стал возмущаться наглым вторжением посторонних. Удивление изредка читалось на бледных лицах, иногда — симпатия, иногда — холодность, но чаще всего — любопытство. Обычная реакция обычных людей. Один мужчина, на вид явно молодой, спросил, не заблудились ли они, и не проводить ли их до ближайшей вуали, но Тэйн и Кельхандар энергично отвергли это предположение. Они здесь в гостях у друга, сказал Кельхандар, он должен их встретить, но задерживается, поэтому они подождут. Тот вежливо заулыбался и, извиняясь за вмешательство, вернулся на ту дорожку, по которой следовал до встречи с чужаками.

Прямо на пленочной дорожке росла трава. Отличаясь от привычной земной травы блеклым желтоватым цветом, во всем остальном она была подобна обычным растениям.

Тэйну почудилось, что она даже пахнет совсем как земная — слабым, но приятным травянистым запахом. Он медленно двинулся вперед, к скоплению слоистых поверхностей, похожих на площадку в несколько уровней, от которой в разные стороны разбегалось еще несколько дорожек-пленочек, ведущих к ближайшим пузырям. Те пузыри были розово-сиреневые, с муаровыми разводами, огромные, окруженные серым маревом, похожим на застывший в воздухе дождь. С самой высокой точки площадки он увидел бугристые слои псевдоповерхности, обрывавшиеся в бездну подобно отвесным скалам Поднебесных гор. Где-то далеко внизу, настолько далеко, что глаза отказывались различать детали, висели, цепляясь за облачные «ножки», такие же пузыри-гроздьи. Кельхандар наклонился, пытаясь увидеть дно этой светящейся бездны, но только охнул, зажмурился и отпрянул от края. Друзья переглянулись, не скрывая друг от друга своего ужаса и изумления, потом Кельх неуверенно спросил:

— Может, теперь вернемся?

Тэйн усмехнулся — наконец-то Кельха пробрало. Хорошо, что его самоуверенность и жажда риска несколько повыветрились, но теперь ему самому не хотелось возвращаться. Он понял, что у Острова есть настоящая тайна, поразгадывать которую он был бы совсем не против...

Он покачал головой и указал Кельху на ближайший пузырь.

— Давай сначала туда.

Но они не успели. Медленно, прямо напротив них всплывала полупрозрачная ледяная глыба, на которой стояло несколько островитян, среди которых они узнали своего наставника. Их исчезновение было замечено, местонахождение — обнаружено гораздо быстрее, чем они рассчитывали. Почему? Или как? Ведь никто не видел, как они проходили через вуали...

На обратном пути никто из старейшин не задал им ни одного вопроса. На них не смотрели, а если и оглядывались, то ни осуждения, ни удивления не было в холодных серых глазах. Только усталость и озабоченность. Наставник молчал, сохраняя на лице отстраненное выражение. Страх, охвативший мальчишек, когда они увидели эти лица, разросся до размеров парализующего ужаса. Они возвращались не домой, глыба льда тронулась не вверх, откуда Тэйн и Кельхандар пришли, а вниз, потом — в сторону. В конце концов они оказались почти что у самой псевдоповерхности, которая сверху казалась хаотичным нагромождением полупрозрачных ледяных глыб, кое-где припорошенных голубоватым снежком. Дорога-пленка привела их прямо к одной из них, оттуда начиналась узкая тропинка, огибающая наиболее крутые выступы. Они шли следом за старейшинами, наставник замыкал цепочку. Когда Тэйн неожиданно оглянулся, желая в последний раз посмотреть на чудной мир, открывшийся его глазам, лицо наставника было несчастным и усталым. Какое-то время он не замечал, что Ройг смотрит на него, один раз тяжело вздохнул и покачал головой, будто возражая самому себе, но потом, заметив взгляд ученика, снова натянул на физиономию прежнее бесстрастно-равнодушное выражение.

— Домой выкинут, божьей яичницей клянусь, — шепнул ему Кельхандар, когда они оказались перед аркой, затянутой розовой мерцающей паутиной.

Его первого подтолкнули к хэльд, следом шагнули двое старейшин, затем — Кельх, последним — наставник. Хэльд вывел их не в Наземный мир, а в какое-то помещение, сильно напоминавшее купол служб крупного наземного святилища. По серебристому свету, берущемуся словно из воздуха, по светлым стенам без дверных или оконных проемов, по

глянцево-блестящему полу Тэйн понял, что все еще находится на Острове. Не было ничего в этом странном, холодном до онемения зале, кроме шести хрустальных, гладких столбов, расположенных по кругу в самом его центре. Столбы напоминали хэльд, и Тэйн неожиданно успокоился, понимая, что возвращение на Теллар им пока что не грозит. Но что тогда? Наказание все равно должно последовать, ведь они нарушили одно из самых главных правил проживания теллариан на Острове.

Старейшины и наставник отступили к стенам зала. Один из них жестом велел Кельхандару подойти к столбам и встать в круг. Тот послушно выполнил приказание, с любопытством оглядываясь, на несколько мгновений замер, лицо его выдало растерянность, потом замкнулось, он закрыл глаза, а когда открыл их, они казались сонными, словно его только что разбудили. Наставник велел ему стать рядом со старейшинами.

Тэйн был следующим. Там, в центре круга, он неожиданно почувствовал усталость и тяжесть, захотелось спать, но в какой-то момент болезненная вспышка света полоснула по глазам, возникнув откуда-то из глубины сознания. И без того отяжелевшая голова ответила как колокол — тяжелым гулом. Веки поднялись с трудом, он с недоумением уставился на незнакомые физиономии старейшин, тупое и усталое лицо Кельха (что он здесь делает?) и странную ухмылку на лице наставника (облегчение? чему это он так обрадовался?). Тот сделал ему знак выйти из круга хрустальных гладких столбов (какой-то новый хэльд? он что, заснул на занятии и все прослушал? Вот досада...) и указал на едва заметную розовую паутинку внутри хорошо знакомой арки хэльда Дверь. Кельхандар неохотно поплелся следом...

Сон-воспоминание оборвался, как всегда, резко и неожиданно, но Тэйн, открыв глаза, убедился, что вокруг все еще темно, а сквозь щели ставен проникает тусклый серый свет: ночное солнце село, дневное — еще не взошло. Он повернулся и снова попытался уснуть, так, чтобы увидеть, что произошло дальше, однако странное воспоминание, явившееся с неожиданной ясностью, не давало ему покоя. Значит, он видел настоящий Агваллар... Конечно же, островитяне заставили его и Кельхандара забыть об этой дерзкой вылазке, выборочно заблокировали память с помощью специального хэльда.

Сны-воспоминания об Острове приходили далеко не каждую ночь. Они возникали неожиданно, ярко и живо, и мало напоминали обычные сны с их нечеткостью картин и абсурдностью действий.

Больше всего они были похожи на кусочки вновь проживаемой жизни.

Он закрыл глаза и сосредоточился, вызывая в памяти образы Острова. Свет Илбара, как же там красиво! Красота необычная, чуждая глазу, но все-таки... Как хотелось бы попасть на Остров сейчас, посмотреть все своими глазами, пропустить через зрелое сознание, познакомиться и пообщаться с нормальными агвалларцами, не жрецами. Он закрыл глаза, вспомнил пузыри-гроздь, пленочные дорожки, слои облачной материи. Представил себя шагнувшим на подвижную глыбу, которая, повинувшись его движениям, заскользила между пузырями... Воображаемая картинка сдвинулась, стала реально осязаемой, перед мысленным взглядом мелькнули белесые слои материи... Пристань-площадка перед гроздью пузырей — что-то или кто-то в голове шепнул слово «ракан», — он спрыгнул на неподвижную поверхность и шагнул вперед, через вуальку входа, но очутился не внутри пузыря, а в чьей-то комнате. Приглушенный свет стен, изящная мебель, так похожая на земную и... лицо. Огромные темно-синие глаза, окруженные такими густыми темно-серебрянными ресницами, что, казалось, веки должны падать под их тяжестью. Через

несколько мгновений глаза отдалились, возникло лицо, окруженное тяжелыми темно-серебряными локонами, в которых запутались маленькие изящные паучки. На их лапках радужно сверкнули крохотные самоцветы... Паучки у висков выразительного женского лица нервно шевельнули лапками, и тонкие белые руки вскинулись к ним, прикрыв ладонями. Волнение и боль отразились на этом лице, в глазах промелькнуло странное тепло-сочувствие-сострадание, потом тяжелые веки медленно опустились, узкие ладони сжались, вынимая паучков из волос и... видение пропало, оставив после себя черный провал, перешедший постепенно в череду вялых ничего не значащих сонных образов...

(Сезон Холода. Майр, Каррея)

Ройг осторожно обошел подмерзшую к вечеру лужу и уже привычно бросил взгляд через плечо, быстро и цепко оглядывая улицу. Два поддатых парня в форме городской стражи только что свернули в соседний переулок, юная парочка с горящими глазами интересовалась не случайными прохожими, а укромными уголками, стайка мальчишек со свистом и гиканьем пронеслась вперед по улице, разбрызгивая еще не до конца промерзшую грязь. С неба сыпался редкий колючий снег, и только благодаря ему грязные улицы Карреи приобретали мало-мальски благопристойный вид.

Шел Сезон Холода, называемый в народе сном Хэллиха. Из-за близости к хребту Ард Эллара и долине горячих источников зима в Каррее была переменчивой — то свежей и морозной, то промозглой и сырой. Мелкий колючий снег сменялся холодным дождем, дули неистовые пронзительные ветры, грязь на улицах то замерзала, каменя на разбитых телегами мостовых, то оттаивала, заливая выбоины тягучей жидкой кашицей. Ночами она подергивалась тонким слоем льда, не дай бог оступишься — черная и зловонная, она налипала на одежду подобно слою клея. После ахтамарской жары зимние ветра казались особенно холодными и пронизывающими. Вельг, например, так и не привык к холодам, и Ройгу потребовалось вспомнить все свое лекарское искусство, не востребованное в храме Ильфейна, чтобы вылечить замучивший его кашель. Джерхейн оказался более выносливым, отводя душу в витиеватых проклятиях в адрес небесных дьяволов, подсунувших им такую мерзкую погоду. Тэйн старался одеваться теплее и думать о ласковом эргалонском солнце.

Дом Ивора Нар-Геллейна, куда Ройг был приглашен на праздник нарекания имени, находился на другой стороне реки Карры, протекавшей через город и делившей его на две неравные части. Правобережье, респектабельное, ухоженное, старательно охраняемое стражей от бандитов, воришек, нищих и прочего сброда, сплошь было застроено особняками зажиточных горожан и дворцами местной знати. Левый берег состоял из ремесленных и торговых кварталов, рынков, стойл, складов, постоянных дворов и трущоб. Дворец правящей династии Наридов находился на правом берегу Карреи. Городской магистрат — на левом. Святилище Илбара — на правом. Святилище Хэллиха — на левом.

С реки дул пронизывающе холодный ветер. Ройг натянул капюшон и старательно завернулся в плащ. Дорогой и тонкий наряд, который пришлось надеть, чтобы соответствовать легенде, от холода защищал слабо. Впрочем, плащ был хорош: толстое сукно с меховой подкладкой не брали никакие холода, разве что с непривычки замерзали щеки и подбородок.

Вступив на мост, он замешкался: навстречу, натягивая на уши высокие шапки и ежась от холода, топал караул. В сумерках, не освещенных ничем, кроме тусклых отблесков костров на левом и факельщиков на правом берегу, сложно было различить, какой именно патруль направляется ему навстречу — Радетели чистоты или обычная городская стража.

Ройг нашарил под плащом ножны. Придется пожертвовать теплом, чтобы беспрепятственно проскочить мимо караула. Поравнявшись со стражей, он сделал так, чтобы плащ распахнулся и озабоченно взялся за рукоять меча, делая вид, что сдвигает ножны назад. Как и раньше, прием сработал безотказно — настороженно-цепкий взгляд ближайшего стражника расслабился и скользнул в сторону.

А ведь это Радетели, подумал он с запоздалым страхом. Городская стража на богато одетого прохожего даже не посмотрит. С каждым днем патрулей Радетелей становится все больше и больше. Никак не успокоится ее величество королева Нэлла. Хотелось бы узнать, кто зажигает ее величеству хэльд Очаг в ее огромном каменном дворце? Или они там печки дровами топят? Так и дров не напасешься на весь Майр...

Спустившись с моста, он углубился в хитросплетения улочек. Каррея многократно строилась и перестраивалась, и даже в респектабельном правобережье улицы, мощенные грубыми булыжниками, были невзрачны и извилисты, хотя дома-особняки стояли отдельно друг от друга, не лепились стена к стене, крыша к крыше, как по другую сторону реки.

Особняк Ивора Нар-Геллейна находился недалеко от моста, на краю большой, идеально круглой площади, в центр которого был помещен Круг Власти и несколько самых распространенных хэльдов: четыре Двери, ведущие в столицы телларианских государств, хэльды Окно, Погода, Истина. Была здесь и редко встречающаяся на улицах связка Окно-Дверь — два хэльда, выстроенные на одном основании. Благодаря лежащему рядом колодцу, опытный иллар активировал оба сразу, и тогда Дверь открывалась в то место, которое отражалось в Окне. Исключительно удобный хэльд использовался тепень крайне редко; проблема была не в отсутствии желающих, а в низком уровне мастерства современных илларов — нужно было не только связать и зафиксировать чужой мысленный образ в хэльде Окно, но и длительно удерживать высокую концентрацию направленного Огня Жизни, чтобы открыть Дверь в нужное место. Немногие иллары современности были способны на такой подвиг.

Род Нар-Геллейнов еще лет двадцать назад был очень богат, однако сейчас дела его шли не самым лучшим образом. Прежде чем бездарно сломать шею, выпрыгнув из окна любовницы, старший брат Ивора Нар-Геллейна наделал множество долгов. Случилось это два года назад, и Ивор, унаследовавший вместе с особняком заодно и долги, до сих пор расплачивался с кредиторами.

Прошло уже тридцать два дня с того момента, как Ройг и его спутники приехали в Каррею. Искать владельца второго кристалла, слоняясь по городу, не пришлось, поскольку имя Нар-Геллейнов было хорошо известно в столице, и пара хороших пьянок в веселой компании, собиравшейся в ближайшей от постоялого двора трайте, позволили узнать о нем массу ненужных подробностей.

Было решено, что знакомство заведет Ройг. Способ знакомства был выбран самый примитивный: Джерхейн и парочка его собутыльников разыграла ограбление на улице, точнее — на мосту, а «случайно» проходивший мимо Тэйн разогнал бандитов, воинственно размахивая мечом и повторяя трюки, тщательно отрепетированные с Джерхейном. Для достоверности Джер чувствительно вмазал ему по носу, так, чтобы обеспечить кровотечение. Нар-Геллейна, бестолково отмахивавшегося фамильной саблей, для достоверности тоже осторожно, но без членовредительства стукнули об ограду моста. Долг требовал от благородного господина помочь своему пострадавшему защитнику, Тэйн был приглашен домой, где и состоялось более близкое знакомство, и конечно же, у благородного Нар-Геллейна и благородного Дрейта, сына потомственного родового эргалонского аристократа, нашлось немало общих тем для беседы.

Легенду для Тэйна предложил Вельг. Он неплохо знал настоящего Дрейта, действительно родовитого и богатого, но, к счастью, никогда не покидавшего Эргалона. Сына у него не было, только дочери. Эргалонскую знать Ройг и сам знал неплохо, опять же,

благодаря Джерхейну и своим постоянным отлучкам в Риан Ал Джар. Роль далась ему легко, в тот же вечер он получил приглашение на ужин, потом — на следующий, позже — на скачки, в которых участвовали арриты из геллейнского поместья. Ивор пытался поправить дела, разводя и продавая арритов, а также иногда выставляя их на скачки. Дело только недавно начало приносить ему доход.

Завязалось прочное знакомство, Тэйн стал регулярно бывать в доме Нар-Геллейнов, но артефакт до сих пор не проявился. Ройг подозревал, что камень валяется где-то среди драгоценностей госпожи Нар-Геллейн, очаровательной белокурой женщины, оказавшейся в дальнем родстве с королевским родом Наридов и безмерно этим гордящейся. К счастью, побрякушки она любила безумно, и Тэйн каждый вечер надеялся, что однажды увидит на ней искомый артефакт, вставленный в какое-нибудь ювелирное изделие.

Поднявшись на крыльцо, Ройг еще раз оглянулся, быстро окинув взглядом площадь. Последнее время его не покидало ощущение взгляда в спину, легкое и неуловимое, но тем не менее весьма навязчивое. Площадь, освещенная скромным костерком, который поддерживал топчущийся рядом одинокий стражник, казалась жутковатой. В окнах особняков напротив тускло поблескивали огоньки свечей, из труб на крышах валил дым: согревались дровами и углем, несмотря на то, что хэльд Тепло имелся в каждом доме. Он представлял собой толстый янтарно-желтый столб, который в начале холодов мог активировать любой иллар-недоучка, и точно так же, с наступлением теплой погоды, его выключали до следующих холодов. Теперь же активировать такой простой и такой жизненно необходимый всем хэльд в Каррее стало некому.

Учение Кэлленара здесь было проклято.

Еще в середине сезона Ветров в Каррее, а затем и по всему Майру стали стремительно отказывать один за другим все основные хэльды. Круги Власти помутнели, ка-эль через одну переставали действовать. На обращение илларов к Острову с просьбой о помощи с Агваллара прислали посольство к королеве Нэлле, глава которого повторил то, что когда-то было сказано главам эргалонских святилищ: в обмен на помощь, обещанную только после беспрекословного принятия их условий, островитяне потребовали своего постоянного присутствия в Каррее и частичной передачи власти над страной. Королева, женщина холерического темперамента, швырялась в главу посольства кубками, кувшинами и туфлями, а затем с помощью сабель и алебард приказала выгнать островитян вон.

Столица, погрузившаяся в холод, тьму и болезни, неистово возненавидела островитян, а заодно и илларов. Одно за другим городские святилища и часовни девяти богов были разорены и осквернены. Богам стали молиться с удвоенной силой, вытащив их статуи и изображения из святилищ на площади на грубо сколоченные постаменты. Все, что можно было разрушить — разрушили, то, что разрушению не поддавались, было измазано дерьмом, краской и грязью. Бунт против Кэлленара продолжился, когда королева издала указ об аресте всех илларов столицы. Большинству илонов удалось избежать страшной участи, поскольку у них не было клейма. Илларов преследовали, поначалу устраивая публичные суды и казни, потом, с нарастанием истерии, стали обходиться без судов. Люди очень быстро поверили, что именно иллары навлекли на Майр гнев богов, отравили древние хэльды черными помыслами и запретным колдовством, наслали порчу на людей и расплодили чудовищ. Какая-то нечисть действительно стала появляться в городе со стороны долины горячих источников, и Ройг подозревал, что там завелось нечто подобное тварям илломайнского лабиринта.

Разорение святилищ привело к вспышке эпидемии болотной лихорадки, вину за которую тоже возложили на илларов. Поскольку лечить эту заразную и тяжелую болезнь было теперь некому, больницы при святилищах Тармил и Келара опустели, размах эпидемии приобретал с каждым днем все более устрашающие размеры. Учитывая холод в домах, отсутствие лекарств, грабежи и разбой на улицах, торговцы приезжали в город все реже и реже. Сезон Холода еще только начался, а столице уже грозил голод. Траурные процессии, с головы до ног закутанные в белые покрывала, стали теперь неотделимой частью Карреи. Королева создала отряд Радетелей Чистоты, в задачу которых входил поиск затаившихся служителей Кэлленара. Способ опознания был очень прост — всех подозрительных заставляли закатывать рукава. Дважды Ройг и его товарищи попадали под такую проверку: в первый раз, пока Вельг возился с тугой шнуровкой рукавов тхона, Тэйн догадался изобразить натужный лающий кашель, главный симптом болотной лихорадки, зашатался и тяжело оперся о плечо Джерхейна. Радетелей тогда как будто ветром сдуло: добежав до ближайшего колодца, они с остервенением принялись умываться, царапая руки и лицо мелкими льдинками. Второй раз Ройг, не дожидаясь требования раздеться, впал в бешенство и схватился за меч. Это его и спасло — известно, что иллары мечей не носят, оружия боятся, как огня.

Да, клеймо иллара, спасшее Вельгу жизнь в столице Ахтана, здесь, на восточном континенте, становилось ее главной угрозой. Вельг отсиживался на постоялом дворе, выбираясь на улицу только днем и в сопровождении Джерхейна или Ройга. Было решено не скрывать свою принадлежность к Риаллару, поскольку оба государства поддерживали хорошие деловые и дипломатические отношения. Для посторонних и случайных знакомых они сопровождали младшего Дрейта в его деловой поездке в Каррею.

— В общем-то, суть проблемы здесь та же, что и везде, — рассуждал Вельг. — Разве что масштаб другой. Королева сама во всем виновата: кто ее просил гнать посольство Острова, да еще так грубо? Не было бы летающих туфель, не было бы и эпидемии. Чтобы вылечить болотную лихорадку, к помощи хэльдов прибегать не обязательно, только уж если больной при смерти... Достаточно обычных лекарств плюс нужные заклинания.

— Я бы тоже не стал кидаться туфлями, — заявил Джерхейн. — Если бы от меня потребовали передать власть белобрысым мозглякам, а самому сидеть на троне вместо куклы, я бы зарубил их на месте. Все это выглядит в особенности мерзко, если знать, что никакой помощи они оказать не могут, пока мы не соберем потерянные ими побрякушки.

— Теперь тебе понятно, зачем тебя женили на Кианейт? — усмехнулся Ройг. Джерхейн разразился потоком ругательств, виртуозно скрещивая Кимра с арритом, с горным бараном и с одноглазым дьяволом Ллихом.

— Вернись — убью! — закончил он с чувством.

— Лучше супружеский долг исполни, — шепнул Тэйн с ухмылкой. — Многократно и от души. Думаю, она сама сбежит.

Дни медленно текли один за другим, холодные ветра усиливались, Тэйн исподтишка наблюдал за Ивором, радуясь его аристократической сдержанности, почти равнодушию к происходящим в городе событиям. Он не поддерживал разговоры о проклятии Острова Колдунов, не позволял провоцировать себя, когда кто-нибудь из окружающих взвизывался и обвинял его в ереси, но и никогда не высказывался в защиту разрушенного уклада. Его положение не пострадало от беспорядков: дом, относительно новый, был снабжен печами и каминами, в загородном имении не было ни одного хэльда, за арритами присматривали

старые опытные конюхи, умевшие обходиться без ка-эль и без помощи святилища Келара.

Сегодня, в день наречения имени его дочери Райне, в гостиной собралось небольшое общество близких друзей и хороших знакомых. Приглашением Ройг был обязан жене Нар-Геллейна, которая явно благоволила молодому, сдержанному эргалонцу. Традиции праздника в Майре отличались от риангаларских, здесь принято было накрывать стол с угощением и развлекать гостей беседой и музыкой. Жена Ивора, Ида, хорошенькая болтушка, умела и то и другое в совершенстве. После трапезы, не слишком роскошной по нынешним бедственным временам, она спела несколько песен, аккомпанируя себе на вишве, потом завязался разговор о беспокойном положении в столице.

— Столько мер принято, а все без толку, — пробурчал толстяк, занимавший важную должность при дворе королевы. Он возмущался беспорядками в столице больше и энергичнее всех. — Пришлось нанимать дополнительную охрану. Я запретил жене и детям выходить из дома без сопровождающих. Подумать только, вчера среди бела дня соседний дом ограбили! Все унесли, даже посуду!

— Непонятно, куда смотрит магистрат. Расплодили Радетелей, а толку от них никакого, — откликнулся один из близких друзей Ивора, член совета карн, весьма влиятельная в Каррее личность.

— Зря королева отвергла помощь Агваллара, — поддержал его Ивор. — Насколько верны слухи, что островитяне потребовали передать им власть над страной?

— Частично. Они требовали лишь передать управление святилищами да восстановить размер ежегодной платы Острову до прежних размеров. Той, что была хотя бы двадцать лет назад. Главы святилищ Илбара и Хэллиха возмущенно отказались и настроили Нэллу против посольства.

— Это понятно... — хмыкнул Ивор. — Глава храма Хэллиха ее любовник, это давно уже ни для кого не секрет. А глава храма Илбара держит в руках всю королевскую казну. Как же, поделятся они... Дьявол с ним, с Кэлленаром и с островитянами. Жаль, конечно, что столько хэльдов пропало. Но это, в общем, не вчера случилось. Хэльдов и так становилось меньше с каждым годом.

— Мда, времена меняются, — вздохнул толстяк. — Плохо то, что лихорадку никак не остановят. Слышал про поджоги?

Ивор кивнул. В последнее время озлобленные толпы осаждали и поджигали те дома, где обнаруживались больные болотной лихорадкой — болотницей. Паника распространялась со скоростью зимних ветров, городская стража вяло пыталась препятствовать подобным актам вандализма. Пожарная команда столицы, члены которой сами были напуганы размахом бедствия, тушить такие пожары не спешила. Огонь, как известно, останавливал болезнь лучше всех лекарств.

— Хоть кто-нибудь знает, как ее лечить? — раздраженно воскликнул толстяк. — Или все эти кустари-самоучки-одиночки только деньги вымогать умеют? Может, в святилищах и водились нечистые на руку колдуны, но они хоть знали, как лечить!

— Кстати, что за зверье бегаёт по городу? — спросил советник. — Красные псы, крысы размером с гиялли, еще, говорят, какая-то мерзость. Их хоть отлавливают?

— Ой, а я сегодня видела как раз такую! — охнула Ида.

— Когда? Где? — Ивор явно не на шутку испугался за жену.

— Здесь, на набережной. Помнишь, я утром гулять ходила... — она сделала паузу, видя, что привлекла внимание мужчин, и продолжила. — Утром снег шел. Красиво... Я гуляла

вдоль реки. Хотела до дворца дойти... Уже почти у самой площади со стороны реки на меня выскочило что-то ужасное... — она закрыла лицо руками. — Огромная псина кроваво-красного цвета, голая, без шерсти.

— Кровавая гончая, — пояснил Ройг. — Очень опасное животное. Людей не боится, нападает почти всегда и на все, что движется. К сожалению, их развелось довольно много в предгорьях Илломайна. До столицы, к счастью, они не добираются — королевская дружина регулярно за ними охотится, начисто вырезая стаи.

— Наша королевская дружина только пить горазда, — буркнул Ивор.

— Я завизжала и бросилась бежать, — продолжила Ида, обводя взглядом своих слушателей. — Не знаю, что сделала эта зверюга, потому что какой-то господин, который оказался почти рядом со мной, ее убил. Саблей, очень ловко. Взмахнул, и р-раз! — Ида восторженно показала, как ее неожиданный защитник взмахнул саблей. — Я закричала и расплакалась, но он меня успокоил и проводил домой.

— Господин? — поинтересовался Ивор с улыбкой. — Надеюсь, он тебе не слишком понравился и ты ничего не успела ему наобещать за свое спасение? — он нахмурился полушутливо-полусердито. — А то знаешь ли, я хоть разрешаю тебе гулять без меня, но если ты начнешь знакомиться на улице с каждым господином с саблей...

Гости рассмеялись, а Ида отчаянно покраснела.

— Нет, он мне не понравился, — она поежилась. — Жуткий какой-то... На жреца похож, но не жрец.

— А что в нем жуткого? — снова встрял Тэйн.

— Бледный, словно островитянин, высокий, худой, лицо белое, прямо как снег! Подбородок — как кинжал. Глаза — как две серебряные монеты, серые с блеском! — видя, что муж усмехается, а Тэйн наоборот, нахмуривается, она возбужденно продолжила. — Волосы черные вперемешку с серебрянными, в косу заплетены...

— Может, просто седыми? — усмехнулся Ивор.

— Нет, не просто! — обиделась Ида. — Серебрянными!

— Вот такие и разносят лихорадку по городу, — проворчал толстяк

С каждым последующим словом Иды Тэйн узнавал ее неожиданного спасителя. Тогда, в Ахтамаре, Кири назвал его Небесным Дьяволом. Белокожий, светлоглазый, со смешанными черно-серебрянным прядями в волосах... Ройг встал, небрежно прошелся по комнате, подошел к окну и из-за штор осторожно выглянул на площадь. Так и есть. Один — на крыльце противоположного дома, оттуда хорошо просматривался как парадный вход, так и кухня, вход в которую был из соседнего переулка. Переулок вел к реке. Еще один разложил крохотный костерок и грелся на другом конце площади, отсекая улицу, ведущую в сторону королевского дворца. Стражника на площади не было: то ли спал, то ли ушел. Соглядатаи не таились, пребывая в уверенности, что никто не обратит на них внимания. Тот, что напротив, откровенно таращился на окна дома Нар-Геллейна.

Пока гости продолжали разговор, он наблюдал из окна, стараясь делать это незаметно. Ида, снова желая привлечь внимание к своей особе, взяла вишве и запела незамысловатую, но приятную балладу. В этот момент на другом конце площади, там, где тускло тлел крохотный костерок, появился всадник на аррите. Ночное солнце хорошо осветило его высокую, худошавую фигуру, скрытую плащом. Осторожно, так, чтобы никто не заметил, Ройг нарисовал кончиками пальцев цепочку урда, усиливающую зрение, и благодаря ей смог разглядеть выглядывающую из-под шляпы косу.

Всадник медленно пересек площадь и задержался у того наблюдателя, что сидел на крыльце дома напротив. Тэйн глазами показал Ивору на окно. Тот подошел. Пока внимание гостей было приковано к хозяйке дома, Ройг, кивнув в сторону обоих, шепнул ему «За домом следят».

— Похож на того типа, что описывала Ида, — сказал он очень тихо. — Пошли слугу, пусть попробует разглядеть внешность.

Ивор ушел. Через некоторое время из кухни выскочил визжащий поваренок, за которым гналась толстая, шумная кухарка со скалкой, рассыпая по дороге ворох проклятий в адрес нерадивого паренька. Парочка соглядатаев шарахнулась, но не ушла. Перебудив визгом все соседние дома, поваренок получил скалкой по спине, и с воплями «За что, матушка!» шмыгнул обратно в дом. Кухарка задержалась на крыльце, и, погрозив скалкой небу и соседям, громко хлопнула дверью.

Вернулся озадаченный Ивор. Ида уже допела, и теперь с удовлетворенным видом выслушивала комплименты.

— Они говорят, похож. Вроде бы видели косу, черные и белые пряди. Глаз не разглядели, он спиной стоял. Давно ты их заметил?

— Не очень, — сказал Тэйн.

— Уверен, что следят именно за нашим домом? И следят ли вообще?

— Что еще могут делать два человека на одном и том же месте долгое время? — спросил Ройг. — Если бы я хотел за тобой проследить, я бы разместил их в точности так же. Куда бы ты ни пошел, придется пройти мимо них. К тому же они очень тепло одеты и явно никуда не торопятся.

Вскоре гости начали расходиться. Ивор попросил Ройга остаться. От жены он потребовал еще раз пересказать встречу у реки, но ничего нового они не услышали: незнакомец не представился, ни о чем Иду не расспрашивал, только проводил ее домой, поддерживая вежливую беседу.

— Что тебя насторожило? — поинтересовался Ивор, когда испуганная Ида ушла спать, а мужчины остались пропустить напоследок по рюмке инты.

— Я о нем уже слышал, — уклончиво ответил Ройг, не желая вдаваться в подробности. — Точнее, слышал о банде под предводительством человека с подобной внешностью. Слушай, найми охрану, запрети Иде ходить по городу одной. И дочь не пускай гулять, ни с ней, ни со слугами. Времена сейчас паршивые, лучше побережься.

— Что ему от нас нужно? — Ивор, чье настроение заметно ухудшилось, опрокинул рюмку залпом, встал и снова осторожно выглянул в щель между занавесями: всадник уезжал тем же путем, что и приехал. — Странный тип. Двигается как-то... резко. Хищно. Хоть и медленно.

Ройг тоже подошел к окну, проводив взглядом высокую фигуру.

— Что нужно? Возможно, просто грабеж. Ценности, которые легко сбыть.

— У меня нет ничего особенного, — сказал Ивор. — Драгоценности жены да коллекция оружия, доставшаяся от отца.

— Как раз то, что можно быстро и выгодно продать. Много людей знает о коллекции оружия? Про драгоценности я не спрашиваю, — усмехнулся он. — Раз есть красивая молодая жена, есть и драгоценности.

— Да уж, — невесело улыбнулся Ивор. — На побрякушки, честно говоря, мне наплевать. А вот оружие — ценность. Коллекция отца, доставшаяся от деда по наследству.

Довольно большая. Старинное клинковое оружие, собранное со всех континентов. Есть там и ятаганы степи, и ард элларские двуручники, и ваши риалларские сабли. Я ею очень горжусь. Хочешь посмотреть?

— Хочу, — согласился Тэйн.

Нар-Геллейн повел его вниз, в подвал. Там, рядом с кладовыми, обнаружилась комнатка с массивной, обитой железом дверью и солидными замками. За дверью оказался маленький кабинет, где на стенах, укрытых простыми, без изысков, коврами, были развешаны клинки. Часть из них просто лежала в ножнах на столах и лавках, расставленных вдоль стен.

— Вот это — ценности, — с гордостью заявил Ивор.

Ройг смотрел и слушал комментарии Нар-Геллейна с огромным удовольствием. Ему на самом деле было интересно узнать то, чего его лишили с юности, сделав тему оружия запретной. Кроме того, карна Огня, которой покровительствовал Ильфейн, а значит, и его родное святилище, занималась в том числе и ковкой оружия. Никогда он не был равнодушен к клинкам, что бы ни говорили на эту тему его учителя-островитяне. Все-таки он родился и вырос в семье воина...

Продолжая слушать рассказ Ивора о богато украшенном мече времен третьей Майрской династии, он бросил взгляд на лежавшую рядом с ним скромную саблю. Ее навершие было украшено лазурно-голубым камнем с крохотной золотистой звездочкой внутри. Все верно. Знак Небесного огня, запечатленный в кристалле. Вот он, второй камень!

Что делать дальше, Тэйн не знал. Выкупать саблю — бесполезно, не продаст. Украсть — можно, наверно, если постараться, но это полная потеря чести и уважения к себе самому. Разве что попросить в качестве вознаграждения за какую-нибудь услугу... Или, в конце концов, рассказать правду.

— Смотри, а вот у этого есть легенда...

Ройг оторвал взгляд от артефакта и вздрогнул. Короткий прямой меч с широким лезвием и маленькой овальной гардой, с рукоятью, покрытой тонкой вычурной резьбой и костяными накладками, с темной вязью урда вдоль остро отточенного клинка, густой синий отблеск металла, желобок посередине...

Тэйн вытащил свой меч из ножен и положил рядом. Ивор удивленно поднял брови

— Близнецы...

— Их что, один мастер ковал? — спросил Ройг взволнованно.

Они вместе тщательно рассмотрели оба клинка. Никаких особых клейм на них не обнаружилось. Символы урда вдоль лезвия полностью совпадали.

— Как он тебе достался?

— Нашел у отца, — соврал Ройг. — У него тоже есть несколько клинков, но он мало интересуется оружием. — А что за легенда-то?

Ивор еще раз внимательно сравнил мечи. Потом вернул Ройгу его собственный, а свой повесил обратно на стену.

— Отец очень любил свою коллекцию, пытался выяснить историю каждого экспоната, но, сам понимаешь, это невозможно. Что касается этого... Он рассказывал, что когда-то очень давно существовал некий тайный орден, боровшийся с островными колдунами. Они хотели вернуть Свод Кэлленара в Наземный мир и, получив возможность самим обучать илларов, стать независимыми от Острова. Члены ордена не боялись носить оружие, у них были особенные мечи, одинаковые у всех. Это именно такой меч. Видишь, он не похож на те, что куют у вас и у нас. В Риалларе и у нас в Майре все больше сабли да кинжалы, а

Ахтане — ятаганы, а это классический прямой меч, больше похожий на те, что куют в Ард Элларе. Я, кстати, очень удивился, когда увидел у тебя тогда на мосту столь необычный клинок, но, видишь ли, подробностей не разглядел, не до того было.

Тэйн протянул руку и коснулся рукояти меча-близнеца. Ощутил уже привычное, едва заметное покалывание в ладони, отозвавшееся в рисунке островного клейма на плече. Значит, тайный орден, боровшийся с колдунами? Любопытно. Кстати, что-то такое знал об этом мече Даллан, знал, но не захотел делиться, не зря же он остерегся сам брать его в руки и Вельгу запретил прикасаться к клинку.

Вернусь — заставлю рассказать, подумал он сердито. Не отвертится.

Поднявшись обратно, они еще раз проверили крепость замков и дверей. Несмотря на уговоры Нар-Геллейна, Ройг устроился дремать в прихожей, изредка поглядывая на улицу через узкую щель в закрытых ставнях. Подозрительный тип в плаще давно уехал. Его соглядатай на крыльце дремал, но пост не покинул. На рассвете дневного солнца его сменил другой.

Утром, уходя, Тэйн убедился, что никто из наблюдателей им не заинтересовался. Оба типа продолжали караулить дом. Тот, что грелся у костерка на площади, проводил его внимательным взглядом, но следом не потащился, только проследил до самой реки, убедившись, что Ройг ушел.

Значит, дело не во мне, подумал Тэйн, хотя я могу быть невольным наводчиком. Неужели эта банда ищет то же самое, что и мы с Вельгом? Что они могут знать о поручении островитян? Он тащился по ледяным улицам, мечтая поскорее добраться до постоянного двора и своей кровати, не обращая внимания на завывания кровавых гончих, лай аргов и унылые всхлипывания ветра. Дремота накатывала волнами, сквозь картину городских улиц периодически прорывались какие-то безумные, незнакомые видения-обрывки: мерцающие стены просторного зала, жемчужно-серая мебель, скудная, но изящная, люди, закутанные в балахонистые одежды с ног до головы, светловолосый мужчина, чем-то очень похожий на жреца-островитянина, еще один, немолодой, коренастый, с большой головой и очень выразительным, подвижным лицом... Тяжесть, раздражение, отвращение... Он усилием воли отогнал галлюцинации, даже не пытаясь разобраться, откуда они берутся. Ага, вот и постоянный двор. Хорошо еще, хоть топят, хотя вонь от угля такая, что хоть нос затыкай. Поднявшись к себе в номер, он активировал хэльд Тепло, который, к счастью, тут еще не сдался всеобщей напасти, запер дверь, чтоб никто даже случайно не обнаружил работающий хэльд, рухнул на убогую деревянную кровать и заснул, не раздеваясь.

(Каррея, Майр)

Вечером этого же дня, уже после заката дневного солнца, в самый черное, неблагоприятное время, Вельг, счастливый и лихорадочно возбужденный, вломился к Ройгу в номер.

— Я разговаривал с Кимром!

Тэйн, выпавшийся и отдохнувший, занимался тем, что перерисовывал знаки урда с клинка на бумагу. Что-то отдавалось в нем звонким эхом, когда он чертил их в воздухе, пропуская через цепочку тоненькую ниточку Огня жизни. На более серьезное воздействие он не решался, опасаясь непредсказуемых результатов. Увидев Вельга, он недовольно поморщился. По его собственным представлениям, Кимр не стоил того, чтобы рисковать своей шкурой, отыскивая в Каррее живой хэльд Окно. Если островитянам нужны новости, пусть пользуются хэльдом сами. На самом деле, он почти не сомневался, что высшие жрецы вместе с Кимром и так время от времени с помощью все того же Окна, или чего-нибудь еще, наблюдают за ними.

— Он доволен, как мы справились в Ахтамаре.

— Да пошли они, — буркнул Тэйн равнодушно и отвернулся, не в силах выносить восторженную физиономию Вельга, довольного, как ребенок, которого похвалили за хорошо выученные уроки.

— Я бы на твоём месте так не говорил, — осуждающе покачал головой Вельг. — В конце концов, это очень ответственное дело. В какой-то мере, это искупительная миссия. Сам видишь, что происходит. Если артефакты Кимра могут исправить положение, мы должны их искать. Все наши сомнения, возражения, неудобства тут теряют силу по сравнению с...

Ройг перестал слушать. Затея островитян нравилась ему с каждым днем все меньше и меньше. Хозяин первого артефакта оказался тяжело ранен, когда они пришли за ним, мальчик Кири и вовсе погиб. На горизонте появился второй — и сразу же вокруг семейства его владельца возникают подозрительные личности. Островитяне, явно неплохо представлявшие истинное положение дел в Наземном мире, и не подумали предупредить исполнителей своего поручения о возможных опасностях. Хотя бы о Майре! Так нет же, ни словом не обмолвились, только денег швырнули, как подачку. Хорошо еще, что Джерхейн с ними увязался, пропали бы два наивных дурака-иллара, до сих пор верящие в собственную святость, в этом взбесившемся от ненависти мире...

Не выдержав Вельга, вещавшего все громче и громче, он шикнул на его:

— Не ори, услышит кто, Кимр нас с виселицы не снимет. Он сказал хоть что-нибудь дельное?

Вельг надулся, но продолжил едва слышным шепотом.

— Когда я рассказал ему, что творится в Каррее, он сообщил, что знает о положении на Восточном материке.

— Кто бы сомневался! — прошипел Тэйн сквозь зубы. — Барр-упырь, дьяволово отродье!

Вельг вздрогнул, услышав это весьма грязное для Теллара ругательство.

— Может быть, он узнал только тогда, когда мы въехали в город... — предположил он,

однако быстро оборвал сам себя, поскольку вывод из его догадки напрашивался еще более гнусный.

— Что-то плохо верится, — пробормотал Ройг. — Все они прекрасно знали. И, что любопытно, не слишком скрывали, особенно, когда Кимр орал про отказавшие все до единого хэльды. Да только мы их слушали, да не слышали... — он поднялся, достал из-под кровати кувшин, плеснул в кружки себе и Вельгу. — Хотелось бы мне знать, что на самом деле происходит! Утверждение «иллары погрязли в разврате» и собственно, масштаб бедствий, особенно здесь, в Майре, несопоставим!

— Ну почему же... — растеряно начал Вельг. — Если учитывать отношение королевской власти к...

Ройг опять перебил его.

— Кэлленар — это система взаимосвязанных магических элементов. Иллары — всего лишь люди, которые ее используют. Веками. Да, используют бестолково, время от времени забывая то, что умели и теряя запасные части. Знаешь, если ты работаешь в кузнице, мехам будет абсолютно все равно, думаешь ли ты в это время о горне и молоте, или о своей подружке. Они не сломаются от твоих мыслей. Даже если ты отвлечешься на пару минут, чтобы ее облапать, кузня не рухнет. Для этого нужно, чтобы крыша прогнила. Или стены обветшали. Или еще чего похуже. Понимаешь?

— Ну почему же... — опять начал Вельг все тем же нравоучительным тоном. — Мелкие небрежности накапливаются и постепенно приводят к серьезной проблеме. Опять же, следуя твоему примеру, если годами не ремонтировать крышу, в один прекрасный день она рухнет.

— Крыша, извини, течь будет, — фыркнул Ройг. — Годами. Прежде чем рухнуть. И ты не сможешь этого не заметить — течь она будет прямо тебе на голову. А теперь вернемся к нашим хэльдам. Допустим, изменения в системе начались давно. В чем это выразалось? Почему никто не замечал их раньше? И почему же тогда островитяне молчали и не принимали никаких мер? Почему они вообще это допустили?

— Не знаю, — вздохнул Вельг.

— Не действуют хэльды. Нет илларов. Эпидемия, голод, бунты, разбой. Катастрофа. Старый уклад жизни медленно умирает. Новый — еще не родился. Кимр прав в одном: гибель хэльдов — лишь следствие. Хотелось бы понять, что именно вызвало подобную волну разрушений.

— Почему ты считаешь, что поступки множества людей в течение длительного времени не могли их вызвать? — Вельг допил кружку с арами и плеснул себе еще. — Вспомни, откуда мы берем силу для воздействий?

— Из колодцев. Малых колодцев — Кругов власти, и двух больших Колодцев на вершине Илломайна и где-то на юге Ард Эллара.

— А чем наполняются Колодцы? Огнем жизни всех существующих на Телларе и Агвалларе живых существ. Все наши эмоции — счастье, горе, радость, ненависть, зависть, сочувствие и прочие переживания — все они суть чистая сила, отдаваемая нами во внешнюю среду и улавливаемая колодцами. Не зря мы называем их Потоками жизни...

— Ага, напомни мне основы, — сердито перебил его Ройг. — А то я в школе плохо учился. Учебник забыл.

Вельг проигнорировал его раздраженную реплику.

— Представь себе, что отрицательных эмоций в этом потоке стало больше, чем положительных. Темных сил больше, чем светлых. Это и отразилось на всей структуре

системы...

— Это тебе что, Кимр подсказал? — спросил Тэйн с брезгливым подозрением. — Абсурд.

— Почему?

— Да потому, чтобы спровоцировать изменения такого масштаба, все люди давно уже должны были превратиться в отъявленных мерзавцев. Ты, кстати, как? Считаешь себя мерзавцем?

Вельг обиженно надулся.

— И потом, откуда вы взяли такую чушь — «темная сила, светлая сила»? Сила, она, знаешь ли, цвета не имеет, — Ройг уже начал злиться, что ввязался в глупый спор. — Энергия не может быть доброй или злой, счастливой или несчастливой. Сила огня, например, или того же ветра — она вне наших оценок. Вне человеческих эмоций. Она просто есть. Другое дело, для чего ты ее применишь. В общем, понятно, — буркнул он. — Островитяне не знают, в чем причина. А выдумывают глупые теории, потому что обделались от страха и хотят свалить вину на нас. И тебе, — он посмотрел на Вельга с яростью, — нечего рисковать жизнью и бегать к Окнам, чтобы обсудить с Кимром последние сплетни.

Вельг неразборчиво огрызнулся, вскочил с табурета и уже в дверях столкнулся с Джерхейном. По его глазам Ройг сразу же понял, что случилось нечто непредвиденное. Вельг, однако, оставаться не захотел: бросив сердитый взгляд на обоих, он вышел, раздраженно хлопнув дверью.

— Что это с ним?

— Да так... — буркнул Тэйн. — Взгляды разошлись.

— На кувшин инты?

— На Остров Колдунов.

Джерхейн рассеянно кивнул.

— Тэйн, ходят слухи, что мой отец убит.

Ройг остолбенел.

— Где ты это слышал?

— В нашей трайте. Там сегодня весь день об этом говорят. Прибыл караван торговцев из Риаллара, из Дарнейта, своим ходом пришли, через Пролив, не через Ворота, и вот... новости.

— Ты говорил с кем-нибудь из самих торговцев, а не с болтунами в трайте? — строго переспросил его Тэйн.

— Нет. Не думаю, что они очень уж сильно переврали сплетню. Такое не исказишь и не скроешь.

— Что еще? — спросил Тэйн, видя, что его друг нервно сжимает и разжимает кулаки, так, будто собирается кинуться в драку прямо сейчас.

— Что Джайт тоже... И жена его, и обе девочки.

— Кто же тогда правит?

Джерхейн вскочил на ноги, отодвинул табурет, потом поставил его на место, отошел к окну, вернулся обратно и сел. Поднял голову на Тэйна и спросил со злостью в голосе.

— А ты не догадываешься?

— Нет, — отрезал Ройг, уже зная, что именно он услышит. Но верить новостям, принесенным Джерхейном, он не спешил.

— Кианейт, эта блевотина Прародительницы!

— Тише, — поморщился Тэйн. — Остынь. Все это может оказаться сильно искаженными слухами. Постарайся найти кого-нибудь из того каравана, что пришел из дома. Вельгу говорить?

Джерхейн удрученно кивнул.

— Пусть он завтра сходит на ближайшую ярмарочную площадь и потолкается там, пособирает новости. Может, чего и услышит. Вечером, после заката, ходим кое-куда. Только без Вельга. Если на нас нападут, он не отобьется.

— Что ты собираешься делать? — спросил Джерхейн взволновано.

— В святилище Хэллиха есть целое Окно.

К следующему вечеру Джерхейн и Вельг успели набрать целый воз различных слухов, которые расползлись по Каррее в день появления каравана. Говорили, что правитель Риаллара убит какими-то фанатиками, по волшебству ускользнувшими из Риан Ал Джара после удачного покушения. Ими же убит и его наследный сын Джайт, а средний сын, Джерхейн, исчез задолго до покушения. Поговаривали, что его тоже нет в живых — погиб в одном из горных районов Илломайна, сражаясь с дьявольскими потусторонними тварями, заполонившими высокогорные поселения. Говорили, что никто иная, как жена его, Кианейт, коренная островитянка, при поддержке колдунов и организовала этот переворот, чтобы захватить власть во всем Риалларе и править им от имени Острова, и что она же на самом деле тайно извела своего супруга, чью гибель успешно скрывала до сего момента. Говорили, что чертовы колдуны решили захватить весь Наземный мир, что именно они наслали на Каррею голод и мор. Говорили, что в самом глубоком каньоне Поднебесных гор, совсем рядом с Илломайном, всплыло Озеро Кипящей Грязи, и что с каждым днем оно все растет и растет, и когда хлынет оно с отрогов вниз, в долины, сойдут на землю все семь небесных дьяволов и начнется светопреставление...

Тэйн выслушивал пересказ этих диких измышлений уже на улице, по пути к святилищу. Джерхейн излагал их сбивчивой скороговоркой, нервно озираясь по сторонам и периодически замолкая. Тьма в Каррее имела мутный, мглистый оттенок, сплошную пелену сумрака рассеивали тусклые блики едва живого света в окнах домов. Хэльды Свеча, ранее освещавшие центральные улицы и площади, потухли почти везде, и лишь редкие одиночки все еще продолжали исправно работать, не требуя вмешательства илларов, словно в насмешку над жителями столицы, обезумевшими от страха перед колдунами. С закатом дневного солнца улицы стремительно пустели, страх перед частыми вечерними налетами становился сильнее с каждым новым слухом о грабежах, с каждым новым трупом, выброшенным в грязь на мостовую. Мелкий колючий снег, обильно сыпавший с небес вот уже несколько дней подряд, падал и таял в липких зловонных лужах, смешиваясь с грязью, делая даже широкие центральные улицы непроходимыми для пешеходов. Откуда-то со стороны уже доносились нечленораздельные вопли и ругань, изредка прерываемая лязгом металла и тоскливым звоном стали о сталь — начинались ночные забавы. В домах поблизости поспешно, под визг дверных петель и скрежет задвигаемых засовов, под проклятия и причитания захлопывались ставни, поздние пешеходы торопливо ускоряли шаг, проваливались в заполненные грязно-снежной кашей промоины, оскальзывались на медленно леденеющих на холодном ветру булыжниках.

Джерхейн замолчал, когда собранный им ворох слухов иссяк. Оставшийся до святилища путь он проделал в сумрачном молчании, более не добавив ни слова. Несколько раз

приходилось останавливаться и пережидать в переулках, пропуская путников, вызывавших подозрение. Один раз с противоположных сторон к ним подскочили какие-то темные личности, и Джерхейн только начал вытаскивать меч из ножен, когда они, обнаружив, что нарвались вовсе не на перепуганных до полуобморока горожан, поспешно ретировались, отругиваясь и сплевывая в грязь ар-аззах, дешевую дурман-жвачку.

Тэйн постоянно оглядывался на друга, пока они добирались до святилища, пытаясь понять, что именно у него на уме. Джерхейн молчал. Обычно он привык строить планы вслух, сомневаясь, рассуждая, выслушивая короткие, зачастую резкие комментарии друга, потом принимал решение — и больше уже не сомневался ни на мгновение; теперь же он словно боялся заговорить на болезную тему. Несмотря на весь ужас и боль неожиданной утраты, окажись эти слухи правдой, Джерхейн получил бы нечто, способное подсластить самую горькую пилюлю. Следующим наследником после Джайта был он сам.

Святилище Хэллиха находилось в старом центре Карреи, на левом берегу, среди очень старых строений неизвестно какой эпохи, мрачных, слепых — без единого окна, с низкими куполообразными крышами, покрытыми грубыми резными изображениями девяти богов. Традиционный шпиль святилища, напоминающий трехгранный клинок, был отчетливо виден даже в темноте. Густые аллеи священного дейда, чахлого и искривленного на горных склонах Риаллара, здесь, в мягком континентальном климате, до сих пор держали листву, скованную первыми легкими морозами. Темно-зеленые листья приобрели почти черный оттенок и издавали своеобразный пряный аромат. При ярком дневном свете зрелище это вызывало дрожь у суеверного горожанина: мрачные черные деревья, ровными рядами окружившие поруганный храм, и статуя самого Хэллиха у дверей святилища, валяющаяся на дорожке. Голова статуи была отколота и откатилась в сторону: видимо, во время погрома статую решили вытащить на площадь, да уронили в самом начале пути, не совладав с тяжестью. Лазурно-голубые глаза бога, имевшего человеческую голову и тело аури — хищника из семейства кошачьих, казались озлобленными до безумия.

Разгромленный и оскверненный Купол служб напоминал грязный сарай. Витражи были разнесены в мельчайшие осколки, резные деревянные панели дейда выломаны и, вероятно, сожжены в ближайших домах, ритуальные чаши выворочены и сброшены на землю. Представив, что здесь происходило, Тэйн содрогнулся и коротко и зло проклял обезумевших людишек. Бурые, давно застывшие пятна на полу и запах смерти подсказали ему, что иллары Хэллиха вряд ли смогли оказать достойное сопротивление громившей храм толпе.

Он поспешно свернул во внутреннюю часть святилища, где царил такой же хаос, поплутал по темным коридорчикам, сообразил, что здесь он может без боязни зажечь свет, вызвал Небесный огонь, и уже после этого быстро отыскал галерею хэльдов. Их оказалось неожиданно много, кроме общеизвестных, обнаружились и незнакомые. С каким удовольствием в другое время он бы поэкспериментировал с ними, пытаясь догадаться об их назначении... Но хэльды молчали, а времени на праздные развлечения у него не было. На всякий случай он проверил хэльд Исцеление — тот ничего не отразил. Четырехцветная поверхность хэльда Истина превратилась в мутный серый камень. К счастью, хэльд Окно ожил, как только Тэйн протянул к нему ладонь, через которую он направил на его гладкую поверхность слабый поток Огня Жизни.

— Что ты хочешь увидеть в первую очередь? — спросил он Джерхейна, который с волнением следил за его манипуляциями.

— Отца, — ответил тот решительно.

Тэйн инициировал хэльд. Изображение появилось сразу же, как только он закончил воздействие. Джерхейн глухо застонал и отвернулся, Ройг охнул и потерял контроль над хэльдом. Они увидели усыпальницу риалларских королей, чашу, закрытую хрустальной сферой, под которой покоился прах. И надпись, как положено, кольцом идущую по краям погребальной чаши.

Тэйн подождал, пока Джерхейн опомнится, потом предложил:

— Давай посмотрим, что с Джайтом.

Другая чаша, там же, но меньшего размера и не такая роскошная, с тем же кольцом надписи по краям. На этот раз Джерхейн смотрел молча, не отрывая глаз от хэльда, и только когда Тэйн осторожно встряхнул его за плечо, очнулся и прошептал:

— Теперь она.

Кианейт, прекрасная и холодная, сидела в зале Королевского совета, со старым канцлером, и что-то ему объясняла. Выражение лица старика говорило о его категорическом несогласии с тем, что он слышит, тем не менее, возражать он не осмеливался. На Кианейт была диадема, принадлежавшая когда-то матери Джайта, первой жене Холгойна, с рубиновой веткой чаари — символом королевской власти. Тэйн увеличил изображение, сместив его на руки Кианейт — там, на пальце левой руки, он заметил тяжелое золотое кольцо — королевскую печать.

— Вот тебе и слухи, — прошипел Джерхейн сквозь судорожно сжатые зубы. — Я не удивлюсь, если окажется, что все было подстроено заранее. Мое обручение с этой змеей, гибель отца, ее восхождение на трон. Дьявол их заberi, островитяне действительно собрались прибрать к рукам Риаллар, а мы, как идиоты, позволили обвести себя вокруг пальца. Только они одного не учли — я-то еще жив и не собираюсь отдавать бразды правления этой... ошибке Прародительницы!

— Зато они прекрасно знают, где ты находишься, и как трудно тебе будет выбраться из Каррей. Если караван прибыл своим ходом, значит, с хэльдами типа Дверь или Ворота есть проблемы. Да и это Окно уцелело чудом... Еще компания из пары илларов, с которыми ты все время болтаешься... Нас изловить-то — раз плюнуть. Нужно только остановить на улице и заставить закатать рукава, — воскликнул Тэйн с горечью. — Тебя к нам привяжут — глазом моргнуть не успеешь. Будешь ты болтаться на виселице как пособник колдунов, а мы с Вельгом освещать здешний сумрак вместо потухших уличных хэльдов, в виде большого и жаркого костерка. Да уж, хорошо они все придумали, — закончил он с ненавистью. — Пусть теперь Вельг только попробует запеть песню о священной миссии по поиску артефактов!

— Ты думаешь... — оживился Джерхейн.

— Да это же теперь ясно, как день, — почти выкрикнул Ройг, чувствуя себя не просто дураком — преступником, на чью совесть теперь легла не только смерть мальчишки, но и Холгойна, Джайта, и тех, о гибели которых он еще не успел узнать, но которые наверняка были. — Все же знали о нашей дружбе. Кимр не сомневался, что я расскажу тебе о своем поручении, а может быть, и поведение Кианейт было заранее ими спланировано. Так, чтобы тебе не захотелось оставаться в замке, чтобы ты уехал вместе со мной. Ты и уехал. А артефакты эти чертовы — сплошной отвод глаз! Послали трех дураков найти то, чего не может быть...

— А как же получилось, что у тех людей, что перечислил тебе Кимр, действительно оказались те самые, описанные им камни? — слабо возразил Джерхейн. Вид у него был растерянный и убитый.

— Дьявол их знает! Может, это действительно какая-нибудь редкая ка-эль. А может, вообще не артефакт Кэлленара. Хотя, — тут он перебил сам себя, вспомнив отклик урд-знака в кристалле, когда он брал его в руки. — Что-то в них есть, но вот что именно? А что ты скажешь об оставшихся двух? Ни Майр, ни Ахтан, ни Риаллар давно уже не имели дела с Ард Элларом. Оттуда не было ни посольств, ни гостей, ни торговцев. И с Хильдайром, кстати, тоже. Отослать нас с тобой в Ард Эллар по делам Острова — то же самое, что послать на Адовы облака. Вероятность, что мы вернемся, настолько мала, что ею можно и пренебречь. Какие же мы идиоты, — он схватился за голову и застонал, — как глупо я и Вельг купились! И втянули тебя. Даллан мне говорил...

Даллан. Он остановил свою гневную обличительную речь и снова потянулся к хэльд. Даллан никогда не доверял островитянам. Даллан подозревал, что за экспедицией по поиску артефактов скрыто что-то большее. И если переворот в Риан Ал Джаре — дело рук Агваллара, то Даллан должен был пострадать в первую очередь. А если он мертв, то тогда...

Хэльд не показал погребальной чаши, но и живого Даллана он не увидел. Перед его глазами появилось странное место без света, и как Тэйн не пытался рассеять этот тяжелый клубящийся мрак, ничего у него так и не вышло. Озадаченный, он принялся ходить по залу, раздумывая, что еще можно предпринять и, зацепившись взглядом за разбросанные на полу ка-эль, подобрал браслет из темных, матово блестящих бусин — Нить Феоллона, позволявшую манипулировать временем.

— Я попробую сделать то, что сделал Даллан, — сказал он неуверенно. — Когда искали убийцу главы посольства.

— Меня там не было, — напомнил Джерхейн.

— Восстановить прошлое в хэльде Окно. Есть несколько способов... Тогда Даллан применил связку хэльдов Окно-Истина-Зеркало, но у нас Истина не работает. Я попробую... кое-что свое. Смотри внимательно, — он повернулся к Джерхейну, который стал у него за спиной с тревожно-сумрачным выражением на лице. — Связка сложная, силы возьмет много, я могу и вовсе ничего не увидеть. На всякий случай отойди подальше, если полыхнет.

— А может? — опасливо спросил Джер. Тэйн кивнул.

— Может, не стоит?

— Стоит.

Вспышки, которой он опасался, не последовало. Цепочка из одиннадцати урд-знаков, связанная гармонией, выходявшей у него хрипло, но точно, аккуратно легла на гладкой поверхности хэльда и засветилась, рассеивая сумрак. Серия жестов «Жук», инициирующая движение временных пластов с помощью Нити Феоллона на запястье, спорхнула с пальцев с легкостью и точностью музыканта, поток Огня Жизни, связавшей его с хэльдом в единое целое, был мощен и устойчив, как никогда. Поверхность хэльда подернулась зеленоватой дымкой и через мгновение показала Риан Ал Джар. Снег, густыми белесыми хлопьями валившийся на землю, приглушенный мягкий свет в окнах замка...

Тэйн увидел обычный вечерний arras, шепчущихся Холгойна и Джайта, танцовщиц, почему-то оставивших в этот вечер равнодушным темпераментного короля, еще двух придворных...

...И Кианейт, скользящую рассеянным взглядом по залу, роскошную и надменную, с блуждающей улыбкой на тонких бледных губах. Arras закончился, танцовщицы ушли, уходят гости, поднимается и Холгойн...

...Король идет в свои покои, не замечая, что одна из женщин следует за ним, бесшумно,

шаг в шаг, как и полагается танцовщицам Койе... Он оборачивается у самой двери в свою спальню, там нет и никогда не было охраны, она стремительно бросается к нему, вскинув руки, будто собирается обнять... Он медленно оседает прямо у двери, обмякает и валится на пол, а она уходит, пряча в рукав полупрозрачного одеяния длинную тонкую иглу, похожую на коготь...

Джайт... То же самое, что и с королем. Следом за ним, не успев ничего сообразить, умирает и его жена...

...Ужас и паника в замке, Кианейт, с глазами статуи, отдающая распоряжения насчет похорон...

Тэйн ждал появления Даллана, но его нигде не было. Не было вообще никого из илларов, даже тех, кто частенько бывал в Риан Ал Джаре. Неужели они знали? Ройг с ужасом подумал, что могли знать. И не помешали? А если тот же Кимр каким-то образом сумел обмануть их? Или запугать? Или пообещать что-нибудь такое, от чего они не смогли отказаться? Не захотели бы.

Время продолжало двигаться через хэльд, но он уже не следил за событиями, зная, что ничего не увидит. Ничего, что помогло бы ему ответить на вопрос, что же на самом деле произошло в Риан Ал Джаре, кто именно виноват в смерти Холгойнов. Только ли Остров?

У Холгойна, естественно, было достаточно врагов, как и у любого сильного правителя. Если рассматривать картину в целом, учитывая поручение, отъезд Джерхейна и его собственный, никто иной не мог бы придумать и привести в исполнение столь сложный план. Никто, кроме Агваллара.

Если бы, конечно, хэльд Истина оказался в рабочем состоянии, он добавил бы к связке еще и его. Тогда можно было бы увидеть не только последовательность событий, но и их первопричину. Истину. Но сила хэльда умерла... Тэйн снова сконцентрировался на происходящем, и, увидев похоронную процессию, понял, что пошло уже несколько дней. Он медленно оглянулся на Джерхейна.

— Достаточно?

— Да, — шепотом ответил тот.

Ройг разорвал связи. И ему тут же стало дурно, закружилась голова, потемнело в глазах. Да, чувствуется, что с Кругами Власти в Каррее давно не все в порядке — он вытянул всю операцию только на чистом Огне жизни, на личном запасе, не пользуясь силой колодцев. Плохо. Подобные воздействия не должны держаться только на Огне жизни... Этак и помереть недолго.

Тяжело опираясь на Джерхейна, он побрел к выходу.

Всю дорогу до постоянного двора они молчали, подавленные мрачными открытиями. Дотащившись до таверны, заказали обильный ужин и кувшин инты. Только после второго бокала Джерхейн заговорил.

— Нужно возвращаться.

— Приедешь прямо в лапы своей ненаглядной супруги, — Тэйн покачал головой. — Слух о том, что ты жив и едешь домой, опередит тебя.

— Я не дурак, поеду осторожно.

— Если я могу проделать фокус с Окном и посмотреть, что происходит, то островитяне тем более могут это сделать, — продолжил Ройг. — Не торопись. Торопиться уже некуда. Если сунешься в Риан Ал Джар в одиночку, просто так, без поддержки, окажешься рядом с отцом в виде горстки праха.

Джерхейн со всей силы бухнул кулаком по столу, так, что добрая половина инты выплеснулась из кувшина.

— Она поплатится за то, что сотворила. Чего бы мне это не стоило. Она заплатит мне за смерть отца. Я убью ее.

(Сезон Холода, Майр, Карреея)

Вельг был потрясен новостями до глубины души, но ни подробные описания увиденного Джерхейном в хэльде, ни доводы Ройга не заставили его поверить в преступление, совершенное агвалларцами. Он склонялся к мысли, что это не переворот, а ахтамарский заговор, а Кианейт просто вынуждена, будучи единственным выжившим членом королевской семьи, взять власть в свои руки до возвращения законного правителя — ее супруга, риана Джерхейна из рода Холгойнов. Он отказывался верить, что эта красивая хрупкая девушка могла участвовать в столь подлом деле.

Вельг не знал подробностей ее отношений с законным супругом. Не знал он и о тайных встречах с человеком в плаще. Он отказывался поверить в то, что поручение и путешествие было нужно островитянам, чтобы убрать Джерхейна подальше от двора и ослабить бдительность Даллана. Он настаивал на продолжении поисков артефактов, упирая на то, что второй из них уже найден и остается только придумать изящный способ его забрать. Он предложил Джерхейну вернуться в Риаллар, оставив их в Каррее выполнять поручение Острова.

Ройг не сомневался, что островитяне следят и будут следить за Джерхейном. Не постоянно, конечно, а эпизодически, через хэльд Окно, проверяя, где тот находится и чем занят. Поэтому в итоге они разработали сложный план, в который Вельг, учитывая его преданность Острову, был посвящен лишь частично. В ближайшее время Джерхейн вместе с Ройгом открыто отправлялись в Дарнейт, второй по величине и значимости риалларский город и главный восточный порт. Там Холгойн должен громко заявить о своем возвращении, заклеить Кианейт как преступницу, узурпировавшую власть, объявить о мобилизации войска, назначить командующего, основать временную ставку и начать шумную подготовку к войне.

Одновременно Джер планировал написать несколько писем своим верным командирам из дружины Хэллиха и нанять гонца, чтобы их доставить. Для безопасности, гонец должен был нанять другого в Дарнейте, а сам — вернуться домой. Командиры дружины, в верности которой Джерхейн не сомневался, должны разработать план захвата замка и подготовиться к атаке, оставаясь в городе. Джерхейн, подняв как можно больше шума в Дарнейте, планировал совершить ночной бросок до Дардана и там шагнуть через торговые Ворота прямо на окраину Эргалона. Главное — проскакать этот путь быстро, в ночное время, когда обзор через Окно ухудшается по естественным причинам, чтобы в Эргалоне никто раньше времени не узнал о его настоящих планах.

Ройг собирался ехать с ним. Вырвавшись из Карреи, нужно будет связаться с верными эргалонцами через Окна и скоординировать совместные действия. Если получится, Ройг планировал попасть в Эргалон накануне атаки на замок и отыскать Даллана, если тот все-таки жив, прощупать остальных глав эргалонских святилищ, сориентироваться, насколько глубоко островитянам удалось зацепиться в столице.

Джерхейн не хотел отпускать его в Эргалон в одиночку.

— Если тебя обнаружат, убьют сразу, — заявил он.

— Эргалон еще до такого не докатился.

— Сам сдохнешь. В замковой тюрьме, с голодухи, или от холода.

— Я буду очень осторожен, — ответил Ройг со спокойной уверенностью. — В крайнем случае, останусь в святилище, свои меня ни за что не выдадут.

— Мы не знаем, что там происходит, — рыкнул Джер раздраженно. — Что, если...

— Но ты же веришь командирам своей дружины, — оборвал его Ройг. — А я верю своим. Кстати, не забудь, я умею драться с помощью кэн-ли. Поверь мне, это страшное оружие. Живым меня точно никто не возьмет.

В конце концов Вельг, ворча, ругаясь, плюясь, время от времени раздражаясь речами в защиту Острова, согласился ехать с ними, сочтя составленный план действий разумным и вполне выполнимым. Джерхейн, который на свадьбе старшего брата был представлен королеве Нэлле, собрался нанести визит во дворец, чтобы, сыграв на ее ненависти к Агваллару, заручиться поддержкой майрцев. Вельг собирал снаряжение и припасы в дорогу. Оставалось только найти проводников до Пролива, но с этим возникли неожиданные трудности.

Проводники карны Дороги находились под покровительством святилища Феоллона. Если тебе нужен проводник, спутник или охранник в дальнем путешествии, обратись в ближайший храм Феоллона, там выслушают твои пожелания, и в нужный день человек с меткой карны Дороги появится у тебя на крыльце. Святилище Феоллона в Каррее, как и все остальные, было разрушено. Уныло побродив вокруг измазанных грязью стен, Ройг с Вельгом решили, что проще поспрашивать проводников на постоялом дворе или в трайте.

Хозяин постоялого двора бессильно развел руками.

— Не найдете, — сказал он хриплым полупшепотом. — Сейчас из столицы целые караваны уходят, кто на Западный материк, кто в Хильдайр. Бегут. Проводники на вес золота. Разве что заплатите втридорога...

— Заплатим, — пообещал Ройг. — Островным золотом. Сколько скажет. Ты уж поспрашивай, а?

С утра он отправился к Нар-Геллейну, попрощаться, а заодно и разузнать насчет проводников — вдруг тот что-нибудь посоветует? Переходя мост, он столкнулся с похоронной процессией: уже и на правом берегу Карреи начали умирать люди.

К его удивлению, на стук в парадную дверь никто не ответил. Он постучал еще раз. Тишина. Ройг требовательно заколотил кулаками, проклиная нерадивость слуг. Через какое-то время дверь приоткрылась, и в узкую щель просунулась голова пожилого дворецкого.

— Господа не принимают, — сообщил он усталым голосом. — Можете передать записку, если что-то срочное.

— А что случилось-то? — забеспокоился Тэйн. Сразу вспомнился светлоглазый Дьявол и соглядатаи вокруг дома. Он поспешно осмотрелся. На площади горел костерок, около него привычно грелись два оборванца. Один из них явно косился в сторону особняка Нар-Геллейнов, подглядывая за попытками Ройга зайти в дом.

— Нездоровы они, — кратко ответил слуга, по-прежнему не открывая дверей. — Приходите в другой раз.

Дверь с силой захлопнулась, за ней раздались шаркающие шаги.

Тэйн разочаровано отошел в сторону. Нет, уезжать, не прощаясь, ему не хотелось. Может сложиться так, что придется вернуться. Усмешки Фейна-дурачка бесчисленны, так же, как и тропки-дорожки козлоногого Лаха. Ивор был Ройгу чем-то симпатичен, несмотря на разницу в происхождении, образовании и образе жизни. Может быть, твердостью и основательностью убеждений? Или тем, что в хаосе безумия и неверия не сказал ни одного

плохого слова об илларах?

Прийти завтра? А если вечером у них уже будет проводник? Джерхейн рвался домой. Ройга беспокоила судьба Даллана, Вельга — друзей и близких. Вряд ли у них будет возможность задержаться... Он поднял глаза на окна, плотно закрытые ставнями, и, спустившись с крыльца и обойдя дом, решительно толкнул низенькую кухонную дверь.

Кухня, в которой всегда былолюдно и шумно, встретила его непривычной и неожиданной тишиной.

— Эй, есть кто живой? — спросил он громко, разглядывая аккуратные пустые столы. К счастью, печь топилась, на очаге висел котелок с похлебкой, на решетке жарилось мясо.

В дверях показалась та самая кухарка, что в день наречения имени бегала по площади со скалкой.

— Уходите, — замахала она руками, — уходите, пока ничего не случилось. Из-за ее спины выскочил мальчишка, судя по внешнему сходству, ее сын. В руках у него была короткая майрская сабля. Со страхом в глазах и решительно поджатыми губами он медленно и твердо приближался к Ройгу. Остановившись буквально в шаге от него, он замер, держа саблю поперек и преграждая Тэйну путь в дом.

Тот пододвинул к себе ближайший табурет и сел.

— Вы тут что, с ума посходили? — спросил он со спокойной усмешкой. — Скажет мне кто-нибудь, в чем дело?

И тут кухарка неожиданно всхлипнула. Слезы градом полились из глаз, она села на скамью и утерла лицо передником.

— У малышки болотница.

Тэйн застыл. Мальчик по-прежнему стоял в нескольких шагах от него, держа саблю наготове.

— Давно?

— Четыре дня уже, — всхлипнула кухарка. — Кончается, бедняжка...

— Все остальные сбежали, — сказал мальчик. — Остались только мы с мамой да старый Пел.

— Больше никто в доме не болен? — спросил Тэйн спокойно, будто каждый день выслушивал новости о смертельных болезнях.

— Нет, — ответил мальчик. Кухарка продолжала всхлипывать.

Ройг задумался. Значит, болотная лихорадка... Где, интересно, девочка успела ее подхватить? Гулять ей разрешалось только с няней, со сверстниками она общалась мало и только с такими же, как она. Неужели белоглазый успел заразить Иду?

— Госпожа точно здорова?

— Здорова, только плачет все время, — ответила кухарка. — Господин велел никого не пускать. Лекаря привел, да лекарь тот... Шарлатан, а не лекарь. Намазал малышку какой-то дрянью, ей только хуже стало, — она опять всхлипнула. — Нам-то что... все мы скоро... за ней отправимся. Спим по очереди. Дом надо сторожить...

— С кем воевать-то собрался? — кивнув на саблю, спросил Тэйн мальчишку.

— Ночью ломились уже, — сказал тот, опуская саблю и садясь на скамью рядом с матерью. — Угрожали поджечь, да мы с господином их прогнали.

Тэйн обвел их внимательным взглядом и велел мальчишке подойти.

— Рот открой, — держа перед мысленным взглядом кольцо-связку слов и урд-знаков «Эхо», позволявшее настроиться на больного и ощущать его тело как свое собственное, он

быстро осмотрел мальчишку. Нет, этот здоров, как молодой бычок. На кухарку он глянул через кольцо, тоже убедившись, что с ней все в порядке.

— Так. Проводи-ка ты меня к господину Ивору. Если что, скажешь, что я ворвался и угрожал тебе, — велел он мальчику.

Ивора они нашли в кабинете. За десять дней, что они не виделись, тот похудел и осунулся, вокруг рта залегли горестные складки. Увидев Ройга, он поднялся с кресла с напряженным выражением на лице.

— Тебя предупредили?

Тэйн кивнул.

— Лучше уходи. Все мы здесь... не жильцы.

— Кто ухаживает за девочкой?

— Ида и я. Остальные сбежали.

— Когда она заболела? — упрямо продолжал Ройг

— Уже четыре дня как лежит в горячке.

— Как ты и Ида себя чувствуете?

— Устали. С ног валимся. Спим по очереди, на то, чтобы караулить дом, нет сил. Хорошо еще, хоть кто-то из слуг остался.

— Проводи меня к ней, — потребовал Тэйн.

— Зачем? Жить надоело? Чем ты сможешь ей помочь?

— Проводи, — повторил Ройг.

В спальне девочки он повернулся к родителям и потребовал, чтобы они оставили их одних. Ивор, окончательно переставший понимать, что происходит, увел еле державшуюся на ногах жену, оглянувшись напоследок со страхом и надеждой.

Врачеванием Тэйн не увлекался никогда. Это была стезя илларов Тармил. У него к возне с травами, лечебными пластырями, целебной глиной и тонкими, капризными конструкциями исцеляющих заклинаний никогда не лежала душа и не хватало терпения. Однако основы курса вдалбливались нерадивым ученикам в голову так основательно, что забыть элементарные навыки мог только окончательный идиот. Болотная лихорадка была бичом многих городов с сырым климатом и небрежным отношением к гигиене. На севере Риаллара, по ту сторону хребта, случались короткие вспышки эпидемий, быстро пресекаемые местными илларами. Начиналась болотница с лихорадки, кашля, потом, на четвертый-пятый день появлялись гнойные высыпания, не только на коже, но и внутри органов. Затем следовала смерть от сепсиса.

Четыре дня... Он осторожно осмотрел девочку, пользуясь все тем же Эхом. Райна сильно кашляла, натужно, содрогаясь всем своим маленьким тельцем. Язв не было. Он вспомнил еще одну словесную конструкцию урда, позволявшую диагностировать инфекционные заболевания. Долго мучился с воспроизведением в нужной тональности. Чуть не поджег одеяло... Когда все получилось, он с облегчением встал и прошелся по комнате.

Еще на кухне он был уверен, что это не болотница. Ивор и Ида уже заразились бы к этому моменту — болотница перескакивает с больного на здорового всего за два дня. Вернувшись к девочке, он снова воспроизвел Эхо, уточняя очаг воспаления. Так и есть — легкие. В день наречения имени девочка баловалась, носилась по дому с гостями-сверстниками, играла, несколько раз выскакивала в холодную прихожую и даже на крыльцо встречать гостей. Как и многие дети в знатных семьях, крепким здоровьем она не

отличалась, да и отсутствие нормального лекарства сыграло с ней злую шутку, превратив обычную простуду в тяжелую лихорадку.

Что же делать? Она сгорит без должного лечения. Учитывая вполне реальную эпидемию, когда все пугаются любого случайного кашля, к ней не подойдет даже шарлатан.

Он связал урд знаки Роса-Покой-Бабочка гармонией — тонкой нежной мелодией, всегда выходившей у него чуточку фальшиво, создав простейшее заклинание, эффективно снижающее жар. Девочка задышала ровнее, перестала надрывно кашлять. Ройг облегченно вздохнул, однако радоваться было пока что нечему. Этого недостаточно. Нужны травы, да и скорее всего, обычными отварами уже не обойтись, нужен хэльд Исцеление, поскольку время упущено и ребенок слаб.

Едва слышно скрипнула дверь. Ивор подошел к постели, увидел капли пота на лбу дочери, повернулся и внимательно посмотрел на Ройга.

— Скажи всем домашним, что это не болотница. Пошли письма всем, кому ты об этом говорил ранее, чтоб не сеяли панику. У нее очаг воспаления в легком, она очень сильно простыла и вовремя не получила помощи, — сказал Тэйн, отворачиваясь.

— Что я должен делать? — спросил Нар-Геллейн шепотом.

— Ничего. Если снова подымет жар, а он подымет через какое-то время, разведите воду с уксусом и оботрите ее. И прикажи пустить меня, когда я вернусь, — добавил он с раздражением.

Сейчас, в полдень, все уцелевшие лавки были открыты. Ройг методично обходил одну за другой в поисках нужных трав, одновременно зорко разглядывая все попадавшиеся по пути хэлды. Каррея, одна из старейших городов Наземного мира, имела сотни хэльдов, но большая часть их мертво молчала. Очень скоро все нужные ингредиенты были у него на руках, нашлась и тонкая шерстяная ткань, и мед, и жир хорре, и зеленая глина для пластырей сахгар. Не было только хэлда Исцеление, чтобы зарядить готовые снадобья. Центральное святилище Тармил было разрушено, как и все большие святилища Карреи. Ройг обошел все больницы, где обычно имелось несколько подобных хэльдов разных размеров, от маленьких чаш для небольших порций лекарств до просторных и удобных лож, на которых размещали тяжелых больных, и везде сталкивался с одним и тем же: серый камень, ледяная поверхность чаши, тишина, запустение...

В городе было очень беспокойно. Обстановка накалялась с каждым днем. На площади у магистрата бесновалась толпа, требуя от властей принять хоть какие-то меры против эпидемии, которая и не думала прекращаться сама собой. Те дома, где обнаруживались заболевшие, объявлялись зачумленными, в них били окна, забрасывали факелам, кусками пакли и соломы, пропитанной горючей смесью, и поджигали. Каждый день в городе сгорало два-три дома. Погромы, ранее редкие и по большей части случайные, стали теперь обычным явлением. Громили лавки с продуктами, склады, оружейные мастерские. Ройг уже два раза обходил кварталы, где брали штурмом небольшие особняки зажиточных горожан. Такие дома не жгли — в них было, чем поживиться.

А ведь соглядатаи вокруг особняка Нар-Геллейнов могут быть обычными воровскими наводчиками, подумал Тэйн. Знают, что в доме есть ценности, вот и ждут момента. Может быть, слух о болотнице удержит их от попытки грабежа? Лишь бы не подожгли. Грабить ведь и потом можно, когда все выгорит. А с коллекцией оружия в подвале во время пожара ничего не случится.

В конце концов он заблудился, оказавшись где-то на окраине города. Темнело.

Поднялся ледяной, пронизывающий ветер. Уже отчаявшись что-либо найти, он зашел погреться и поразмыслить в маленькое круглое строение, без окон, с низким куполом — такие строили очень давно, на заре эпохи. Вокруг ютились ветхие домишки с черепичными крышами, с низкими, в половину роста, дверьми, и окнами под самой крышей, затянутыми мутным дешевым стеклом.

Под куполом оказалось неожиданно сухо и чисто. Ройг зажег Небесный огонь и едва не подпрыгнул от радости. Глухое древнее здание скрывало богатейшую галерею хэльдов, часть из которых чудом оказались действующими. Был здесь и хэльд Исцеление. Тэйн руками потрогал гладкий камень небольшой изумрудно-зеленой чаши. Теплая... Хвала Илбару, теплая!

Он осмотрелся, увидел привычный янтарно-желтый столб хэльда Тепло, оживил его и сел рядом, прислоняясь спиной к медленно теплеющему камню. Надо быть осторожным. Что здесь еще осталось? Зеркало, Память, Точильный камень, Дверь... Дверь? Куда она ведет? Ройг поспешно инициировал хэльд, поднялся на ноги и сделал осторожный полушаг в радужный полог, отделявший одно место от другого. Там, с той стороны, обнаружился огромный зал со сводчатым куполом, стены которого были сложены из гигантских серых блоков. Воздух в зале был не просто холодным — ледяным.

Хильдайр. Скорее всего, столица. Не подходит даже для поспешного бегства, поскольку находится очень далеко на севере. Да и климат там... Холодно, в общем.

Согревшись, он приступил к работе. Сделав два травяных сбора и истерев их в мелкую пыль, он положил их в чашу и инициировал хэльд. Над чашей закрутились маленькие зеленые вихри, видимые лишь глазу иллара. Оставшись доволен результатом, он взялся за составление мази. Потом — за изготовление сахгара.

В дом Нар-Геллейна Тэйн стучался уже после захода Ночного солнца. Переходя мост, заметил зарево над правым берегом, одно, затем — другое, выше по течению, но, к счастью, достаточно далеко. По дороге сюда он стал свидетелем, как распоясавшаяся толпа пыталась поджечь больницу, куда приходили те, кому некуда было идти, кто не хотел подвергать риску своих близких, и кто все еще надеялся на какую-то помощь.

Ему открыли сразу — сам хозяин и открыл. Тэйн на всякий случай оглянулся по сторонам: на крыльце противоположного дома по-прежнему болтался неприятельного вида тип, делая вид, что дремлет, завернувшись в обноски.

Райну лихорадило, однако дышала она немного ровнее. Отправив Ивора разводить порошки водой, он снял лихорадку тем же заклинанием, затем обложил девочку пластырями и понаблюдал, как грудную клетку окутывает знакомое зеленоватое свечение. Кажется, все получилось как надо, подумал он с радостью и гордостью. Несмотря на полное отсутствие практики. Уйти, что ли, к Тармил? Тут вернулся Ивор, и они вместе осторожно напоили девочку.

— Где ты их взял? — шепотом спросил Ивор, кивая на лекарства. Тэйн проигнорировал вопрос и подробно объяснил ему, что делать дальше.

— Я приду завтра, — сказал он, упреждая следующие вопросы. — Когда очнется, заставь ее немного поесть, даже если будет капризничать, — он кивнул на девочку. — Порошок очень насыщенный, его лучше после еды.

Оглянувшись на тускло тлеющий камин, он покачал головой. Хоть бы дровами топили, пользы больше... Хотя где тут, в этом каменном лабиринте, возьмешь дрова? Заметив в противоположном углу невысокий янтарно-желтый столб, он жестом активировал его. Не

глядя на Ивора, попрощался... Уже на полпути домой вспомнил, что так и не спросил про карну Дороги.

Хозяин постоянного двора обещал, что проводник появится через пару дней. Джерхейна и Вельга он обнаружил в трайте за углом, они как раз заказали ужин. Оказалось, Джерхейну удалось договориться об аудиенции у королевы Нэллы, и завтра с раннего утра он собирался во дворец. Вельг похвастался спальными мешками из пуха, добытыми за баснословные деньги — наиценнейшими вещами для путешествий в сезон холода. Ройг потребовал инты, плотнул и опять почувствовал, как кружится голова и сводит судорогой уставшие мышцы. Майрские Круги Власти не хотели питать своих илларов силой. Почему, дьяволы их заберите? «Колодцы пусты, потому что перестали улавливать Потоки жизни. Колодцы выходят из строя так же, как и хэльды, только иначе», — пришел откуда-то готовый ответ. Тем не менее, сегодня у него получилось воспользоваться древним искусством, несмотря на хаос и разруху, за счет личных сил.

Интересно, а как обстоят дела на Острове? Целы ли у них хэльды или тоже...умирают? По сути, агвалларские хэльды были включены в общую систему, ведь на Острове не имелось своего отдельного Колодца. Оба больших Колодца находились в Наземном мире, на противоположных полюсах: один — на севере Поднебесных гор, на вершине Илломайна, второй — на южной оконечности Восточного материка, где-то на берегу океана. Малые колодцы Острова зависели от главных телларианских колодцев. «Рано или поздно, общая беда доберется и до Острова, — опять всплыла в голове готовая, словно чужая, мысль. — Агваллар будет последним в цепочке. Поэтому жрецы так рвутся контролировать Наземный мир именно сейчас — чтобы не допустить катастрофы».

Никогда раньше островные жрецы не проявляли интереса к делам Наземного мира. Их мало интересовала власть над государствами и континентами, роскошь и богатство отдельных городов и дворов, загадки древности, каковых на Телларе было немало. То ли они все прекрасно знали, то ли Наземный мир действительно не интересовал их ничем, кроме дани, регулярно поступавшей в их казну, и повиновения. Никогда ранее они не вмешивались в мирное течение жизни на Телларе.

У Вельга действительно есть основания сомневаться, подумал Ройг.

Кстати, нигде и никогда, даже на Острове, Тэйн не встречал ответа на вопрос, откуда, собственно, взялся Кэлленар в том виде, в котором он существовал сейчас. Да и, наконец, сама телларианская цивилизация, разбитая на два мира — наземный и небесный. Все имеющиеся письменные свидетельства, — на бумаге, коже, камне, начинали отсчет с Эры Бешеного Солнца чуть более полутора тысяч лет назад. Во время чтения летописей и хроник у Ройга не раз возникало впечатление, что жизнь на Телларе зародилась гораздо раньше общепринятой точки отсчета. Полторы тысячи лет от заселения долины Аррах, что лежит на юго-западе Поднебесных гор, самой густонаселенной части западного континента — этих лет было слишком мало, чтобы создать Кэлленар, хэльды и Свод, распространить его на весь мир и затем потерять добрую часть знаний. Жрецы Острова подробно рассказывали об истории каждого из нынешних государств, но никогда не упоминали, что происходило в Наземном мире до прихода Сорока путников в Аррах и основания Дарнейта — то, с чего начинался Риаллар. История Майра начиналась с легенды о лесной нимфе Келара, выведшей на свет из мрачных чащоб Гиблого Леса четверых заблудившихся детей. Они, выйдя к долине Зеленой грязи, основали Кельтхол, город-крепость на севере Майра, заселили его, а затем и весь континент.

Тэйн, как и Даллан, считал, что Кэлленар достался Наземному миру от прошлых эпох, тех, что были до Эры Бешеного Солнца, но о которых почему-то не осталось письменных свидетельств. Каким образом Остров Колдунов сохранил подробную память о большей части искусства кэн-ли, оставалось загадкой. Возможно, разгадка лежала в самом существовании Острова. Никто на Телларе не знал, был ли Остров отдельным миром, со своей человеческой расой, с иными законами, историей, культурой и моралью, или его когда-то давно заселили теллариане. Был ли он совершенно иным созданием Творцов Круговорота, или всего лишь его частью, особенной, уникальной, но закономерной? И почему связал оба мира, наземный и небесный, именно Кэлленар, древнее искусство без прошлого и будущего, но без которого существование обеих цивилизаций представлялось невозможным.

И еще. Анализ пород Илломайна и его пещер, проводившиеся в святилище Ильфейна тайно, без ведома Острова, подтверждал, что Поднебесным горам не меньше шести миллионов лет. Камням Джар Ил — не меньше десяти тысячелетий, а Риан Ал Джару не меньше четырех тысяч лет. Возраст большей части наземных и подземных хэльдов оказался таким же, как и возраст Джар Ил, а некоторые постройки на высокогорных пастбищах оказались еще древнее. Часть хэльдов, тех, что находилась в самом дворце и в Эргалоне, была несколько моложе. Получив эти результаты, иллары Ильфейна второй ступени объединились вокруг хэльда Окно, пытаясь увести его в прошлое. Для достижения цели требовались реальные зрительные образы, воспроизводимые памятью иллара, и теперь, когда оказалось, что Риан Ал Джар может послужить опорной точкой, подобное исследование, наконец, стало возможным.

Тэйн был тогда в числе участников. Результат оказался неожиданным: им удалось углубиться почти к самому началу современной истории, они видели первых переселенцев неизвестно откуда, ставивших жалкие глиняные хижины в тех местах, где теперь возвышались шпили эргалонских дворцов. При попытке проникнуть глубже в прошлое, к истокам, загадочно и неожиданно был утерян контакт с хэльдом. Несколько раз они пытались повторить эксперимент, и каждый раз выходило одно и то же — дойдя до первых поселений, хэльд гас, изображение исчезало, словно там, в глубине эпох, имелось какое-то непреодолимое для хэльда препятствие.

Чувствуя, что засыпает прямо над тарелкой, он поспешно доел ужин, пропуская мимо ушей насмешливые реплики друзей, с усилием поднялся и побрел в свою конуру. Угроза лишиться привычных с юности умений, ставших неотделимой частью его личности, пугала его с устрашающей силой. Нет, ни за что! Кэн-ли для него — как воздух, как пальцы на руке, как сама жизнь. Если придется применять искусство без поддержки Кругов власти, исключительно за счет собственного Огня жизнь, что ж, иллары будут вынуждены научиться экономно расходовать силы. Очень может быть, что это пойдет всем им только на пользу.

(Каррея, Майр)

На площади перед домом Ивора слонялись какие-то совсем уж неприглядные личности. Костров было непривычно много, из бочек, от которых знакомо пахло горючей смесью, торчали обломки палок и досок. Ройг подергал ручку парадной двери, обнаружил, что дверь не просто закрыта — заколочена, и зашел со стороны переулка, через кухню. Открыл мальчик, как и накануне, держа саблю наготове. При виде Тэйна на его лице расплылась радостная улыбка.

— А Райне полегчало!

Тэйн улыбнулся ему в ответ.

— Вот видишь, а вы уже помирать собрались. Проводи-ка меня к господину.

Ивор вышел им навстречу, услышав шаги.

— Мы все сделали, как ты сказал. Ей легче. Жар спал, она пришла в себя и даже немного поела. Сейчас спит.

И не спрашивая ни о чем, повел Ройга в детскую. Там он снова осмотрел свою маленькую пациентку. Воспаление резко уменьшалось, жара не было вообще. Ребенок спал нормальным сном.

— Подержи ее еще пару дней в постели, — сказал он Ивору, укрывая девочку одеялом. В комнате было тепло; он на всякий случай подошел к хэльду Тепло и тщательно исследовал его ладонями — янтарно-желтый столбик прогрелся равномерно, на нем не было ни выбоин, ни сколов, которые иногда становились причиной саморазрушения подобных хэльдов. Илларам Ильфейна приходилось частенько их ремонтировать, зашлифовывая сколы в собственных мастерских, на специальных Кругах власти. — Завтра-послезавтра она уже не захочет лежать, постарайся, чтобы не бегала по дому.

Они вышли из детской, и Нар-Геллейн пригласил его в свой кабинет. Там, вытащив из шкафа изящный, дорого украшенный кувшин и два кубка, он предложил Ройгу сесть.

— У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность. Что я могу для тебя сделать?

Тэйн пожал плечами. В данном случае это был обычный долг иллара. Ничего более. Тут он вспомнил о том, зачем пришел сюда вчера утром.

— Мне нужен проводник до Дарнейта, — сказал он, отпивая из кубка. Арали оказалось терпким, ароматным и выдержанным, совсем не похожим на майрскую лозу.

— Уезжаешь домой? — спросил Ивор с грустью в голосе.

— Да.

— Слышал о ваших бедах, — вздохнул он. — Только верится с трудом. Не думаю, чтобы ваш умный и сильный риан, или его второй сын-воин дали так просто себя свергнуть.

— Это правда, — сказал Тэйн тихо. — Риан мертв. Убит островитянами.

— Уверен?

— Да. Видал в хэльде.

— Не ходил бы ты по хэльдам, в наше-то время...

Тэйн промолчал. Ивор долил вина в кубки.

В кабинет стремительно вошла Ида, увидев Ройга — кинулась ему на шею, всхлипывая и бормоча благодарности. Тэйн осторожно отстранил ее и усадил в кресло вместо себя. Пока они говорили о здоровье девочки, Ивор отошел к окну. Последние несколько минут до ушей

Ройга долетали очень тревожные звуки, доносившиеся с улицы. Прислушиваясь, он различил ругань, проклятия, стук металла о камень и треск ломаемого дерева.

Ивор сделал ему знак подойти. Ройг выглянул в окно — вокруг дома собиралась толпа с факелами. Уже сейчас народа поднабралось достаточно, чтобы вышибить дух из маленькой семьи с несколькими слугами и быстро, за одну ночь разграбить особняк.

— Второй раз уже. Пел говорил им, что у нас нет больных болотницей, но они не верят. Чертова прислуга, разнесли по соседям, а эти сразу в панику... Вчера на нашей стороне два дома так сгорели.

Тэйн присмотрелся. Рожи внизу были самые бандитские, сплошь из уличных бойцов, поднаторевших в штурме лавчонок и богатых домов, оружие разношерстное, но в уличной драке самое действенное — топоры, несколько арбалетов, пара ятаганов, видимо, попавших сюда вместе с их владельцами из ахтанских степей, палица, утыканная шипами, пара двуручных мечей и даже коса. Бандитов было гораздо больше, чем просто испуганных слухами слуг. По рукам ходили узкогорлые кувшинчики с интой.

— Быстро закрываем ставни, — и он первый бросился к окнам.

Они едва успели: в окна полетели камни и арбалетные болты. Снизу доносились проклятия и площадная брань.

— Может, мне выйти, поговорить с ними, сказать, что у нас нет больных, — мужественно предложила Ида. — Вдруг мне они поверят больше?

— Даже не думайте, — Ройг резко отстранил ее от окна. — Они пьяны, распалены злобой и страхом. Камни могут полететь в вас.

Снизу донесся хруст и скрежет. В ход пошли топоры — рубили центральные двери. К счастью, они были обиты железом и украшены коваными накладками, и поддавались плохо.

— Арбалеты есть? — спросил Ройг

Ивор кивнул.

— Пошли мальчишку, пусть залезет на крышу и стреляет по толпе так, как сможет. Не попадет, так хоть отгонит кого-нибудь.

Окна первого этажа располагались достаточно высоко над мостовой, к счастью, ставни на них не открывали уже несколько дней. В них тоже летели булыжники. Хорошо, запас камней у нападающих был не слишком велик.

— Как только они пробьют брешь, в нее полетят факелы, — пробормотал Тэйн.

— Одиночные мы потушим. Скажу Иде и матушке Цец, пусть готовят кастрюли с водой и тряпки, тушить огонь.

— Ты хочешь сказать, дома есть запас воды?

— Дом стоит на старом водоводе, — с гордостью заявил Ивор. — Колодец в подвале, под кухней.

— Хорошо. Думаю, двери они все-таки выломают. Не эти, так кухонные.

— Кухонная дверь крепче парадной, — возразил Ивор.

— Это вопрос времени и усилий. Так... Я хочу кое-что сделать... Если получится.

Спустившись вниз, в прихожую и слушая, как толпа, распаленная страхом, выпивкой и всеобщим помешательством, пытается выломать ставни на первом этаже дома, Тэйн принялся методично создавать и размещать по залу узлы ловушки, наподобие тех, с которыми он так часто сталкивался в илломайнском лабиринте.

Он давно уже воссоздал их элементы, продумал конструкции до мелочей и опробовал результат с помощью Вельга. Идея самому воспроизвести некоторые илломайнские ловушки

приходила ему еще в Эргалоне, а после столкновений в Ахтане вопрос о самозащите стал куда более остро. Еще в первые дни в Каррее он подготовил несколько урд-конструкций различной сложности и назначения, применять которые собирался в зависимости от ситуации и количества тех, кого потребуется останавливать.

Под конец прихожая была оплетена тонкой невидимой сетью-паутиной. Предупредив Нар-Геллейнов, чтобы не вздумали туда заходить, он поднялся на крышу, где в чердачном окошке примостился поваренок с арбалетом. Он уже успел выпустить по толпе несколько болтов, два из которых очень удачно попали в цель.

— Сейчас мы им кое-что покажем...

Осторожно выглянув на улицу, Тэйн убедился, что несколько наиболее крепких и наглых парней продолжают рубить топорами двери. Он вызвал урд-знак «Паук», маленький сгусток черноты, потом еще несколько, сплел их в единый тугой комочек и, придав ему с помощью Огня Жизни и жеста «Вихрь» должное направление, отправил сверху на головы атакующих. Пучок тьмы упал на них, подобно булыжнику, и затем рассыпался на отдельные сгустки, которые заметались в воздухе, ударяясь о головы и спины тех, кто оказывался в радиусе их разброса. Один из бандитов, опрокинутый подобным тычком в спину, свалился под ноги остальным, отчего его сразу же сбросили с крыльца. Под конец сгустки разорвались на мелкие ошметки, разбросав тех, кто оказался поблизости, ударной волной и нанося мелкие повреждения.

— Ого! — восхищенно воскликнул мальчик. — Ты колдун, да?

Вместо ответа Ройг создал один за другим несколько «Смерчей» и принялся прицельно швыряться ими в толпу. Атака произвела впечатление: испуганные вскрики, ругань, и толпа на короткое время откатилась от крыльца.

Тэйн тоже отошел от окна, почувствовав накатившую тяжелой волной усталость. Велев мальчишке оставаться на месте, следить за толпой и стрелять, если кто-то особо рьяный опять полезет на крыльцо, он спустился вниз. Теперь надо было позаботиться о кухонной двери.

Пока он возился на кухне, расставляя около двери такую же ловушку, что и в прихожей, со стороны крыльца раздался тяжелый глухой удар. Ройг кинулся в прихожую, прислушиваясь к торжествующим воплям толпы. Бревно, которое приволокли откуда-то с соседних улиц, проломило первую дыру в двери.

В коридоре, с мечами наготове, уже стояли Ивор и старый Пел. Входить они не спешили, помня предупреждение Ройга.

Осторожно обходя силовые узлы ловушки, Тэйн подошел к двери и вытащил засовы, не дающие дверям упасть. На него, как на создателя, ловчая сеть не реагировала. От следующего удара дверь распахнулась. Разбойнички один за другим вваливались в прихожую и падали на пол, туго спеленутые невидимой паутиной. Побрыкавшись, не видя пут и не имея возможности пошевелиться, они затихали, сыпля ругательствами. За ними, перешагивая через тела упавших, лезли другие, и снова падали, захваченные в плен нитями ловушки. Скоро на полу орало, ругалось и корчилось восемь громил.

— Что мы с ними будем делать? — ошарашено спросил Ивор, когда желающих ворваться больше не нашлось. Тэйн, выскочивший из-за целой дверной створки, несколько раз взмахнул мечом и вышвырнул очередного бандита на крыльцо.

— Я пройду, оглушу каждого, потом сниму ловушку и будем выкидывать их обратно. Пусть Пел принесет молоток, гвозди и доски: нужно будет заколотить дыру в двери.

Пока Ивор с Ройгом выволакивали из дома одного за другим незадачливых нападавших, из толпы летели факелы и проклятия. К счастью, им удалось увернуться от огня. Кроме того, мальчишка очень удачно выпустил несколько болтов, ранив одного из метателей.

Они заколачивали дверь, слушая, как с той стороны обсуждается вопрос, как ее поджечь.

— Пошли Пела за подмогой, — сказал Ройг. — Есть к кому?

— Есть, только далеко. В загородном поместье у меня целый отряд — охрана и работники, — ответил Нар-Геллейн.

— Тогда лучше уезжай из города. Дьявол с ним, с домом. Коллекцию свою свалишь в сундук и увезешь на телеге вместе с девочками.

— Уеду, как только Райна поправится.

— Завтра уезжай. Оденешь потеплее, закутаешь в одеяла и шкуры, на седло и напрямиком в имение. Остальные пусть на телеге едут.

— Лучше послать гонца в казармы городской стражи. Тут недалеко есть пост стражи и Раделетей.

— Раделетей мне только не хватало для полного счастья, — огрызнулся Ройг.

— Брось, никто из моих тебя не выдаст, — заверил его Ивор.

Ройг обновил ловушку, и они с Ивором поднялись на второй этаж. Ройг выглянул в окно, приглядываясь к толпе и пытаясь понять, что происходит. На крыльцо стаскивали доски, ветки, обломки бочек, куски пакли, обильно поливая все горючей смесью. Тэйн приоткрыл окно и, нарисовав в воздухе один за другим несколько Смерчей, раскидал уже почти готовый костерок.

— Колдуны! — раздались истерические вопли. — Островные колдуны! Они колдунов прячут! Раделетей зовите!

Тэйн с ненавистью оглядел площадь, выискивая, кто именно подал эту в общем-то правильную мысль. Нужно приказать мальчишке на крыше застрелить крикунов и паникеров. Взгляд его неожиданно зацепился за приметную высокую фигуру на аррите, прибившуюся к дальнему краю беснующейся толпы. Под лучами только что взошедшего Ночного солнца и при свете факелов он неожиданно хорошо разглядел белое узкое лицо, худую фигуру в теплом плаще, который висел на нем, как на вешалке, светлые пятна глаз, косу с черными и белыми прядями, выбивающимися из-под широкополой шляпы. Весь облик этого дьявола кого-то ему напоминал, кого-то до боли знакомого и одновременно чужого. Было что-то на грани узнавания в острых, резких до болезненности движениях, в чертах, четких и правильных, почти красивых...

На площадь со стороны реки выехал отряд стражи — пятеро человек на арритах и при оружии. Ночной патруль. Видимо, услышали, наконец, крики, и приехали наводить порядок.

— Колдуны, колдуны, — надсадно орала какая-то тетка, — Колдуны там прячутся! Это они всех болотницей заразили! У Нар-Рейгеров вон все слегли! Хозяйка померла, хозяин помер! Заразили!

В дверь и окна снова полетели камни, кто-то залиvisto засвистел.

Выслушав крики, жалобы, мельком глянув на раненых, обозрев раскиданную кучу палок, разбитую дверь и поломанные ставни, командир патруля подъехал к крыльцу и, спешившись, громко крикнул:

— Господин Нар-Геллейн? Что здесь происходит?

Ивор распахнул окно кабинета.

— Эти мерзавцы пытаются поджечь мой дом.

— Там болотница, — раздались вопли, — они все там заразные! И колдунов прячут!

— Есть ли в доме больные?

— Моя дочь поправляется. У нее нет болотницы.

— Вре-е-ошь!

— Там колдуны засели! Они огнем швырялись! Держи колдунов! И в доме всех без веревок повязали!

— Кого повязали?

— Меня, — долговязый рыжий верзила кинулся к арриту, но стражник расхохотался и оттолкнул его ногой.

— Я предлагаю всем, кто находится в доме, выйти с закатанными рукавами, — прокричал командир патруля громко, так, чтобы его слышали на всей площади. — Если девочка не больна, пусть она тоже выйдет.

— Иди одевай Райну, — повернулся Ройг к Ивору. — Я сниму ловушку с кухни,пустишь стражника — одного. Покажешь руки...

— Погоди... — Ивор схватил его за рукав. — У тебя есть клеймо?

— Есть.

— Тогда как же...

— Попробую сбежать, пока ты будешь с ним общаться, через окно в уборной, то, что выходит во двор.

— Может, лучше я тебя в подвале спрячу?

— А если найдут? А так у меня хоть шанс есть.

Мамаша Цец уже возилась с тяжелыми засовами кухонной двери, когда они услышали с площади крики ужаса, боли, вопли «Вот он, лови его!», «Колдун, колдун!», «Стой, гад, не уйдешь!». Выскочив на крыльцо, Ивор и Ройг увидели жутковатое зрелище: над толпой кружились и взрывались знаки Небесного огня, совмещенные со Смерчем. Через мгновение последовал удар горячего воздуха, по площади разнесся низкий вой, толпу разметало, арриты взбесились, одного стражника сбросило с лошади. Высокий худой человек на лошади, тот самый белоглазый Дьявол, чертил обеими руками урд-знаки, из тех, что позрелищнее, и легким, хорошо знакомым взмахом кистей бросил их в толпу. Они взрывались, как карнавальные шутихи, один за другим, осыпая людей брызгами искр. Все это сопровождалось омерзительным воем, вызывавшим дрожь в ногах и пульсирующую головную боль, но реального вреда никому не причинило. Когда толпа, напуганная демонстрацией силы, разбежалась по окрестным переулкам и дворам, он развернулся и поскакал прочь, в сторону реки, по направлению к королевскому дворцу. Те из участников разбоя, что посмелее, подогретые запалом боя, с воплями «Держи колдуна!» ринулась за ним. Стражники, перекинувшись парой фраз, остались на площади.

Демарш белоглазого демона произвел впечатление не только на толпу. Стражники о чем-то негромко переговаривались, кивая на особняк. Командир патруля вошел в кухню, почтительно поздоровался с Нар-Геллейном, оглядел испуганных и измученных защитников дома, улыбнулся девочке, которая, завернувшись в одеяло, хныкала и требовала, чтобы ее отпустили спать. Выглядела она бледненькой и слабенькой, но явно не умирающей от смертельной болезни. Ройг стоял позади всех, демонстративно сжимая меч в руке.

Перебросившись парой слов с Ивором, командир патруля посочувствовал ему, пообещал выделить охрану до утра, позвал одного из своих и приказал скакать в казармы. Затем вышел

и, оседлав аррита, оглядел оставшихся на площади погромщиков очень грозным взглядом, вытащил меч и именем королевы потребовал убираться вон. После красочной и зрелищной атаки незнакомца и вмешательства стражи толпа сильно поредела. Тех, кто еще сомневался, стражники потоптали копытами арритов и пригрозили висящими у седел арбалетами и мечами.

Тэйн поспешно снял ловушку с прихожей. Мальчик остался караулить на крыше до прибытия охраны. Стражники несколько раз обошли дом, отгоняя мечами последних недоверчивых, и в конце концов, посочувствовав Ивору, медленно двинулись вверх по улице.

Почти через час к дому подъехала обещанная охрана из ближайших казарм, с обещаниями остаться до утра.

Ройг, не говоря никому ни слова, ушел в кабинет Ивора, повалился там на диван и заснул мертвым сном.

Проснулся он уже днем. Его разбудила Ида, которая лично принесла ему завтрак в кабинет мужа. Ивор появился следом за ней, вытащил недопитый накануне узорчатый кувшин. Они молча подняли кубки, и неторопливо, с удовольствием, позавтракали.

— Я договорился насчет охраны с городской стражей, — сказал Ивор. — Четверо каждый день. Плата вполне пристойная.

Тэйн кивнул. Охрана — это хорошо, но проблем все равно не решит. Сезон Холода только начался, впереди у Карреи — голод.

— Все равно нужно уезжать, — сказал он. — Будет только хуже.

— Мы с Идой уже приняли решение, — согласился Нар-Геллейн. — Уедем, как только Райна перестанет кашлять.

— Если сделаешь все как надо, то через три-четыре дня она полностью поправится, — ответил Тэйн.

Ивор кивнул.

— Вообще-то мы уже начали собираться. Заколотим дом, все ценное возьмем с собой. Вернемся, когда положение изменится...

Допив свой кубок, он вопросительно посмотрел на Ройга.

— Скажи мне... — начал он неуверенно. — То, что ты иллар, понятно... Кстати, какого святылища? И насчет сына родового эргалонского аристократа... теперь как-то не верится.

Ройг подумал, что в его интересах сократить количество вранья до минимума. А вот насчет иллара... Полуправда будет лучшим выходом.

— Разве аристократ не может стать илларом? Тем более что род Дрейтов очень небогатый... Я принадлежу эргалонскому Ильфейну.

— Слыхал, — уважительно кивнул Нар-Геллейн. — Ты здесь по делам святылища?

— Нет, — покачал головой Ройг. — То есть да, но... На деле все гораздо сложнее.

— Наше знакомство действительно было случайным? — спросил Ивор негромко, стараясь не глядеть на Ройга.

— Мне на самом деле нужно было с тобой встретиться, — начал Тэйн. Про инсценировку нападения на мосту он решил не упоминать. — Но на мосту мы столкнулись случайно.

— Тогда зачем? Я не имею доступа в королевский дворец, не владею богатством, не имею влиятельных родственников и особых достоинств... Чем я мог заинтересовать эргалонский храм Ильфейна?

— В твоей коллекции оружия есть камешек, который нам очень нужен.

— Камешек? — удивился Ивор. — Просто камень? Пойдем, покажешь.

Они спустились в подвал, где хранилась коллекция. Тэйн нашел меч и показал Ивору лазурно-голубой кристалл с запечатленным в нем урд-знаком Небесного огня. Ивор тщательно разглядывал камешек, но для неискушенного глаза он казался обыкновенным камнем с крохотной золотистой звездочкой внутри. Потом, протянув меч Ройгу, спросил:

— А тот белоглазый? Он как-то причастен к твоим делам? Очень уж он вовремя вмешался, когда патруль потребовал закатать рукава.

Тэйн хмыкнул. Да уж, вчера вмешательство белоглазого спасло ему жизнь. Как будто тот знал, кто именно находится в особняке, и чем это грозит... Знал и не хотел, чтобы это случилось. Спас, рискуя своей собственной шкурой, уведя за собой часть ночных бандитов.

— У меня есть подозрение, что он охотится за тем же, что и я. За артефактами. Он околачивался около владельца другого такого же артефакта, который мы нашли в Ахтане. Не понимаю только, откуда он узнал об их предназначении.

— А в чем оно?

— Не уверен точно, — искренне ответил Ройг. — Меня попросили разыскать их, сообщив только, что они могут помочь исправить существующее положение дел. С хэльдами, — пояснил он на всякий случай.

— Колдуны послали? — усмехнулся Ивор.

— Нет, — солгал Ройг. — Король Риаллара. Бывший король...

— И что теперь?

— Мы возвращаемся домой.

Ивор прошелся по комнате.

— Что ж, забирай его. Пусть это будет моей благодарностью за все, что ты для меня сделал.

— Спасибо, — Тэйн пристроил меч за пояс.

— Когда ты уезжаешь?

— Джерхейн должен был сегодня встретиться с королевой Нэллой... — пробормотал Тэйн вслух, — и проводника нам обещали сегодня вечером. Думаю, послезавтра, — сообщил он уверенно и увидел изумление на лице Ивора.

— Так Джерхейн Холгойн жив? И он здесь, в Каррее?

— Вчера был жив. Если ее величество его не съела, — хмыкнул Ройг. — Он был моим спутником в этом путешествии, пока не узнал о трагедии. Он собирался заручиться поддержкой королевы, прежде чем идти войной на островитян.

Ивор задумчиво покачал головой. Лицо его было серьезным и печальным.

— Надеюсь, вам повезет.

(Каррея, Майр, святилище Хэллиха)

До постоянного двора, где обитали Джерхейн и Вельг, Тэйн добрался на удивление быстро и тихо — ни погромщиков, ни стражи на его пути не встретилось. Ройг торопился, раздраемый беспокойством: уже вечер, аудиенция у королевы должна была закончиться. Королева Нэлла славилась дурным характером и вспыльчивым нравом, да и Джерхейн тоже не всегда отличался терпением. Особенно сейчас, нервный, злой, потрясенный неожиданной и бессмысленной гибелью всей своей семьи, он был способен наломать дров.

Ни на постоялом дворе, ни в соседней трайте Джерхейна и Вельга не оказалось. Это настораживало. Тэйн осмотрел пустые комнаты, ища следы борьбы или хотя бы любой беспорядок, по которому он мог бы догадаться, возвращались ли они из дворца, куда и зачем ушли потом. Немного смутил небрежно брошенный на кровати Джерхейна воинский пояс, его меч был наполовину выдвинут из ножен. В эти беспокойные дни Джер не расставался с оружием. Не понравился и вываленный в грязи меховой плащ Вельга — в чем же он ушел в такую непогоду? Где и когда он исхитрился так измазаться? В остальном в их комнатах все оставалось по-старому. Хозяин постоянного двора заявил, что видел обоих незадолго до заката дневного солнца, веселых, довольных, оживленно жестикулирующих. Тэйн спустился в конюшню, взглянуть на арритов. Аррита, принадлежавшего Вельгу, не было. Аррит Джерхейна послушно стоял в стойле, вычищенный, расседланный и сытый, на нем явно не ездили со вчерашнего вечера.

Что-то здесь не так, подумал он, пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Беспокоила какая-то странность, которую он заметил, но не зафиксировал сознательно. Он направился в трайту, собираясь расспросить хозяина, и уже в дверях неожиданно сообразил, что его так обеспокоило там, наверху, в комнате Джера. Пустые кувшины. Три штуки. Джерхейн никогда не пил в одиночку, тем более с Вельгом, да и сам Вельг изо всех сил старался казаться трезвенником. Ни разу еще они не сидели вдвоем за кувшином арали или инты, просто по-дружески — Вельг всегда помнил, что перед ним аш-чи, королевский родич, а теперь и вовсе его величество. Джерхейн чувствовал его отстраненную почтительность и никогда не пытался изменить ситуацию. Вельг его стеснял. И чтобы вот так, три кувшина сразу...

Тэйн переоделся в тхон и ганчи, ахтамарские кожаные штаны тонкой выделки, с длинными, удобными карманами и широким поясом, приспособленным для ношения ножен, сменил грязную рубашку, переложил из жакета в карман ганчей кристалл-артефакт, который носил с собой, не желая оставлять в номере постоянного двора. Взял меч, подаренный ему Ивором, и попытался вытащить второй кристалл из рукояти. Тот выпал неожиданно легко, практически без усилий. Рассмотрев его внимательно, со смесью удивления и недоумения, Тэйн убрал его туда же.

Беспокойство стало острым до болезненности, и он окончательно запаниковал. Разум подсказывал, что ничего страшного с друзьями случиться не могло, однако замеченные им мелкие детали не укладывались ни в одно из объяснений. Почему Вельг на аррите, а Джерхейн — нет? Почему Джер без оружия?

Он шел по улицам Карреи в направлении святилища Хэллиха. Туда, где все еще работал хэльд Окно.

Тусклое ночное солнце хорошо освещало улицы, их замерзающую грязь, горы отбросов, вываленные прямо под окнами, обломки немудреного скарба, остатки разбитых телег и повозок, брошенные в тесных, загроможденных бочками и ящиками переулках. Леденящий ветер уныло завывал по подворотням. Где-то на окраине ему тоскливо вторили арги; число их изрядно поубавилось за короткий период начала холодов — их съедали доведенные до отчаяния обитатели бедных окраин. Голые ветки деревьев звучно охлестывали леденеющие крыши, тусклые лучи света отражались от них, вырывая из темноты то незакрытое ставнями окно, то кошек таффи, сиротливо жмущихся вокруг труб, то обрывки принесенного ветром и примерзшего мусора. Ночные лиходеи попрятались по углам, кто — высматривая добычу, кто — веселясь в предвкушении пирушки. Город казался притихшим в ожидании какой-то гигантской, окончательной мерзости, после которой возврата к прошлой жизни уже не будет никогда...

Подобравшись к святилищу, Тэйн неожиданно ощутил прилив жгучей ненависти к здешней изуродованной, убогой жизни, к тем, кто заставил его красться, как преступника, по опустевшим улицам, и к себе самому, трусливо озирающемуся по сторонам. Рваные тени дейда делали маленькую площадь вокруг оскверненного храма еще более зловещей, он с трудом подавил вспышку муторного, иррационального страха и поспешно перешагнул через статую.

Не задерживаясь, он прошел в галерею хэльдов и решительно приблизился к хэльду Окно, уже на ходу вызывая образ Джерхейна. Хэльд с трудом ожил, поверхность задвигалась, и постепенно картина прояснилась.

Одинокий путник на аррите ехал по пустынной местности; ночное солнце, тускло освещавшее его путь, бросало рассеянный отблеск на лежащие впереди горные вершины. Плащ на всаднике принадлежал Джерхейну, но аррит был не его, да и шел он медленно, словно тащил на себе непосильно тяжелую ношу. Тэйн хотел было добавить последний, до сих пор не воспроизведенный им урд-знак, чтобы инициировать связь окончательно — там, перед путником, возник бы призрачный овал с его собственным изображением, но в последний момент остановился. Нет, это не Джерхейн. Рост, фигура не его. Странно.

Шум, донесшийся со стороны входа в святилище, заставил его отвлечься.

Там, в самом начале галереи, через узкую дверь один за другим проникали стражники, проскользнуло несколько плохо одетых горожан и следом за ними — четверо Радетелей. Один из горожан, толстый и обтрепанный, словно облезлый арг, торжествующе указал на Тэйна.

— Вот он. Точно колдун, он уже не первый раз сюда приходит. Я его здесь уже видел. Только они вдвоем приходили. Он и еще один, рыжий такой, здоровенный детинушка...

— Какой же он колдун, у него меч на поясе, — неуверенно начал один из Радетелей, на лице у которого было написано предельное неудовольствие от того, что его вытащили из теплой трайты, оторвали от кувшина и заставили бежать под холодным ветром на другой конец города.

— Новую породу вывели, Барр-упырь их загрызи! — выругался толстый горожанин. Тэйн тихо потушил хэльд и стал пятиться к примеченной им второй двери в противоположной стороне галереи. — Это не просто колдун-островитянин. Это дьяволов колдун, раз он с оружием, — убедительно продолжил он. — Еще в святилище с ним приперся. Не верите — пусть закатает рукав, сразу все и узнаем.

Тэйн медленно отступал, положив руку на рукоять меча, и с преувеличенным

опасением обходя хэльды. Он был уже рядом со спасительной дверью, толкнул ее изо всех сил, дернул на себя, снова толкнул, выругался и стремительно развернулся лицом к приближающимся Радетелям. Дверь была заперта, если и вовсе не завалена с той стороны. Он медленно, следя за реакцией противника, вытащил клинок из ножен. В полумраке галереи, освещенной лишь одним урд-знаком, темно-синее лезвие казалось совсем черным. Неуверенность, быстро переросшая в страх, расползалась по лицам Радетелей подобно румянцу, однако тот, что явно считал себя командиром, насмешливо напомнил им:

— Он же один. Чего испугались-то?

Ройг осмотрел их по очереди, прикинув численный перевес, обилие оружия и тесноту помещения. На создание уже отработанных узлов ловушки нет времени, да и неизвестно, как отреагируют на это молчащие хэльды. Среди них ведь есть и те, назначение которых неизвестно современной науке. Может, они вовсе не мертвы, а тихо ждут своего часа... Да и боец он не слишком искусный. Почти новичок...

Он замахнулся для удара по рванувшемуся ему навстречу Радетелю, но его быстро и ловко сшибли с ног, оглушили чем-то тяжелым и навалились сверху. Тэйн, поняв, что проиграл, не успев даже вступить в бой, прекратил сопротивляться, решив поберечь силы для того, что наступит потом...

(Майр, по дороге в сторону границы с Ард Элларом)

Джерхейн смутно помнил дорогу, по которой они ехали сюда, какие-то пустынные места, уродливые нагромождения камней, залитые черной грязью ямы, подернутые тонким ледком. Тело заоченело, он давно уже не чувствовал его, хотя может быть, это произошло и не от холода, а от той гадости, что этот подонок подмешал ему в арали. Сжав зубы, он попытался привстать, чтобы хотя бы оглядеться, но не смог даже пошевелить пальцами. Только веки с трудом приподнялись, он увидел размытые в ярких лучах ночного солнца очертания далеких гор, подумал, что понятия не имеет, где оказался, и с облегчением закрыл глаза. Что ж, может быть, так действительно лучше — умереть, не чувствуя ни боли, ни страха, ни желания выкарабкаться. Вообще ничего не чувствуя. Кроме ненависти.

Когда он вернулся из дворца, Вельг встретил его на пороге комнаты, взволнованный и нетерпеливый. Выслушав его сбивчивый рассказ о почетном приеме, дружелюбии непредсказуемой Нэллы, а следом и откорректированный план возвращения домой, он полностью с ним согласился, потом поспешил успокоить, заверяя, что он ни за что не останется здесь и не станет настаивать на продолжении поисков каких-то там побрякушек, если дома творятся такие безобразия. Потом, видя, что Джерхейн все еще взволнован, предложил ему расслабиться перед сном за кувшином хорошего арали. Он сбегал в ближайшую винную лавку, принес с собой не один, а целых три кувшина, для Ройга, как он сказал, чтобы не обиделся, когда вернется, распечатал первый и поспешно наполнил кубки. Джерхейн был не против. Более того, то, что Вельг старался воздерживаться от возлияний в присутствии аш-чи, задевало и смущало его. Он не любил, когда друзья или товарищи по дружине напоминали ему о его происхождении. Дружбу он ценил больше благородной крови и королевского достоинства. Почти так же, как и его отец. Покойный отец...

От этих мыслей первый кувшин опустел почти незаметно, Вельг пил вместе с ним и периодически присоединял к потоку его ругани несколько личных проклятий. Потом был второй, после которого голова неожиданно отяжелела, тело стало непослушным и вялым, а третий и вовсе остался недопитым, такая сильная на него напала тошнота. Вельг повел его во двор, но его будто подкосило, он рухнул, свалив Вельга в грязь, и с невероятным трудом пришел в себя, содрогаясь от мучительных приступов рвоты. Под конец он все-таки поднялся, каким-то чудом вскарабкался по лестнице наверх, в свою комнату, и там отключился.

В себя пришел он уже в седле, точнее, болтаясь связанный поперек седла и накрытый сверху какой-то рваной одежкой. Голова соображала почти нормально, однако тело уже не слушалось, и не только потому, что его сковывали веревки. Все мышцы словно судорогой свело, но боли от нее он, к счастью, не чувствовал. Он вообще ничего не чувствовал. Как сейчас...

Тем не менее, он исхитрился разглядеть лицо того, кто вез его в седле столь бесцеремонным образом. Вельга он не мог не узнать, а узнав, поначалу вздохнул с облегчением.

— Что со мной произошло? — спросил он, с трудом шевеля губами. — Я отравился?

Вельг хмыкнул, потом ответил презрительно.

— Не совсем. Чтобы отравить тебя алкоголем, нужно по меньшей мере три кувшина

инты, да не такой, что делают в этом городе отбросов, а настоящей, крепкой. Если не больше.

— Тогда что же?

— Не буду скрывать того, что ясно и так, — продолжил Вельг с издевкой. — Я помог тебе. Добавил кой-чего, что в нужных количествах постепенно отправит тебя в пещеры к Феоллону. Медленно, правда, зато абсолютно безболезненно. Ты ничего не почувствуешь, можешь не волноваться.

До Джерхейна медленно дошел смысл сказанного, и он спросил, внезапно охрипнув от страха и злости.

— Зачем? Чем я мог помешать тебе?

— Мне — ничем. Я выполняю поручение моих наставников. Ты не должен вернуться в Эргалон.

— Ублюдок, — мрачно выругался Джерхейн и после этого долго молчал, переваривая услышанное. Потом снова спросил.

— Так значит поручение Острова все-таки было подстроено?

Вельг что-то неразборчиво прошипел.

— Нет, — отрезал он раздраженно. — Это дурак Ройг тебя настроил. Стукнула же ему в голову такая чепуха...

— Ему ты тоже... помог отравиться? — со всем ехидством, на которое сейчас был способен, спросил Джерхейн.

— Заткнись, — холодно осадил его Вельг. — Ройгу я скажу, что ты сгоряча сам уехал домой, с первым попавшимся проводником, а нам велел ехать позже. К тому времени, когда он добежит до ближайшего здесь хэльда — а это случится не раньше завтрашней ночи — ты будешь уже трупом. Твой «проводник» прикончит тебя по дороге, заведя в ловушку и ограбив. А потом мы вместе с ним найдем твоё хладное тело и оплачем.

— Ну ты и сволочь, — пробормотал Джерхейн. — Ройг все равно узнает с помощью хэльдов, кто именно и каким образом приволок меня сюда.

— Не здесь и не сейчас, — фыркнул Вельг. — Не в проклятой богами Каррее. Еще пару дней — и здесь не останется вообще ни одного хэльда.

Джерхейн хотел возразить, но промолчал. Его слова уже ничего не изменят. Пусть этот упырь верит, что правда никогда не выплывет на свет. Может, Тэйну будет полегче...

— А потом? После того, как вы оплатите мое тело? — спросил он, в очередной раз пытаясь чем-нибудь пошевелить.

— Ройг будет вынужден вернуться к поручению Острова. Поедет к Нар-Геллейну и заберет камень. Поручение Острова должно быть выполнено, — сухо ответил Вельг, — независимо от того, какие еще глупости придут Ройгу в голову. Потом вернемся домой и расскажем о твоей трагической гибели.

— Это Кимр тебе приказал? — выдавил Джерхейн немеющими губами.

— А тебе не все равно? — усмехнулся Вельг.

— Мне...любопытно.

— Нет, не Кимр. Кое-кто повыше. Но тебя это уже не касается.

— Значит, ты бегал доносить?

— Не доносить, а отчитываться, и не о тебе, а о ходе дела, — огрызнулся Вельг. — Меня обязали. А о тебе речь зашла не по моей воле.

Долгое время они ехали молча, Вельг не торопил аррита, для которого двойная тяжесть

была нелегкой ношей. Джерхейн чувствовал, как цепкие путы холода стягивают его все сильнее и сильнее. Под конец он не выдержал и сказал:

— Убил бы меня побыстрее да попроще, глядишь, и вернулся уже к рассвету.

— Я и так вернусь к рассвету, — ответил тот. — А насчет попроще да побыстрее... Руки пачкать неохота.

— Ах да, я и забыл, ты же у нас праведник. Оружие — грех, — с издевкой произнес Джерхейн. — Все правильно, убивать можно и без оружия, не обязательно для этого брать в руки клинок, — горло свела судорога и он на время замолчал, переводя дух. — Меч — он для честного боя, а не для предательства. Он тебе руки, подлецу, сожжет! Видать, правы Радетели, что сжигают колдунов на кострах!

— Заткнись, — зашипел Вельг. — Они еще о многом пожалеют, когда придет настоящая беда и некому будет их защитить.

— Жалеть придется тебе, — прошептал Джерхейн. — Всю оставшуюся жизнь. Никогда боги тебе этого не простят. Они не слепые...

— Да заткнись ты, — взорвался Вельг, огрев Джерхейна кулаком по голове. По тому, как бессильно она обвисла, он понял, что чертов Холгойн уже никогда ему не помешает.

В себя Джерхейн пришел уже здесь, в незнакомом месте и в полном одиночестве. Возможно, не так уж и далеко от города. Впрочем, смутные очертания гор, неразличимые из пригородов Карреи, говорили о том, что Вельг увез его на порядочное от столицы расстояние. Небо медленно серело, на западе проступили очертания небесного Острова, выныривавшего из сумерек. Ночь кончилась...

Он снова открыл глаза, уловив первые солнечные лучи, потом медленно закрыл их. Звон в ушах становился все громче и громче, мысли текли медленно и вяло. В конце концов нежное шелковое покрывало Койе обернулось вокруг него, скрыв окружающий мир и погрузив в сладкий и тягучий, похожий на смерть, сон.

(Сезон Холода, Ард Эллар, Улле)

Лейт высунулась из окошка почти по пояс, стараясь разглядеть показавшуюся на другом конце улицы повозку, и тут же спряталась обратно: было еще слишком холодно, чтобы выглядывать наружу с подобной беспечностью. Убедившись, что ее никто не видит, она поспешно захлопнула окна.

Отец должен был вернуться к обеду, но он почему-то задерживался в пути. Три дня назад на заре они с Хортом уехали в Катрис, небольшой городок недалеко от столицы Майра, известный своей богатой ярмаркой, которая раз в декаду переполнялась торговцами со всех окрестных городов и селений. Обитатели пограничных очагов Ард Эллара тоже свозили туда свои товары, благо пошлину майрцы взимали весьма скромную. Совсем недавно отец открыл там небольшую мебельную лавку. Хорт рассказывал, что лавочка совсем крохотная, не чета той, что в Улле — в полдома на набережной, но для успешного расширения семейного дела как раз то, что надо. По его словам, торговля пока шла успешно, уже несколько раз к ним наведывались обеспеченные господа из столицы.

Слухи о беспорядках в Каррее, лежащей в двух днях пути от границы, с каждым днем становились все более пугающими. Поговаривали об эпидемии болотницы, и Лейт боялась, как бы в Картисе, тихом, в общем-то, городке, не случилось какой беды. Пусть Хорт и старше ее на пару лет, но все равно еще балбес балбесом, одни девки на уме, а отец уже немолод.

В последний год Нойт Ильне жестко взялся за младшего сына, надеясь постепенно передать ему семейное дело. Три мастерские, где делали мебель на любой вкус, от самой простой и дешевой до самой изысканной, и две лавки отнимали у него все силы, а старший сын, на которого он рассчитывал, интереса к мебельному делу не проявлял. Выгодно женившись, он обосновался в Мениде, столице северо-восточной провинции Ард Эллара, и открыл там свое собственное дело: купив два больших речных баркаса и небольшую прогулочную парусную лодку, он возил по Тойренту грузы и пассажиров.

Дела у старшего брата шли более чем неплохо. Раз в сезон он приезжал в родной Улле с женой и детьми, очаровательными девочками-близняшками, похвастаться достатком и благополучием. Мать радовалась, глядя на раздобревшего, ухоженного и довольного жизнью сына, на его немного заносчивую, но хорошо воспитанную жену. Отец помалкивал, втайне гордясь успехами старшего. Впрочем, из Хорта тоже со временем обещал вырасти неплохой управляющий, а то и глядишь — хозяин. Всему свое время.

Стук колес по старой мостовой слышался уже отчетливо, Лейт узнала характерный скип разъездного отцовского фургона. Идет пустой, но, кажется, не совсем. Покупок вроде бы не планировалось, разве что мать просила отца заглянуть в винную лавку. Вспомнив о причине подобной просьбы, Лейт вздохнула, слезла с подоконника, поправила смявшийся воротник платья и старательно убрала под шарф выбившиеся пряди волос. Здесь, в гостиной, не было зеркал, чтобы посмотреться, но она и так знала, что увидит.

Ей повезло гораздо больше, чем старшей сестре, уродившейся точной копией отца — высокой, худощавой, длиннолицей и бесцветной. Лейт унаследовала внешность матери: среднего роста, уже в шестнадцать лет она обладала тонкой талией и круглыми соблазнительными формами, нежной, чуть смугловатой кожей, густыми вьющимися

волосами золотисто-каштанового оттенка, кроткими серыми глазами. Ротик у нее был округлый и нежный, чуть более крупный, чем ей бы хотелось, нос — маленький, точеный, и мягкий, чуть заостренный подбородок.

Мать воспитывала ее в строгости, по самым что ни на есть традиционным ард элларским обычаям, боясь, как бы младшая дочь-красавица не учудила что-нибудь позорное для чести семьи. Она бы и дальше держала ее взаперти, но отец дур не любил и, как только девочка подросла, оторвал ее от вышивания и засадил за учебу наравне с Хортом. Математика давалась ей легко, не в пример братцу, а уж историю с географией она и вовсе обожала. В школу при храме ей, конечно же, ходить не разрешили, но местный илон-учитель за скромную плату и щедрый стол регулярно приходил на дом, давая детям богатого горожанина дополнительные уроки.

И скоро, уже скоро за ней приедет нареченный. Сундуки уже собраны, осталось только последний раз примерить свадебное платье. Здесь, дома, они отпразднуют в кругу семьи, по обычаям Ард Эллара, сама же свадьба состоится в Дарнейте, так, как принято в Риалларе. Поначалу Лейт радовалась, что ей придется дважды надевать свадебное платье, но потом радость сменилась страхом. Жить ей придется в другой стране, по ту сторону моря, с человеком, на пятнадцать лет старше ее самой, да еще по совершенно другим обычаям. Слышала она про Риаллар... Мужчины там женятся дважды, а уж наложниц можно иметь столько, сколько прокормишь. Хорошо еще, что ее жених, коренной майрец, переехавший по ту сторону Пролива ради развития собственного дела, обещал ей, что других жен у него не будет.

Его звали Жевр Ас-Варден. Он был старшим сыном друга и компаньона отца. Лейт несколько раз видела его раньше, и, когда отец сообщил, что просватал ее за старшего Ас-Вардена, она молча согласилась с его выбором. У девушек Ард Эллара редко спрашивали согласия при выборе жениха, в особенности в семьях, строго блюдуших старый уклад, где все решал глава семьи. Кроме того, в жилах Ас-Вадренов, судя по приставке перед именем, имелась капля благородной майрской крови, и Лейт чуточку, но льстила будущая благородная фамилия. Мать, видя ее молчаливое смирение, утешала ее, как могла, заверяя, что браки по любви, модные нынче в южных и юго-восточных провинциях Ард Эллара, до добра не доводят, и что она обязательно полюбит своего мужа. Она сама ведь полюбила отца...

Лейт не верила. Два года назад она была влюблена в младшего сына ахра Сторожевого Очага, и, до сих пор нося в душе это будоражащее кровь чувство, сильно сомневалась, что способна еще раз пережить подобные мгновения. Юноша тоже остался равнодушен к ее чарам, им удавалось встречаться на праздниках, прогулках, в святилище во время службы, но потом отец-ахр отправил его учиться в Мениду, и с тех пор Лейт больше его не видела. Воспоминания, конечно, потускнели, но втайне она надеялась, что по возвращении домой он зашлет сватов. Отец давал за ней хорошее приданое, ахр никак не мог считать такую партию неудачной для младшего сына.

Надо признаться, она безумно боялась замужества. Лейт не хотелось покидать родной дом ради малознакомого мужчины, которому придется отдать всю свою жизнь. Неизвестно еще, будет ли он добр к ней. Брат вон частенько поколачивал свою супругу, да еще и любил похвастаться перед родителями и Лейт ее покорностью. Старшая сестра, которой не слишком повезло с внешностью, вышла замуж за вдовца с выводком детей, да еще и своих родила. Сейчас у нее на руках имелось восемь отпрысков да попивающий муж, и она с

трудом сводила концы с концами. О счастье, конечно, сестра и не вспоминала.

Она услышала, как внизу засуетились слуги, открывая ворота. Фургон, громыхая по камням, въехал во двор. Голос отца звучал неразборчиво, резко и требовательно, и Лейт торопливо выбежала из гостиной, страстно желая узнать последние новости.

Мать она застала на кухне. Там же оказался и отец, вручивший ей несколько узкогорлых кувшинов дорогого риалларского сажди.

— Привез я тебе твоего шелка, привез, — улыбаясь, замахал он руками, завидев дочь. — С трудом, между прочим, нашел. С чего ты взяла, что нужен именно красный... Ладно, возьми, я Хорту отдал...

Лейт побежала искать брата. Она собиралась сшить себе свадебную сорочку из красного шелка, по обычаю Риаллара, о котором рассказала ей одна старая знакомая. Только вот нужного материала не нашлось ни в Улле, ни в близлежащем Чареме. Пришлось слезно умолять отца, чтобы походил в Катрисе по базарам и лавкам. Хорт, смеясь и поддразнивая, отдал ей маленький легкий сверток. Лейт жадно развернула его. Тонкая, невесомая, полупрозрачная материя паутинкой струилась сквозь пальцы. Восхитительно... Отнеся ткань к себе, она, переполненная благодарностью, снова бросилась искать отца. Впрочем, они с матерью все еще разговаривали на кухне.

— ...Дьявол знает что, — услышала она раздраженную реплику отца и замерла, не торопясь заходить. — Уже и в Катрисе беспокойно. С Карреи валят толпы беженцев, и пешие, и конные, телега за телегой. Говорят, в столице чума. Болотница, то есть, — поправился он. — В Катрисе закрылось каждое второе святилище — хэльды все будто заснули. Королева Нэлла взбесилась! Велела поубивать всех илларов, уж непонятно, чем они ей навредили. Ярмарки в этот раз не было вообще, — Лейт услышала, как он двигает на кухне стулья и садится. Мать, судя по звукам, сама накрывала ему обед, отправив прислугу восвояси: новости, излагаемые отцом, были нерадостными, нечего простым людям слушать и пугаться заранее. Разнесут сплетни по всему городку, поднимут панику — так и до настоящей беды недалеко.

— В Неллиме, говорят, тоже беспокойно, — продолжал отец. — Корабли стоят. Иллары-то все попрятались. Мейр, говорят, сильно гневается. Через пролив ходить берутся только самые отчаянные. Штормов много, а илларов Мейра, чтобы шторм укротить или там Алые скалыобойти, все меньше и меньше. Королевские дружинники по ее приказу всех перерезали. А риалларцы, у которых, вроде, тишь да гладь, безумные деньги дерут за рейс, да и то, говорят, только до Нельского рейда, а дальше, мол, в шлюпочку и на веслах до причала, мы, мол, жить хотим.

— А как же Варден? — взволнованно спросила мать, словно подслушав мысли Лейт.

— Будем надеяться, что доедет, — ответил отец. — Хотел я с ним через Окно поговорить, да нет уже в Катрисе живых Окон. Завтра зайду в наш храм, спрошу, может, помогут. Все равно надо будет заглянуть, я же им больного привез...

Мать спросила его о чем-то, тихо и неразборчиво, Лейт не расслышала суть вопроса.

— Нет, не чумной, хотя кто его знает, — продолжил отец. — Язв вроде на нем не было. Подобрали утром на обратном пути, где-то между Катрисом и граничной заставой. Валялся в канаве у дороги без сознания, труп трупом. Хорошо хоть захрипел, а то так и проехали бы мимо. Не пойми кто... Одежда городская, неброская, но из дорогих, особенно сапоги. Чем-то на хильда похож, но точно не хильд. И не майрец. Я в храм Тармил заехал, что на окраине, так они на него глянули и сразу к хэльду Исцеление утащили. Не знаю, выжил ли.

Может и правда чумной, — тут он надолго замолчал, видимо, отдав должное обеду. — Ты девке-то нашей ничего не рассказывай, перепугается еще сдуру-то. Приедет Ас-Варден, никуда не денется. Не мальчик он, штормов да болячек пугаться.

На следующее утро Лейт отпросилась у матери в святилище. Не в то, куда собирался отец — в другое, в противоположном конце города. Отпускать одну ее не хотели. Мать сухо поджала губы, услышав ее просьбу. Где это видано, чтобы дочь-невеста разгуливала по улицам накануне свадьбы одна-одинешенька, без сопровождения родственников. Лейт стала уговаривать Хорта, но тому отец приказал вместе с плотником подремонтировать фургон и заменить на нем тент, но дело пока находилось в зачаточной стадии. Солнце, несмотря на холодный зимний день, пригревало совсем по-весеннему, облака, набежавшие с утра, уплыли на юг, и даже город, холодный и сумрачный последнее время, казалось бы, оттаял и ожил. Объем работ брата явно не радовал, но у отца была тяжелая рука, и он, скрипя сердце, отказался.

В конце концов вмешался отец и отпустил ее.

— Пусть уж прогуляется напоследок, помолится Тармил, да с родиной попрощается, — сказал он, оглядев дочь с ног до головы со смесью гордости и печали. — Поверь мне, там, куда она уедет, совсем другие берега.

— Хорошо, — сухо ответила мать. — Пусть идет. Только недолго. И еще, — она сурово посмотрела на дочь, — заговоришь с кем-нибудь по дороге — выпорю.

Лейт кивнула, пряча улыбку. Ей частенько доставалось от матери за любопытство и слишком живой нрав, но теперь-то она ничего ей не сделает. Не перед свадьбой же!

Городок Улле был частью Сторожевого Очага, расположенного на берегу Сарского моря южнее Пролива. В этих местах проходила граница Майра и Ард Эллара. Разбросанные вдоль скалистого побережья крохотные городки и харраны считались единым Очагом. Берег в этой части был высоким и обрывистым, ближайший порт — майрский Неллим — располагался в шести днях пути в северо-западном направлении. Улицы и дома Улле раскинулись вдоль и вверх по скалистому берегу. Городок вырос в незапамятные времена рядом с древним маяком, на который ориентировались корабли, идущие по Проливу из северных портов Хильдайра и восточного Риаллара в южные гавани Ард Эллара и Ахтана.

С самого детства она с братьями и сестрами бегала смотреть на плывущие мимо корабли. Величественное это было зрелище: огромные и гордые, с яркими многоцветными парусами, или маленькие и юркие, они напоминали ей чудесных сказочных птиц. Пока братья гадали, какому порту принадлежит корабль, в ее воображении разыгрывались целые истории, полные отважных путешественников и прекрасных дев, жестоких колдунов и бесстрашных воителей. Ей очень хотелось когда-нибудь самой подняться на борт такого вот огромного парусника и увидеть, как проплывают мимо берега харраны и кихты, как медленно и неуклонно меняется земля за бортом. К ее великому сожалению, бывала она разве что в соседнем Катрисе, на ярмарке, в харранах, окружавших городок, да однажды — в гостях у старшего брата в Мениде. В Мениду они попали через хэльд Дверь, расположенный неподалеку от граничной заставы, и, как не хотелось Лейт попутешествовать по Тойренту, на самом деле вся дорога заняла у них чуть меньше дня.

Шумная, деловая и праздничная Менида поразила ее своей живостью, обилием народа, величиной домов и дворцов, обилием роскоши и развлечений. То был совсем другой мир, с одной стороны — манящий и притягательный, с другой — опасный и обманчивый. Про себя

она так и не решила, хотелось ли бы ей здесь жить. На ее настойчивые вопросы, скучает ли он по дому, старший брат поначалу лишь отшучивался, и только перед отъездом признался по секрету, что ему очень не хватает простора, тишины и соленого северного ветра. «Вот погоди, наживу деньжат, переселюсь поближе к Неллиму. Свой причал, свои суда, склады... Жевр твой очень даже интересовался. Говорит, есть смысл...»

Лейт свернула на широкую улицу, в конце которой находилось святилище. Интересно, жив ли тот человек, о котором рассказывал отец? И правда ли, что он — хильд? Вот бы посмотреть на живого хильда... Говорят, все они высокие и красивые, белокожие, русоволосые, зеленоглазые, и очень сильные и мужественные. Про хильдов ей рассказывал учитель, и не только про обычаи, про войны тоже. Хильдов у них считали дикарями-варварами, но Лейт было интересно слушать пересказы длинных, запутанных и романтических саг о сражениях богов и героев, о бесконечной кровной вражде древних кланов и о безумных подвигах во имя любви.

Святилище девяти богов располагалось на вершине склона — обычное круглое здание с куполом и скромной пристройкой в виде кихта. Лейт вошла в полутемный уютный зал, вдохнула терпко-сладкий аромат благовоний и сразу же расслабилась. Здесь ей было хорошо. Здесь никто и никогда не осудит ее за любопытный вопрос, излишне звонкий смех или выбившиеся из под платка волосы.

Пожилой иллар, которого Лейт знала с самого детства, вышел ей навстречу. На самом деле, ей хотелось убедиться, что с Ас-Варденом все в порядке, только вот поговорить с ним через хэльд Окно она не отважилась. Сбивчиво поведав свои страхи, она попросила иллара показать ей жениха хотя бы на несколько мгновений. Тот, с трудом сдерживая лукавую улыбку, согласился.

Из Купола Служб он провел ее вглубь святилища, туда, где располагалась галерея хэльдов. Лейт с волнением приблизилась к хэльду Окно — матово-черному куску камня с небесно-голубым овалом, и зажмурилась, пытаясь в деталях вспомнить своего нареченного. «Жевр, Жевр Ас-Варден, где ты? Что с тобой? Все ли у тебя в порядке?» — повторяла она мысленно, пока иллар, шептавший за ее спиной длинные певучие заклинания, не тронул ее за плечо. Открыв глаза, она увидела невысокого плотного молодого мужчину, темно-русого и сероглазого, ехавшего в сопровождении двух солидных, хорошо вооруженных охранников и двух арритов с поклажей. Судя по местности, они находились уже по эту сторону Пролива. Дорога петляла меж холмов, домики справа, видневшиеся вдаль, были покрыты бурой черепицей и выкрашены в серо-коричневый цвет.

— Предместья Неллима, — пояснил иллар. — Видишь, малышка, все в порядке. Не волнуйся больше. Через четыре-пять дней он будет здесь.

Поблагодарив иллара от всей души и бросив в чашу для подношений несколько монет, она торопливо вернулась под Купол Служб. В этот час здесь не было ни горожан, ни детей-учеников. Лейт привычно скользнула глазами по хорошо знакомым изваяниям божеств. Илбар, Феоллон, Ильфейн, Келар... Мысли приходили невеселые. Скоро, скоро все изменится, ждать осталось совсем недолго. Мать торопливо наставляла ее насчет будущей замужней жизни, рассказывая о самых тайных ее сторонах. Лейт внутренне напрягалась, слушая сбивчивые и неловкие объяснения со смесью отвращения и любопытства. Мужчины получают от этого удовольствие, а женщинам остается только смириться да просить в святилищах заговоренные травы, чтобы не умереть родами, оставив детей сиротами... и не рожать каждый год по ребенку. Да еще не в каждом святилище на это хорошо посмотрят.

Она остановилась перед изваянием Тармил. Её изображали зрелой женщиной в простой домашней одежде желтых и коричневых тонов, обязательно — с одной-двумя таффи, в ногах или на плече, с колосьями интара в руках. Плодородие, домашний очаг, дети, здоровье и долгожительство — все эти стороны жизни находились под ее покровительством. Глядя в спокойное, улыбчивое лицо богини, Лейт положила в ритуальную чашу веточку вийлы, предусмотрительно взятую с собой из домашнего зимнего сада. Отойдя назад, взмолилась, путаясь в словах, и то и дело теряя в воображении облик будущего мужа.

«Пусть он будет добр ко мне. Пусть у нас все сложится. Пусть у меня будут дети... Сыновья и дочери. Позволь нам жить долго и счастливо. Позволь нам...»

(Сезон Холода, Майр, 20 тагалов от Каррей)

Доски телеги были оструганы весьма посредственно, мелкие сучки то и дело царапали кожу, причиняя еще большее неудобство. Хотя куда уж хуже. Серое небо сыпало мелким колючим снежком, укрывая трясущихся на открытой повозке пленников ледящим одеялом. Через прорехи на одежде снег налипал на тело, тая и растекаясь по коже омерзительными холодными струйками. Пошевелиться не получалось. Тэйн был старательно связан кожаными ремнями, концы которых оказались прибиты ко дну повозки. Чихнуть нельзя, не то, что с места сдвинуться. Его собрат по несчастью, парень по имени Рек, и вовсе посинел от холода, оставшись в одной рубашке и рваных штанах. Тэйну повезло сохранить ганчи, плотные, непродуваемые, но вот от рубашки остались одни лохмотья. Рукава оторвали сразу же, чтобы все честные люди видели клеймо иллара. Он держался с помощью проклятий, которые выплевывал сквозь зубы на каждой колдобине, и призрачной надежды на месть.

Должны же они хоть когда-нибудь развязать ему руки... Он им объяснит, что такое настоящий островной колдун, не пожилой почтенный илон, всю свою жизнь проводящий под Куполом служб и в классной комнате! Он приготовил целую серию трюков, которая должна помочь ему освободиться из плена и благополучно уйти от преследования. Однако для их исполнения требовались руки, свободные от пут, а именно этим он и не мог похвастаться. Кисти рук онемели и не шевелились. Он их не чувствовал, будто их вообще не существовало.

Да уж... Попал так попал... Хорошо еще хоть жив. И на том спасибо...

На самом деле ему сказочно повезло. Еще несколько дней назад Ройга бы сожгли на костре на главной площади столицы, перед магистратом, а Река, соседа по камере, воришку, у которого наши множество ка-эль, стянутых им из разоренных святилищ, повесили бы на соседней с кострищем виселице, как приспешника колдунов. К счастью, королева Нэлла, обеспокоенная все возрастающими беспорядками, запретила публичные казни в городе. Магистрату и Радетелям было приказано найти другой, менее демонстративный способ казни. Городские власти наши выход остроумный и оригинальный. В полудне езды от города находился Дьявольский Каньон, место, проклятое всем светлым пантеоном телларианских богов Легенды гласили, что именно эту древнюю, как сам Наземный мир, трещину в земле облюбовали все семеро небесных дьяволов, наведываясь туда для развлечений. Ни одно существо, попав в Дьявольский Каньон, никогда не выбиралось оттуда живым. Поговаривали, правда, что часть из них, пройдя Каньон насквозь, принимали облик кого-нибудь из дьяволов и возвращались к людям, чтобы жестоко отомстить за пережитый ужас. В магистрате решили, что смерть в каньоне будет ничем не хуже сожжения на костре, и вот уже несколько дней подряд по южной дороге отправлялись одна-две тюремные повозки. Пока что ни один из сброшенных туда людей не вернулся, ни в человеческом, ни в дьявольском обличье.

С упоминаниями о Дьявольском Каньоне Тэйн столкнулся еще дома, в Эргалоне. По одной из версий, Каньон образовался вследствие взрыва находившихся в том районе хэльдов. Причины взрыва остались неизвестными. Автор манускрипта подробно описывал образовавшееся на месте взрыва длинное и глубокое ущелье, похожее на трещину в земной

коре, и некоторые аномальные явления, которые ему удалось заметить во время попытки туда спуститься. К счастью, он смог выбраться оттуда, пробыв на дне ущелья всего несколько минут: их ему хватило, чтобы оценить опасность и не рисковать. Его быстро подняли наверх, однако один из блуждающих осколков скалы успел ударить его по ноге. Пока его вытаскивали, со дна Каньона появились призраки небесных дьяволов и кружились вокруг него, пока он не поднялся на поверхность.

Каким-то чудом оба добытых артефакта остались при Ройге. Точнее, чудом это не было: здесь, в Майре, все вещи, найденные у колдуна, считались проклятыми, как и он сам, и подлежали сожжению вместе с ним. Поэтому оба камешка благополучно лежали в кармане ганчей, и он все еще почему-то надеялся на спасение. Рассчитывать можно было только на себя. Мучительно, до мелочей вспоминая увиденное в хэльде и собственное состояние панического страха, Тэйг пришел к выводу, что с Джерхейном и Вельгом случилось нечто неожиданное и неприятное, иначе за три дня, проведенные им в тюрьме, они нашли бы способ дать о себе знать. Вельг бы попытался связаться с ним через хэльд Окно, тот, что на окраине города, да и Джерхейн точно бы что-нибудь придумал. Но ни один из них так и не объявился, а значит, случилась беда.

Воришке, казнить которого тоже собирались сегодня, одновременно с ним, было худо, его сильно избили при аресте. Сейчас, лежа стянутый до неподвижности на голых досках, он уже перестал дрожать от холода. Ройгу, конечно, было не легче, избитое тело болело как никогда, по молодости он и не думал, что у него вообще может что-то болеть, да еще так сильно, однако злость каким-то образом заглушала эту боль, превращая ее в горячую жажду мести. Она согревала не хуже одежды. Оставалось только терпеливо ждать, пока его палачи доберутся до своего Каньона и развяжут ему руки. Или хотя бы отвяжут его от телеги...

К Каньону они подъехали только к середине дня, когда снег перестал сыпать, сквозь серые облака проглянуло тусклое солнце, а в разрыве между тучами на севере показался багровый с золотом Остров. Глядя на ненавистный красно-лиловый шар, Ройг поклялся добраться до истинных виновников случившегося, но потом, выругавшись вслух, сообразил, что для начала неплохо было бы выжить в этом дьявольском Каньоне. Да хотя бы не околеть от холода по дороге.

Тем не менее, когда повозка остановилась, на него накатила тяжелая сонная одурь, и когда долгожданный момент наступил, он был бесцеремонно поставлен на ноги и даже почти полностью развязан — за исключением рук, конечно. Тело окоченело и не слушалось, он с трудом сделал несколько нетвердых шагов и с проклятием рухнул на землю, в слякотную лужу, образовавшуюся прямо перед телегой. Его подняли под довольный гогот охранников и тюремщиков, развязали руки, быстро и умело закатали в сеть и, закрепив ее толстым канатом, потащили к краю обрыва, который он заметил всего несколько секунд назад.

Спуск был стремительным и бесцеремонным. Сеть летела вниз и у самого дна развернулась сама собой и ускользнула, а он скатился с какого-то бугра еще ниже, пересчитав боками все мельчайшие камешки и выступы и пару раз взыв от самых болезненных ударов. В конце концов он замер, лежа на спине и глядя в небо, выглядевшее отсюда тонкой полоской, похожей на обмелевший ручей. Бурые неровные склы отвесно поднимались вверх и казались бесконечными. Он лежал в мелкой сухой пыли, на ощупь теплой и шелковистой, воздух тоже казался теплым, снежинки с поверхности не пролетали и половины пути, тая по дороге. Ощущение было приятным, окоченение постепенно уходило,

и когда рядом с ним вывалился Рек, он уже смог перевернуться на бок немедленно, через силу, шевелил пальцами рук.

Какое-то время Рек, как и он сам, приходил в себя, затравленно оглядываясь по сторонам. Пока что на глаза не попадалось ничего смертельно опасного, кроме высоких стен.

— Оклемался? — спросил Тэйн, когда парень зашевелился и сел. — Пошли, что ли?

— Куда? — испуганно заозирался тот. — Дьяволам в пасть?

— У дьяволов мы уже сегодня были, — буркнул Тэйн раздраженно. — Там, наверху. Нет страшнее дьявола, чем человек. Лично я собираюсь отсюда выбраться, — он осторожно сел, затем встал, убеждаясь, что онемение почти прошло. — Живым. А будешь ныть — брошу здесь и пойду сам.

Кряхтя, Рек поднялся на ноги, осторожно переступил, потом, потоптавшись, тоже принялся осторожно растирать тело ладонями, с опаской поглядывая на Ройга.

— В какую сторону пойдём-то? — спросил он все так же испуганно.

— Ну не туда же, — Ройг махнул влево, где дно каньона заканчивалось покатым тупичком, на котором не было ни единого уступа, за который можно было бы зацепиться или поставить ногу. Он повернулся к узкому проходу в лежащих прямо перед ним скалах, образовавших некое подобие ворот. Не дожидаясь воришку, он подошел к ним, но двигаться дальше не стал, для начала усилив зрение и пытаясь разглядеть, что ждет их впереди. Там не было ничего, кроме клубов рыжего тумана, за которые взгляд Ройга проникнуть не смог. Оглянувшись на своего невольного спутника и убедившись, что двигаться тот может вполне свободно, он помахал ему рукой и решительно шагнул вперед. Парень вздохнул и послушно потащился следом, хромя и постанывая.

Неприятности начались сразу же: из тумана им навстречу выплыла голова. Мертвая человеческая голова, оказавшаяся на поверку очень даже живой и подвижной. Глаза ее вылезли из орбит, распухший синий язык вывалился, пятна разложения расползлись по лбу и щекам. Голова описала вокруг них эллипс и ткнулась сначала в Река, который отчаянно заорал и принялся отбиваться от нее руками, зажмурив глаза, потом в Ройга, которого почти сразу же согнуло в приступе рвоты. Из тумана показалась вторая голова, гной капал с ее длинных спутанных волос, смрад залил Каньон, как дождь сточную канаву. Рек с воем рванулся прочь, и обе головы с удивительной для покойничков скоростью устремились следом за ним. Тэйн, с трудом разогнувшись, неожиданно расхохотался: головы пытались обогнать одна другую, щелкали челюстями, а догнав — бросались кусаться. Смех помог ему справиться с очередным приступом тошноты. Подобрал несколько камней, он пошел следом за ними.

Головы кружили вокруг несчастного парня как раз на уровне физиономии, он закрыл лицо руками, жалобно подвывал и подпрыгивал. Тэйн швырнул во вторую, наиболее отвратительную, самый увесистый из найденных булыжников, и попал ей по носу. Голова завертелась волчком и отдрейфовала в сторону. Ободренный удачей, Тэйн закидывал ее камнями, пока та совсем не упала на землю, а затем расстрелял и следующую. Рек продолжал вопить, не окрывая глаз, и рассерженный Ройг схватил его за шиворот и поволок вперед. Истерика прекратилась только после того, как воришка хорошенько ушибся лбом о выступ скалы. Тэйн отпустил его, убедившись, что тот может самостоятельно стоять на ногах, и решительно двинулся вперед, не дожидаясь, пока тот сообразит, что к чему. Потоптавшись на месте и многосложно проклиная своих мучителей, парень нерешительно

двинулся следом.

Они шли по присыпанному смесью песка и пепла ровному дну Каньона, с удовольствием вдыхая чуть затхлый, но теплый воздух. Казалось, что там, наверху, и не было зимы... Клубы ржавого тумана, скрывавшего головы, отодвигались назад с каждым шагом, пока, наконец, стены Каньона не разошлись в стороны, туман отнесло вправо, открыв перед ними жутковатую картину.

Там, впереди, почти все видимое пространство было заполнено висящими в воздухе камнями. Были среди них и крупные глыбы, были и мелкие гладкие камешки, были просто комья земли, на которых благополучно, не обращая внимания на странности окружающего мира, росла сочная зеленая трава. На одном из таких зеленых островков Тэйн даже заметил какое-то живое существо; усилив зрение, он разглядел шиаса, небольшую птицу с выродившимися в два роскошных, но совершенно бесполезных веера крыльями, популярный майрский деликатес и украшение дамских туалетов.

Дождавшись Река, он указал ему на птицу.

— Сможешь достать?

— Зачем? — испуганно спросил тот.

— Пора запастись припасами в дорогу. Жрать хочешь?

Воришка судорожно сглотнул. Потом нервно закивал головой.

Стоило ему сделать шаг в сторону камней, как вся эта замершая в воздухе масса немедленно пришла в движение. Камни стремительно понеслись ему навстречу и уже через несколько мгновений первый ряд с силой обрушился им на голову. От самых первых Тэйн успел увернуться; следующий — огромный обломок скалы — сбил его с ног и отшвырнул к стене каньона. Когда он попытался подняться, пронесившийся мимо кусок земли, тот самый, с шиазом сверху, опрокинул его обратно, обсыпав комьями, жухлой травой и драными перьями. Подавившись землей, Ройг лег на живот и долго отплевывался, потом поднял голову, сразу же получил какой-то мелочью по затылку, охнул и вжался в пыль. Рек кряхтел, всхлипывал и ругался где-то совсем рядом.

— Ты как, живой? — окликнул он своего спутника. Не услышав ответа, приподнял голову, рискуя получить очередным камешком по затылку, и огляделся. — Что ты там делаешь?

Рек замер в дурацкой позе на спине, медленно водя головой из стороны в сторону.

— Пытаюсь посчитать количество летающих камней, — ответил тот.

— И что?

— Их тут тысячи!

Либо у воришки плохо с арифметикой, либо у него в глазах троеится, решил Ройг. Либо он уже спятил. От страха. Тоже не лучше.

Тем временем Рек попытался перевернуться и сразу же получил куском скалы по голове. Некоторое время они замерли в неподвижности, не зная, что предпринять. Наконец Тэйну надоело лежать и ждать пинка в спину, он пополз вперед по-пластунски, стараясь не отрываться от земли. Несколько раз на него обрушивалось что-то тяжелое и мягкое, один раз чувствительно долбануло по макушке, отчего он ткнулся носом в пыль и потом долго чихал и отплевывался, но снова упрямо пополз, загребая пыль руками и коленями. Через какое-то время ему удалось выбраться на открытую площадку, оставив летающие осколки далеко позади. Он удачно поднялся на ноги и прижался к стене, наблюдая за поведением летающих обломков.

Рек последовал его примеру. Тэйн замер, глядя на дрейфующие в его сторону глыбы. Потом осторожно, плавно, не делая резких движений, переместился влево. Глыбы не заметили изменения его позиции. Тогда он чуть ускорил шаг — и почти сразу же одна из ближайших стремительно подлетела к нему и припечатала к стене. Отскочив, она зависла рядом, словно раздумывая, что делать дальше. Тэйн подождал, пока песок и грязь сами осыплются с него, и продолжил плавно перемещаться вдоль стены маленькими шажками. Глыбы не замечали его движения, мирно вертелись на месте, изредка сталкивались друг с другом, словно играя в пятнашки, Тэйн крался, как вор, и в конце концов впереди замаячило чистое пространство.

Оставив летающие камни позади, он не решил и дальше не спешить, продолжив перемещаться медленно и плавно вдоль стены каньона, словно исполняя старинный и немного чужаковатый танец.

— Не в первый раз замечаю, — проворчал Тэйн, когда его невезучий спутник, пользуясь той же стратегией, оказался рядом. — Почему-то некоторые старые магические аномалии терпеть не могут резких движений. К чему это они такие нервные?

Рек выдал содержательный ответ, из которого становилось ясно происхождение колдунов эпох нынешних, ушедших и будущих, их потомков до двенадцатого колена, особенностей их физического строения и особо извращенный образ мыслей.

Опасливо озираясь по сторонам, они медленно тронулись дальше.

Каньон постепенно расширялся, дно его уже не было таким гладким, как раньше. Стали попадаться камни — большие рыжие валуны с бурыми пятнами, чем-то напоминавшие торчащие из-под земли клыки. Зимнее небо медленно темнело — над Каньоном сгущались сумерки.

Тэйн прошел уже почти половину поля камней-клыков, когда впереди, из-за покрытого рыжей порослью валуна всплыл темный клубок, развернувшийся в призрачную фигуру, которая постепенно выросла в большеголового уродца, покрытого зеленой шерстью, с выпученными глазами, кривыми козлиными ногами и длинным хвостом. С подбородка свисала жиденькая борода, из пасти раздавались звуки, напоминавшие то ли смех, то ли лай. Развернувшись во весь рост, чудище приобрело законченность и плотность, опустилось на землю и двинулось прямо на них.

— О Прародительница, это же Небесный дьявол! — в ужасе прошептал Рек, едва не упав назад. Ройг попятился, минуя камни, и едва не споткнулся.

Уродец семенил в воздухе, немного не доставая копытами до земли. Выглядел он в точности как изображение дьявола Лаха в героических сказаниях, сагах и детских сказках. Оказавшись рядом, он наскочил на Тэйна, но тот успел увернуться, оттолкнув призрачное тело руками. Гадостное ощущение — словно в горячий кисель попал. Лающий хохот призрака больно резал уши. Когда Лах надвинулся на Река, тот с воплем кинулся назад, споткнулся о валун и растянулся на земле. Издавая гогочущие звуки, призрак опустился на него сверху и принялся подпрыгивать на теле парня, хватая его кривыми длинными пальцами. Рек визжал и вертелся, пытаясь сбросить козлище, но что-то ему мешало. Зрелище, откровенно непристойное и до безумия смешное, вызывало совершенно однозначные ассоциации.

Тэйн поднял бульжник, собираясь разделаться с призраком-насильником так же, как до этого с летающими головами. В этот момент из-за другого валуна всплыл еще один темный сгусток, превратившийся в обнаженную женщину. Казалось, все мужские пристрастия были

совмещены в ней одной и доведены до абсурда. Черные волосы до бедер казались гривой мифического животного; кожа — натянута-гладкая, белая до синевы, того и гляди взорвется ненастоящим соком. В глазах, огромных и синих, не было ни капли мысли, отчего они казались стеклянными. Груды — два круглых, надутых шара-бурдюка, подпрыгивали на ходу, словно мячики. Очень узкая талия и непомерно широкие бедра напоминали перевернутый кубок, а выпуклые, мясистые половинки зада — причудливый плод яггэ, произраставший на юго-восточном побережье Ахтана. И черные заросли внизу живота... Дьяволица Эйе, ночной кошмар перебродивших от воздержания юнцов. Да, на бумаге ее изображали гораздо скромнее. В сказках непристойного содержания, весьма популярных в Эргалоне среди юношества, Эйе, оборотную сторону Койе, рисовали обольстительной красавицей. Но это... Ройгу захотелось, как и Реку, заорать и убежать, когда это порождение чьей-то перевозбужденной фантазии двинулось на него. Он швырнул камень — тот застрял в теле Эйе с непристойным чавканьем. Тэйн пытался, пытался, пока лопатками не уперся в стену Каньона. Вопли Река и лающий смех козлоногого Лаха продолжались, а пышная фигура, опустившись на землю, медленно дрейфовала, поворачиваясь из стороны в сторону, давая разглядеть себя во всех пикантных подробностях.

Она была уже в нескольких шагах от него, когда он вызвал первое, что пришло в голову, точнее, нарисовалось почти автоматически кончиками пальцев — знак Небесного огня. Ройг швырнул в лицо Эйе огненный сгусток — тот пролетел ее насквозь, проделав дыру, в которую он увидел темно-синее пятно неба. Он швырнул второй, третий, потом наскоро сплел Небесный огонь в сеть и набросил ее на безумную фигуру. Огненная сеть съела дьяволицу почти полностью, оставив несколько ошметков, которые осели на землю и растаяли. Он создал еще одну сеть, с мелкими ячейками, и подойдя к Реку, накинул ее на овладевшего им демона, который теперь казался больше и плотнее, чем вначале.

Лах таял кусочками, гораздо медленнее, чем Эйе, но в итоге и от него постепенно осталось лишь оплывшая горка псевдоплоти. Рек лежал, не двигаясь, что есть сил зажмурив глаза. Бегло убедившись, что товарищ не пострадал, Ройг хорошенько встряхнул его.

— Вставай.

— А где это...

— Пошли дальше, — потребовал Ройг.

Парень неохотно поднялся.

— Зачем идти, если мы все равно помрем? — спросил он раздраженно. — Раньше или позже, здесь или там... Какая разница?

— Разница есть всегда, — отрезал Тэйн. — Не хочешь идти — валяйся здесь.

Держа наготове сплетенную из Небесного огня сеть, он быстро шел между валунами. Ключки грязноватого тумана всплывали из-за глыб, едва он приближался к ним, но он сразу же сбивал их Небесным огнем, не давая подняться и развернуться в демона. Через какое-то время валуны кончились, и Каньон снова превратился в обычное горное ущелье.

Теперь они шли быстро, то и дело глядя на темное небо. Тэйн зажег маленький знак-светильничек, но он получился тусклым, слабо тлеющим, и едва рассеивал темноту. Мрак был осязаем, густ, как патока, обволакивал и мешал двигаться. С невероятной силой захотелось лечь, еще больше хотелось пить.

Тэйн споткнулся о булыжник и растянулся на земле. Волной нахлынули изнеможение и апатия. Рек прав — зачем куда-то тащиться, прилагать усилия, если рано или поздно... Рано... поздно... Какая разница?

Рывком он поднял себя на ноги, отдышался и отплевался от на диво липкой пыли Каньона, мигом набившейся в нос, в рот и уши.

— Чертова темень, — проворчал Рек. — Может, все-таки отдохнем?

— Давай, — согласился Тэйн, чувствуя, что делает ошибку. Он уже собрался опуститься на землю, выискивая место поудобнее, однако в этот момент воздух сгустился вокруг него и взорвался ярко-оранжевым пламенным столбом, охватившим остатки одежды. Закричав, он повалился на землю, Рек предпринял попытку забросать его пылью, но она оказалась слишком летучей, чтобы потушить огонь. Он все-таки справился сам, катаясь по земле, а когда последние язычки пламени потухли, сдернул дымящиеся лохмотья рубахи. Ганчи, к счастью, пострадали мало. Кожу жгло, но, оглядев себя, он не нашел даже покраснений. Едва он убедился в отсутствии ожогов, боль сразу же исчезла.

Грязный ком ткани, брошенный на землю, через несколько секунд вспыхнул сам. Тэйн потянул спутника за рукав.

— Похоже, сидеть здесь нельзя. А ну давай бегом!

Они бежали сколько хватило сил, а позади вспыхивали столбы пламени. Иногда они возникали слева и справа, но чаще всего — впереди, но Тэйн, помня, что огонь — всего лишь иллюзия, решительно проскакивал их насквозь, или огибал, если получалось потому что пламя, хоть и не настоящее, причиняло реальную боль. По пути он успел обдумать и выстроить цепочку урд-знаков, с помощью которых он мог бы погасить пламя почти мгновенно, и когда Рек споткнулся и упал, а через мгновение вспыхнул, как живой факел, Тэйну удалось сразу же остановить горение.

Когда он заметил, что огонь уже не вспыхивает на каждом шагу, то замедлил бег, а потом и вовсе перешел на шаг. После всех приключений движения давались с трудом, хотелось упасть и не шевелиться. Пить хотелось еще сильнее, голод тоже давал о себе знать. Думать об этих насущных потребностях организма не хотелось: еды и воды не было, и мысли эти ни к чему, кроме отчаяния, не приводили.

С восходом Ночного солнца он увидел, что Каньон порядком расширился. Под ногами появилась короткая и жесткая трава, очертания скал, нависающих над Каньоном, стали похожими на острые зубы. Споткнувшись в сотый раз, Тэйн свалился на землю и неожиданно уткнулся носом в хилый, но тем не менее живой ручеек, сбегаящий по каменным складкам откуда-то сверху. Жадно напившись, умывшись, он растянулся на земле, ощущая голыми лопатками ее неожиданно ласковое тепло.

Сил не было.

Утолив жажду, Рек лег рядом.

— У этой трещины есть конец? — спросил он устало.

— Не знаю, — ответил Тэйн. — И знать не хочу. Давай поспим, а?

— А если опять эти... — Рек передернулся, — дьяволы нападут?

— Да ну их... в Лахову задницу. И на Адовы облака.

Проснувшись ранним утром, они не спешили уходить от тоненького ручейка, струившегося, как оказалось, из небольшой расселины в стене Каньона между камнями и уходившего в трещину под одним из них. Земля здесь уже ничем не напоминала сухую пыль, было больше камней и зеленой глины, кое-где попадались заросли жесткой травы. Воздух по-прежнему оставался сухим и теплым, ничем не напоминая о господствовавшей наверху зиме.

Пробуждение оказалось мучительно тяжелым. Вернулась боль усталых мышц,

сведенный голодной судорогой желудок потребовал нечто существенное нескольких глотков воды, а когда сон слетел полностью, тяжелая безысходность обрушилась подобно глыбам земли. «Хоть бы островитяне вмешались, что ли, — подумал Тэйн с раздражением, — если им действительно нужны эти штучки, — он пощупал карман, где до сих пор благополучно лежали добытые им артефакты. — Вот и Вельг с Джером во что-то вяпались. Во что же они вяпались-то... Хотя, если бы Вельга сочли колдуном, сидели бы мы с ним вместе в этой яме. Значит, моей участи он избежал. Связался бы, что ли, через хэльд. Тоже мне, спутничек...»

Рек валялся рядом. Приоткрыв глаза, он неодобрительно глядел, как Ройг поднимается на ноги и оглядывается. Место вокруг ручья казалось совершенно безопасным, покидать его ради непонятной цели не хотелось.

— Куда, хотел бы я знать, деваются трупы? — спросил он ворчливо. — Мы же здесь не первые?

Тэйн пожал плечами.

— Если они, как и мы, отправились вперед по этой дороге, а где-нибудь там, дальше...

Ройг молчал.

— Как ты думаешь, куда ведет этот чертов Каньон? Упрямся в том конце в стеночку, сядем рядышком и ноги протянем.

— Сначала надо убедиться, — бросил Ройг сердито. — Ноги протянуть всегда успеем.

Рек нехотя поднялся и поплелся за ним, неразборчиво бормоча под нос то и дело возникающие у него страхи и возражения.

Каньон постепенно сужался, пока не превратился в коридор шириною в несколько шагов. Впереди забрезжил хорошо знакомый рыжий туман. Тэйн остановился и усилил зрение — по предыдущему опыту он уже знал, что за туманом может скрываться любая пакость.

И пакость не замедлила появиться. Навстречу веселым роем вылетели, на ходу пощелкивая челюстями, черепа животных — от крохотных до огромных. Зрелище было бы забавное, если бы они не кусались. Белесые и желтые, они мельтешили перед глазами, норовя прихватить остатками зубов или клювов то нос, то ухо. Когда Тэйн попытался забросать их камнями, они стали уворачиваться, или ловко отбрасывали камень обратно, словно предлагая поиграть. Ройг попробовал швыряться урд-знаками, и это дало более ощутимый результат. Уже первый череп, в который Тэйн запустил урд-знак «Птица», поначалу остановился, словно впитывая в себя заметное только илларамам свечение символа, а затем неожиданно взорвался, разбрасывая вокруг множество мелких косточек. Воодушевленный успехом Тэйн принялся за дело всерьез, и вскоре черепов заметно поубавилось, а те, что оставались вне его досягаемости, сбились в кучку, прикрывшись рваными остатками рыжего тумана, и поспешно ретировались куда-то вперед. Тэйн понадеялся, что они не притаились где-нибудь за поворотом, чтобы отомстить за поражение — для этого они должны были бы обладать хоть толикой разума. Хотя...

— Слушай, тебе не кажется, что всеми этими дурацкими шуточками кто-то управляет? — спросил он подошедшего Река.

— Вряд ли, — отмахнулся тот. — Ради чего? Ради преступников, чтобы померли не сразу, а сначала штаны обгадили? Нет, в Каррее такого не придумают. Сложно слишком.

— Каррее это не под силу, — сказал Тэйн, а про себя подумал, что Каньон чем-то напоминает ему илломайнский лабиринт: ловушки, только динамические, а не привязанные

к одному месту, словно задачки на сообразительность, сдавались при первой же попытке их решить.

И они опять неохотно поплелись дальше. Пучки травы постепенно исчезли, земля снова стала пыльной и сухой.

— Воды не предвидится, — буркнул Рек. — Сидели бы у того ручья...

Тэйн не ответил.

Каньон снова стал расширяться, и к счастью, черепов больше не встречалось. Хотя сюрпризы еще не кончились — скоро дорогу им преградила огненная стена.

Языки пламени полыхали ровно, плотно загораживая проход. Завеса огня казалась сплошной, непреодолимой жар, исходивший от нее, опалил их и без того иссушенные лица. Рек попятился назад и с торжествующе-ехидной ухмылкой обернулся к Тэйну.

— Ну что, пришли? Есть идеи?

Ройг осторожно приблизился к ней, морщась от раскаленного дыхания огненной завесы. Потушить огонь с помощью подготовленной еще вчера урд-конструкции получилось не с первого раза. Кругов Власти поблизости не было, а личного Огня жизни в нем оставалось мало. Выцедив сколько, сколько смог из собственного измотанного тела, он все-таки загасил небольшой участок стены, образовав небольшой проход. Проскочив через него, он позвал Река.

— Ну, парень, — буркнул тот, оказавшись по другую сторону завесы, — если уж тебе что-то стукнуло в голову... так ты ее расколешь об это что-то.

Тэйн нехотя поплелся вперед, кляня себя за то, что потащил этого бесполезного болтуна с собой.

Через какое-то время перед ними опять встала огненная стена. Рек хлопнул его по плечу, Ройг молча уставился на нее, собираясь с силами. После недолгой борьбы с огнем ему снова удалось затушить часть завесы, через которую они поспешно проскочили на другую сторону.

Завесы возникали теперь почти на каждом шагу, Тэйн терпеливо гасил их, они шли дальше, потом снова останавливались. Только к вечеру огненные стены перестали вспыхивать у них на пути, а когда, наконец, появилась возможность остановиться и отдохнуть, Рек заметил впереди, над высокими стенами Каньона, темные очертания, отдаленно напоминавшие вход в пещеру. С трудом он растолкал распростершегося на земле Ройга.

— Там явно что-то есть!

Тэйн нехотя поднялся. Надо было идти дальше.

Тень становился все резче, на глазах приобретая законченные контуры огромной скалы, нависающей над Каньоном. Каньон уходил вглубь нее, превращаясь в тоннель. Добравшись до входа, они обнаружили еще один ручеек.

Ручей этот был не в пример чище и прохладнее первого. Они напились вдоволь и снова повалились на землю. Здесь было немного холоднее, чем в Каньоне, но и воздух больше не казался таким пыльным и затхлым.

— Замерзнем, — пробормотал Рек. — Может, разложить что-то вроде костерка?

— А дерево? — спросил Тэйн.

— А ты без дерева не можешь? — ухмыльнулся тот.

— А без дерева только Барр-упырь может, — ответил Тэйн. — Ты вообще-то представляешь, куда нас занесло?

— Не очень. Хорошо если тоннель этот куда-нибудь ведет, — сказал Рек.

Ройг вяло пожал плечами.

Проснулись они на рассвете дневного солнца. Тэйн шаг за шагом вспоминал предыдущие события, пытаюсь найти ответ, куда выведет их этот веселый аттракцион. В разумности его создателей он уже не сомневался. Больше всего Каньон напоминал ему тренировочную полосу, сооруженную в предместье Риан Ал Джара для подготовки дружинников. Ни один из сюрпризов Каньона не мог причинить жертве серьезного вреда. Наверняка нашлись бы иные способы преодоления препятствий, чем найденные им, а может быть, и пища находилась где-нибудь поблизости.

Он поднялся на ноги. Голова здорово кружилось, желудок возмутился и замолчал, обидевшись на небрежное отношение. С удивлением Тэйн осознал, что вполне способен передвигаться. Перед тем как заснуть ему подумалось, что завтра он уже не встанет. Однако, несмотря на общий упадок духа, руки-ноги работали исправно, а в теле появилась не испытанная доселе легкость. Что ж, мы еще встретимся с устроителями здешних развлечений, подумал он с насмешкой. Нам найдется, о чем побеседовать.

Сначала тоннель шел под уклон, затем выровнялся, а после полого пошел вверх. Ройгу удалось зажечь тусклый урд-знак — светильник, но после этого ничтожного по его меркам усилия пришлось пережить приступ головокружения, прислонившись к прохладной, влажной стене. Он исчерпал запас Огня Жизни, и теперь для его восстановления требовался либо полноценный отдых и отказ от искусства, либо Круг Власти. Он рассчитывал именно на второе, поскольку отдых в ближайшее время как-то не входил в его планы.

Они плелись в вязком полумраке, с трудом преодолевая дремоту; поначалу Рек пытался считать шаги, потом сбился со счета и замолчал, изредка чертыхаясь, когда спотыкался. Набредя на очередной ручеек, они жадно обпивались водой, потом валялись в изнеможении рядом, не в силах уйти от драгоценного источника влаги, потом снова вставали и шли. Дорога полого поднималась вверх, потом Тэйн неожиданно обнаружил, что земля под ногами стала ровной, без мелких ухабчиков и рытвин, щербатых камней и крупных комьев засохшей глины. Он наклонился и ощупал ее руками — камень был ровный, гладкий, не полированный, но выровненный искусственно; по краям дороги он обнаружил мелкие боковые канавки для стока воды. Стены тоже были ровные, сглаженные, с рядами мелких дырочек толщиной в палец, из которых едва заметно тянуло прохладой. Ройг подозревал Река, объявив ему о своих находках.

— Хочешь сказать, этот тоннель кто-то построил? — спросил тот с недоверием.

— Или приспособил, — кивнул Тэйн. — По крайней мере, надежда теперь точно есть. Куда-нибудь да выйдем.

— Не выйти бы туда, где и Каньон раем покажется, — пробурчал Рек.

Но Тэйн уже не слушал его ворчание. Они уверенно продвигались вперед, пока дорога не перешла в широкие покатые ступеньки, тоннель в очередной раз сузился, ступеньки стали более крутыми и превратились в лестницу, которая вывела их в просторную прохладную пещеру. Первым делом они уловили тихое журчание воды. Жалкий комочек света едва рассеивал мрак, Тэйн обошел с ним все помещение от стены к стене и наконец обнаружил источник — изящно выточенную из камня голову гиялли с глазами из темно-зеленого нефрита, из пасти которого тонкой струйкой стекала вода, падая в нефритовую чашу, похожую на кубок. Нефрит чаши был отполирован настолько гладко, что капли воды соскальзывали по стенкам вниз, не оставляя следа. Дно светилось цепочкой выложенных

замысловатыми петлями драгоценных камней, делая воду в чаше столь прозрачной, что чаша казалась пустой. Рек, с опаской подойдя поближе, рассматривал это чудо с перехватившим дыхание восхищением.

— Вот уж не думал, что у нас умеют делать такое... — пробормотал он, с наслаждением зачерпывая чуть теплую, чистую воду.

— У нас не умеют, — отрезал Тэйн. — Это делали не в наше время.

— Опять колдовские штучки, — фыркнул тот.

Выход из зала нашелся не сразу: проем в стене был узким и едва заметным. По очереди они протиснулись через него и попали в коридорчик едва ли шире самого проема, прошли несколько шагов и снова очутились в просторном зале неправильной овальной формы с колоннами вдоль стен и в центра зала. Центральные колонны матово светились. Рек озирался, не скрывая восторга, Тэйн же остался стоять у выхода, пытаясь разобраться в своих ощущениях: ему опять вспомнились илломайнские пещеры. Как будто строил эти подгорные дворцы один и тот же зодчий.

Впрочем, если это действительно так, выход наружу, хоть и не скоро, найдется. Вода будет, главное — не загнуться с голоду. Впрочем, есть мелкие зверушки, если изловить какую-нибудь из них, можно и в пищу употребить. Сырьем. Если желудок, конечно, примет...

Найдя выход из зала, он махнул рукой Реку.

Залы сменяли друг друга, становясь с каждым разом роскошнее и просторнее, и теперь он уже не сомневался, что строил их тот же народ, что и пещеры Джар Ил Поднебесного Хребта, настолько схожим было их внутреннее убранство. Рек останавливался, оглядывался и ахал, Тэйн больше отмалчивался, прикидывая, куда направиться дальше. Здесь он понятия не имел, где именно с точки зрения географии Майра они оказались, и на каком уровне должен находиться выход на поверхность. Может быть, в верхних чертогах, к которым уводили темные и узкие лестницы, может быть, где-то ниже. Интуитивно он чувствовал, что все делает правильно, тем более, до сих пор на их пути не попалось ни одной ловушки. Там, в пещерах Джар Ил, ловушек не было только в центральной части пещер, той, что лежала выше центрального тракта Илломайнских пещер.

А залы попадались еще более роскошные, чем там, под Илломайном. Чаши причудливых форм, множество небольших, но поражающих своим изяществом фигурок незнакомых существ и животных, деревья и цветы, вырезанные из цельных кусков драгоценных камней, загадочные дымчатые зеркала, покрывавшие пол и потолок, каменные лежа и кресла, как будто обитавшие здесь люди никогда не нуждались в мягких сиденьях, и множество предметов неизвестного назначения. Рек кинулся подбирать наиболее понравившиеся, но Ройг, заметив это, заставил его положить все набранное на одно из кресел и больше даже не пытаться. Среди невинных на вид безделушек могли оказаться каэль самого неожиданного назначения.

Остановившись передохнуть, Тэйн впервые за все время их путешествия уловил подозрительный шум где-то в глубине лабиринта. Усилив слух, он определил направление. Звуки напоминали шум шагов, отраженный эхом. Велев Реку оставаться на месте, он отправился к тоннелю, откуда приближался этот размеренный топот.

Тоннель вывел его в другой просторный зал, с высоким сводом и глубокими нишами-сиденьями по бокам. В нишах тускло мерцали светильники-камни, расписанные символами урда, кое-где — изящные маленькие статуэтки на высоких постаментах. Гул шагов

приближался, Тэйн затаил дыхание, выжидая.

Те существа, что появились из полумрака стройной цепочкой, не были людьми. Именно с одним из них он столкнулся там, под Илломайном. Их странную внешность он не мог забыть до сих пор — огромные глаза с толстыми двойными веками, зеленоватая кожа и выступающие ребра, пальцы-перепонки и длинные закругленные когти фигурировали во многих его кошмарах. Существа шли спокойно и медленно, четким шагом, один за другим. Одежда покроем напоминала человеческую, за спинами висели ножны клинков. Девять существ прошли мимо, так и не заметив его в темноте ответвления, и только потом, отойдя подальше, цепочка остановилась, оглядываясь назад.

Тэйн тоже ждал. Существа стояли мирно, не расходясь по сторонам, едва слышно переговаривались да иногда поглядывали назад. Тэйн, замерший в своем укрытии, неожиданно уловил рядом с собой неровное сопение Река. Поспешно зажав тому рот рукой, он позволил ему занять свое место, так, чтобы парень мог увидеть странных тварей, но руку ото рта так и не убрал. Ройг уже начал опасаться, что их все-таки заметили, как с другого конца тоннеля появилось еще одно существо, такое же, как и все остальные. Когда оно подошло к концу цепочки, остальные зашевелились; оно что-то проговорило на непонятном языке, изобилующем придыханиями и шипящими, ему ответил кто-то из цепочки, и затем, заняв свое место, оставший вместе со всеми остальными двинулся дальше.

Ройг еще очень долго слышал шум их шагов, и пока он не затих вовсе, не решился выйти из укрытия. В конце концов Рек вывалился в галерею, шумно переводя дух и комментируя увиденное:

— Ну дьяволы же, дьяволы, пузырь им в глотку! — он несколько раз осенил себя охранным знаком. — Подземные дьяволы, нечисть похуже той, что в Каньоне! Только эти обитают в озере кипящей грязи, и когда оно всплывет на поверхность...

Он захлеб выложил местную трактовку конца света, поминутно испугано озираясь. Тэйн все еще прислушивался к тишине, в которой утонули шаги подземных существ, убеждаясь, что они действительно ушли, а не затаились в ожидании. Когда Рек замолк, он отодвинул его и направился в противоположную сторону. В тоннеле было достаточно света, чтобы потушить едва тлевший урд-знак, он шел уверенно, проверяя на всякий случай каждое из встречавшихся на пути ответвлений, Рек тащился сзади, все еще продолжая бурчать насчет предвестников Круговорота, и это его тихое бурчание заглушало все остальные звуки. На какое-то время Ройг потерял сосредоточенность, а когда снова прислушался, было уже поздно. Шаги были громкими и четкими, сворачивать оказалось некуда, и через несколько мгновений еще трое существ выскочили на них из полутьмы.

До сих пор Тэйн почему-то надеялся, что они хотя бы заговорят с ними, прежде чем нападать, но двое с беззвучной яростью вытащили клинки из ножен и метнулись вперед. Ройг увернулся и отступил, опасаясь не сколько их оружия, сколько тех дополнительных пальцев с длинными закругленными когтями. Рек ругнулся, потом неожиданно выпрыгнул вперед и бросился им под ноги, отчего первый покатился по полу, второй споткнулся и рухнул сверху. Третий подался вперед, но налетел на острый кулак Река, выронил оружие и с хриплым визгом осел у стены. Первый и второй уже успешно расплели конечности и прекратили бессмысленно тыкаться вперед, один повернулся к Реку, второй подскочил к Тэйну, однако тот уже заканчивал плести узлы ловушки, так что нарисовав последний знак, он крикнул Реку сматываться и взмахнул руками. Все трое существ, оплетенные невидимой паутиной, бессильно и злобно задергались на полу в забавных позах. Тэйн дал парню

удовлетворить досужее любопытство, потом подтолкнул его дальше по коридору, и сам перешел на бег. Впрочем, бег получился отвратительный — выйдя из галереи в огромный ярко освещенный и нарядный зал, он увидел первое из ответвлений, свернул в него, выскочил в небольшую каморку с фонтаном, богато украшенную выложенными из яшмы и оникса цветами, и споткнувшись, рухнул на пол. Рек, успевший помародерствовать на месте происшествия и стащить у воинственных обитателей подземного дворца не только мечи, но и плащи, накрыл его и уселся рядом.

— Ну и нахальные же зверюги, — проворчал он, хлебая ладонью из фонтана. — Хоть бы поздоровались для начала. — Он огляделся, в очередной раз восхищенно выругался, потом наклонился над Ройгом. — Ты иди-то можешь?

— Не знаю, — ответил тот вяло, мечтая о том, чтобы тот заткнулся и отстал. Звон в ушах мешал сосредоточиться. Следовало встать и убраться подальше от агрессивных тварей, но апатия накатила с новой силой, и он перекатился на спину, закрыв глаза. Быстро из его ловушки они не выберутся...

— Жрать-то как хочется... — продолжал бормотать Рек. — Сапог бы с голодухи сгрыз... — он с сожалением посмотрел на свои разбитые, изношенные сапоги. — А может, этих в пищу употребить? — прикидывал он задумчиво. — На вид-то они вроде ничего, а то что худые, так это к лучшему, бульон диетический получится...

Ройг зажал рот рукой, подавив приступ рвоты.

На закате ночного солнца они выбрались, наконец, на свет божий. Тэйн уже предполагал, что окажутся они где-то поблизости от огромного горного массива, занимавшего треть восточного континента, по отрогам которого проходила граница Майра, но то, что он увидел, превзошло его самые смелые ожидания. Горный хребет, чьи пики были затянуты серебристо-сиреневыми облаками, закрывал полнеба, крутые склоны, поросшие кое-где редким хвойным кустарником, обрывались в долину горной реки, берега которой заросли деревцами хнума, чьи длинные кудрявые ветви оплетали вывороченные течением валуны. Там, в долине, прямо по склону, он увидел множество разбросанных по обеим сторонам реки домишек, из труб которых поднимались тоненькие струйки дыма. Холодные океанские ветра обошли стороной эту мирную долину, листва и травы здесь потемнели, но не увяли, хотя воздух был по-зимнему стыл и влажен. Предстоял еще спуск по склону, покрытому высокой травой, чуть тронутой зимней желтизной, и объяснение с теми, кто встретит их в поселении, но Ройг был уверен, что это уже не Майр. Не Майр, а значит, у них есть шанс выбраться отсюда живыми.

(Сезон Холода, Ард Эллар — Майр, Улле — Неллим)

На третий день вечером, во время ужина, когда вся семья собралась в тесной столовой, примыкающей к кухне, в дверь решительно постучали. Пытаясь расслышать негромкий разговор в прихожей, Лейт испугано замерла в ожидании плохих новостей: ей все время казалось, что с Жевром по дороге случится что-нибудь ужасное. Через некоторое время слуга провел в столовую молодого мужчину. Высокий и широкоплечий, с крупными, выразительными чертами лица, светлой кожей и непривычно яркими, голубыми глазами, он сильно отличался от коренных обитателей Ард Эллара, хотя был одет в точности так же, как средней руки горожанин. Волосы его были острижены непривычно коротко.

— Я хотел поблагодарить тебя, почтенный Ильне, за спасение моей жизни, — заговорил он с неуловимым северным акцентом. — Я у тебя в долгу. Сейчас мне нечем отдать этот долг, но я долгов не забываю.

— Брось, — проворчал отец, веля поставить на стол еще один прибор и делая приглашающий жест. — Тут, чай, не Каррея, а люди не арги, чтобы их в канаве бросать. Ты не рано с постели-то поднялся?

— Самое то, — осторожно улыбнулся гость, усаживаясь за стол и медленно принимаясь за еду. — Илланы ваши ничего против не имели, да и я не привык в постели валяться.

— Звать-то тебя как?

Гость на мгновение замешкался.

— Эйнир.

— Откуда родом?

— Из Карреи.

— Как ты в той канаве оказался-то?

Гость опять ненадолго замолк.

— Обманом, — коротко ответил он и отец, глянув на него с усмешкой, больше ни о чем не спрашивал.

Мать стала расспрашивать его о творящихся в Каррее безобразиях, и гость добавил красочных подробностей к тем слухам, что уже бродили по Улле с начала осени.

— Как бы до нас не добралось, — вздохнула она, покосившись на хмурого отца. — Хэльды то, говорят, и у нас уже гаснуть стали...Зиму-то как перезимуем, если так дальше пойдет?

— Перезимуем, — отрезал отец. — Болтать надо поменьше. Что дальше делать будешь, Эйнир? — обратился он к гостю.

— Вернусь домой, — ответил тот со странным напряжением в голосе. — Найду обидчиков. Разберусь.

— Не торопись разбираться-то, — отец поднял на него тяжелый, сумрачный взгляд. — Вряд ли тебя ждут там, куда ты собрался. Обидчики твои думают, что нет тебя. Вот и подожди. Дай им возможность... себя проявить.

Горькая усмешка появилась на лице гостя.

— Хорош твой совет, господин Ильне, да время уходит. Не упустить бы.

— Судно отплывает через пять дней, — сказал Жевр Ас-Варден, и отец удовлетворенно

кивнул. — У меня выкуплена каюта на верхней палубе и места в общих каютах на нижней, — продолжил он, глядя на порозовевшую от волнения Лейт. — Капитан, конечно, говорил, что может подождать, но не дольше, чем до рассвета. Рейсов сейчас очень мало, в порту беспокойно. Я и с этими-то с трудом договорился. Пришлось заплатить вперед, — вздохнул он.

Ас-Варден приехал сегодня днем, точно в те сроки, о которых говорил ей старый иллар, и с теми, кого она видела в хэльде — двумя охранниками, которых он нанял до Улле и обратно. Один из них оказался мастером карны Дороги. С собой он привез двух арритов — один предназначался Лейт, другой шел с поклажей, на него планировалось навьючить мешки с приданым.

Вечером в парадной столовой был накрыт богатый стол, за который мать пригласила всех, в том числе и сопровождающих.

— Ты уж прости, милая, что не получится здесь погулять, — заявил Ас-Варден, глядя на Лейт с таким видом, будто она уже была его собственностью. — Не успеем к отходу судна — застрянем в Неллиме надолго. Сейчас найти лоцмана — проблема. Почти все были илларами Мейра, побегали кто куда, а риалларцы дорого берут. Рейсов через пролив стало раз в десять меньше, каюты выкупают заранее. Завтра с утра сходим с тобой в святилище, проведем обряд и сразу же поедем.

Лейт вопросительно посмотрела на отца. Тот согласно кивнул.

— Я очень беспокоился насчет дороги, когда услышал эти новости, — сказал он. — Раз так, надо ехать, не мешкая. Ничего, отпразднуешь в Дарнейте, — улыбнулся он дочери. — Да и завтра с утра у нас будет немного времени. Успеешь еще покрасоваться в своем заветном платье, — он усмехнулся добродушно и покровительственно, глядя, как она робко тянется к бокалу редкого здесь сахди.

Лейт перевела взгляд на мать. Та явно была недовольна, однако прилюдно возражать не стала. С отцом она будет спорить вечером, перед сном. Может статься, что на следующий день он изменит свое мнение на прямо противоположное вчерашнему. Хотя... Жевр, наверное, прав. Безопасность важнее.

— У тебя все собрано, доченька? — спросила мать, и Лейт поразились, как потерянно прозвучал ее голос. — Помочь тебе?

— Почти все, — ответила она тихо. — Но от помощи я не откажусь.

После ужина они с Хортом и Жевром спустились во двор, к стойлам. Лейт хотела посмотреть предназначенного ей аррита и попробовать оседлать его. Ездить верхом она, конечно, умела, но весьма посредственно. Ее научил старший брат, скорее на всякий случай, чем преследуя какую-либо цель. Лейт боялась, ей все время казалось, что гордое животное обязательно ее сбросит.

Аррит, которого привел Жевр, оказался спокойной серой кобылкой. Она охотно съела из ее рук кусочек булки и, пока Лейт пристраивала седло, терпеливо и задумчиво косилась на нее меланхоличным карим глазом. Девушка быстро привыкла и освоилась, сделав несколько кругов по двору и позволив жениху снять ее с седла.

Когда с улицы кто-то постучал в ворота, Лейт вздрогнула — было уже достаточно поздно для визитов и гостей. Хорт пошел открывать боковую калитку. Она услышала низкий, слегка охрипший мужской голос, который издали с трудом узнала, а узнав — напряглась. Хорт впустил во двор их майрского гостя, который теперь был одет как большинство местных, в коричневую меховую куртку до бедер, суконные, со вставками кожи, брюки для

верховой езды и высокие сапоги с отворотами. К широкому кожаному поясу крепились ножны меча. Головного убора, несмотря на холодную погоду, у него не было, но шею укутывал широкий шарф с местной вышивкой.

Взгляд позднего гостя скользнул по Ас-Вардену и его спутникам, на несколько мгновений задержался на Лейт и снова вернулся к Ас-Вардену. Он склонил голову в приветствии на майрский манер и обратился к Жевру.

— Прошу разрешения присоединиться к вашей компании по дороге до Неллима. Мне нужен проводник карны Дороги и место на корабле до Дарнейта. Любое, хоть в трюме, хоть на палубе. Я готов оплатить услуги вашего проводника и помощь при посадке на судно. Кроме того, учитывая неблагоприятную обстановку, я готов взять вас под свою защиту по дороге до Неллима и на риалларской земле.

Выглянувший из-за его спины Хорт казался по сравнению с Эйниром худеньким и щуплым.

— Жевр, это тот человек, что мы с отцом нашли на дороге. Это я ему сказал, что вы уезжаете в Дарнейт, — проговорил он торопливой скороговоркой. Вины в его голосе Лейт не услышала.

Ас-Варден молчал, неторопливо и внимательно разглядывая гостя.

— Я, уважаемый, ни в чьей защите не нуждаюсь, — холодно ответил он. — И не намерен путешествовать в компании подозрительных незнакомцев. Обстановка на дорогах Майра не располагает к знакомствам. Грабят, — в голосе Ас-Вардена зазвенел металл. — Как знать, не станешь ли ты наводчиком, дружок.

Эйнир скрипнул зубами. Гнев перекошил его лицо, но он сумел сдержаться, хоть и с трудом, и продолжил.

— Должен сказать, охрана у тебя, Ас-Варден, неважная, — усмехнулся он. — Против озверевших беженцев вы, может быть, и выстоите, но любая организованная банда положит вас без особых усилий. Кроме того, что помешает мне ехать за вами следом?

— Повторяю, мне не нужны сопровождающие, — отрезал тот с раздражением. — Если не понимаешь, мои люди могут объяснить тебе это другим способом.

— Пусть попробуют, — улыбнулся тот.

Хорт, с азартом следивший за перепалкой, подошел к Лейт, осторожно отступившей вглубь двора, поближе к дверям в дом.

— Зря твой Жевр задирается, — шепнул он ей на ушко. — Этот парень не так прост, как кажется.

Тем временем Ас-Варден, злой, как сам дьявол Ллих, повернулся к охране.

— Вышвырните его вон, — проскрипел он сквозь зубы.

Лейт ощутила неудобство: все-таки не он был хозяином этого дома, не ему приглашать или выгонять посетителей. Но Хорт, впустивший гостя в дом, лишь азартно сжал ее плечо.

Охранники переглянулись. Тот, что носил знаки карны Дороги на рукаве, невысокий седоватый крепыш, отрицательно покачал головой. Второй, повыше и помоложе, сделал несколько решительных шагов вперед, замахнулся для удара...

Лейт не поняла, что произошло потом. Мгновение — и тот уже лежал на земле, Эйнир же остался стоять в той же позе, лишь слегка качнувшись вперед. Охранник Ас-Вардена поспешно вскочил на ноги, бросился и снова упал, отлетев на пару шагов назад, опять поднялся и опять осел на землю. Поднявшись в третий раз, он отошел назад, широко и довольно улыбаясь, обошел противника и опять атаковал. Лейт заворожено наблюдала за

потасовкой, которую не назвала бы ни поединком, ни дракой. Силы сторон были неравны, гость это сознавал и старался причинить своему противнику как можно меньше вреда, уворачиваясь от ударов и отбрасывая его в сторону. Вскоре спутник Жевра прекратил свои бесплодные попытки, и, повернувшись к Ас-Вардену, сказал:

— Мы от него не отвяжемся. Может, пусть едет с нами? Еще один воин нам не помешает.

Ас-Варден, однако, сдаваться не собирался.

— А ты почему стоишь? — в крайнем раздражении повернулся он к проводнику, который следил за поединком, тщательно пряча улыбку. — Вдвоем бы вы...

— Я риалларский мастер карны Дороги, — перебил Жевра тот, — а не бойцовый петух. Со своей стороны я считаю возможным выступить в качестве проводника для этого господина, — закончил он со сдержанным достоинством. — Его просьба не противоречит заключенному с тобой, Ас-Варден, договору.

— Я уменьшу часть твоей платы, — сказал Жевр со злостью.

— Я не жаден, — ответил проводник все с тем же спокойствием. — Имею кое-какой опыт и умею видеть то, что не умеешь ты, — и, повернувшись к гостю, спросил. — Где вы остановились, господин? Когда мы будем готовы, я заеду за вами.

— В святилище Тармил на окраине города, — ответил Эйнир, довольно улыбаясь. — Мимо точно не проедете, там, кажется, одна дорога. Благодарю тебя, мастер. Да будут пути Феоллона милостивы к тебе.

Ас-Варден прожег Хорта злым взглядом и, не прощаясь, ушел в дом. Лейт, сгорая от стыда из-за разыгравшейся во дворе сцены, тихо попрощалась и поспешила за ним. Уже на лестнице она услышала, как гость и Хорт перекидываются репликами.

— Значит, совсем оклемался, — сказал Хорт. — Уверен, что не свалишься в дороге?

— Не должен, — ответил гость с уверенностью. — Руки-ноги-то целы. Доеду как-нибудь.

— Деньги — то у тебя откуда?

— Да были у меня кое-какие бумаги, — ответил тот. — Так что с вашими банкирами мы быстро и любезно нашли общий язык.

— А, ну да, — согласился брат. — Правильно сделал, что одежкой разжился и оружием. Кстати, зачем ты волосы так коротко состриг? Кто ж зимой стрижется?

— Так надо, — отрезал тот сухо.

— Тогда я бы тебе посоветовал еще шапку подобрать, а то уши отморозишь в дороге.

— Ты мне лучше посоветуй, где аррита купить, — весело перебил его гость. — Есть у меня уже и шапка, и перчатки. Илон ваш настоял, все боялся, что замерзну я, словно дитя балованное.

Хорт объяснил, кто в городе держит арритов на продажу.

— Главное, отъезд не проспай, — хихикнул Хорт. — А то Жевр уедет, ждать не станет. Не глянулся ты ему, уж не знаю, чем. Не боишься? Вдруг в дороге он тебя чик — и ножичком по шее?

— Дурак твой Жевр, — ответил гость с добродушной усмешкой. — Нашел с кем спорить — с проводником! Мало он, видать, по дорогам поездил. Даже я — и то не стал бы, — продолжил он весело.

— Он не мой, — хихикнул брат. Тихо скрипнула калитка, и окончания разговора Лейт уже не расслышала.

Утро прошло в суматохе и волнении. Тюки с ее вещами оказались не слишком большими, главным ее приданым была сумма, которая в виде банковской бумаги отправилась в карман Ас-Вардена. Потом был храм, обряд, торжественный и волнующий, плачущая мать, серьезный и печальный отец, хихикающий и подмигивающий Хорт, который в конце концов получил от отца тяжелую оплеуху и мигом притих. Вернувшись домой, Лейт сменила однотонный темный платок на яркий, расшитый цветами и узорами: теперь ей, как мужней жене, дозволялось гораздо больше, чем в девичестве. Жевр уже ждал ее во дворе дома, еще раз проверяя имущество перед дальней дорогой.

В последний раз оглядев свою комнату, она мысленно с ней попрощалась. Когда теперь приедет она сюда? И приедет ли вообще? Все-таки за Проливом — это очень далеко. А вдруг война или еще какая беда? А вдруг... А вдруг?

Она нервно поправила талисман, подаренный накануне матерью. Скромный светло-синий камень на цепочке, с причудливой искоркой внутри, в простой, без изысков, оправе. Мать рассказала, что унаследовала его от бабки, а та — от своей. «Не знаю, есть ли в нем какое-либо колдовство, но мне всегда казалось, что он приносит удачу, — сказала она, надевая цепочку ей на шею. — Да будет Тармил милостива к тебе, доченька. Приедешь в Дарнейт, не поленись, наведайся в храм, дай нам с отцом тебя увидеть», — тут она неожиданно всхлипнула, и Лейт бросилась ее обнимать и утешать.

Решительно засунув талисман под одежду, Лейт натянула перчатки, поправила складки широких брюк, специально пошитых для этой поездки, и, не оглядываясь, вышла из комнаты, с силой захлопнув за собой дверь. Все. Хватит с нее страхов и сомнений. Пора в дорогу.

Родители проводили их до выезда из города. Там, на площади перед святилищем, их ждал Эйнир. Жевр церемонно склонил голову в знак приветствия, а проводник поклонился, прижав правую руку к сердцу. Обычай не ард элларский и не майрский, отметила Лейт про себя. Значит, в отличие от отца и Хорта, мастер разобрался, откуда этот парень. Неужто и правда хильд? Похоже... С неудовольствием она отметила, что мастер Дороги выказывает тому гораздо больше почтения, чем нанявшему его Ас-Вардену. «Неужели дело только в физической силе, — подумала она обиженно. — Кулаками махать каждый горазд. Разве Жевр хуже?»

Тут настал момент прощаний, пожеланий и напутствий в дорогу. У Лейт тревожно сжалось сердце, глядя на отца и мать, но она утешила себя, что с ними остается Хорт. Да и старшая сестра жила в соседнем харране. И старший брат, в общем-то, родителей никогда не забывал.

Их новый спутник пропустил кавалькаду арритов вперед и, поблагодарив отца и Хорта, попрощался и присоединился к ним в хвосте.

На шестой день путешествия маленький отряд из пяти путешественников прибыл в Неллимский порт.

Лейт, безумно уставшая от тяжелой дороги, зачарованно глядела на огромные парусники, с флагами и знаками всех пяти государств, выстроившихся вдоль причалов. Перед ее глазами вставали огромные торговые каравеллы Риаллара, с зелеными парусами, на которых красным и желтым был выписан резной лист дейда; быстроходные и верткие шхуны Ахтана, имевшие желтые полотнища с черным ликом Хэллиха на них; Ард элларские парусники, белые с изображением солнца, маленькие пассажирские шхуны,

принадлежавшие Майру, предназначенные в основном для переправы через Пролив и для перевозки мелких грузов и почты. Видела она и рыбацкие шхуны, палубы которых были завалены сетями, и от которых шел специфически едкий тинно-рыбный запах. Среди них неожиданно затесался хильдский драккар, хищный и чуждый во всем этом веселом хаосе со своими черными парусами и грозными метательными орудиями вдоль бортов.

В порту было суетно и людно. Торговцы всех рас, в длиннополых суконных куртках, отделанных кожей и мехом аргов, солидные и не очень, рыбаки в просоленных робах, портовые девки, яркие и шумные, подвыпившие матросы — все куда-то торопились, топтались и толкались, шумно переругиваясь. Деловито сновали торговцы, вразвалку шагали матросы, где-то шла погрузка, пахло морем, смолой, жареной рыбой, под ногами крутились грязные и оборванные мальчишки и бродячие, такие же ободранные арги.

Пока они ехали вдоль длинной, извилистой причальной линии, разделенной посередине глубоким заливом, разыскивая корабль, на котором предполагалось отплыть, Лейт ловила любопытные и равнодушные взгляды, обрывки разговоров, мгновенные и красочные картинки обыденной портовой жизни. Запах дыма и жареной рыбы в холодном соленом воздухе пробудил в ней зверский аппетит. Скучный завтрак в убогой придорожной трайте давным-давно переварился, и теперь молодой здоровый организм требовал пищи более существенной, чем хлеб, сыр и жидкий ягодный отвар. К сожалению, ничего более пристойного по пути им больше не попало. Лейт надеялась на остановку в Неллиме: уж тут, в порту, ситуация с продуктами не должна быть такой удручающей, как вдоль майрского морского тракта.

Путешествие вымотало ее хуже некуда. Едва они отъехали от Улле, зарядил нудный мокрый снег, превратив подсохшие дороги в грязно-снежную кашу. На первую ночевку они остановились в маленькой дорожной трайте, переполненной беженцами из столицы. Мест под крышей не оказалось, дожидаться места за столиком, чтобы поесть, пришлось на улице. Жевр попытался устроить скандал, чуть было не ввязался в драку с такими же, как они сами, невезучими путешественниками, но их проводник и Эйнир сумели уладить дело миром и договориться о ночевке на сеннике над конюшней. Кроме них, там обнаружили еще люди, опять же, беженцы из Карреи, и, хотя муж протестовал против ночлега рядом с побывавшими в чумном очаге, деваться им было некуда. Впрочем, устроились они весьма прилично. Наверху было теплее, чем в общем зале, Лейт укрылась шубкой и бочком прижалась к Жевру. Усталая и напуганная, она мгновенно провалилась в сон, несмотря на более чем непривычную обстановку.

Дальнейшее путешествие проходило не лучшим образом. Снег выпал и растаял, превратившись в мелкий мерзкий дождик. Все дорожные трайты, встречавшиеся по пути, были переполнены, приходилось выбивать себе место под крышей силой и хитростью. Вторую ночь тоже пришлось провести на сеновале, а на третий день, окончательно измотанные дорогой, они по настоянию проводника напросились на ночлег в чей-то старенький домишко. Их опять пустили на сеновал, зато накормили не в пример лучше, чем в трайтах. Хлеб, молоко, наваристая каша с маслом — вся эта простая деревенская пища оказались гораздо сытнее и съедобнее, чем некачественная бурда, подаваемая в придорожных гостевых домах.

Всю дорогу Лейт наблюдала за мужем, пытаясь понять, с кем свела ее судьба и воля отца. Ас-Варден был достаточно красив лицом, хотя замкнутое и надменное выражение его портило, русоволос, кареглаз, светлокож — в общем, типичный уроженец Майра. Росту он

был среднего, достаточно плотен, хотя не толст. Двигался неторопливо, сохраняя хорошую, гордую осанку, привычно и уверенно управлял арритом. В его характерном майрском выговоре уже появились незнакомые оттенки и слова, но речь была гладкой, образованной, городской, без жаргонных словечек и ругательств.

Время от времени он принимался описывать для Лейт дом и образ жизни в Дарнейте, а так же посвящал ее в ближайшие планы и свое видение будущего супружества. Она помалкивала, лишь иногда позволяя себе согласиться или вставить реплику. Сталкиваясь с препятствиями, Жевр бесился и нервничал, однако изменить что-то влучшую сторону не получалось. Он клялся Лейт, что как только они сядут на корабль, все злоключения закончатся.

Что касается гостя, Жевр держатся по отношению к нему вежливо и сдержанно, однако в коротких репликах, которыми они изредка обменивались, проскальзывало презрение. А тот ехал в хвосте кавалькады и помалкивал, и только изредка на губах его появлялась едва заметная усмешка. Как только маленький отряд въехал в Неллим, он самовластно переместился в авангард, потребовав, чтобы мастер Дороги следовал рядом и подсказывал ему направление, а сам передвинул ножны из-за спины к бедру и расстегнул ремешок, проверив, хорошо ли скользит меч. Жевр, считая себя главным, хотел было возмутиться, но проводник, не говоря ни слова, в точности исполнил все, о чем его просили. Про себя Лейт отметила, что их незваный спутник явно имеет солидный опыт самостоятельных путешествий и совсем неизбалован удобствами.

Каюта оказалась совсем крохотной, с двумя отдельными спальными местами, круглым слепым окошком и низким неудобным столиком. Впрочем, плыть им предстояло всего полтора дня.

Рассовав по углам мешки с вещами, они вышли на палубу. Отход судна был назначен на раннее утро, ужинать они планировали в городе, мастер Дороги, разместив арритов в трюме, ушел искать подходящую трайту. По палубе сновали пассажиры, в трюм поспешно догружали товары, матросы, поминая всех по очереди небесных дьяволов, чинили такелаж.

Повеселевший Жевр кивком указал Лейт на обнаружившуюся неподалеку фигуру Эйнира. Тот как-то быстро поладил с капитаном судна и ему нашлась отдельная каюта на нижней палубе, такая же маленькая и тесная, зато своя. Завидев Ас-Варденов, он вежливо наклонил голову.

— Давай сходим в святилище, — робко попросила Лейт. — Я бы послала весточку родителям...

Муж нахмурился. Плутать по грязным и беспокойным портовым улицам ему не хотелось, а хотелось поскорее устроиться за столом в уютной и теплой трайте, заказать кружку пенного местного эля, радуясь близкому концу пути. Но и возразить Лейт ему было нечего.

— Может, потом, — предложил он. — Вот поужинаем, и на обратном пути...

— Так ведь стемнеет уже, — удивилась она. — А мы города не знаем.

— Ну, я тут бывал, и неоднократно, — пробормотал Жевр, глядя на гостя, который, кажется, прекрасно слышал их разговор. Усмехнувшись краем рта, он подошел к ним и, коротко поклонившись Лейт на риалларский манер, обратился к Жевру.

— Позвольте вашей супруге, господин Ас-Варден, помолиться Тармил и повидать родителей. Если, конечно, хэльды здесь еще живы. Я же со своей стороны берусь ее сопровождать, и клянусь вам, что ни один арг не посмеет поднять на нее глаза в моем

присутствии.

Жевр, раздраженный предложением чужака и одновременно испытывающий облегчение от того, что самому не придется никуда тащиться, перевел строгий взгляд на Лейт.

— Только быстро. Мы будем ждать тебя здесь. Поторопись, а то есть хочется.

Святылище девяти богов находилось совсем недалеко от причальной линии, в хитросплетении кривых запутанных улочек и переулков. Ворота Купола Служб перекосило, грубо заколоченные окна грустно взирали на привычную суету слепыми глазницами. Эйнир, до этого следовавший в шаге от Лейт, поспешно опередил ее и, велев подождать у входа, осторожно заглянул вовнутрь. Потом, утащив факел с соседнего крыльца, поманил ее за собой.

Святылище пустовало. К счастью, таких погромов, как в столице, в Неллиме не было. Иллары просто покинули храм, оставив все, как есть.

Теперь здесь было сумрачно и холодно, пахло сыростью и запустением. Факел вырывал из темноты статуи, лица-пятна, пугающей формы тени. В глухой мучительной тишине то и дело возникали подозрительные шорохи и скрипы. Лейт охватил ужас, холодная дрожь пробрала насквозь, до костей. Пожалев, что пришла, она с трудом подавила панику.

— А я-то думала, что смогу связаться с родителями, — сказала она, пятясь назад и натываясь спиной на своего спутника, который поспешил деликатно поддержать ее под локоть.

— Я тоже надеялся, что сюда еще не докатилось... — ответил он. — Может, вернемся? Лейт покачала головой.

— Это так... кошунственно. Жестоко. Бессмысленно. Почему королева Нэлла ополчилась на илларов?

— Она ополчилась на Остров Колдунов, — сказал он. — А поскольку до островитян дотянуться не смогла, выместила зло на них.

Лейт печально усмехнулась.

— Так поступают только дети. И то — невоспитанные. Она же королева...

— Не все королевы умеют держать себя в руках, — ответил он с печальной улыбкой.

— Посветите мне, пожалуйста, — попросила она шепотом. — Я хочу найти Тармил.

Изображение Тармил нашлось почти сразу же. Лейт, разглядев ее сумрачный в свете факела лик, положила ей в чашу монетку — больше у нее не было ничего подходящего. Глядя на ее освещенное огнем спокойное и мудрое лицо, она вспомнила, о чем хотела попросить. Жевр лез целоваться каждую свободную минуту, не смущаясь присутствия охраны и малознакомого человека. Когда же они устраивались на ночь, его руки долго и настойчиво путешествовали под ее одеждой, докуда он мог дотянуться, однако возможности выполнить супружеский долг пока не представилось, хотя ему очень хотелось. Лейт безумно стыдилась этой непристойной, с ее точки зрения, возни на людях и надеялась, что он хоть как-то дотерпит до Дарнейта. Все шло к тому, что не дотерпит, и это важное для нее событие состоится на ближайшем сеновале на виду у остальных.

Она стояла растеряно, не в состоянии сформулировать просьбу даже мысленно. Потом медленно повернулась, собираясь уходить.

— А как же Койе? — спросил Эйнир. — Может, вам лучше обратиться к ней?

Она остановилась, не скрывая смущения.

— Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Мне так кажется, — Лейт посмотрела на него и убедилась, что на его лице нет и следа улыбки.

— Думаете, в моем случае ее нужно задобрить? Кажется, я еще ничего такого не сделала, чтобы...

Теперь удивился он.

— Задобрить? У меня на родине именно Койе просят о любви и счастье. У нас считают, что без ее покровительства жизнь будет унылой и бесцветной, а брак не продлится долго.

Лейт покачала головой.

— Она же темная, — прошептала она с сомнением. — Ее не просят, ее задабривают. Чтобы мужа не украла, чтобы малыша не испортила...

Он осветил изваяние Койе, которое обнаружилось прямо напротив Тармил. Фигура, закутанная в темно-синий плащ, действительно казалась зловещей.

— Если браку не покровительствует Койе, он точно будет несчастным, — твердо сказал он, повернувшись к Лейт. — А вы рискните. Попросите ее о любви.

Лейт промолчала. Она слышала, что на западе Койе поклоняются не меньше, чем Тармил. В Ард Элларе на многие вещи смотрели иначе. Хотя... Она ведь уезжает именно туда, в страну, где Койе строят отдельные храмы, плетут венки и слагают весьма откровенные песни.

— У меня нет ничего, что могло бы послужить приношением, — сказала она растерянно.

— Подождите...

Он вручил ей факел, вышел из святилища, и через некоторое время вернулся, держа в руке веточку хвары.

— Слишком просто, конечно, но за неимением лучшего сойдет, — улыбнулся он. — Главное в данном случае — чтобы от всего сердца.

Лейт подошла к чаше. Темная безликая фигура пугала ее. Койе в представлении ее народа олицетворяла неподвластное разуму животное начало. «Научи меня любить, — попросила она. — И сделай так, чтобы меня тоже любили. Сильно-сильно. Всю жизнь».

И, набравшись храбрости, положила веточку в черную, глубокую чашу.

(Сезон Холода, Ард Эллар. Небольшой харран)

Когда Рек отъелся и отоспался, он сразу же заявил, что раз домой ему путь заказан, значит, нужно осваиваться на новом месте. Его не удивило, что путь через подземные чертоги привел их в одну из долин Ард Эллара, о котором у них в столице ходили нелепые слухи. Осмотревшись, он решил, что место не такое уж и дремучее, а доброжелательное отношение обитателей его и вовсе очаровало. Он с удовольствием рассказывал приютившей его семье о своих злоключениях, начиная с ареста, тюрьмы и допросов, красочно описывал магические штучки Дьявольского каньона, красоту пещер и стычку с загадочными существами. Послушать его собирался весь харран — так здесь называлось небольшое поселение на одной стороне реки, имевшее своего главу — ахра, а по вечерам приходили гости с другого берега. Слухи о двух чужеземцах, выбравшихся живьем из Каньона и прошедших через подземный лабиринт Джар Дахар, о котором здесь рассказывали легенды одна страшнее другой, распространились по всему Очагу — так местные жители называли все харраны, разбросанные по долине. Рек, надо сказать, в грязь лицом не ударил: к своему рассказу он добавил описание бедствий, обрушившихся на Каррею. Его слушали и переспрашивали, каждый новый гость заставлял начинать все с начала, но повторения Река не утомляли. Едва ему подливали местной инты, настоящей на травах, он готов был начинать хоть с собственного рождения.

Тэйн не принимал участия в вечерних посиделках. Он вообще старался избегать скоплений людей, довольствуясь обществом ахра, который с интересом расспрашивал о событиях за пределами Ард Эллара. Уже и сюда, в глухомань, добрались слухи о беспорядках в Майре, но поскольку только обитатели пограничных Очагов рисковали выбираться в чужую страну для торговли, достоверных новостей было негусто. Узнав о разрушении и осквернении майрских святилищ и бунте против Острова, ахр с досадой качал головой.

— Некоторые наши хэльды тоже ведут себя странно, но чтобы так... — он помолчал, потом спросил. — Выходит, там не осталось ни одного иллара?

— Может, кто-то и остался, — ответил Тэйн печально. — Теперь они спрятались и долго не решатся заявить о себе.

— Вам повезло, что вы остались живы. Вам вообще повезло, — ахр с улыбкой развел руками. — Выбраться живым из Каньона Дьяволов, найти выход из лабиринта Дахар... Столкнуться с нечистыми и уйти от них невредимыми...

— Под Илломайном есть точно такой же лабиринт, — задумчиво сказал Тэйн. — Я часто там бывал... Мы его исследовали. И тварей этих я уже однажды видел.

Ахр кивнул.

— Я слышал, что Ард Эллар и Поднебесный хребет Риаллара когда-то очень давно, еще в самом начале Великого Круговорота, были единым горным массивом. Он занимал треть суши Теллара, но позже некая катастрофа расколола твердь Теллара на два континента.

Да, об этом немало говорилось в старых хрониках, вспомнил Ройг. Неудивительно, что здешние подземные чертоги и Джар Ил так похожи, если предположить, что когда-то давно они были единым подгорным царством. А существа...

— Что касается нечистей, — заговорил ахр, предвосхитив вопрос, — наши разведчики

пещер иногда сталкиваются с ними в глубинных залах Дахара, но на поверхности их никогда не видели. Кажется, они боятся света. Бойцы они не слишком умелые, но яростные и ловкие. Нападают, не задумываясь, и так же быстро скрываются с поля боя, если чувствуют, что победы им не видать. На правой руке у них есть лишних два пальца с ядовитой железой, но яд не смертельный...

Смертельного яда им только не хватает, с раздражением подумал Ройг.

Ему надо было срочно восстанавливать силы, желательно на Круге власти, чтобы выяснить судьбу Джерхейна и Вельга. То, что Вельг ни разу так и не попытался найти его через хэльд Окно, заставляло Тэйна теряться в догадках. Напрашивались выводы: либо он уверен, что Ройг мертв, либо не может добраться до хэльда, либо его самого уже нет в живых. В последнее не верилось, поскольку из них троих Вельг меньше всего походил на иллара, да и осторожен был не в пример остальным. Скорее, он сошел бы за мелкого торговца или за проводника карны Дороги — небольшого роста, плотный, круглолицый, с мягкими вьющимися волосами, в вечно мятом тхоне, с поясом, на котором не было ни одного кольца для ножен. Джерхейн, в отличие от него, всегда привлекал внимание, но вряд ли кто-либо принял бы Джера за иллара.

В харране не было своего святилища, но по словам ахра, Круг Власти лежал выше по склону, совсем недалеко от каменного кольца ограды, узкой лентой охватывавшей поселение, а святилище с традиционной галереей хэльдов находилось на другом берегу реки, в стороне от остальных харранов. С трудом преодолев апатию, Ройг только на третий день отправился искать Круг Власти. Его преследовали муторные головокружения, чередующиеся с приступами усталости; он с трудом заставлял себя реагировать на происходящее, отвечать на вопросы хозяина дома, выслушивать рассказы Река об особенностях местного быта. Иногда апатия затягивала его в сонную одурь, отчего он часами лежал неподвижно. Хозяин дома, крепкий немолодой мужик карны Колоса — земледелец, пытался расшевелить его, как мог, но потерпел поражение. Под конец он решил, что их святость чужедальний иллар немного не в себе после свалившихся на его голову испытаний, и оставил его в покое.

Круг Власти отыскался легко — окружавшие его черные каменные столбы были видны издалека, единственное, что затруднило путь, это долгий подъем по склону. Прозрачная поверхность гладкой, идеально круглой глыбы Круга Власти была подернута пепельной дымкой, потеряв кристальную прозрачность. Тэйн подумал, что отрезанный от мира, замкнутый в своих границах Ард Эллар пострадал от творившихся на Телларе безобразий меньше всего. Жизнь харрана текла спокойно и размеренно, войн здесь не помнили вот уже много десятков лет, к древним богам относились почтительно, соблюдали все ритуалы и обычаи, Кэлленар чтили, как нигде в Наземном мире, и общая беда затронула Ард Эллар меньше всех. Но все-таки затронула.

Он обошел Круг Власти от столба к столбу, затем, сам не зная почему, огляделся по сторонам, медленно шагнул вперед и замер на краю глыбы, ожидая, пока горячий поток огненных иголок-мурашек прокатится по телу, изгонит боль и усталость, сонливость и апатию. Вскоре он ощутил знакомое тепло и закрыл глаза... И неожиданно почувствовал такую сильную жгучую боль в бедре, что потерял равновесие и рухнул на поверхность камня, как подкошенный, с трудом сдержав вопль и вцепившись в ногу руками. И тут же их отдернул, обжегшись еще сильнее. Кубарем скатившись с Круга Власти и ругаясь последними словами, он содрал с себя ганчи, в которых на месте кармана дымились теперь большущая дыра. Вывалившиеся из него камешки, с которыми он боялся расставаться, так и

таская их с собой, лежали теперь на поверхности каменного круга, слабо светились и слегка пульсировали красным, то становясь ярче, то потухая. Тэйн склонился над ними, опасливо следя за изменениями и одновременно раздумывая, как бы поднять их — оба камня раскалились, о чем свидетельствовали дыра на месте кармана и ожог на коже. Более того, сам Круг Власти явно не остался равнодушным к происшествию — от него шел жар, он нагревался, чем дальше, тем больше, испуская ярко-красный свет.

Тэйн отступил назад, оглядываясь в поисках какой-нибудь палки, чтобы с ее помощью сбросить камни с Круга; не найдя, принялся со страхом наблюдать, что произойдет дальше. Прямо на его глазах Круг Власти полыхнул огненным столбом высотой в два человеческих роста, а затем пламя опало так же неожиданно, как и появилось. Ройг опасливо приблизился. Оба камня лежали на краю Круга в целостности и сохранности. Он протянул руку и неожиданно обнаружил, что они почти остыли. Тогда он снял их с поверхности, потрогал гладкий, чуть теплый круг, отнес артефакты подальше и снова поднялся на глыбу.

Опасаясь, что Круг окончательно потерял свои свойства, он закрыл глаза, но возрождающий силы приток энергии нахлынул в точности, как и раньше, и он спрыгнул на землю, чувствуя себя заново рожденным — обычное ощущение после Круга. Постояв рядом, вернулся и принес артефакты, решив повторить эксперимент. Положил сначала один, затем второй камешек, подождал реакции, но ни артефакты, ни Круг и не думали меняться. Он стоял долго, насколько хватило терпения, потом взял их в руки, поднялся на край глыбы, готовый бросить их и отскочить, как только они начнут нагреваться, но так ничего и не дождался. Разочарованный, он вздохнул, сунул камни в другой карман и, собираясь возвращаться в харран, оглянулся на Круг. И только тут заметил едва различимую перемену. Серой поволоки на Круге больше не было — он снова стал чист и прозрачен, как и раньше, гладкая поверхность заблестела, отражая плывущие по небу мелкие облака-перышки.

Вот оно как, сказал Ройг сам себе, вытащил камни и уставился на них с восторженным изумлением. А островитяне-то не ввали. Эти вещички действительно имеют ценность. И какую...

В голове сразу же вспыхнул целый рой предположений и вопросов, и, обдумывая их, он отправился обратно в харран, чтобы переодеться — не ходить же с дырой в штанах... Сразу после обеда он собирался навестить в местное святилище девяти богов.

С точки зрения столичного иллара местное святилище казалось крохотным. С трех сторон к нему были пристроены кихты — здешние хижинки, сложенные из крупных, неправильной формы валунов, крыши которых были выложены разноцветными глиняными черепками. Кихты стояли здесь еще с древнейших времен, Тэйн сразу понял это по кладке и раствору, соединявшему камни. Секрет этого темно-зеленого вещества был давно утерян; стены Риан Ал Джара держались на этой же сверхпрочной смеси, расколоть которую не смогло ни время, ни многочисленные осады.

Харраны на добрых две трети состояли из старых кихтов, и еще множество каменных каркасов без крыш и дверей в стороне от поселений пустовали. В каждом из них имелись высокие, до потолка, столбы хэльда Тепло и хэльд Очаг на кухне — три матово-черных круга, которые нагревались, когда на них что-нибудь ставили. К сожалению, старые дома-кихты в Риалларе почти не сохранились, и только в самых дальних илломайнских деревнях еще можно было найти жилища, целиком зависящие от древней магии. Глядя, как хозяин кихта, в котором обитали они с Реком, заботливо полирует светильники кусочком кожи,

Тэйн подумал с завистью, что с удовольствием поселился бы в таком доме. Все под рукой, и ходить никуда не надо.

В одном из кихтов рядом со святилищем была устроена конюшня для арритов. Там он и нашел местного иллара, который, похоже, только что вернулся с прогулки. По рассказам местных, тот регулярно объезжал окресные кихты, чтобы узнать, не требуется ли где-нибудь его помощь.

Иллара он застал за весьма прозаической работой — чисткой аррита. На парне — а он был едва старше Ройга — были только домотканая жилетка с кистями понизу да брюки, и Тэйн, по привычке отыскивая на руке клеймо, поначалу решил, что ошибся. Спросив, как найти иллара, он получил ответ, что видит одного перед собой, и едва удержался от взволновавшего его вопроса — а где же традиционное для всех илларов клеймо? Руки парня были чисты, ни татуировок, ни вживленных под кожу камней... Вкратце объяснив, как он оказался в Ард Элларе, Тэйн попросил разрешения воспользоваться хэльдом Окно. Молодой иллар смутился и, проводив гостя в другой кихт, где он предложил ему присесть и перекусить, заговорил:

— К сожалению, некоторые хэльды у нас почему-то отказали... В том числе и этот. Вам придется добраться до другого святилища, там хэльд Окно пока что работает. Я могу дать вам аррита...

Тэйн кивнул.

— Это беда всего Наземного мира, а не только ваша. Видели бы вы, что творится в Майре, — ответил он.

— Слышал, — кивнул молодой иллар. — До меня дошли обрывки рассказа вашего спутника, — улыбнулся он. Потом заметил, что Ройг все еще пытается отыскать глазами клеймо и ответил. — У меня его нет. Я учился не на Острове.

— Не на Острове? — изумился Тэйн. — Где же тогда?

— Здесь, в Ард Элларе. В Очаге Солнца сохранились некоторые книги Кэлленара, и у нас существует своя собственная школа кэн-ли. Поэтому у нас нет клейм — ни один из наших илларов никогда не покидает пределов Ард Эллара.

Потрясенный Ройг молчал. Потом, глядя на коллегу слегка безумными от волнения глазами, пробормотал:

— Почему же никто на Телларе об этом не знает? Почему вы молчите? Это же... выход. Своя школа... Да будь у нас своя школа, искусство бы сейчас не умирало... и Остров был бы не нужен!

Парень покачал головой.

— Островные колдуны бы нас уничтожили. Зачем им конкуренция? Мы делаем все, чтобы скрыть нашу школу даже от остального мира. Вообще-то я обязан сообщить в Очаг Солнца, что вы узнали нашу тайну... Обычно они находят чужаков и делают с ними то же самое, что делают островитяне со всеми, кто возвращается на Теллар — запирают воспоминания. Или убивают.

Тэйн вспомнил рассказы Кимра об Ард Элларе, и медленно кивнул. Замкнутое, консервативно-традиционное общество, жестко закрытое от остальных, весьма ревностно охраняющее свои границы и свои тайны. Неудивительно...

— Значит, вы говорите, хэльд Окно не действует, — вернулся он к тому, что привело его сюда. — Можно взглянуть?

Молодой иллар повел его в святилище, показал галерею хэльдов и сам остановился в

дверях, ожидая, что Ройг, разочаровавшись, вернется и продолжит разговор. Тэйн подошел к хэльду Окно, нарисовал перед его лазурной поверхностью урд-знак и стал ждать реакции. Если хэльд отказал, поверхность так и останется неподвижно-голубой, если же нет...

Каменный овал хэльда мигнул, слабо засветился и отразил расплывчатую фигуру иллара, стоящего у дверей.

Тэйн улыбнулся.

— Работает.

— Вчера еще молчал, — пробормотал иллар недоуменно. — Ничего не понимаю, — он стал оглядывать хэльды так, будто ожидал от них подвоха. — Как отказал с самого начала сезона Ветров, так ведь и стоял... — он направился к другому хэльду, почти в самом конце галереи. — Хэльд Погода тоже молчал.

Они оба приблизились к матово-белому каменному цветку, в чашечке которого стояла вода. Иллар протянул к нему руки, Тэйн услышал и увидел длинную цепочку урда, полыхнувшую зеленым; сам бы он ограничился всего двумя урд-знаками, воспроизводимыми мысленно и одним иницирующим жестом. Он взглянул на воду еще до того, как парень закончил. Гладкая поверхность воды подернулась рябью, потом рябь прошла, появилось ясное чистое небо, яркое солнце, по поверхности снова заплескались волны, а края цветочной чаши стали на ощупь холодными, как лед. Холодно, солнечно, ветрено — вот что означали картинка в чаше. Иллар заглянул туда, погладил края цветка и, покачивая головой, отошел назад.

— Совсем ничего не понимаю, — буркнул он. — Этот не работал еще с Пробуждения. — Надо будет связаться со школой.

Он поспешно вышел, оставив Ройга наедине с хэльдом Окно. Тэйн представил Джерхейна и иницировал хэльд. Матовая голубая поверхность ожила быстрее, чем обычно, словно давно ожидала команды. Ройг увидел скромную деревянную кровать, на которой лежал его друг, укрытый одеялом до подбородка. Глаза его были закрыты, грудь медленно поднималась и опускалась. Он спал, даже похрапывал немного. Признаков болезни Ройг не заметил.

Он стал осторожно перемещать картину, скользя взглядом по скромному убранству комнаты. Чистенько и уютно. На стене обычный хэльд Тепло — работает. Одеяло — сверху грубое, шерстяное, снизу и по бокам — обшитое разноцветными лоскутами. Просто и со вкусом. Хотелось поговорить, расспросить Джера, что случилось, но, убедившись, что тот в безопасности, Тэйн решил его не беспокоить. Похоже, тот остановился где-то по пути домой, чтобы передохнуть. И, судя по деталям убранства, уже не в Каррее.

Он погасил хэльд, подождал немного, представил Вельга и снова иницировал Окно. Вельга он увидел верхом на аррите, на дороге, ведущей через лес. Пейзаж был родной, риалларский, только южный. Видимо, Вельг уже подъезжал к Дарнейту.

Ройг добавил еще фразу урда, и там, прямо перед Вельгом, на дороге, должен был возникнуть небесно-голубой овал, а в нем — его собственное лицо. Вельг резко натянул поводья, с трудом справившись с арритом. Какое-то время он молча ждал, потом неуверенно спросил:

— Кто это?

— Я, — ответил Ройг недоуменно. Он что, ослеп?

— Я так и знал, что ты выкрутился, — на лице Вельга появилось нечто похожее на радость. — Мне не очень-то верилось, что тебя разоблачили и прикончили.

Тэйн молча разглядывал своего бывшего спутника. Почему он не с Джерхейном? Или после его исчезновения каждый из них решил идти своей дорогой? Об этом он и спросил в первую очередь.

— Джерхейн... — Вельг замялся. — Видишь ли... мне трудно об этом говорить, но он... он погиб.

Ройг хмыкнул.

— Я только что разглядывал его через хэльд. Живого и здорового. Не поговорил только потому, что он спал. Так что можешь не переживать. Или радоваться?

Вельг заметно растерялся.

— Я... мы нашли его аррита и вещи на западной дороге. Я искал его везде, где мог, пытался и через хэльд, но только один раз и меня самого чуть не схватили, — забормотал он, нервно оправдываясь. — Я решил, что он отправился домой, не дождавшись меня и тебя, и там, в пути, с ним что-то случилось. Одежда была в крови, и я решил... что уже не найду его.

Тэйн сухо кивнул. Видимо, Вельг не особо утруждался поисками, решил он. Растеряв обоих компаньонов, он решил, что благоразумнее вернуться домой. Что ж, мудрое решение. Или он лжет? Джеров аррит-то был в стойле тем вечером, когда они оба исчезли.

— А почему ты не пытался связаться со мной? Тоже решил, что уже не найдешь? — спросил он язвительно.

— Ты знаешь, что тебя не видно в хэльде? — огрызнулся Вельг, неожиданно закипая. — Даже сейчас я разговариваю с тобой, глядя на темное пятно! Я много раз пытался связаться! Каждый раз овал Окна чернеет, я не вижу не то что бы тебя — вообще никого и ничего. Между прочим, там, на Острове, они тоже пытались, и неоднократно! И не только сейчас! Ты пропал из Окон давным-давно! — Вельг уже почти кричал, — и после этого ты хочешь, чтобы я лез в петлю, пробираясь к единственному уцелевшему в Каррее Окну?

— Да уж, гораздо проще объявить нас обоих мертвыми и спокойно свалить домой!

Возникла пауза, во время которой Вельг кусал губы, а Тэйн лихорадочно пытался сообразить, по каким причинам он перестал отражаться в поисковых хэльдах. Может, найденные им два камушка-артефакта создают помехи?

Вельг заговорил первым.

— Где ты находишься?

— В Ард Элларе. Буду искать следующий артефакт.

— Совсем недавно ты кричал, что это трюк, чтобы выманить тебя и Джерхейна из Эргалона, — бросил Вельг со злостью.

— Я действительно изменил свое мнение о задании Агваллара. Так можешь Кимру и доложить. Исправился, мол, Ройг. Прощенья просит и обещает служить дальше. А ты, скотина, катись домой и продолжай стучать. Свидимся — сочтемся.

И он резко погасил Окно. Слова Вельга требовалось проверить.

Он повернулся к хэльду Зеркало и быстро оживил его. Большое вогнутое зеркало вспыхнуло, как и всегда перед тем, как выдать результат, но потом мгновенно погасло. Он жестом активировал его снова, но результат повторился. Тэйн отыскал хэльд Истина, который выявлял скрываемое, вплоть до тайных желаний, но с ним произошло то же самое — начав работать как надо, хэльд погас. Ройг снова вернулся к Зеркалу, применяемому целителями для диагностики болезней, и попытался повторно — с тем же печальным результатом. Постояв в недоумении, он медленно вышел из святилища.

Хэльды по-прежнему слушались его, но он сам словно перестал для них существовать.

Спросить, что ли, здешнего иллара? Нет, не стоит, вряд ли тот знает ответ. А вот о следующем владельце артефакта, который, по словам Кимра, обитал в Ард Элларе, можно и поспрашивать, вдруг тот хоть что-нибудь да слышал?

Иллар ждал его на прежнем месте, в маленьком соседнем кихте, расставив кувшины и разложив нехитрую закуску. Они выпили по первому кубку, поели, потом молодой иллар попросил Ройга рассказать о положении в Каррее и о Дьявольском Каньоне. Тэйн неохотно пустился в объяснения, уделив особое внимание аномалиям Каньона. После второго кубка он спросил молодого иллара, не слышал ли тот хотя бы случайно о человеке по имени Ригойн — так звали хозяина следующего камешка.

— Конечно, — ответил тот с улыбкой. — Ригойн — один из высших учителей Очага Солнца. Он преподавал нам историю миров. Насколько я знаю, он до сих пор живет и работает в Очаге.

Тэйн осторожно перевел дыхание. Так просто? Путь сам приведет его в земную школу Кэлленара, туда, куда теперь ему хотелось попасть больше всего на свете. И Свод. Книги Свода тут, на Телларе...

— Какие еще Книги Свода есть в Очаге Солнца? — спросил он, стараясь выглядеть рассеянным и небрежным.

— Арта Аш Ар, Книга Памяти. Арта Син Рен, Книга Круговорота, и Арта Сач Сал Книга без названия.

— Как туда попасть? — спросил он, скрывая волнение. — Я должен отыскать человека по имени Ригойн и передать ему послание.

— Я могу связать тебя с ним через хэльд, — предложил иллар.

— Это очень... непростой вопрос, — возразил Тэйн, лихорадочно придумывая объяснение. — Мне нужно лично. Ты можешь предупредить его обо мне, но я должен встретиться с ним сам.

— Хорошо, — кивнул иллар. — Я дам тебе карту.

Карта нашлась в маленькой библиотеке святилища. Подробная, очень старая, потертая на сгибах, но вполне приличная карта Ард Эллара. Иллар нарисовал Ройгу путь до Очага Солнца, дав некоторые пояснения, чтобы облегчить дорогу. Он предложил ему своего аррита, но Ройг отказался, заявив, что возьмет скакуна в том харране, где временно остановился. Под приятную беседу они доели и допили все, что было на столе, пустились в воспоминания, углубились в специфичные вопросы кэн-ли, а когда Тэйн вспомнил, что ему пора возвращаться, ночное солнце уже давно взошло, иллар не пустил его в обратный путь, и ему пришлось заночевать в святилище. Он хотел увидеть сон-воспоминание, такой, какие снились ему раньше, хотел вспомнить конец обучения, Книги, в особенности то место, где они находились, однако ничего у него не вышло — после долгих попыток вызвать образы из памяти он заснул без сновидений, будто провалился в темный и бездонный колодец.

(Сезон Холода. Риаллар, Нейский залив.)

Мутный сон, полный нелепых и малопонятных образов, резко оборвался, когда Лейт обнаружила себя на полу, с матрасом на голове. Тут же съехав на другой конец каюты, она попыталась подняться на ноги, запуталась в одеяле и снова упала. Так же резко пол под ногами выровнялся, и, благополучно поднявшись на ноги, она вернула постель на место. Угораздило же ее как-то перевалиться через бортик... Снаружи до нее долетели неразборчивые крики, разбавленные забористой руганью. Судно снова накренилось, уже не так сильно, и опять очень быстро выровнялось. Крики и ругань продолжались.

Лейт выглянула в крохотный иллюминатор. Темное стекло было покрыто обильными каплями-пузырьками. Жевра в каюте не оказалось. Слава Койе... С утра, уже после отхода, он был игрив и всеми правдами и неправдами пытался утащить ее в каюту, но она упорно оставалась на палубе, с жадностью глядя, как удаляется берег, уменьшаются дома, неотвратимо сливаясь в тусклую серую полосу. Истошно кричащие чайки провожали судно, слышалось в их голосах что-то отчаянно тоскливое. Вскоре берега исчезли совсем, налетел ветер, матросы спешно ставили паруса, и вскоре они оба почувствовали качку. Жевр ушел в каюту, где, упав на койку пластом, так и лежал до вечера, проклиная всех подряд и постанывая, она же осталась на палубе, несмотря на ледяной ветер и волны, время от времени перехлестывающие через борт. В каюту она спускалась только погреться да перекусить. Жевра тошнило от одного вида еды, но она сама, помня советы старшего брата, силой заставляла себя жевать, согревалась и вновь выбиралась на палубу.

Что-то там случилось, подумала она встревожено. Хотя... плыть осталось всего ничего, после рассвета они должны были войти в гавань Дарнейта. Уже вечером, после восхода Ночного солнца, вдалеке ей привиделась тонкая полоска суши. Мастер дороги, который вместе с гостем тоже большую часть времени проводили на палубе, сказал ей, что Пролив, собственно, они уже пересекли и оставшуюся часть пути судно будет идти вдоль берегов Нейского залива, в бухту, где и расположен риалларский порт Дарнейт. Ей немедленно захотелось выйти на палубу, чтобы увидеть берег, но тьма в иллюминаторе убедила, что спешить нет смысла. Все равно до восхода дневного солнца она ничего не увидит.

Крики повторились. Судно резко бросило с борта на борт, Лейт почувствовала, как мощно плеснула в борт волна. Почудилось, будто мимо, совсем близко, движется еще один корабль. Она буквально услышала хруст сталкивающихся и ломающихся весел. Не выдержав, она накинула шубку и выскользнула из каюты на палубу.

Чужак с черными парусами, хорошо различимый в бледных лучах садящегося ночного и встающего дневного солнц, был уже позади судна и, как ей показалось, уходил в сторону для разворота. Судно полным ходом шло на веслах, стремительно двигаясь вдоль близких берегов, поросших высокими хвойными кнеями. Слабый ветер уравнивал силы, гребцы изо всей мочи налегали на весла.

Жуть пробрала ее до костей. Было что-то зловещее в суе на палубе, в молчаливом и плавном развороте чужака, в черном парусе, в тревожной суе корабельной команды, в перешептывании и переглядывании редких утренних свидетелей — пассажиров.

Жевр нашелся недалеко от капитанского мостика. Там же она увидела мастера дороги и Эйнира.

— Что случилось? — спросила она жалобно, даже не пытаясь скрыть свой откровенный страх.

— Похоже на пиратское судно, — ответил Ас-Варден. — Выскочил неожиданно прямо по борту, его заметили уже совсем рядом. Хвала Илбару, рулевой успел, едва увернулись...

— Ты уверен? — она оглянулась на оставшийся позади корабль, который, впрочем, уже почти завершил поворот. — А вдруг это просто... торговец?

— В порту болтали о хильдских пиратах, — сквозь зубы прошипел Жевр. — Четыре корабля потонули.

— Судно не хильдское, — раздался уверенный голос Эйнира. — Только парус черный. Маскируются.

Жевр скрипнул зубами и собрался было высказаться, но его перебил мастер дороги, пристально следивший за чужаком.

— Идет не по-хильдски. Шумно, неуклюже. Хоть и подошли незаметно, от настоящего боевого драккара мы бы не увернулись.

— На борту — колдун, — резюмировал Эйнир. — Поэтому и подошли. Заморочил, пузырь Утопленника... Только вот как? Не знаю я в арсенале илларов подобных штучек.

— А может, ты плохо знаешь илларов? — зло огрызнулся Жевр.

— Не думаю, — отрезал тот и решительно направился на капитанский мостик.

— Сворачивайте к берегу на веслах, — велел он требовательно и жестко, когда капитан судна попытался возмутиться присутствием постороннего. — Быстро уходите в отрыв, поворачивайте корпус и спускайте шлюпки с той стороны. Груз бросаем, спасаем людей. На шлюпках дойдем до берега. Там деревни, эти туда точно не полезут. Вызовем дружину и боевые галеры Риаллара.

— По какому праву вы распоряжаетесь на моем корабле? — яростно огрызнулся капитан, и, хотя и был на голову ниже Эйнира, уверенно положил руку на рукоять клинка. Терпеть чужую наглость он не собирался. — Вернитесь в каюту и ведите себя...

— Тихо, — бросил тот то ли в завершение фразы, то ли в ответ, стянул с руки перчатку и сунул капитану кулак. Лейт, наблюдавшая за неожиданной сценой с изумлением, скорее догадалась, чем увидела, что тот предъявил перстень с печаткой, который она мельком уже несколько раз видела на его среднем пальце. Капитан долго глядел на перстень, потом на Эйнира. После паузы он убрал руку с оружия и явно с усилием выдавил:

— Груз не хочу терять. У меня полные трюмы... Есть шанс уйти. Судно весьма быстроходно. Гребцы свежие. Почти всю ночь шли под парусом. Как только мы окажемся у Корабельного мыса, подадим сигнал бедствия, нас прикроют.

— Повторяю — у них на борту колдун, — процедил Эйнир раздраженно. — Он ими и командует. Риск огромный, нам нечего ему противопоставить. Штурман ведь у вас обычный?

— Я понимаю вашу нелюбовь к колдунам, — почтительно сказал капитан, — но что он нам сделает? Опять заморочит голову? Вряд ли. Мы уже предупреждены.

— Да все, что угодно, — буркнул тот. — Подлость, знаете ли, непредсказуема.

— Иди в каюту, — велел Ас-Варден жене. — Нечего тут... под ногами путаться.

Вернувшись к себе, Лейт, потрясенная произошедшим и напуганная до безумия, стала спешно и судорожно собираться. Что если и правда придется спасаться с судна? Она сменила платье, в которое переделалась на корабле, на брюки, вытащила из мешка курточку из тонкой кожи, в которой собиралась высаживаться в Дарнейте, где климат был не в

пример теплее и мягче, чем в родных краях, и, дрожа, переделалась. Не может такого быть, чтобы в Проливе кто-то разбойничал. Никогда такого не случилось. Хильды, конечно, иногда пускались в набеги на северо-западное и восточное майрское побережье и острова, но никогда не нападали на суда в Проливе, который защищали немногочисленные, но хорошо вооруженные риалларские боевые галеры. Но тут она вспомнила историю. Морские захватнические походы хильдов случались и ранее, и далеко не всегда в них побеждал майрский флот. Чаще дело решала дипломатия, не без участия Агваллара. А если уж вспомнить, какие смутные нынче настали времена...

Темнота в иллюминаторе стремительно сменилась сначала тусклым розовым, затем ярким золотистым светом. Опять резко накренился пол. Ухватившись за койку, Лейт почувствовала, как что-то мощное извне резко и повелительно разворачивает корабль.

Удар со стороны носа сотряс судно. Слыша истошный скрип боровых досок и скрежет мокрого дерева, Лейт вцепилась в стол, но ее в то же мгновение швырнуло на другую койку, и она всем телом больно ударилась о переборку. Придя в себя и уцепившись за стол, она судорожно сжалась, сбивчиво повторяя молитвы то Хэллиху, то Илбару, то Мейру, путаясь и забывая слова. Шум и крики, доносившиеся с палубы, нарастали, она снова почувствовала удар и хруст, на этот раз со стороны кормы, потом — стук и лязг металла. Через некоторое время в щель под дверью потянуло смолистым горелым духом. На невнятные крики с палубы наложилось ржание арритов в трюме. Истошные вопли и стоны пассажиров, окончательно разбуженных и осознавших, что случилась беда, выбили из нее остатки мужества и здравого смысла.

Когда судно резко завалилось на правый борт, она разглядела в иллюминатор близкие очертания чужого корабля. Хруст досок показался оглушительным. В щели все сильнее тянуло горелым, сочился серый, удушливый дым. Задыхаясь от гари и паники, Лейт высунулась из каюты наружу. До смерти перепуганные пассажиры, заспанные и полуодетые, хватали первое попавшееся добро и, проклиная все на свете, бранясь и отшвыривая друг друга, торопились выбраться на палубу. Там, в узком проеме, мелькали люди в тхонах, доносились глухие звуки ударов и яростный звон мечей. Густой едкий дым напал со всех сторон, застилал глаза, парализуя дыхание и заставляя торопиться. Дождавшись, пока все желающие вырвутся наружу, Лейт тоже скользнула по лестнице к свету.

И смерти... На палубе кипела схватка. Корабли сцепились бортами, правый борт их судна был проломлен острым носом-тараном чужака-пирата. Корабельная команда, вместе с теми из пассажиров, кто хоть как-то умел держать оружие, дралась насмерть. Кое-кто из гребцов прыгал в воду, надеясь спастись, кто-то, надеясь на пощаду, добровольно перебирался на борт пиратского судна. Надстройка на корме, там, где располагалась большая часть пассажирских кают, была почти целиком охвачена огнем. Пассажиры прыгали в воду, и, судя по всему, не совсем удачно — до слуха Лейт доносились душераздирающие крики о помощи. Теряя разум от ужаса, она метнулась обратно, надеясь спрятаться в каюте, но едкий удушливый дым и близкое пламя стремительно выгнали ее обратно.

В дыму и хаосе она неожиданно разглядела мощную фигуру Эйнира. Шапка с него слетела, лицо, руки, одежда были залиты кровью. Лейт узнала его только благодаря высокому росту и короткому рыжему ежику волос. Он рубился с бешенством зверя, ни на мгновение не останавливая ударов, тяжелая длинная сабля в его руках беспощадно косила врагов. Вокруг него уже образовалось множество мертвых тел, и Лейт с восхищением и

ужасом подумала, что сам Хэллик, собственной персоной, увидел непотребство и свернул с божественных путей им на подмогу.

Разобраться, кто же все-таки побеждает в этой жуткой резне, было невозможно. Она сделала несколько шагов вперед, надеясь отыскать Жевра, но ее отшвырнул кто-то из пассажиров, спешащих к левому борту, туда, где спасительной зеленой полосой маячил такой близкий берег. Зря капитан не послушался его совета, подумала она с невесть откуда взявшейся злостью. Груз он спасал. Ни груз не спас, ни корабль... Никого.

Подогреваемая страхом и злостью, оскальзываясь на мокрых от воды и крови досках, она пробиралась вдоль борта, ища Жевра. Среди дерущихся его, кажется, не было, и она с ужасом осознала, что он вполне может оказаться здесь, на палубе, под ногами. Спотыкаясь, падая на четвереньки и задыхаясь от густого смрада, она яростно пробиралась к носу, и в конце концов нашла его. Грудь его была разрублена косым ударом меча, превратившись в кровавое месиво, глаза, бессмысленные и неподвижные, уставились в небо. Рядом с разрубленным горлом, залитый кровью почти целиком, лежал мастер дороги.

Ужас отбросил ее назад. Лейт пятилась боком, не понимая, куда ползет, и в конце концов свалилась под пустую скамью гребцов. Руки-ноги ослабли до онемения. Слез не было, горло и грудь сдавило, она задыхалась от навалившегося тошного отчаяния. Забившись под скамью, она закрыла глаза и скрючилась, чтобы больше ничего не видеть и не слышать.

Как быстро закончилась ее жизнь... В том, что для нее все уже закончилось, не начавшись, она не сомневалась. Не успела и замужем-то побыть. Жевр. Жевр... Бедняга... А она то, дура, боялась что он... чего она жалела? Про приличия какие-то думала... А он умер, так и не успев порадоваться жизни и молодой жене, не приведя ее в дом. Даже до берега не доплыл. Сейчас она сгорит вместе с кораблем, и все закончится. Нечего больше будет бояться. Или утонет.

Скорей бы уж...

Чья-то рука схватила ее за воротник куртки и как зверушку выволокла из-под скамьи. Мужчина, грузный, бородатый, по виду и по одежде — майрец, ухмыльнулся, ухватил ее покрепче, хорошо не за волосы, и поволок через палубу в сторону своего корабля. Сначала она не сопротивлялась, плохо соображая, что происходит. Потом, неожиданно осознав, что тихо и быстро умереть ей не придется, успела ухватить с палубы первый попавшийся острый предмет. Им оказался короткий кинжал, липкий от крови. С невесть откуда взявшейся яростью Лейт извернулась и с силой всадила его в ногу разбойнику. Не ожидавший отпора пират заорал и пнул ее по ребрам, но она не ощутила удара, снова вывернулась змеей и зубами впиалась в его запястье. Свалившись на палубу, она резво откатилась в сторону и поняла, что чудом увернулась от удара саблей. Не утруждая себя подъемом на ноги, Лейт на четвереньках поползла прочь, перекаtywаясь через тела и лихорадочно соображая, куда ей теперь деваться. Мгновение, другое — его перекошенное лицо мелькнуло перед ее глазами — и он рухнул на палубу, едва не раздавив ее своим телом.

Другая такая же сильная рука схватила ее за шиворот, поднимая на ноги. Она снова попыталась отмахнуться кинжалом, но ее запястье бережно и твердо перехватили.

— Уходим отсюда. Скорее, судно уже просело, вот-вот затонет.

Это оказался Эйнир. Грязный и мокрый, в крови и копоту, он уже не казался ей воплощением Хэллиха.

Видя, что она не в себе, он изо всех сил толкнул Лейт к левому борту. Вовремя — огонь с кормы добрался до грот-мачты. В трюме ржали запертые арриты. Она посмотрела вниз —

там, в стороне, медленно дрейфовала к берегу единственная пустая лодка. Вокруг нее и в ней лежали мертвые тела.

— Я спущусь, подгоню лодку, — сказал он, перебираясь через борт. — Жди здесь. Если что — бей кинжалом, кричи, а лучше — прыгай в воду, я тебя сразу вытащу. Замерзнуть не успеешь.

Лейт кивнула. Ей было все равно.

Она жалась к борту, глядя, как огонь выстраивает непреодолимую преграду для всех, кто выжил. Оставшиеся в живых захватчики возвращались на свой корабль, волоча успешно спасенные тюки с добычей. Кто-то все-таки вскрыл трюм с арритами, и теперь пытался их вывести и перетащить на свое судно. Бесполезно — они взбесились и вырывались из рук. Лейт смотрела, как перебрасывают через борт один за другим мешки с добром, как кто-то из вражеской команды, оставшийся в живых, методично обыскивает трупы, не деля на своих и чужих, сдирает перстни с пальцев, дорогие шубы, кошельки, подбирает оружие, снимает ценные пояса и ножны. Она услышала окрик снизу, и, плохо соображая, что делает, полезла через борт на негнущихся, дрожащих ногах. Кинжал мешал ей, но расстаться с ним она не могла — взяла рукоять в зубы и судорожно сжав ее, принялась спускаться.

Ее спаситель, увидев ее напряженное лицо, с усмешкой поспешил снять ее с лестницы и усадить в лодку, и с силой налег на весла. Мимо проплывали трупы, один из них она узнала — это был толстяк, рвавшийся выбраться на палубу раньше остальных.

— А почему они не уплыли? — спросила она, с трудом оторвавшись от жуткого зрелища.

— Торопились, — сквозь зубы ответил тот. — Отпихивали друг друга. Дрались за места в шлюпке. Кто-то сам прыгнул, в панике, а водичка-то холодная, на плаву долго не продержишься.

Какое-то время они молчали. Он греб, она неотрывно глядела на пылающее судно.

— А почему оно загорелось? — спросила Лейт, выходя из апатии.

— Стрелы с паклей, пропитанной зажигательной смесью. Для паники. Борты перед выходом заново просмолили, вот и вспыхнуло.

— А колдун?

— Колдун? — сквозь зубы прошипел он. — Думаешь, он поджег? Может быть. Знаком Небесного огня, например. Или еще чем.

— А он не узнает, что мы убежали? — шепотом спросила Лейт.

— Не знаю, — ответил ее спутник между мощными гребками. Лодка летела к берегу как на крыльях. — Если он жив, то ему не до нас. Добычу они взяли, хоть и не такую, какую хотели. Главное для них сейчас — уйти побыстрее, чтобы проходящие суда их не обнаружили и не подали сигнал бедствия. Интересно, конечно, куда он пойдет... Жаль, не проследишь.

— Тот, что меня волок, — начала Лейт, стуча зубами. — Он майрец.

Притихший было ужас прорезался заново. То и дело оглядываясь на горящее судно, она с трудом сдерживала нервную дрожь. Неожиданное спасение мутило ей разум. Жевр остался там, а она жива. Странно. Будто не с ней все это случилось. Будто кошмар приснился.

Она осторожно вздохнула. Дышать было больно, скорее всего, от ушибленных ребер.

— Почти все они там — майрцы, — ответил он. — А колдун, похоже, хильд. Видел я пару рож... очень напоминают. Я, наверно, его прирезал. Туда ему и дорога, — заключил он сквозь зубы.

В этот момент их едва не перевернуло огромной волной. Лейт чудом удержалась в лодке, а Эйнир налег на весла с еще большим усилием. Оглянувшись, она увидела, что судно стремительно уходит под воду.

— Держись, это еще не все.

К счастью, здесь было уже неглубоко. Ледяной поток воды обрушился на нее, но из лодки не выбросил. Витиевато ругаясь, Эйнир выбрался из лодки, оказавшись по пояс в воде, и за веревку потащил ее на берег. Вытирая мокрое лицо, Лейт глядела, как погружается под воду то, что осталось от судна. Пиратский корабль черно-серым силуэтом виднелся вдалеке.

Сырые и измученные, они вдвоем вытащили лодку на берег.

Лейт осмотрелась, куда их занесло. За узкой полоской песчано-каменистого берега почти сразу же начинался лес. Кроны высоких, пышных кней прикрывали землю от холодных ветров и жаркого солнца, и трава здесь почти не пожухла. Снега не было. Воздух показался ей теплым и душистым, несмотря на то, что небо после рассвета быстро затянули хмурые серые облака. Казалось, холода вообще не заглядывали в этот тихий край. Ветер дул с Пролива, шевеля тяжелые синевато-зеленые кроны, создавая низкий, никогда ранее не слышанный шум-шелест, мешающийся с вкрадчивым рокотом набегающих на камни волн. Побережье изгибалось далеким, выступающим в море мысом, поросшим такими же огромными, но искривленными ветрами кнеями.

Уйдя с берега под защиту игольчатых крон, она отыскала поваленный ствол, отломала с него несколько веток, побросала на землю, уселась, опираясь на него спиной, и принялась стаскивать вымокшие сапоги. Хорошо бы огонь развести...

Эйнир подошел к ней и опустился рядом.

— Ты как хочешь, а я вымоюсь. А то в город не пустят. Да и на маяке... сначала пальнут, потом разберут, в кого.

— Холодно же, — сказала Лейт, растирая озябшие в мокрых штанах ноги. Куртка, к счастью, защитила ее от воды.

— Костер разведем, согреемся.

— А есть чем? — спросила она.

Он расстегнул куртку и вытащил из-под одежды небольшой кожаный мешочек, на шнурке висевший на шее, и вытряхнул содержимое. Там оказалось огниво с трутём, сложенная вчетверо потрепанная бумага и монеты ард элларской чеканки, от майрских отличавшиеся тем, что кроме Небесного острова, на них были изображены горные вершины. В Майре вместо гор на монетах чеканили королевский профиль. Монет западного континента она никогда не видела.

Порадовавшись его предусмотрительности, Лейт вспомнила о талисмани матери и тоже потянулась к нему через одежду. Камешек был на месте, приятно согревая кожу. Неужели и вправду именно он защитил ее в этой беде? Она вздохнула. Может и вправду... Старинная ведь штукавина. Говорят, раньше действительно умели делать обереги. Раньше умели много чего такого, о чем давно позабыли сейчас. Взять вот хоть те же хэльды.

Увидев, что он решительно отправился на берег, на ходу снимая куртку, затем рубашку, сбрасывая сапоги, штаны, исподнее, она торопливо отвернулась и, сунув огниво в карман, пошла собирать ветки для костра. Подлеска почти не было, пришлось обламывать ветки с поваленных кней и собирать шишки. Натаскав изрядную гору сушняка, она вернулась на берег, подобрать коряги. Он уже вымылся и, не обращая внимание на прохладный ветер, отстирывал одежду от крови и копоты.

Костер разгорелся не сразу, но, к счастью, вскоре ветки занялись как надо и Лейт накидала поверху побольше сухих коряг, подобранных на берегу. Потом расставила вокруг костра палки покрупнее, собираясь развесить на них одежду, и сама придвинулась поближе. Ее товарищ по несчастью вернулся в одном исподнем, неся в руках все остальное, и, раскинув одежду на подготовленных ею палках, снова ушел на берег и вернулся, волоча за собой средних размеров бревно. Сунув его край в костер, он, наконец, уселся рядом и закрыл глаза.

Постепенно оба они согрелись жарким теплом костра. Вняв его насмешливым уговорам, Лейт отважилась снять вымокшие брюки и тоже развесить их просушиться. Хорошо, длинная теплая рубашка хоть как-то прикрыла бедра. По очереди поднимаясь и переворачивая исходившую паром одежду, они обменивались редкими и вялыми репликами. Лейт развязала платок, постелила его на пушистые лапы кнеи и забилась под остальные, как под одеяло. Периодически она погружалась в жаркий путаный сон, в котором все еще продолжалась битва и возникало остекленевшее, мертвое лицо Жевра. Она вздрагивала и приходила в себя, с каждым разом с трудом вспоминая, где находится и как здесь очутилась.

— Что дальше? — спросила она Эйнира в одно из таких пробуждений. — Ты знаешь, где мы?

— Более менее знаю, — ответил он небрежно. — Дарнейт тут недалеко, как только высушимся, пойдем к маяку, он севернее.

— А потом?

Он посмотрел на нее с глубокой печалью.

— Свяжусь с твоими родителями. Будем думать, как отправить тебя обратно. Хотя... я так понимаю, ты теперь прямая наследница Ас-Вардена и всего его имущества. Дело он свое вел здесь, в Дарнейте, а значит, по риалларским законам ты наследуешь его имущество или его долю наравне с прочими компаньонами, если они есть. Ну, это проще твоему отцу разобраться, или братьям. Можешь остаться здесь, если захочешь.

Лейт отрицательно покачала головой, а потом с ужасом подумала, что придется снова переправляться через Пролив. Представила, как вернется домой. Конечно, мать с отцом примут ее обратно, пожалеют, снова оденут-обуют. Но что дальше? Она ведь теперь вдова. Пять лет в трауре, взаперти, в кругу близких родственников, из всего дозволенного — только святилище, рукоделие да уход за детьми. Своих детей у нее теперь долго не будет. А если и возьмет кто второй раз замуж... А кто возьмет-то, в ее маленьком городке, где и так народу немного. Подрастут молодые и красивые, кому она будет нужна, перестарок?

Жевр... Если бы он остался с ней в каюте, может быть, они спаслись бы оба. Добрались бы до дома. Она бы его полюбила. Может быть, не так, как сына арха, по-другому, но все равно — полюбила бы. А так... Горло и грудь сдавило, из глаз хлынули слезы.

Остановиться она уже не могла. Лейт даже не заметила, что давится слезами на груди у Эйнира, что он гладит ее по рассыпавшимся волосам, шепча что-то успокоительное. Выплакавшись впервые с момента гибели мужа, она отстранилась и, привалившись к поваленной кнее, отдалась течению невеселых мыслей.

А если действительно остаться здесь, в Риалларе? У Жевра в Дарнейте есть дом, какое-то хозяйство, лавка... Но она совершенно не знает законов и обычаев этой страны. Даже ее брак здесь не брак, брачная запись, выданная Жевру илларом святилища города Улле, сгинула вместе с ним. Ее не знает в Дарнейте ни одна живая душа, не говоря уж о том, что у нее нет денег, чтобы заплатить за обратный путь.

Это она и изложила ворошашему костер Эйниру.

— Да, наследницей тебя здесь не признают, пока бумагу из Улле не пришлют, — задумался он. — Что при нынешнем бардаке очень затруднительно. Еще подтвердить твою личность и засвидетельствовать брак может тот иллар, что совершил обряд, через хэльд Окно, или еще проще — это можно установить в храме перед хэльдом Истина. Лишь бы тут у нас с хэльдами не произошло то же самое, что в Майре...

— У нас? — переспросила она. — Ты здешний?

Эйнир кивнул.

— Да. Я думал, ты догадалась

Она покачала головой.

— Ни разу в жизни не видела ни одного риалларца.

— Брось... Не может быть.

— А ты потом куда? — спросила она, не желая признаваться в невежестве. — Откуда ты родом?

— Из Эргалона. Но я пока туда не собираюсь. Есть... сложности.

— Как же ты оказался так далеко от дома?

Он долго молчал, задумчиво глядя на огонь.

— Вместе с другом, который выполнял важное поручение. Нас было трое... В Каррее все пошло наперекосяк. Один из нас... предал, и я даже не знаю, где мой друг и что с ним теперь. Может быть, мне придется вернуться в Каррею, если он все еще там. В этом случае мы поплывем вместе. Если, конечно, ты не решишь остаться. Тут, в Риалларе, траур по супругу носят год, и он не такой строгий, как в Майре или в Ард Элларе — пока не пройдет его время, ты не сможешь повторно выйти замуж или продать унаследованное имущество, но ты будешь жить обычной жизнью, только чуть более скромной, чем обычно. Все лучше, чем у вас на родине.

— Какая уж тут жизнь... — пробормотала она сдавленно.

— Обычная, — сказал он со странное строгостью в голосе. — Ваш брак закончился, не начавшись, и нечего лить слезы по несбывшемуся. Лучше подумай о будущем. Я слышал о традициях Ард Эллара в отношении женщин, тем более — вдов, и считаю их дикими. Нечего хоронить себя заживо...

Лейт упрямо поджала губы, вспыхнув от возмущения. Кто он такой, чтобы осуждать чьи-то традиции! Но вслух возразить она не решилась, просто потому, что вдруг поняла, что достойных аргументов у нее нет. Вместо этого она решительно встала, стянула с кольев подсохшие брюки и, краснея от стыда под его взглядом, принялась одеваться.

— Может, пойдём? Есть хочется. И пить. И темнеть скоро начнет.

— Темнота нам не помеха, — Эйнир стащил с кольев свои штаны и куртку. Одежда высохла. Отряхнув с нее соль, он быстро привел себя в порядок. — Наоборот — защита. Дойдем по лесу вдоль берега, не заблудимся.

(10 пришествий назад, Сагир, Поднебесная Империя Кэлленара Солнечного)

Дорога к Сагиру была залита солнцем, конец ее терялся где-то на склонах Медного хребта, петляя между глубокими, живописными и прохладными ущельями. Можно было бы добраться до столицы через хэльд, но он предпочел идти пешком, чтобы отдохнуть и полюбоваться природой. Слишком редко в его напряженной, вечно занятой жизни выпадали подобные мгновения — спокойные, наполненные чистым прохладным воздухом, солнечным светом, неспешным, размеренным движением. Уже несколько раз он останавливался, чтобы посмотреть на детенышей гиялли, которых в это время выводили на первую в жизни охоту, один раз пришлось свернуть с дороги, чтобы обойти разлегшегося прямо на нагретых камнях лаоша — жалко было его тревожить. Можно приказать ему уйти, усыпить или накинуть невидимость, но ему не хотелось обращаться к Богам по такому пустяку. Да и лаош тоже живое существо, не стоит прерывать его отдых. Он и сам слишком хорошо знал, как дороги бывают минуты спокойствия.

До Сагира было еще довольно далеко, он начинал ощущать усталость. Годы напоминали о себе с каждым солнечным восходом, но он не собирался сдаваться. Если ногам станет совсем неважно, там, на ближайшей развилке, стоит тройное кольцо хэльдов, последнее из них почти полностью состоит из Дверей во все концы Теллара, и он выйдет прямо на площади перед Солнечным Домом.

Личное приглашение императора и троицы высших жрецов Кэлленара Солнечного немного удивило его, но ничуть не встревожило. Он был одним из лучших мастеров Кэн Ран Кэй, создания хэльдов, не только в Поднебесной империи, но и в Тонхайре, он учился у самого знаменитого из учителей Майна, столицы горной империи, и если императору понадобились его услуги... И конклаву храма Творцов тоже? Высшее жречество не очень доброжелательно относится к мастерам хэльдов, им всегда кажется, что те так и норовят отступить от изложенных в Книге Творения тридцати шести канонов... Или эти странные фокусы, что стали все чаще и чаще происходить с хэльдами Поднебесной империи, наконец-то встревожили обленившихся святош, вознесших свои знания и искусство на недостижимую для остальных теллов высоту? Смешно гордиться тем, что в горной империи умеет каждый ребенок! Его младшая дочь с детства умеет представить и вызвать из хэльда Кувшин любое самое изысканное кушанье, а сын еще в десять лет взял в руки ка-эль Зир-нан... Теперь ему восемнадцать, а его искусно расписанные чаши и блюда он видел даже на востоке...

Видимо, это и станет его жизненным Путем, а свое искусство ему придется передавать кому-нибудь из наиболее талантливых и трудолюбивых учеников. Дети Поднебесной империи тоже, конечно, умеют пользоваться основными хэльдами, но они все чаще ленятся... Книгу Творения уже и вовсе перестали изучать в школах, считая ее слишком сложной, Книгу Мертвых — только в самом конце обучения, а срок изучения первой книги Свода Творцов изрядно отодвинулся. В результате низшие сословия, предпочитающие оставлять жреческие школы по достижении совершеннолетия ради ученичества у ремесленников, так и не получают возможности прочесть Книгу Мертвых, а результат...

Они перестают уважать смерть, с раздражением подумал он, они все чаще и чаще осмеливаются призывать ее на помощь раньше, чем предназначено Путем. Появились даже какие-то омерзительные куски металла, напоминающие ка-эль, заточенные с одной или с

обеих сторон, которые, вонзаясь в живую плоть, причиняли ей боль и разрушение. Они называют это "оружие" и носят на поясе, гордясь умением им владеть. Он даже видел, как один из молодых людей, конечно же, здесь, наверху, умертвил такой штукой айяда. Просто так, для того, чтобы похвастаться перед подругой, что стояла рядом с ним, глядя на него восхищенными глазами, полными сладостного экстаза. Ему это не понравилось, ох как не понравилось... Это было вопреки воле Творцов, но он так ничего и не сказал той парочке, подумав, что вряд ли сейчас они поймут его. Кэлленар Солнечный и Темный жестоко карают за нарушение свода правил, первейшее и важнейшее из которых гласит — не причиняй вреда всему, в чем есть жизнь и смысл, в чем есть часть души Творцов и их благословение. Даже цветок, сорванный или примятый на лугу, есть часть небесного Круговорота Стихий, прерывая его жизнь, ты тем самым меняешь течение собственной... Куда приведет тебя путь, если ты срубишь дерево, под которым предназначено тебе встретить возлюбленную? Если ты умертвишь гиялли, которому суждено играть с твоим сыном и научить его любить тех, кто слабее и нуждается в помощи и защите, кем он станет тогда? Если ты убьешь и съешь айяда только потому, что его мясо нежнее и сочнее того, что ты по неумению вызвал из Кувшина, кто принесет тебе письмо от твоего лучшего друга, когда тот позовет на помощь?

Ему давно уже казалось, что современное молодое поколение как-то слишком легкомысленно относится к этим древнейшим истинам. Они совсем другие, подумал он с раздражением. Даже его старший сын, его гордость, которому уже в неполные двадцать лет предложили стать одним из десяти высших жрецов Колодца, даже он все чаще и чаще стал бывать в императорских покоях Майна, сойдясь с военным советником наместника, беседуя о военном искусстве — страшном, проклятом Творцами искусстве убивать. Даже знание Книги Смерти не защитило его от искушения силой.

Он пришел в Сагир только к вечеру, когда солнце уже село, в столице зажглись уличные Свечи, разбросанные по городу в хаотическом беспорядке. Мастер хэльдов знал, что Императору никогда не нравилось подобное расположение хэльдов, но его собственные жрецы объяснили, что иначе нельзя — при симметричном или линейном расположении светильников они будут влиять друг на друга, создавая особую энергетическую сеть, которая воспрепятствует нормальной работе других хэльдов и ка-эль. Плетясь вдоль центральной улицы, ведущей прямо к Солнечному Дому, он ругался про себя на усталость, на годы, на упрямство, заставившее его одолеть далекий путь пешком и без остановки. Как же ему хотелось доказать себе, что он все еще силен и бодр, что болезни и старческая немощь не берут его, Мастера, хотя ему давно уже перевалило за сотню, что целительная сила священного Колодца, в который ему было позволено было заглянуть несколько десятков лет назад, за особые заслуги перед Конклавом жрецов, — что она все еще не иссякла, поддерживая прежнее здоровье и бодрость... Устало плетясь по гладким плитам улицы, он отметил, что приблизительно каждый десятый столб не горит.

Странно. Хэльды Тепло и Свеча — простейшие, они никогда не отказывают, только если полностью распадутся от старости, но и это происходит не часто. Или это отголоски тех непонятных явлений, что в последнее время тревожат высших жрецов Колодца, и о которых они не желают объявить вслух, признав, что в их мире не все благополучно?

Не раз он бывал в Солнечном доме. Огромный императорский дворец уже не производил на него того впечатления, что в юности, когда он стоял перед гигантским сооружением, затаив дыхание и вытирая слезы восторга. У него были здесь свои покои, две

крохотные, но удобные комнатухи, дарованные императором Поднебесной империи за заслуги перед двором. Туда его и проводили сейчас почтительные и вездесущие слуги. Император и старший жрец Конклава ждали его во внутреннем дворике под названием Птичий сад; услышав это, он про себя вздохнул с облегчением — это означало, что беседа предстоит неофициальная.

В Птичьем саду было до странности тихо — раньше здесь никогда не умолкал радостный птичий гомон. Он не сразу заметил императора, развалившегося на горе подушек в самом дальнем конце сада, под раскидистым суавом, чьи длинные темно-синие листья вперемешку с белоснежными цветочными бутонами свисали до самой земли, создавая вокруг его ложа что-то вроде естественного шатра. Гладкий череп со сложной татуировкой, покрывавшей почти всю макушку и затылок, высокий лоб с тремя вертикальными кожными складками-мозолями, знаком высшей касты, императорской династии Арач (у самого Мастера было две, чем он очень гордился — его род происходил от южной ветви династии Раго), раскосые зеленые глаза, сходящиеся почти на переносице, непривычно высокой для теллов, у которых чаще всего вообще не было носовых хрящей, лишь небольшое кожное утолщение, прикрывающее одно дыхательное отверстие, классическая форма губ — правильный овал без единой складочки, сиренево-бардового цвета глаза и мягкий, округлый подбородок придавали ему какое-то женственное очарование. Впрочем, Мастер давно знал о его склонности к мужской любви. Неудивительно, что у династии Арач до сих пор нет наследника...

Старший жрец, которого Мастер, кстати, сильно недолюбливал, появился откуда-то из-под многочисленных декоративных арок, ажурных и легких, создающих впечатление каменного кружева. Он был откровенно уродлив, плебейское происхождение оставалось его слабым местом, несмотря на то, что ум и хитрость позволили ему покорить самую высокую вершину власти. Даже император не имел такой власти в Поднебесной империи, как старший жрец Конклава Кэлленара Солнечного. Носовая складка у него одрябла и отвисла, длинные мочки ушей, оттянутые еще ниже из-за тяжелых драгоценных серег, положенных ему по рангу, доставали чуть ли не до плеч, худая высокая фигура с тонкими нервными руками, синеватыми ногтями, сильной, необычной для теллов сутульностью, источала уныние и усталость, но уж никак не власть.

После положенных церемоний они уселись под суавом, потягивая сахди из высоких хрустальных чаш — холодное, с мелкими кусочками кислых яров, особые сорта которых, специально для сахди, выращивались только здесь, на склонах Медного хребта, и жрец, поглядывая на императора, чья расслабленная физиономия никак не говорила о серьезности предстоящей беседы, наконец начал, предварительно отослав слуг и самостоятельно разлив по чашам оставшееся сахди. Беспечный тон его поначалу обманул расслабившегося Мастера, но тот сразу же напрягся, как только жрец перешел к истинной причине столь срочного и неожиданного вызова в столицу.

— Ты ведь наверняка уже слышал о том, что происходит с хэльдами, — после длинного витиеватого вступления произнес жрец. — Странные, необъяснимые изменения, отказ работать без какой-либо видимой причины. Слуги Конклава собрали данные по всей верхней части Империи: каждый восьмой хэльд либо неадекватно реагирует на простейшее воздействие, либо отказывается, либо, что самое удивительное, распадается на первоначальные элементы. Мастера Кэлленара Солнечного не смогли определить причину, так же, как и не смогли они исправить искаженные хэльды. Мы обратились за помощью и

советом к жрецам Кэлленара Темного, но ответ жрецов Колодца был очень краток и резок. Отрицая существование каких-либо тревожных изменений в Тонхайре, они так же отказались помогать нам, сославшись на некоторые трудности, не связанные с хэльдами. Его императорское величество и я решили рискнуть и использовать знакомство с тобой, Мастер, чтобы получить ответы на некоторые вопросы, а возможно и помощь. Нас очень беспокоит создавшееся положение, и, боюсь, лояльность разным ветвям учения не должна теперь определять наши позиции. Я очень прошу тебя помочь.

Мастер сдержано кивнул.

— Должен сразу поставить в известность его императорское величество и тебя, жрец. Те изменения, которые ты только что описал, имеют место и в подземном Тонхайре.

— Пробовал ли ты понять, что произошло с распавшимися хэльдами? — спросил император.

— Да. Поначалу мне показалось, что причина в старости, но потом я обнаружил, что хэльд рассыпался на составляющие элементы. На первоначальные элементы — будто бы державшие их вместе связи распались, исчезла сама сила, поддерживающая их единство, ослабли заклинания, составлявшие костяк хэльда.

— Ты уверен? — быстро спросил жрец. — Никто из моих мастеров не говорил ничего подобного.

— Об уверенности здесь речь не идет, — усмехнулся Мастер. — Таково мое личное впечатление.

Император медленно кивнул.

— А если попытаться восстановить заклинание?

Мастер покачал головой.

— Я пробовал — безрезультатно. Видимо, отказ работать — всего лишь промежуточная стадия процесса разрушения. Начало ослабления связей внутри самих творящих шайол.

— В чем, по-твоему, причина? — продолжил жрец

— Не знаю. Не могу даже предположить. Первая мысль была, конечно же, об ошибках мастера, творившего хэльд, но я нашел в каталогах авторский знак — т о т мастер не мог допустить ошибок, тысячи его хэльдов до сих пор исправно работают вот уже два столетия. Потом, когда стали отказывать другие хэльды, я убедился, что от мастеров ничего не зависит.

— До меня доходили слухи, что у жрецов Кэлленара Темного возникли проблемы несколько иного характера, — заговорил император после непродолжительной паузы, пока Мастер и жрец пили сажди из своих чаш. — Что-то случилось с самим Колодцем. Четвертому жрецу Конклава, у которого в последнее время совсем сдало сердце, было отказано в посещении Колодца. Жрецы сказали, что в это время года посещение Колодца может ухудшить его состояние... Конклав проверил это заявление по архивным документам — ни о чем подобном нигде не упоминается. А потом один из младших служителей, вернувшихся из обители Колодца, сказал, что Колодец стал мутным... А малый колодец-круг обители превратился в обыкновенный серый камень. И тамошние жрецы опасаются теперь использовать его, не понимая, что случилось. Это правда?

Мастер долго молчал. Не хотелось подводить сына, который рассказал ему об этом несчастье под строжайшим секретом, и не хватало смелости обманывать императора. Он вздохнул и ответил:

— Да, это так. И, к несчастью, это случилось не только с колодцем Обители Кэлленара

Темного. Очень многие малые колодцы в других местах тоже помутнели и обратились в серые камни.

Жрец уныло закивал головой.

— Здесь, наверху, происходит нечто подобное. Значит, изменения едины как в Поднебесной империи, так и в подземном Тонхайре. Значит, это наша общая беда.

— Я много думал над тем, что произошло с хэльдами... — заговорил мастер, не глядя на своих собеседников. — Хэльды питаются энергией, которую накапливают колодцы, сеть хэльдов зависит от сети колодцев, и если хотя бы один круг по какой-то причине выпадает из сети, это может отразиться на работе хэльдов.

— Может, — кивнул жрец. — Тогда первопричиной всех бед являются колодцы, а не хэльды. Что, по-твоему, могло повлиять на них?

Мастер пожал плечами.

— Должно нарушиться само мировое равновесие, чтобы Огонь жизни перестал поступать в колодцы, — сказал он устало. — Или еще хуже.

— Что именно? — заволновался император. Волнение портило его — его нежное женственное лицо искажалось, становясь брюзгливым.

— Творцы Круговорота разгневались на нас.

— Ты до сих пор веришь в существование Творцов? — хмыкнул жрец.

— Да, — просто ответил мастер. — Кто-то же создал наш мир, нас самих и Кэлленар.

— Мы здесь считаем, что Творцы — это всего лишь стихии, четыре стихии природы, благодаря которым когда-то давно зародилась и развивалась жизнь, — наставительно произнес жрец. — Что есть гнев стихий по сравнению с властью Свода Книг? Кэн-ли поднялось на такую высоту, что его жрецы способны остудить гнев любой из стихий. Знать бы причину.

— Я верю в Творцов, — сказал Мастер без выражения. — И очень боюсь их гнева.

(Сезон Холода, Ард Эллар. Очаг Солнца)

Яркая, болезненная вспышка света, мерцающий водоворот и затем темнота...

Потолок — огненная яшма. Белый мрамор стен отражает мягкое сияние создающих свет хэльдов. Круглая комната, посреди которой журчит небольшой фонтанчик с водой. Мягкие кушетки, покрытые мехами и подушками, чтобы никакие физические неудобства не мешали сосредоточению. Тишина...

Тэйн пошевелился. Тело онемело до нечувствительности, голова гудела и кружилась. Впрочем, ничего удивительного — то же самое он когда-то испытал, читая первые две книги Свода Кэлленара. Эта, третья — Арта Сач Сал, книга Памяти, погружала в себя словно и ирреальное сновидение, и высасывала силы, словно вампир.

Он поднялся на подозрительно ослабшие ноги, держа в руках Книгу Сач Сал. Внешний ее вид напоминал обычный толстый фолиант, переплетенный в кожу и украшенный резными костяными накладками. На обложку были нанесены знаки на незнакомом языке, чем-то похожем на урд. На ощупь они были теплые и шероховатые, в пальцах возникало покалывание, когда он водил по ним рукой. Если открыть ее, то сразу провалишься в мир образов, зачастую странных и никак не связанных с реальностью, и очнешься только тогда, когда она сама отпустит тебя. И радостно, и странно, что сегодня книга Сач Сал показала ему связанную историю, кусок жизни старого мастера-телла и кусок той загадочной эпохи, когда на Телларе существовала совсем иная цивилизация — та самая, что создала Кэлленар.

Он положил Книгу Сач Сал на место — на каменную полку у стены. Рядом слева лежала Арта Аш Ар, первая книга Свода, книга Искусства, которую он читал еще на Острове. Справа находилась Арта Син Рен, книга Круговорота. Из любопытства он пытался открыть и ее, но Книга на его прикосновения не реагировала. Значит, не пришло еще его время...

Чудо, что здесь, в Очаге Солнца, сохранилось целых три книги Свода. Тэйн вспомнил свой собственный опыт контакта со священными иницирующими книгами Кэлленара. К первой — Арта Аш Ар, книге Искусства, иницирующей ученика, на Острове допускали после двух лет обучения. Книга открывалась не всем. Одолевшие ее становились илларами и могли продолжить обучение, попытаться продвинуться в искусстве дальше. Те, для кого книга оставалась закрытой, получали клеймо илона и возвращались на Теллар служить в храмах, учить детей и работать с теми хэльдами и ка-эль, что не требовали инициации Книгой.

Вторая книга Свода, Арта Кон Ла, давала знания о самостоятельном плетении конструкций-заклинаний. Ее читали еще через два года, каждый из учеников — в свой индивидуальный срок, под контролем наставника, поэтапно осваивая открытые Книгой знания и учась применять их на практике. Именно она отсутствовала тут, в Очаге Солнца, и именно из-за ее отсутствия иллары Ард Эллара не могли подняться до уровня тех, кто получил образование на Острове. Но они все равно пытались, тщательно собирая знания и составляя свою собственную книгу заклинаний — написанную не древними теллами, а людьми.

Тэйн вернулся на кушетку, чувствуя желание вздремнуть. Хорошо, что сегодняшние откровения Книги уже не были для него столь неожиданными — Ригойн с Орисом чуть приоткрыли для него дверь в прошлое, рассказав и даже немного показав Тонхайр. Да,

теллы, населявшие этот мир ранее, жили совершенно по-другому... Они не выращивали скот и зерно, не охотились ради мяса или шкур, не собирали плоды, за исключением листьев и ягод арала, не рубили деревьев ни для строительства, ни для отопления жилищ. Все необходимое давали им хэльд. Великое множество хэльдов, которыми умел пользоваться каждый ребенок. Управлять хэльдами учились раньше, чем читать и писать. Книги Кэлленара были в каждом доме, не весь свод — тогда Книг было десять — а только самые необходимые. Их часто использовали, совершенствуя умения, ища подсказки, обращаясь за советом в затруднительных ситуациях.

Империя, возникшая много тысяч лет назад, простиралась от океана до океана на весь единый тогда континент — на весь Теллар. Солнце в те времена светило одно-единственное, а Небесного острова не существовало и в помине. Подземный Тонхайр, управляемый наместником, был самой большой провинцией империи. Ни девяти богов, ни их святилищ тогда еще не появилось, а были только два средоточия знания, где хранились рукописи, совершенствовались пути Кэлленара, велись научные изыскания — Обитель Колодца в Тонхайре, в его столице Майн, и обитель Кэлленара Солнечного в Сагире, столице империи. Теллы, основавшие Поднебесную империю и подземный Тонхайр, не были людьми — их физическое строение отличалось от человеческого. Больше всего они напоминали Ройгу тех странных существ, что маршировали по подземному городу Джар Дахар: теллы из откровений книги гораздо больше походили на подземных обитателей, чем современное население Наземного мира.

Тот факт, что цивилизация Наземного мира существует более 10 000 лет, был ему уже известен и не вызывал удивления. Сборные записи об истинной истории Теллара дал ему Ригойн, посоветовав ознакомиться с ними до чтения Арта Сач Сал. Источник знаний был несколько своеобразным: он состоял из воспоминаний тех, кто обращался к книге Арта Сач Сал. Каждому Книга показывала что-то свое. Персонажи прошлого, в судьбах которых отражалась история мира, были разными, и обитатели Очага Солнца терпеливо сводили эти крупницы знаний в единое целое. Последним, кто читал Книгу, был сам Ригойн. Пс составленной им хронологии сейчас шла одиннадцатая эпоха Наземного мира. Объяснять систему отсчета он пока отказался, объяснив Ройгу, что тот поймет ее сам, дойдя до конца Книги.

Почувствовав себя лучше, Тэйн поднялся и вышел из зала, где хранились книги, через дверь-хэльд. Раньше дверь-хэльды встречались только на Острове, в Наземном мире он не видел ни одной. Со стороны такой проход выглядел как обыкновенная дверь, за которой находилось маленькое полупустое помещение, но при произнесении коротенького заклинания дверь переносила тебя в другое место. Дверь-хэльды остались в Очаге со времен теллов. Вернее, сам Очаг Солнца был когда-то частью Тонхайра. Большая часть обжитых покоев Очага размещалась в пещерах, неотличимо похожих на илломайнский лабиринт, только без его ловушек, а на месте темных провалов между пещерами размещались обычные двери или дверь-хэльды.

Дверь-хэльд перенесла его в круглое помещение с низким сводчатым потолком, вдоль стен которого стояло несколько диванов. На вид они казались мягкими, но на самом деле были жесткими и неудобными — не расслабишься, не посидишь. Завидев его, Линара сразу же с очаровательной улыбкой поднялась навстречу.

— У тебя получилось?

Ройг улыбнулся в ответ.

— А ты сомневалась?

Высокая, лишь ненамного ниже самого Тэйна, светловолосая, с золотисто-карими глазами, правильным, немного удлинённым овалом лица, изящным носиком, большим нежным ртом, высоким бюстом и широкими бедрами, она мало напоминала обитательниц здешних харранов, темноволосых и смуглокожих. Он познакомился с ней здесь, в Очаге Солнца, в первый же день. Тогда же и узнал, что она не местная, а с юго-восточной провинции Ард Эллара, и что первую книгу Кэлленара она уже освоила.

— Ригойн велел привести тебя к ним, как только ты закончишь.

— Тогда пойдем, — улыбнулся он. — Чем скорее доложимся, тем лучше, а то я что-то голоден, как арг зимой.

— Бедняга, — Линара сочувственно погладила его по руке. — Что ты чувствуешь после книги? Устал?

— Да, — кивнул он, немного отстав, когда она легко и грациозно взбежала по ступенькам.

— Ты запишешь для нас то, что видел?

— Я же пообещал.

Он действительно обещал старейшинам Очага Солнца записать все, что увидит — это было одним из условий его допуска к книгам. Кроме того, они попросили его внести свой вклад в восстановление отсутствующей Арта Кон Ла, книги Заклинаний. Ройг воспринял предложение с энтузиазмом. Ему самому хотелось отплатить ард элларцам за гостеприимство и за возможность прикоснуться к тому, к чему его никогда бы не подпустили островитяне.

Они шли по таким знакомым по илломайнскому лабиринту галереям, стены и потолок которых были отшлифованы до зеркального блеска и украшены столь любимым теллами опалом, яшмой и нефритом. В некоторых местах их встречал каменный лес, ветви которого сплетались над головой подобно куполу. Рядом с нефритовыми фонтанчиками, статуями известных и неизвестных животных, каменными ложами и хрустальными цветами соседствовали предметы современной цивилизации — диваны и кресла с мягкой обивкой, высокие столы, тяжелые дорогие ткани со сложным рисунком драпировали стены и сплошные проходы между залами. В стенах верхних залов имелись окна, из которых открывался захватывающий вид на долину Тойрента и крошечные кихты, прилепившиеся прямо на камнях.

Очаг Солнца располагался на склоне и внутри Медного хребта, а у его подножия в долине Тойрента лежали крохотные каменные деревеньки-харраны. Весь Ард Эллар состоял из подобных долин и делился на четыре провинции, управляемые князьями. Гористая Северная провинция, где прятался Очаг Солнца, была мало населена из-за сурового высокогорного климата, но там, на юго-западе и юго-востоке континента, лежали богатые плодородные земли, населенные гораздо гуще, чем север. Там же лежала столица страны, Лаэрия, с ее верховным владыкой.

— Ты только не сердись на Ориса, если он опять начнет у тебя выпытывать, что да как, — Линара остановилась перед дверью в рабочий кабинет главы Очага. — Он всегда такой. Въедливый...

Тэйн кивнул, скользнув взглядом по ее стройной, женственной фигуре. Платье, пожалуй, грубовато и слишком унылое, но здесь тебе не Эргалон с его теплым сухим климатом, в шелках и лентах не ходишь. А жаль, он с удовольствием бы полюбовался ею

на каком-нибудь арресе, среди танцовщиц...

Она вошла первая и потянула Тэйна за собой.

Орис, глава Очага, Ригойн, его помощник, и Лигур, ученик Ригойна, сидели за длинным каменным столом над множеством тонких желтоватых трубочек-свитков: так в Ард Элларе составляли и отправляли письма. При его появлении Ригойн встал, а Орис с Лигуром отодвинули бумаги и все трое уставились на него с нетерпеливым ожиданием.

— Успешно? — доброжелательно поинтересовался Орис, высокий, худой и седой старик, до удивления похожий на типичного агвалларца.

— Да, — подтвердил Ройг, коротко поклонившись. — Благодарю вас за оказанное мне доверие.

— Что ты увидел? — с волнением спросил Ригойн, лысый, грузный и ворчливый мужчина лет сорока пяти. Он дольше всех не мог преодолеть свои подозрения, когда Ройг появился в Очаге Солнца, но когда поверил — из скептика превратился в заботливого наставника. Тэйна долго и тщательно расспрашивали, кто он такой и как нашел дорогу, настороженно отнеслись к его истории — удобной полуправде, придуманной в дороге к Очагу Солнца: о визите островитян в Эргалон, угрозах и упоминаниях о книге Сач Сал, в которой есть объяснения происходящим событиям, о путешествии в Каррею вместе со средним сыном риана, которое спасло Джерхейну жизнь, о своем глупом провале и пути через Каньон. Истинную цель визита Тэйн решил до поры до времени утаить, а имя Джерхейна Холгойна надежно прикрыло его от лишних вопросов. Оно и так понятно — политика...

— Империя теллов в расцвете ее могущества, — ответил Тэйн. — И симптомы болезни в самом ее начале.

— А подробнее? — глаза Ориса хищно прищурились, отчего Ройгу стало не по себе. Он пересказал видения, ничего не утаивая и удивляясь странным выражениям лиц. Когда он закончил, Ригойн несколько раз кивнул головой.

— В целом, все то же, что видели и мы когда-то, — подтвердил он. — Кроме мастера хэльдов. Обычно те, кто читают Арта Сач Сал, видят события глазами рядовых теллов.

— Что ж, это тем более интересно, — оживился Орис. — Очень прошу тебя записать свои воспоминания в нашей общей летописи.

Тэйн вежливо кивнул. Он сдержит обещание. За то недолгое время, что он провел в Очаге Солнца, ему позволили не только пользоваться всем наследием, сохранившимся с прежних времен, но и научили тому, чему никогда бы не научили на Острове — чувствовать Огонь жизни не только в себе самом, но и во всех предметах и явлениях окружающего мира. Ему открылся бесконечный источник силы... Огонь был везде — в земле и в воде, в воздухе и солнце, в живых существах и даже в тяжеловесных, неподвижных камнях. Стоило только почувствовать его отклик и втянуть, вдохнуть в себя, и Круги Власти, пополнявшие силы илларов второй ступени, становились без надобности. Раз постигнув эту простую истину, он понял, как стремительно и неотвратно меняется его восприятие мира. Теперь процесс шел сам собой: зрение, слух, обоняние, осязание, тактильные ощущения, предчувствия многократно обострились, старые навыки кэн-ли требовали гораздо меньше затрат Огня жизни, урд-знаки складывались в цельные, хлесткие конструкции словно сами собой, с поразительно быстротой и легкостью.

На Агвалларе этому не учили. В Очаге Солнца это знал каждый иллар, даже начинающий. Знал и умел лучше Ройга. Из-за отсутствия второй иницирующей книги

Свода им не хватало мастерства, они не умели создавать и использовать сложные урд-конструкции, да и назначение одиночных урд-знаков не всегда трактовали верно, но уровень личного Огня жизни они умели восполнять в совершенстве.

— Когда ты будешь готов продолжить? — поинтересовался Орис.

Тэйн прислушался к ощущениям.

— Завтра, наверно. Или послезавтра.

— Ты бы не торопился, — проворчал Ригойн. — Книга, как кровососущий дьявол, забирает у тебя Огонь жизни в обмен на знания. Лучше отдохни пару дней.

— Я буду осторожен, — пообещал Ройг, и, поклонившись на риалларский манер, попрощался и вышел.

По дороге в трапезную он уже без удивления отвечал на сдержанно-дружелюбные приветствия обитателей Очага. Он знал, что история его злоключений в Каррее уже обросла невероятными подробностями и гуляет среди учеников, как страшилка. Этому немало способствовал Рек, увязавшийся за ним следом и взявший на себя роль то ли слуги, то ли шута. Впрочем, Ройг был ему за это благодарен: его гибкий язык и безудержная фантазия изрядно добавили достоверности его истории, а выданное Реком стгоряча "ей-ей не вру, да хоть поставьте меня перед хэльдом Истина" возможно стало последней каплей, растопившей недоверие старейшин Очага. Поначалу Ройг опасался, что они узнают больше, чем ему хотелось бы, использовав именно этот хэльд, но позже с удивлением узнал, что им доступны только самые простейшие действия; выведать подробности без его присутствия перед хэльдом старейшины Очага не могли.

В трапезной он обнаружил Река, сгорбившегося над миской овощной похлебки. Ройг поморщился — для него, привыкшего к острым и пряным блюдам Риаллара, кухня Очага Солнца казалась отвратительной — ни тебе пряного, сочного мяса, ни ароматных сыров и зелени, ни арали, только похлебки да каши. Рек мучился меньше, все же майрская кухня не сильно отличалась от местной, но и ему быстро надоела однообразная стряпня.

— Здесь же нет ни одного нормального человека, — буркнул он, когда Тэйн подсел к нему с такой же миской. — Слуги и те колдуны-недоучки. Поговорить не с кем. И не о чем.

— А о чем ты собирался с ними беседовать? — ухмыльнулся Тэйн, предвосхищая ответ.

— Ну, о развлечениях там, или о бабах. Так нет же... Все заумь колдовская. Тоска... хоть по стенкам ползай, — Рек раздраженно отодвинул от себя миску и стащил со стола полкаравая хлеба. К счастью, хлеб здесь пекли отличный, пышный и ароматный.

— Я тебя с собой не тащил, — хмыкнул Тэйн. — Остался бы в том харране. Тебе же там даже невесту нашли. Что же ты сбежал?

— Может, я мир хочу посмотреть, — проворчал Рек. — Раз уж пришлось шататься по свету... А ты тут со своими колдунами да книгами сам книгой станешь. Плесенью обрастешь. Пылью покроешься! — он хихикнул. — Кстати, я тебе должен, — добавил уже серьезнее.

Тэйн поднял на него вопросительный взгляд

— Жизнь должен, — раздраженно пояснил Рек. — Вернуть хочу... должок.

— И чем ты тут собираешься его возвращать? — съехидничал Ройг. — Остротами?

— Найду чем, — буркнул тот. — Колдуны твои мне не нравятся. Со стороны благостные, вежливые, а в спину зырят, словно сожрать хотят.

— Пусть смотрят, — расслабился Тэйн. — Мы тоже... не все карты на стол выложили.

Утолив голод, он отправился к выходу из Очага, на высокую открытую площадку перед центральными воротами, откуда можно было любоваться лежащей под ним долиной. Надо было восстановить Огонь жизни, а каменная толща Тонхайра не пропускала извне ничего живого. Хотя и из камня можно, оказывается, черпать силы... В процессе экспериментов камень оказался для него чуть ли не лучшим источником естественной силы, взять его энергию поначалу было трудно, мешала инертность материала, но, преодолев ее, Ройг получал заряд мощи, не сравнимый ни с чем иным. Но стены Тонхайра, древние, пережившие множество эпох и еще больше — разумных существ, были пропитаны усталостью и временем, и не слишком годились в качестве источника Огня Жизни.

Он торопливо шел по лабиринтам галерей, изредка сворачивая не туда, чертыхаясь и возвращаясь обратно, он все еще плохо помнил дорогу. На самом краю Очага галерея выходила наружу и серпантинном спускалась к широкому скальному карнизу, нависавшему над долиной. Под ним, на склоне горы, острыми зубами торчали серые, кое-где поросшие рыжим мхом скалы, легкий мороз присыпал их тонким слоем инея. Кое-где виднелись низкорослые, цепляющиеся за уступы пальцами-корнями дерева, голые в это время года, и только редкие заросли хвар оживляли однообразный пейзаж. Узкая горная речка — приток Тойрента — терялась где-то за кихтами, разбросанными ниже по склону. К ним вела пологая, мощеная плитами дорога, петлявшая между валунами, по которой при желании можно было проехать на аррите и протащить повозку.

Спускаться дальше Тэйн не стал. Отойдя в сторону от центральных врат, чем-то похожих на Нефритовую арку в Илломайне, он нашел небольшую нишу в скале, опустил на сухой и теплый камень у стены и закрыл глаза.

Здесь, в тишине и безветрии, все стихии ощущались остро и живо. Он впитывал их по очереди, наслаждаясь каждой в отдельности, вливая в себя их силу и благодаря за нее Потоки. Ветер — свежесть и энергия, порыв, вечное движение и ничем не ограниченная свобода. Камень — мощь, надежность, незыблемость. Солнце, тусклое в это время года, скрытое где-то за облаками, — тепло, свет, жизнь. Вода... вода была далеко, приток Тойрента глухо шумел внизу, в ущелье, но Ройг ощущал отголоски его живительной силы. Он сидел расслаблено и неподвижно, чувствуя, как тело становится свежим и звонким, как в душе постепенно устанавливается удивительная гармония и равновесие. В какой-то момент он понял, что полон, и резко открыл глаза.

И вздрогнул, обнаружив, что не один. Чуть в стороне от него, так же опираясь спиной на камень и закрыв глаза, сидела Линара.

Ройг был удивлен, что в патриархальном Ард Элларе женщинам разрешается обучаться кэн-ли. В менее консервативном Риалларе женщин-илларов не было, хотя островитяне никогда не запрещали женщинам учиться. Считалось, что искусство иллара требует выносливости и полной самоотдачи, а женщине предназначена в обществе иная роль. Здесь, проезжая долину Тойрента, Тэйн несколько раз сталкивался с илларами — женщинами, не менее умелыми, чем мужчины, а уж внимательность, заботливость и ответственность и вовсе оказались их второй натурой.

Он полюбовался ее нежным лицом, терпеливо ожидая, пока она очнется. Интересно, сколько ей лет? Исходя из того, что она рассказала о себе, они могли быть ровесниками, однако Линара пришла в Очаг Солнца много позже, чем он сам попал на Остров.

Наставником у нее был Ригойн. Она считалась способной, подающей надежды ученицей, уверенно и грамотно работала с базовыми хэльдами. В первый же день Орис

приставил ее к Ройгу, велел помочь гостю освоиться на новом месте. Она показывала Тэйну Очаг, терпеливо отвечала на вопросы, терпела дурацкие реплики Река, помогая им обоим освоиться в незнакомом месте. Наверняка за гостеприимством скрывалась слезка за чужаком, но Ройг, принимая настороженность ард элларцев как должное, не возражал против столь приятной компании. Линара ему нравилась. Очень нравилась...

Почувствовав его взгляд, она открыв глаза и улыбнулась смущенной улыбкой, и он пружинисто поднялся на ноги и протянул ей руку, помогая встать.

— Захотелось прогуляться наружу, — пояснил он. — Восстановить силы. Внутри Очага выходит не очень.

Она согласно кивнула головой.

— Да, снаружи легче. Но почему не Круг власти?

— Хочу научиться обходиться без них.

Она снова кивнула, поправив выбившиеся из-под платка волосы — традиции не позволяли женщинам Ард Эллара появляться на улице или в общественных местах простоволосыми.

— Хочешь еще посидеть? Или пойдем? Сейчас быстро темнеет...

— Давай спустимся вниз, — предложил он. — Немного.

Линара шла чуть впереди, время от времени оглядываясь на отстающего Тэйна, который через каждые несколько шагов замирал, любуясь огненными переливами закатного неба и впитывая исходящие от него слабые потоки энергии. Когда они дошли до первого кихта, он предложил повернуть обратно.

— Долго тебе еще учиться? — спросил он, любуясь ее упругой, легкой походкой.

— Около года. Может, чуть дольше.

— И куда дальше? Домой?

Линара вздохнула.

— Куда угодно, только не туда. Мой род древний, но давно обедневший. Там, дома, тоска... две сестры и маленький брат. В городе только два святилища девяти богов, меня вряд ли возьмут. Это значит — сидеть на шее у отца с матерью... или брак по сговору. Ни то, ни другое меня не прельщает.

— Есть же другие города, — предложил Тэйн. — Тебя примет любой храм, если достигнешь успехов.

— Не совсем так, — возразила она. — Чтобы тебя взяли в храм столицы провинции или Лаэрии, нужны рекомендации главы Очага. Даже если они у меня будут... На женщин в столицах смотрят определенным образом. Сам знаешь, как, — она печально усмехнулась. — Кстати сказать, в храм Тармил я ни за что не пойду, характер не тот. Я хочу овладеть сложными урд-конструкциями, — Линара вздохнула, — значит, еще год, если получится, но без Арта Кон Ла, Книги Заклинаний, второй иницирующей книги, это очень сложно и долго. Фактически, это метод проб и ошибок, в особенности с урд-знаками. Их ведь надо уметь правильно воспроизводить, чужие шпаргалки тут плохо помогают.

— Я мог бы помочь тебе, пока я здесь, — предложил Тэйн.

Она остановилась и уперлась в него полным восторгом взглядом.

— Это было бы здорово, — призналась она смущенно. — Хоть немного. Хотя бы азы. Сколько ты тут еще пробудешь? И куда потом?

— Дочитаю Книгу и вернусь домой, наверно, — ответил Тэйн. — Если ничего не случится. Или, если все-таки решусь, то попутешествую по Ард Эллару. Хочется посмотреть

вашу страну. О ней так мало известно на Западе, — он, оглядевшись, обнаружил впереди скудные заросли низкорослых хвар, и свернул с дороги. — У нас нет ваших послов, нет представительства, нет торговли. Почему?

Линара пожалала плечами.

— Может быть, потому, что Ард Эллар — очень большая страна... Каждая провинция — сама по себе, государство в государстве. У нас ведь что не год, то война. Князья все никак не договорятся, где проходит граница их территорий, а Верховный Владыка только подогревает эти распри. Пока они грызутся между собой, ему легче их контролировать. Только Север не воюет. Это из-за Очага Солнца — Орис пригрозил, что найдет гром, ураганы и бедствия на тех князьях, что осмелятся напасть на Север. И продемонстрировал, кстати, — улыбнулась она.

— Небесным огнем кидался? — рассмеялся Тэйн, вспомнив своего защитника под домом Ивора.

— В том числе, — кивнула она.

Неторопливо, вдыхая стремительно холодеющий воздух, они брели обратно. Сгущались сумерки. Дневное солнце уже почти скрылось за горной грядой, охранявшей долину Очага Солнца от яростных зимних ветров. Небесный Остров Агваллар висел на небе куцым ошметком, порванным по краям, и почти не светился, а его сочный сиреневый цвет теперь напоминал лужицу пролитых чернил.

— Потеплеет, — сказала Линара уверенно. — Завтра будет дождь.

— Почему ты так уверена?

— Мы судим по Острову. Здесь, в горах, множество примет.

— А хэльд Погода на что?

— В горных харранах некогда каждый раз бегать к иллари, чтобы узнать погоду, — рассмеялась она. — Расстояния большие, да и вообще... Не полагаться же все время на милость куска камня и расторопность недоучки с клеймом... или без него.

Да, с этим точно не поспоришь, подумал Тэйн.

Когда они оказались у ворот в Очаг, он неожиданно остановился.

— Линара, — начал он с сомнением. — У меня есть просьба... Необычная.

— Да? — она обернулась к нему с внимательно-заботливым выражением.

— Раньше у меня был меч, — Тэйн вздохнул, понимая, что для иллара просьба прозвучит более чем дико. — Он очень выручал меня в Каррее. Да и не только там... Можно ли раздобыть мне оружие? Любое...

Она с осуждением поджала губы.

— Считается, что иллар не должен брать в руки оружие.

— Считается, что иллар неприкосновенен. Убить его — страшное преступление, убийца попадет прямиком в озеро кипящей грязи до конца дней своих и не возродится никогда, — с упреком ответил Тэйн.

Она вздохнула, кусая губы, то ли осуждая его, то ли задумавшись над проблемой поиска оружия.

— У нас есть арсенал, — тихо сказала она после длительной паузы. — За ним никто не смотрит. Клинки лежат как попало... У нас, в Ард Элларе, иллариам нечего бояться.

Тэйн горько усмехнулся.

— Пока — нечего.

Она вела его по каким-то пыльным, неосвещенным лестницам, крутым и неудобным,

вглубь и вниз пещер Очага. Как она ориентировалась в этом лабиринте, освещенном тусклыми хэльдами или чадящими факелами, Ройгу оставалось только догадываться. Под конец они оказались в идеально круглом зале со сводчатым потолком, пол которого был испещрен концентрическими кругами надписей на урде, с вкраплениями неизвестных знаков, чем-то напомнивших ему надписи на книгах Свода. Знаки, становившиеся от его пристального внимания живыми и объемными, пылали ярче светильников на стенах.

Опасливо ступая в промежутки между строками, Линара поманила за собой Ройга, указывая ему на две противоположные друг другу ниши.

— Оружейная справа, но я хочу, чтобы ты заглянул в тот зал, который слева.

Видя, что она опасается входить туда первой, он повесил на кончики пальцев связку урд-знаков и решительно шагнул влево.

Там, в просторном чертоге со сводчатым потолком, огненно-красным вихрем вертелась огромная воронка, похожая на ураган в миниатюре. Линара скользнула за ним, но не дальше, чем на пару шагов, и взволнованно ойкнула, когда Тэйн подошел к воронке на расстояние вытянутой руки.

— Настоящий... — он на несколько мгновений сунул руку в вихрь, вытащил, встряхнул ей и повернулся к девушке.

— Что это? — спросила она взволнованно.

— Разве наставники не знают?

— Я не спрашивала, — призналась Линара. — У нас не приветствуется подобное любопытство.

— Самый обыкновенный Небесный Столб, — улыбнулся Тэйн. — Действующий.

— А куда он ведет? — полюбопытствовала она.

— Все Небесные Столбы Наземного мира ведут на Остров Колдунов.

Линара охнула.

— Значит, они в любой момент могут прийти сюда? — спросила она с ужасом.

— Наверно. Но раз до сих пор не пришли, он или заброшен, или находится в таком месте, в которое теперь невозможно добраться. Под разрушенным храмом, например.

— А если этот столб ведет не на Остров? — продолжала Линара.

— А куда еще? На Адовы облака?

Линара вздохнула.

— Наверно, ты прав. И наверно, наставники знают, куда он ведет.

Ройг пожал плечами и направился в оружейную. Там, в центре такого же светящегося круга древних заклятий, лежали неаккуратно сваленные на дощатых стеллажах клинки всех времен и народов — мечи, сабли, ятаганы, кинжалы, боевые топоры и секиры, алебарды и копья. Линара, равнодушная ко всему этому великолепию, присела на краешек каменной скамьи, наблюдая, как Ройг, придя в неопишуемый восторг, сразу же принялся перебирать оружие. Поначалу он торжественно вытащил из нее большой двуручный меч старой майрскойковки, похожий на тот, что видел в коллекции Нар-Геллейна, и, бережно уложив себе на колени, принялся рассматривать искусную отделку рукояти. Потом, насладившись зрелищем, вернул меч обратно, вытащил другой, покороче и полегче. Взмахнув им несколько раз, он сделал пару выпадов, и, не скрывая радости, повернулся к Линаре и заявил:

— Этот, между прочим, большой раритет. Было когда-то давно на территории восточного континента такое государство — Урил — Даман, маленькое государство воинов и аскетов. Их оружие славилось прочностью, легкостью и долговечностью. Ну и

изяществом... — вернув меч обратно, он вытаскил хорошо знакомую, родную риалларскую саблю. — Эту, что ли, взять? Почти как у Джера, только легче...

Он бы еще долго перебирал мечи и сабли, но взгляд непроизвольно остановился на темно-синем, почти черном лезвии с зазубринами на острие, похожими на зубы кауга, с тускло светящейся во мраке костяной рукоятью и витой гардой. Тэйн узнал его сразу же, и пальцы сами потянулись навстречу рукояти, обхватили ее, почувствовав особое тепло и приятно щекочущие ладонь мурашки... Ощущение было родным, радостным, словно он встретил старого, навсегда потерянного друга. Он повернулся к Линаре, молчаливо ожидавшей его в нише на каменной скамейке, показал ей меч и спросил:

— Хочешь посмотреть?

Но она отрицательно покачала головой. Зацепив меч за пояс, Тэйн направился к выходу.

В эту ночь он снова увидел сон, из тех, что так часто посещали его в Ахтане и Майре, и которые пропали после путешествия через Каньон. Он видел Остров, тамошних учителей, Кимра и других жрецов, соучеников и тех, кто успел за долгое время, проведенное на Острове, стать друзьями... Учебные классы и гимнастические залы. Галереи хэльдов и огромные Окна, в которых жрецы воспроизводили все, что требовалось для объяснения того или иного явления. Сияющие пузыри и слоистые пленки, соединяющие разные уровни шаров и полусфер в одно сложное, беспорядочное целое... А проснувшись утром, он ощутил обиду и горечь от того, что его насильно лишили этих воспоминаний, и что только рукоять меча способна снова вернуть ему часть его жизни.

Глава 25

(Сезон Холода, Риаллар, Дарнейт)

Около кондитерской Лейт не удержалась и купила булочку. Вот уже несколько дней она, каждый раз проходя мимо этой маленькой беленой лавочки, останавливалась, привлеченная аппетитным запахом сдобы, и покупала то слойку, то кекс, то булочку. Удержаться не было сил. Здесь, в веселом солнечном Дарнейте, хотелось есть вкусности, слушать уличных певцов и глазеть на разноцветную толпу. И улыбаться, забыв про всю отчаянность положения.

Несмотря на разгар сезона холодов, солнце здесь грело ласково, небо, чистое и яркое, редко хмурилось облаками. Город, окруженный крепостной стеной, стоял на высоком холме, на самой макушке которого находился замок эн-риана, наместника риалларского правителя. Улицы здесь были узкие, заканчивались лестницами, часть из них вилась кругом вокруг холма. Дома, тщательно выбеленные, были украшены разноцветной майоликой. За крепостной стеной находились ремесленные кварталы, разделенные по карнам, и кварталы иноземцев. Дом и лавка Ас-Вардена располагалась там, где селились переехавшие сюда майрцы.

Лейт вздохнула, вспомнив о Жевре. Как ее и предупреждали, появившись в Дарнейте, она столкнулась с вежливым недоверием. Партнер Ас-Вардена, риалларец Нейрад, выслушал ее печальную повесть со сдержанным подозрением. Несмотря на внешнюю вежливость, в глазах его она прочла насмешку: как же, явилась девка, заявляющая, что жена, и что муж погиб в схватке с пиратами, разбойничаящими в Проливе. Что-то не слышно про тех пиратов... зато девок, падких на чужое богатство, во все времена хоть пруд пруди.

Гнать он ее не стал, но и в дом Жевра не пустил, а признавать какие-либо права отказался до выяснения обстоятельств. Во-первых, требовалось доказать, что Жевра нет в

живых. Во-вторых, требовалось подтвердить, что она действительно вышла за него замуж. В-третьих, требовалось засвидетельствовать ее личность.

А пока что он разрешил ей жить в собственном доме до разрешения спорных вопросов, при этом повел себя вызывающе нагло, намекая, что, мол, проживание и стол надо отрабатывать. От его плотоядного взгляда Лейт делалось тошно, и она понимала, что еще день-два — и хилый замочек на двери ее не спасет. Тем более что обитавшие тут же три наложницы Нейрада заверяли ее, что все совершается в соответствии с местными обычаями, и заступаться за нее никто здесь не будет: сама пришла, сама согласилась жить в его доме, никто ее силой к этому не принуждал.

Уже дважды она разговаривала с отцом через Окно. Тот, конечно же, настоял на ее возвращении в Улле, считая, что нечего ей делать там, в чужом городе далекой страны, но Потрясенный случившимся, он потребовал дождаться старшего брата, который собирался забрать ее домой через пригородные Дарнейтские Ворота, ведущие в святилище Келара в нескольких днях пути от Мениды. Такой путь был гораздо безопаснее, хоть и на два дня дольше, чем морское путешествие через Пролив. Несмотря на убежденность Эйнира, что на них напали не хильды, отец в последнее время много слышал о хильдских грабежах вдоль майрского побережья. Кроме того, до Неллима докатилась эпидемия болотницы и илларские погромы.

Отец не мог сам связаться с ней — хэльды в Улле умирали один за другим. В городе не осталось больше действующих Окон, один за другим гасли такие родные и привычные Тепло, Свет, Исцеление. Лейт сама ходила в святилище, благо денег благодаря Эйниру у нее было достаточно, чтобы оплатить скромные услуги илона-служителя. Он заставил ее взять половину имевшейся у него суммы, заявляя, что в ближайшее время получит все, что ему нужно. Но уже и здесь, в веселом солнечном Дарнейте, не знавшем ни лихорадки, ни голода, ни погромов, попадалось немало храмов, где отказывали хэльды. Погасло несколько Окон и Дверей на побережье, доходили слухи, что на юге Риаллара, ближе к Ахтану, да на юго-востоке страны, бедствие это ширится и медленно подступает к Поднебесным горам.

Чтобы проводить в ненавистном ей доме Нейрада как можно меньше времени, днем Лейт старалась больше гулять по улицам, а после захода дневного солнца отправлялась в гости к людям, у которых остановился Эйнир. Он звал и ее разделить их гостеприимство, но Лейт смущенно отказалась, испугавшись, что подумает о ней семья. Тогда он предложил Лейт снять отдельную комнату, и она снова отказалась, надеясь на помощь Нейрада и быстрое разрешение проблемы родства. Теперь же она жалела, что не послушала его совета, но ждать брата оставалось всего три дня — не так уж и много, если не мозолить Нейраду глаза.

Так, в печальных раздумьях, она не заметила, как ноги сами привели ее к замку на вершине холма. Здесь была устроена смотровая площадка, откуда открывался роскошный вид на лежащий чуть севернее порт и на покрытые лесами кней берега Пролива. Дневное солнце садилось, разливая в небе яркий огненно-оранжевый свет. Ощутимо холодало, и Лейт тщательно перевязала платок, надвинув его на лоб. Так здесь почти никто не ходил — здешние женщины шили нарядные шляпки или, на худой конец, носили разноцветные узорчатые шали, накинутые на голову и плечи. Здесь вообще одевались не так, как дома или в Майре, но она не собиралась менять свои привычки. Да и надо ли — на несколько дней? Вот приедет брат, и они вернутся домой...

Полюбовавшись на закат, она отправилась в гости. Приютившая Эйнира семья

относилась к ней с нескрываемым сочувствием и искренним добросердечием, и когда его не бывало дома, она все равно оставалась у них, пить модный в Дарнейте ках, болтать с немолодой хозяйкой обо всем на свете и просто расслабляться в тепле дружелюбного, уютного места.

Эйнира она застала в гостиной, сидящим на подушках, усеявших пол, с кубком в руках. Выглядел он весьма подавленным и не совсем трезвым. Хэльды, освещающие дом, были потушены, вместо них в комнате горели свечи.

— Тебе не темно? — спросила она робко.

— Зато никто не поймет, где я, — буркнул он и, видя недоумение на ее лице, добавил. — в Окно.

— Тебя ищут?

Он вяло пожал плечами.

— Скоро, наверно, начнут.

Лейт вспомнила, при каких обстоятельствах он попал в Улле, и мгновенно испугалась. Она по-прежнему ничего не знает о нем, он до сих пор ни словечком не обмолвился ни о родном городе, ни о семье, ни о роде занятий. Что, если он... бандит и тогда, на дороге, его пытались убить свои же?

— Если ты ничего плохого не сделал, то с тобой ничего и не случится, — сказала она уверенно, желая его подбодрить и одновременно услышать хоть какие-нибудь подробности.

— Святая простота, — хмыкнул он, отхлебывая из кубка. — Твой покойный муж тоже ничего плохого не сделал, всего лишь не на тот корабль сел.

— Это фатальная случайность, — ответила она с горечью

— Это чужой злой умысел, — отрезал он.

Лейт хотела продолжить, но в этот момент дверь отворилась и в комнату вошел невысокий, невзрачно одетый толстячок. Коротко поклонившись Эйниру, он с подозрением покосился на Лейт, но тот лишь покачал головой и жестом велел ему садиться. Толстяк уютно устроился на низкой софе с гнутыми ножками (Лейт никак не могла привыкнуть к низкой мебели и к тому, что в некоторых местах люди и вовсе сидели на подушках, подогнув под себя ноги), взял кувшин, и, не найдя второго кубка, отпил прямо из горлышка.

— Ну, — хмуро спросил его Эйнир. — Это правда?

Толстяк снова покосился на Лейт.

— Да. Она действительно ждет ребенка.

— Блевотина Прародительницы, — прорычал Эйнир. — Выкидьш Ейра... Вернись — кроху мелкий фарш из нее, ее папаши, и всех прихвостней, что загадили мой дом, — он яростно грохнул кулаками по такому же низкому столику, на котором стояло нехитрое угощение, отчего тот крякнул, а кубок подскочил и опрокинулся на пол.

— Ненавижу, — прошептал он, поднимая кубок и снова наливая в него арами из другого кувшина.

— Вы не рады наследнику? — осторожно уточнил толстяк, опять кинув на Лейт пронзительный взгляд глубоко посаженных и прищуренных глаз.

— Я с ней не спал, — снова рявкнул Эйнир. — Эта колдунская отрыжка захлопнула дверь у меня перед носом! Это не мой ребенок!

Выражение лица гостя изменилось лишь на миг, отразив недоумение, но потом снова стало невозмутимым.

— Что говорят в столице? — спросил он уже спокойнее.

— Радуются.

— Дорадуются до того что хильдская дружина их резать начнет.

— Она не правит, — продолжил толстяк. — Только в кресле риана на Совете Карн сидит.

— А кто правит? Кимр?

— И другие островитяне, — кивнул гость. — Опираясь на хильдов, которых они привели с собой. В каждом крупном городе сидит по наместнику из агвалларцев, охраняют их тоже хильды.

— Понять не могу, как северяне умудрились спеться с Островом... Чем жрецы их купили?

— Деньгами, чем же еще, — толстяк усмехнулся краешком рта и снова покосился на Лейт. — В дружине хильдской тридцать два человека. Бойцы хорошие, но не лучше наших. Замок охраняется островными заклинаниями. Оставлено всего два входа — центральный, охраняемый варварами и колдунами, и кухонный двор, с такой же охраной. Остальные двери и ворота заколдованы — с них сыпется то огонь, то тьма, с башен летят молнии, вдоль стен что-то светится, а подойдешь — отбрасывает. Или пугаешься до мокрых штанов.

— Грязь кипящая им в задницу! Колдуны драные...

— Командир хильдов, по словам моих людей, очень приличный человек. Порядочный и вообще... не мерзавец. Кимр многих хотел казнить, когда явился в Эргалон, так он не дал. Сказал, что если островитяне хоть одного горожанина повесят за убеждения, то он заберет своих и уйдет домой. Но в остальном колдунов он слушается, охраняют их вполне надежно. Даллан исчез на следующий день после воцарения Кианейт, — продолжил толстяк. — Но он жив. Островитяне объявили награду за него живого и за сведения, где он находится. В хэльдах он почему-то не отражается.

— Что с остальными?

— Рейна, главу храма Хэллиха, убили, когда он пытался поднять мятеж против островитян. Кирин, глава храма Илбара, жив и здоров, и, кажется, пользуется доверием у Агваллара. На деле он целиком и полностью поддерживает оппозицию, но очень умело играет. Он, кстати, один из самых надежных поставщиков информации, только передает ее сложным путем: пишет шифром и посылает с гонцами.

— Что за оппозиция?

— Командиры отрядов дружины, знать, весь Совет Карн и Старейшин, некоторые главы святилищ. Не все. Часть илларов преданы Острову, хотя и не одобряют кровавый захват власти. Полностью поддерживает островитян только новый глава Ильфейна, и главы храмов Мейра и Фиал.

— Ильфейна? — лицо Эйнира опять потемнело от ярости. — С-с-скотина... Отец и все наши предки всегда опирались на Ильфейна. Быстро же они забыли, кому обязаны...

— Опирайтесь теперь не на кого, — хмыкнул толстяк. — Даллан исчез, его первый помощник Ройг — тоже. Его, кстати, ищут так же, как и Даллана. Награда за живого Ройга выше, чем за Даллана.

— Жив, значит... Ну да, и его так же не видно в хэльде... — он о чем-то задумался, потом добавил. — Отлично. Жив — значит найдется. Кстати, кто эта мразь, нынешний глава Ильфейна?

— Некто Вельг.

Эйнир скрипнул зубами.

— Барр-упырь... Доберусь — убью. Это он меня травленной интой напоил... — он снова замолчал, потом спросил коротко. — Еще что?

— Появились слухи, что вы живы, аш-чи. Народ шепчется, что вы готовите войско, чтобы вернуться и прогнать островитян.

— Грязь кипящая! У меня был план, там, в Каррее, но этот упырь Вельг знает его в подробностях, он участвовал в обсуждении. Теперь они укрепят замок так, что и таффи не прощмыгнет. Мне придется раскатать его по камешку, чтобы выкурить оттуда колдунов. А Итта у них, ее мигом возьмут в заложницы. Она все, что у меня осталось... Есть в замке свои люди?

— Старые слуги, но они очень осторожны и доступа к девочке у них нет.

— Если бы ее вывести... К дьяволам тогда замок, я бы нашел способ стереть его с лица земли.

Они продолжали говорить о деталях, но Лейт их уже не слушала. Неожиданно она поняла, с кем свела ее судьба... Даже в Улле слышали о вероломном убийстве королевской семьи Риаллара и о том, что средний сын риана Эйнира, Джержейн, возможно, избежал гибели. Вот он, аш-чи, наследник Холгойнов, сидит нетрезвый на подушках и ругается, как последний метельщик. Да уж, ему не позавидуешь.

Нам обоим не позавидуешь, подумала она, не удержавшись от тяжелого вздоха.

Когда толстяк ушел, Джержейн долго сидел молча, напряженно глядя в пол, а потом поднял на нее покрасневшие мутные глаза.

— Вернусь — убью, — пробормотал он. — И ее, и это ейрово отродье...

Лейт вздрогнула от очередного ругательства.

— Успокойтесь, аш-чи, — сказала она со смущением и строгостью в голосе, надеясь, что такой тон приведет его в чувство. — Как бы ваша агвалларская супруга ни была перед вами виновата, не стоит лишать ее жизни, не разобравшись в причинах, побудивших ее совершить столь недостойный проступок. Может быть, она любила другого, когда ее выдали за вас замуж.

— Все мои родные лежат в фамильном склепе! — рявкнул он. — Разве это не причина?

— Нет, — тихо, но твердо сказала она. — Вы же сами понимаете, что не ее руками совершено убийство. К тому же, вы сами упоминали, что ваша младшая сестра Итта жива. Не лучше ли сосредоточиться на ее спасении?

Он оторопел от этого неожиданного и смелого отпора.

— Ты... ты хочешь сказать, что... — тут он захлебнулся очередным приступом ярости, но сумел сдержаться. — Как ты можешь оправдывать этих одуревших от фанатизма сморчков, ради власти не погнушавшихся неприкрытым убийством... ну пусть мужчины, но женщин и детей-то за что?

— Я их не оправдываю, — продолжила она все так же тихо. — Я всего лишь прошу вас не торопиться с расправой. Вам предстоит сложное дело — вернуть родной дом, ваша горячность может сослужить вам плохую службу.

Джержейн снова задохнулся, глядя на ее упрямо поджатые губы.

— А ты смелая, — хмыкнул он, неожиданно остывая. — Не бойся, лезть на рожон я не собираюсь. Был бы я столь глуп — давно бы лежал сожраный какой-нибудь кровавой гончей под Илломайнским хребтом. Но и церемониться я с этой островной швалью не буду. Они получат... все, что заслужили. И она тоже. Сполна.

(Арта Сач Сал. 10 Пришествий назад, Теллар)

Новости с войны были столь же удручающими, что и до этого. Не умели ни Тонхайр, ни Сагир воевать, а может быть, как раз и умели, может быть, такая она и была — настоящая война — кровавая и беспощадная, жестокая и нескончаемо долгая... Старший сын мастера ушел вместе с первыми отрядами, туда, на поверхность, где начался первый конфликт, где столкнулась новоиспеченная гвардия императора и войска наместника. Началось все со свары мудрецов Сагира и Колодца, дошедшей сначала до скрытой, потом — до откровенной вражды и взаимных оскорблений, потом — до отчуждения, распространившегося на оба государства, до возведения границ и приграничных крепостей, до первых стычек и, наконец, до открытого вторжения... С того памятного совещания у императора прошло меньше года, а мир уже изменился неузнаваемо, так, что мастер не знал, чего теперь ожидать от будущего. Да и не было уже мира. Была война.

И самым страшным для него потрясением в этой войне стало не то, что люди убивали и калечили друг друга, не ненависть, ярость, кровь и горе, затопившие подобно весеннему разливу вод его родину, а то, что частенько не мечами сражались воины той и другой стороны. Священное искусство кэн-ли, которому отдал он всю свою жизнь, было осквернено и извращено, поставлено на службу ослепшим от ярости правителям. Колодцы-круги превратились в мертвые куски камня, затем — раскалились подобно кузнечному горну, и творцы оружия — проклятых кусков металла, несших другим страдание и смерть, закаливали теперь на них свои клинки, уверяя, что никакой кузнечный горн не даст им такую прочность, как раскаленный Колодец. Те хэльды, что еще уцелели, тоже продолжали служить войне, помогая не только армиям, но и шпионским миссиям, неожиданным нападениям и вероломным атакам, предателям и подлецам, грабителям-мародерам, — да всем, кто пытался пользоваться ими с любой, пусть даже самой мерзкой целью. Главный принцип Кэлленара, тот самый, о непричинении зла, об искажении которого мастер начал задумываться еще год назад, был теперь полностью забыт, так, будто и не было его, а само священное искусство, призванное, чтобы нести жизнь, облегчать труд, помогать в нужде, было извращено до неузнаваемости. К мастеру часто приходили люди, в основном — военачальники, с требованием открыть новые Ворота, чтобы тайно провести через них войска, прося создать хэльд, из которого, как из Кувшина блюда, появлялось бы оружие; умоляли изобрести ка-эль, по одному взмаху которой противник бы слеп и глох, терял боевой дух и желание сражаться... Он отказывался, несмотря на градом сыпавшиеся на него посулы и угрозы. Он знал, что и другие мастера хэльдов отказываются. Но не все. Далекое не все.

А война шла не в пользу Тонхайра. Обитатели подгорного царства оборонялись яростно, однако наземная его часть давно уже была захвачена императором. Проходы можно было бы оборонять чуть ли не бесконечно, если бы не предательство одного за другим командиров, решивших, что служить женоподобному императору гораздо выгоднее, чем жрецам Колодца. Появились маленькие пластинки, отлитые из меди и серебра, на которых чеканили профиль императора и ставили мало кому понятные знаки, и которые теперь, в мире, где один за другим отказывали хэльды, и где кормиться и одеваться приходилось своим трудом, стали значить гораздо больше простой человеческой жизни. Деньги, так назвал их старший сын

мастера, отправляя мать наверх на ярмарку, где вместо изделий ремесла и роскоши продавали еду, одежду, лекарственные травы, и которые можно было обменивать только на эти пластинки... Воины тоже получали такие пластинки, за них они шли убивать себе подобных, за них они предавали друзей и родственников, переметываясь на сторону того, кто мог обеспечить им сносное существование. Существование в мире, где уже почти не было хэльдов...

...А скоро и колодцы начали гореть. Страшное это было зрелище — вспыхивающий ни с того ни с сего круг колодца, огромный столб бешеного пламени, вздыбившийся до самого неба. Странное это было пламя, белое, иногда — прозрачное, неугасимое, ни вода, ни песок его не брали, пока не выгорит само, не выжжет то, что занялось, до самого конца, до тлеющих головешек. Пожары вспыхивали не только в почти поверженном Тонхайре, они пылали везде, не щадя ни победителей, ни побежденных. В одном из таких пожаров погибла дочь мастера, выгорело его жилище, жена умерла от ран и от горя. Вскоре после этого столица Тонхайра, Майн, пала, а после него — и обитель Колодца, а в последнем бою уже около самого Колодца пал его старший сын... Новый наместник императора воцарился в Майне, жестоко он отыгрался на тех, кто сопротивлялся до последнего, и на тех, кто чудом остался жив. Кровавые казни следовали одна за другой, голод и мор, насилие и рабство ждали обитателей некогда благополучного и прекрасного мира...

Впрочем, там, наверху, происходило то же самое. Мастер знал об этом слишком хорошо, потому что сразу же ушел наверх после гибели дочери, жены и сына. Младший сын где-то затерялся, он тоже ушел воевать, но давно от него не приходило никаких вестей, а Окон, чтобы увидеть его, больше не существовало. Мастер сказал себе, что попытается найти его, но выйдя наверх, не узнал того Теллара, каким он помнил его перед началом войны. Обнищавшие и одичавшие люди, кое-где опустившиеся до каннибализма, озверевшие и обезумевшие лица, чума, свирепствующая в столице уже давно, разрушенные города, и небо, почему-то ставшее красным, словно потемневшее от крови...

Бродя по руинам некогда величественного государства, он слышал, что нижние чертоги Тонхайра заполнились белым жаром, выгоняющим наружу последних обитателей подземного царства, что новоиспеченный наместник и его приближенные в спешке покинули столицу, вывозя за собой награбленное добро, что мудрецы Колодца, которых почему-то пощадили после безумно жестокой расправы над защитниками обители, теперь занимаются тем, что насылают на верхний мир мор и голод, пытаясь отомстить погубившей их империи. Впрочем, и без старания тамошних мудрецов и то и другое государство большими шагами двигались к гибели. С каждым днем воздух становился все жарче и жарче, выгорали остатки растительности, небо, похожее на раскаленную огненную реку, постепенно приобретало оттенок жидкого золота, жидкое золото огненным дождем проливалось на землю, расплавляя и сжигая то, что еще оставалось...

...Однажды он нашел своего младшего сына — в Сагире, в войсках императора. Он наткнулся на него во время облавы на беженцев, толпой валивших в столицу, поскольку там сохранялось еще хоть какое-то подобие порядка. Беженцев старательно и целенаправленно уничтожали, поскольку скудных запасов продовольствия хватало только для своих; за ними хвостом тянулись различные инфекционные заболевания, лечить которые теперь приходилось новоиспеченным лекарям, пока что еще неопытным, да и не особо стремящимся к тому, чтобы кого-то вылечить — деньги, вот что было главное для этих малообразованных самоучек. Эпидемии различных, неизвестных доселе болезней следовали

одна за другой, поэтому прищипые методично отлавливались и уничтожались без малейшей жалости. Именно во время такой облавы мастер и увидел своего сына, холеного и наглого, уверенного в себе и фантастически безжалостного. Наблюдая со стороны грязную сцену на одной из маленьких площадей столицы, начавшуюся с насилия двух женщин-беженок, и закончившейся резней подоспевших им на помощь то ли родственников, то ли друзей, — глядя на своего любимого сына, руководившего сначала насилием, потом — расправой, мастер беззвучно плакал, потом, отступив в спасительный полумрак переулка — а ведь и у него не было соответствующего разрешения, жалкой бумажонки, из-за которой убивал сейчас этих несчастных и ни в чем не повинных людей его сын, — мастер повернулся и ушел, не будучи уверен, что этот красивый, озлобленный и властный мужчина признает в исхудавшем и оборванном старике своего отца. У него не было сил отречься или проклясть свое дитя, но и простить его он не смог. И он ушел из столицы, не в силах оставаться там, не в силах забыть увиденное. Он будет считать, что его сын погиб.

...Он уже не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как он ушел из столицы, он поставил себе цель обойти все города, существовавшие на Телларе до крушения мира, узнать, везде ли обстоят дела так, как в Сагире, и в каждом из них он находил то же самое — жестокость и грязь, голод и болезни, нищету и варварские порядки, установленные теми, кому удалось удержать власть в своих руках. Поднебесной империи давно уже не существовало, города что посильнее воевали друг с дружкой, и в конце концов четверо правителей южных городов объединились против императора и напали на столицу... Вскоре он узнал, что Сагир сравняли с землей, всех его жителей, вплоть до женщин и грудных младенцев, вырезали под корень, а сам город подожгли. Мастер вспомнил о своем сыне и пожалел, что не подошел тогда к нему на той площади — может быть, он смог бы хоть как-то повлиять на его судьбу? Но теперь ничего уже не держало его в этом мире, ничего, кроме желания увидеть конец. Конец этого скоротечного безумия Творцов, который приближался со зловещей неотвратимостью.

И он настал, конец света, жестокий и страшный, неожиданно величественный и торжественный. Мастера он застал в небольшом южном городке, прямо на центральной площади, где он неожиданно повстречал своего давнего знакомого, тоже мастера хэльдов, который чудом не поддавался захлестнувшему мир безумию и по крупицам собирал в своем родном городе то, что еще оставалось от Кэлленара — четыре Книги Свода, разнообразные ка-эль, манускрипты по их использованию, философские труды по теории Кэлленара и простейшие школьные учебники, инструктирующие детей, как обращаться с хэльдами. Много, очень много хэльдов все еще уцелели, стояли целыми и колодцы всех размеров и назначений. То, что почти все они выгорели, ничуть не отразилось на их целостности — жуткий белый огонь не оставил ни единой отметины на вечных камнях. Прямо на их глазах взорвалось небо, мощными столбами ядовито-огненного пламени полыхнули круги-колодцы и свет померк, земля затряслась под их ногами. Мастер слышал вопли людей, грохот разрушающихся зданий, откуда-то из-под ног хлынул горячий поток воды. Он ждал грома, но грома не было, только чернота, залившая весь свет, и крошившаяся на куски земля. Следом поднялся ветер, переросший в свирепый смерч, закрутивший все в одну огромную воронку, в которой смешались камни и люди, потоки воды, песок и земля, огонь, неведь откуда взявшиеся куски льда, жалкие остатки растительности, и мастер, внезапно оказавшийся в самом центре этой воронки, в блаженном затишье посреди разъяренной стихии, неожиданно почувствовал родство захватившего мир урагана с переполнившим его в этот момент Огнем

Жизни, будто сам Великий Круговорот Времен, само Изначалье вошло в него в этот момент. Огонь Жизни рвался наружу, требуя выхода, приложения неожиданно обрушившихся на него сил, и мастер ощутил себя равным Творцам. Творцам? Этим нелюдям, погубившим мир? Да разве они погубили его, услышал он мысль, будто бы пришедшую извне. Вы же сами виноваты в его гибели, вы, жадные и жестокие, властолюбивые и алчные, недалекие и завистливые, трусливые, пресмыкающиеся друг перед другом, вы, погрязшие в ненависти и разврате, утопившие в корысти и злобе свою собственную душу, предавшие и продавшие все, даже собственное благо! Круги, магия которых держалась на тех чувствах, что постоянно, изо дня в день, рождались в ваших душах, которые впитывали вашу радость и ваше горе, ваш гнев и счастье, питавшиеся вашей верой — или неверием — круги переполнились злобой и ненавистью, источаемыми вашими сердцами, отравили Колодец, изменив его сущность, который, в свою очередь, переполнившись нечистотами человеческих душ, исказил Огонь жизни настолько, что превратил его в Огонь разрушения и извергнул обратно. Ваш Теллар уже никогда не будет вашим, Великий Круговорот Времен бесконечен, и на месте Поднебесной империи возникнет что-то новое...если возникнет. Если яд ваших душ не выжжет этот мир навсегда...

Мастеру казалось, что он отчетливо слышит голос, обращающийся к нему сквозь вой и тишину воронки, но издевки, поначалу почудившейся ему в этом тихом и твердом голосе, не было. Сочувствие? Сожаление? Или, может быть, печаль звучали в этом едва различимом шепоте, проникавшем через многослойные вихревые потоки? Или любовь? Любовь...

— Значит, я уже умер? — спросил он самого себя, или этот голос, который неожиданно показался ему единственным достойным собеседником за всю его полную ярких событий и интересных людей жизнь.

— Нет еще, — услышал он удаляющийся шепот. — Не ты один оказался захваченным воронкой смерча. Думаю, у тебя еще есть шанс спастись и спасти других.

— Какой? — выкрикнул мастер в пустоту.

— Ты же мастер, — голос таял, заглушаемый воем урагана. — Тот, кто равен Творцам. Тот, кто сумел стать равным Творцам, — поправился он после паузы, показавшейся мастеру вечностью. — Делай то, что умеешь...

Он кричал, звал Голос сквозь слившиеся в безумный хор завывания, проклинал его, умолял вернуться, продолжить разговор, потому что сказано было слишком мало, чтобы понять или поверить, но ответа так и не получил. Впав в отчаяние, он замер, приготовившись к смерти, но потом, глядя на мелькающие в вихре куски камня, комья земли, слои воды, подумал, что все четыре стихии, необходимые для творения хэльда, здесь, прямо перед ним, под рукой, Огонь жизни переполняет его, рвется наружу, требуя приложения сил, чистый, неоскверненный огонь, а уж его умения...они всегда при нем, ведь все, что он умеет в этой жизни, это творить хэльды... И он принялся за работу, не зная, что именно он собирается сотворить, вкладывая в то новое, что рождалось под его рукой, всю свою душу, свою любовь, ненависть, и в особенности — мечту о свободе и надежду на спасение. Призывая на помощь все силы вселенной, он что-то выкрикивал, то ли слова, то ли заклинания, и в какой-то момент неожиданно осознал, что вой утих. Запретив себе отвлекаться, он продолжал работу, повинуюсь не разуму и не памяти, а какому-то постороннему чувству, побуждавшему его вспоминать те самые, давно забытые, неясные, а по сути — никогда и никем не понятые слова, вызывавшие странные, почти безумные образы, которые теперь, повинуюсь некоей силе, лившейся прямо из сердца, становились

реальностью.

Когда в конце концов он замер, истощенный до полусмерти, с трудом поднимая голову, чтобы оглядеться, под его ногами оказалась твердая земля, ни конца, ни края которой он так и не увидел, как ни усиливал зрение. Небо — или то, что было им в новорожденном мире — над его головой, было розовое с серебристыми и сиреневыми разводами, очень красивое и очень далекое. Теплый воздух показался ему душистым и свежим, земля, на которую он опустился, не в силах осмыслить, что произошло, мягкой и шелковистой, а движения в этом странном мире давались легче, несмотря на бешеную усталость. Счастливый и недоумевающий, он закрыл глаза, не желая больше ни видеть, ни слышать, что будет дальше. Потом, потом... Он так устал.

(Сезон Холода, Ард Эллар. Очаг Солнца)

Итак, в ближайшее время нас ждет гибель существующего миропорядка, подумал Тэйн, когда его опять выбросило из Книги. Постепенно, шаг за шагом, очень старая и, казалось бы, такая надежная система откажет полностью, оставив людей лицом к лицу с катастрофой вселенского масштаба. Сколько времени осталось до нее? В мире мастера-телла прошло около полутора лет с первых признаков беды и собственно до самого катаклизма. Мир выжил, Кэлленар чудом уцелел, но что стало с людьми, вернее, с теллами?

Осталось чуть меньше года, подумал он. Так мало...

Он попытался по свежим впечатлениям восстановить события, увиденные глазами мастера-проводника. Больше всего пугали изменения климата — иссушающая жара, огненное небо, постоянные пожары... И сам катаклизм — сметающий все на свете бесконечный ураган, хаос всех стихий...

Надо читать дальше, подумал он устало, и с отвращением посмотрел на Книгу. Нет, не сейчас. Сейчас нет ни сил, ни желания продолжать.

Неудивительно, что островитяне поторопились захватить власть в Эргалоне. Они знают, что ждет Теллар в самом ближайшем будущем, но делиться этим знанием не собираются. Возможно, они правы: никакие воззвания к разуму и порядку не спасут, если люди узнают, что в ближайшее время их миру придет конец. А как же камни-кристаллы, которые им велено собрать? Неужели несколько камешков могут остановить разрушительный процесс?

Они знают, подумал он с раздражением. Точно знают, что надо делать. Они были правы, когда настаивали, а мы... мы ошибались.

С трудом оторвавшись от дивана, он на нетвердых ногах вышел из хранилища — немота зала душила его, опутывая безволием и слабостью. Надо убираться отсюда, да поскорее... Чтобы снова вернуться и дочитать эту проклятую Книгу до конца — может быть, там есть ответ на вопрос, как остановить бедствие. Ведь знают же островитяне... Значит, ответ есть. Кристаллы пока побудут у него, он не отдаст их жрецам, пока не разберется, что произошло в Риан Ал Джаре на самом деле.

А ведь во времена мастера-телла не было ни Острова, ни Ночного солнца, вдруг сообразил он. И людей не было — только теллы. И континент один, а не два, как теперь. Катаклизм что-то сделал с Телларом, до неузнаваемости преобразив его лик.

Чувствуя себя бесконечно опустошенным и уставшим, не столько от работы с Книгой, сколько от тягостных, печальных знаний и отсутствия ответов на вопросы, Тэйн отправился к выходу из Очага, к свету и солнцу, и, жадно глотая сладкий воздух, побрел в рощицу хвар, неподалеку от каменной лестницы.

Надо поговорить с Ригойном, подумал он, глядя себе под ноги и механически отмечая хорошо сохранившуюся затейливую вязь узоров на ступеньках. Если он знает о надвигающейся катастрофе, он может знать и о кристаллах-артефактах, ведь один из них хранится в его семье уже много лет. Спросить напрямую? Почему нет... Беда у них общая, и ему совсем необязательно возвращаться в Эргалон — здесь, в Очаге Солнца, гораздо больше знаний и ресурсов, чтобы провести тот ритуал, о котором говорили островитяне и для которого нужны камни.

Дьяволы, как он мог забыть, один из камней — на Острове. Что же делать?

Чудесный солнечный день немного рассеял черноту на душе. Воздух потеплел, легкий ветерок доносил снизу, из долины, шорохи горного потока, обрывки голосов, запахи теплой земли и влажных камней. Тэйн впитывал едва греющие солнечные лучи, все больше и больше осознавая свою растерянность. Что ему делать с этим страшным знанием, особенно теперь, когда риана Холгойна нет, Даллана нет, островитянам он не может до конца доверять, а Джерхейн, несмотря на все свои достоинства, слишком неопытен, чтобы справиться со свалившимися на него бедами.

Надо найти Джера, подумал он, и поговорить через Окно. Предупредить его. Пусть тоже ломает голову. Может, придумает что...

— Все сидишь, — Рек, возникший словно из-под земли, шумно и бесцеремонно прервал его размышления. — Не замерз?

Тэйн покачал головой. Ветви хвар хорошо укрывали его от ветра.

— Пока ты тут сидишь, они тебе все кости перемыли.

— Кто — они? — неохотно спросил он.

— Орис с Ригойном. А ты о ком думал?

— Подслушивал?

— Ага. Между прочим, не в первый раз. Мне твои колдуны с самого начала не нравятся.

— Они не мои, — буркнул Тэйн, снова закрывая глаза.

— Ты в курсе, что они тебе не доверяют? — осведомился Рек с язвительными и одновременно обиженными интонациями.

— Я тоже не распахивал перед ними душу. Это нормальный уровень доверия между незнакомыми людьми. Даже илларами.

— Вот и они тоже... душу при тебе не распахивают, — фыркнул Рек. — Ригойн сказал, что ты очень сильный иллар. Сильнее, чем кажешься. Что за тобой стоит неизвестная сила, возможно, даже островные колдуны, и что на самом деле ему непонятно, что тебе надо на самом деле.

Ройг печально усмехнулся. Все верно. Более того, он и сам теперь не знает, что ему нужно на самом деле...

— Пусть боятся, — бросил он, вздохнув. — Хуже уж точно не будет.

— Еще как будет, — возмущенно зашипел Рек. — Начать с того, что их больше. А ты один. Тюкнут ночью по башке и выкинут вон в ту речку, — он кивнул в сторону долины. — Орис сказал, что ты можешь их выдать.

— Кому?

— Островитянам.

— Бред, — буркнул Тэйн.

— А Ригойн считает, что на Агвалларе и так знают об их школе, — продолжал Рек, присаживаясь рядом на уютную подстилку из пушистых игл. — Вроде как они не дураки, просто не вмешиваются и Очаг не трогают. Вроде как Ард Эллар тоже не слабое государство, а уж сейчас, когда хэльды безобразничают, Остров слабеет и никуда не сунется.

Наверняка знают, подумал Тэйн. И не вмешиваются. И так у них с Наземным миром все идет наперекосяк. А тут еще Очаг Солнца. Школа-то существует давно, уже несколько столетий, мастеров здесь много, с хэльдами они работают дольше и труднее, но тщательнее.

— А Орис сказал, что пока нет визуальных ориентиров, следить за тем, что происходит в Очаге Солнца, невозможно, — Рек вытащил из кармана толстый бутерброд, состоящий, по местным обычаям, из множества слоев хлеба, мяса и вареных овощей, протянул половинку

Ройгу, и, убедившись, что тот есть не собирается, принялся жевать, урча от удовольствия.

— Для любого наблюдающего хэльда типа "Окно" нужен образ, — подтвердил Тэйн.

— Ну вот ты и есть этот образ. Пока ты здесь, колдуны могут подсматривать за Очагом, — торжественно закончил Рек и подавился очередным куском.

— И что дальше? — наконец-то заинтересовался Тэйн.

— Да вроде пока ничего, — пробормотал Рек, вытаскивая из другого кармана фляжку. Судя по запаху, в ней была разбавленная инта. — Ригойн сомневается. Ну, что подсмотреть можно. Говорит, не все, что видно в Окне, можно истолковать однозначно. Мол, если вдруг ты увидишь кого-то с бабой под одеялом, так у нее на лбу не написано, его она жена или соседа.

Тэйн рассмеялся.

— Так прямо и сказал?

— Ага, — кивнул Рек.

— Да уж, был у кого-то опыт...

— Слушай, а что ты здесь забыл, кроме Книги? — спросил парень. — Если только ее, так давай я ее для тебя украду. И свалим отсюда поскорее.

— Чего? — потрясенно спросил Тэйн.

— Того, — хихикнул Рек. — Я же тебе рассказывал, чем промышлял в Каррее. И за что меня в Каньон кинули. В первый раз, что ли? Ка-эль, знаешь ли, особенно те, что для дома или для ремесла, им все равно, кому за них деньги достанутся. Что колдунам, что ночному цеху... Я, между прочим, работал осторожно, — с гордостью заявил он. — Брал немного, ни разу никого не убил. Даже не стукнул и не ранил.

Тэйн отвел глаза. Как все на самом деле просто. Украсть и убежать. Подло, но просто до омерзения... Еще один шаг по тропочке, ведущей к хаосу.

— Давай сматываться отсюда, очень уж здесь... странно, — в голосе Река послышались умоляющие нотки. — Пещеры эти... и не пещеры вовсе, а дворец чей-то. Мы в нем словно гости. Причем гости незваные и не слишком уж желанные. Не люди это все строили, — подытожил он.

— Не люди, — согласился Тэйн. — Могу рассказать, что знаю сам. Хочешь?

— Ага, — закивал тот.

Тэйн немного рассказал ему историю цивилизации теллов, кратко и упрощенно, опустив упоминание о катастрофе, что привела их мир к гибели.

— Тем более драпать надо, — сказал Рек задумчиво. — И эта еще... Красотка. Ходит и ходит, и смотрит, только разве что не облизывается. Гляди, — продолжал он чуть тише и с ворчливыми интонациями, — затащит она тебя в темный угол, околдует чем-нибудь местным — не заметишь, как девственность потеряешь.

— А кто сказал, что я против? — ухмыльнулся Ройг.

— Я против, — заявил Рек нахально. — Взгляд у нее иногда бывает... Такой холодный, жадный.

— Брось, — отмахнулся Тэйн. — Она ведь не юная безголовая девица, а иллар первой ступени. И изучает вторую.

— Ведьма, в общем, — подытожил Рек. — Так ты что, собрался здесь остаться?

Тэйн покачал головой.

— Книгу я скоро закончу. Но кроме нее, мне нужен предмет, который хранится у Ригойна, и я сильно сомневаюсь, что он отдаст его по первой просьбе.

— Ну ты же иллар, — удивился Рек. — Увидь, где это лежит, ну, с помощью хэльда, вы же умеете. Покажи мне, а я возьму. Не бойся, — перебил он Ройга, — он даже не заметит пропажи.

Дурацкая идея, подумал Тэйн. Подлая. Но может сработать.

— Хорошо, — согласился он, вяло удивляясь самому себе. Ейр с ней, с моралью. У него есть оправдание. — Только давай я все-таки дочитаю Книгу и попробую попросить его похорошему. А если не получится, ты стащишь камень, и мы сбежим.

Во время обеда к Ройгу почти сразу же присоединилась Линара. Сегодня она оделась в нежно-зеленое платье и нарядный, ярко вышитый крупными цветами жилет; волосы были тщательно убраны под паутинку тонкого, едва заметного платка. Высокая и статная, сочетанием грации и достоинства она притягивала взгляды всех собравшихся в трапезной мужчин. Очарованный Тэйн быстро расправился с обедом и предложил ей начать обещанные уроки мастерства.

Для занятий выбрали просторную учебную комнату без каких-либо хэльдов. Тэйн воспроизвел первую десятку урд-знаков, углубляясь в тонкости их прорисовки, уровень концентрации Огня жизни и возможные варианты каждого из них. Всего урд-знаков на текущий момент насчитывалось пятьдесят четыре, но Ройг подозревал, что на самом деле их больше сотни — время от времени в старых текстах и в пещерах Илломайна ему попадались неканонические, назначение которых в связке с остальными становилось интуитивно понятно.

Линара неплохо ими владела — должна была владеть после первой книги, но ему надо было убедиться самому. Повинуясь плавным движениям изящной руки, светящиеся письмена возникали в воздухе, наливались силой, медленно плыли по комнате и постепенно угасали. Тэйн, радуясь способной ученице, сразу перешел к связкам, но ей так и не удалось протянуть между знаками даже тоненькую ниточку Огня жизни. В конце концов она устала, отчаялась и чуть не расплакалась от огорчения.

— С первого раза мало у кого получается, — утешил ее Тэйн. — Давай так: завтра с утра, пока я читаю Книгу, ты снова поработаешь с первой десяткой знаков. Они должны получаться у тебя бессознательно. В конце ты должна будешь выйти, оставив их в воздухе, и пробыть какое-то время вне комнаты. Когда вернешься, знаки должны висеть так же, как ты их оставишь. Согласна?

Линара кивнула головой. От усердия несколько золотых волнистых прядей выбились из-под платка, делая ее еще более привлекательной. Устало вздохнув, она опустилась на скамью.

— Свет Илбара, а я еще шиаллах собиралась изучать! — воскликнула она с горечью. — А там знаки трехмерные, а Огня сколько берут... Да меня даже на одну ши-ала не хватит.

Шиаллах? Что-то такое рассказывал ему Даллан. Так, кажется, назывался самый первый язык Кэлленара... Тот, на котором остались только письмена-узоры на стенах Джар Ил да странные знаки на хэльдах в некоторых святилищах. Линара хочет сказать, что они здесь изучают шиаллах? Зачем? Какой толк от мертвого языка, на котором даже сотворить ничего невозможно? Или... или возможно?

— У вас есть методики прочтения шиаллаха? — спросил он, не скрывая интереса, но и стараясь не выдать своей неосведомленности.

— Мастерам кое-что открылось, — пояснила Линара. — Видишь ли, повторные прочтения Книг дают интересные результаты. Достигнув определенного уровня, ты читаешь

Книгу снова. Знания, которые открываются после повторного прочтения, совершенно иные, чем полученные в первый раз. Это похоже на следующий этап. Основы шиаллаха открываются при повторном прочтении Арта Аш Ар. Если, конечно, тот, кто рискнет это сделать, остается после него в живых.

— И многие... не оставались? — потрясенно спросил Тэйн.

— Многие, — коротко кивнула Линара. — Но мастера высокого уровня выживали. Орис, например. Он даже шайолу может построить и удержать, — продолжала она с восхищением в голосе. — Только смысла в них мало, применить не к чему, разве что придется защищаться от нападения. Шайолы использовались при создании хэльдов и для сражений, но у нас нет Арта Ран Кэй, книги мастеров, мы не знаем, как создавать хэльды, а что касается боевых шайол... мы отрицаем насилие, поддерживая принцип отказа от оружия, — закончила она скороговоркой.

Тэйн вспомнил ее осуждение, когда он искал себе меч. Да уж, банальный Небесный огонь иногда бывает полезнее. Что уж говорить о «боевых шайолах»...

Боевые шайолы, значит... Любопытно. А как же мирная сущность Кэлленара и отрицание оружия? Ох, брешут островитяне, брешут, как арги в голодную ночь. Похоже, рано он собрался сбегать из Очага Солнца.

— Не помешаю?

На пороге класса появился Ригойн. Линара поспешно вскочила, поклонилась и нервно поправила сбившийся платок. Тэйн сдержанно поздоровался, внутренне напрягаясь в ожидании вопросов.

— Как ваши успехи? Насколько далеко вы продвинулись?

Тэйн коротко, опустив подробности, эмоции мастера-проводника и собственную оценку, пересказал увиденный в Книге эпизод.

— Это еще не конец, — заключил Ригойн, когда Тэйн замолчал. — Должен вам сказать, опережая события, что катастрофа, которую вы видели сегодня, далеко не последняя в истории Наземного мира. Всю историю существования нашего мира они повторялись с завидной регулярностью, приблизительно раз в два тысячелетия. Наш несчастный Теллар регулярно умирает и возрождается вновь, но сколько их было, этих катастроф, между первой, той, что уничтожила Поднебесную империю, и сегодняшним днем, нам неизвестно. Боюсь, что много...

— Но почему? — с трудом выдавил ошарашенный Тэйн, пытаясь остановить лихорадочный круговорот взаимоисключающих идей. — Кто — или что — виновник этой гибели?

— Причина... — задумчиво повторил Ригойн, присаживаясь на скамью напротив. — Сложный вопрос. Сказать, что ее понял кто-то из нас — погрешить против истины. Иногда мы задаемся вопросом — а есть ли она вообще?

— Должна быть, — сказал Тэйн. — Не может же такое... повторяться регулярно и в таких масштабах просто так, как обычное явление природы. Ведь даже тому, что идет дождь, есть причина.

Ригойн печально усмехнулся.

— Мы можем только догадываться, — вздохнул он. — На сегодняшний день у нас существует две версии, — увидев, что Тэйн и Линара смотрят на него с напряженным любопытством, он продолжил более уверенно. — Что такое Кэлленар?

— Искусство использовать предметы, наделенные силой, — сказала Линара

неуверенно.

— Система, — ответил Тэйн.

Ригойн кивнул.

— Система, в основе которой лежит силовая сетка, создаваемая колодцами-накопителями. Ее наполняют живые существа, обитающие на Телларе, обладающие собственной жизненной энергией. Грубо говоря, это все, что проживает жизнь — люди и животные. Хэльды в этой системе играют роль не только инструмента, но и уловителя этой силы. Огонь жизни, улавливаемый хэльдами, накапливается в колодцах, и оттуда же, при необходимости, изымается.

Видя вопрос в глазах Ройга, он поспешил пояснить:

— Когда-то в Очаге Солнца была Арта Ран Кэй, книга творения хэльдов. Но она бесследно исчезла в предыдущую эпоху, перед последней Катастрофой. К счастью, остались личные записи одного из одолевших ее мастеров, поэтому мы кое-что знаем о сущности хэльдов и о тех основах искусства, которыми островитяне не делятся со своими учениками. Линара, — он улыбнулся, видя, как заволновалась девушка, — скажи мне, из чего состоит эта система.

— Заклинания — готовые конструкции. Были составлены бесконечно давно, с использованием магического языка низшего порядка, — произнесла она заученную скороговорку. — Урд-знаки — графические двухмерные символы, создаваемые с помощью Огня жизни в реальном пространстве или в воображении, в зависимости от мастерства оператора. Урд-жесты — точные движения кистей рук или ка-эль, необходимые для запуска или прекращения воздействия. Ка-эль — приспособления для воздействия, не требующие специальных знаний, во время применения самостоятельно забирают необходимый объем Огня жизни у оператора. Хэльды — статичные приспособления для воздействия, требующие использования заклинаний, урд-знаков, урд-жестов, ка-эль. Гармонии — акустические воздействия, необходимые в некоторых случаях для связи всех перечисленных выше элементов.

— Молодец, — кивнул Ригойн серьезно, видя, что Ройг улыбается ее четкому академическому ответу. — Что у нас получается в итоге? Для того, чтобы система работала, у вас должны быть: паттерн — конструкция урда в любой форме, хэльд или ка-эль, сила для его воплощения — Огонь жизни, неважно, свой или заемный, и пусковой элемент — иницирующий жест или просто желание что-то сделать, подкрепленное тем же Огнем жизни. Если уж быть совсем кратким, то это связка: схема-сила-пуск. Пропадет хотя бы один из элементов, система перестанет работать.

Теперь давайте посмотрим на то, что происходит перед катастрофой. Начинается все с хэльдов, так? То есть, с самой статичной, неизменной части системы. Хэльды отвечают за улавливание Огня жизни. Если предположить, что они чувствительны к эмоциональной и смысловой составляющей наших мыслей и чувств, то собственные негативные стремления могут оказаться тем, что выключает систему. Вполне возможно, что несоблюдение моральных принципов, заложенных творцами Кэлленара, искажение его предназначения как собственными его адептами, так и всеми остальными живыми элементами, включенными в систему, отражается на способности хэльдов улавливать Огонь жизни. Или то, что улавливается ими, искажает всю систему, отравляет ее, как медленно действующий яд отравляет организм. Далее — замкнутый круг. Энергия, накопленная колодцами — качественно другая. Система работает не так, как должна, негатив усиливается, улавливается

хэльдами и опять усиливается, и так — вплоть до взрыва. После этого система приходит к временному равновесию. Потом цикл повторяется снова.

Ригойн прервался, переводя дыхание.

— Есть и другая точка зрения, — продолжил он, поднимаясь и принимаясь расхаживать по классу, словно читал лекцию. — Тэйн, напомните мне, какие хэльды стали отказывать в первую очередь?

— Хэльды узкого назначения, — ответил Ройг, подумав. — Те, что в мастерских.

Ригойн удовлетворенно кивнул.

— Именно. Там, где люди отошли от многовековых традиций, перестали пользоваться хэльдами в силу ряда причин и нашли какой-то иной, свой путь, там хэльды замолчали. Самый известный и простой пример — лекарское искусство. На сегодня именно хэльды Исцеление пострадали массово и наиболее сильно. Почему? Люди нашли другие пути.

Почему утеряны Книги? Их же было очень много, когда-то они имелись в каждом доме, их начинали изучать с раннего детства так же, как в школах при храмах нынче изучают алфавит и счет. Люди научились делать бумагу, чернила, выделывать кожи для переплета, наносить специальные составы, предохраняющие книги и свитки от разрушения — и Книги Кэлленара стали не нужны. Знания стали передавать с помощью бумажных записей, что гораздо проще, чем делать это с помощью книг Кэлленара. Их мы создать не можем. У нас нет мастеров, а значит, мы не в состоянии зафиксировать и передать наш опыт старым способом.

Почему в больших городах хэльдов Очаг и Тепло с каждым годом становится все меньше и меньше? И пострадали они не меньше, чем хэльд Исцеление? Люди придумали другие способы обогрева жилья и приготовления пищи. Открытый огонь, печи, которые топят дровами и углем, различные жаровни... Это может сделать каждый, а не только иллар. Не надо бежать в храм, просить, платить... Кожевенники перестали использовать хэльды для обработки шкур, поскольку не-иллару для их пуска нужны ка-эль, которых осталось очень мало, иллары требуют возвращать их в храм Келара. Если хочешь работать без них, учись азам кэн-ли на Острове, хотя бы год, по упрощенной программе. Это, сами знаете, сложно, дорого, и не у всех получается. Зато способ травли кожи в чанах надежнее, проще, а то, что отнимает больше времени и усилий, так для того и существуют цеха и мастерские. А ведь храмам тоже надо отдавать процент с дохода...

И так происходит повсеместно. В последнее время, если у человека есть выбор и возможность не использовать хэльд, он его не использует. С каждой катастрофой количество хэльдов и ка-эль сокращается, а воссоздавать их взамен утерянных мы не можем. Получается, что Искусство умирает именно из-за катастроф. А катастрофы происходят из-за отказа от Искусства. Выходит, что Кэлленар медленно, эпоха за эпохой, самоуничтожается.

Какие хэльды до сих пор живы, несмотря на бедственное положение? В основном, это Окна. Почему? Потому что им нет альтернативы. А хэльды Дверь и Ворота? Раньше существовало тысячи Дверей во все концы света. Но люди изобрели колесо, оседлали арритов, впрягли их в повозки, построили корабли, научились плавать по морям и рекам, и потребность в Дверях уменьшилась. И они медленно стали исчезать.

После нескольких катастроф наш мир пошел другим путем, все меньше и меньше полагаясь на Кэлленар. Мы переживем эту катастрофу, возродимся снова, но магии в нашем мире станет еще меньше. Когда-нибудь она исчезнет совсем. Плохо ли это? Не знаю... Наверно, не так уж плохо. Островитяне не поощряют творчество в своих школах, поскольку в

их распоряжении достаточно знаний о системе, а под рукой имеется почти полный арсенал кэн-ли. У них нет стимула к развитию. Мне кажется, что агвалларская школа кэн-ли слабеет именно из-за отсутствия стимула к развитию. Здесь, в Очаге Солнца — другой подход. Мы поощряем своих учеников к творчеству. Может быть, если искусство и выживет, так только здесь, в Ард Элларе.

Ригойн замолчал, задумавшись. Потом добавил.

— Наверно, даже островитяне не дадут вам, Тэйн, однозначного ответа на вопрос «почему». Возможно, если вы будете настойчиво задавать его самому себе, вы получите ответ в книге Сач Сал. Попробуйте... может быть, у вас получится.

(Сезон Холода, Риаллар, Дарнейт)

— Прости, малышка, — длинное асимметричное лицо старшего брата было печальным. — Ни Дверь, ни Ворота в Мениде не работают. Не поверил я, когда меня предупреждали, — вздохнул он.

Лейт стиснула зубы и выдавила из себя улыбку. К чему его огорчать, он и так расстроен. Он не виноват, что не может ей помочь. Никто не виноват. Кто-то, наверно знает, почему один за другим умирают такие надежные раньше хэльды, но до сих пор в ней жила тайная вера, что эта беда как-то обойдет ее стороной.

Ворота, которыми брат собирался воспользоваться, чтобы забрать ее из Дарнейта домой, погасли за день до его приезда.

— Я уже поговорил с отцом, — продолжал брат несчастным голосом. — Он сказал, что сам отправится в Неллим, попробует нанять маленькое судно, без груза и пассажиров. Ты, главное, не волнуйся. Мы обязательно вытащим тебя оттуда. Потерпи еще немного.

Она кивнула, удачно удержавшись от слез.

Овал Окна перед ней свернулся мгновенной серебристо-голубой вспышкой. Нейрад, наблюдавший за разговором из дверного проема, позволил себе войти в ее комнату.

— Сочувствую, — улыбнулся он, протягивая руки и обнимая ее за плечи. — Совсем плохи дела на востоке. Слухи ходят, что рано или поздно и до нас докатится. Хотя лучше уж поздно.

Лейт не выдержала — слезы сами полились из глаз. Нейрад по-хозяйски вытер их ладонью, потом, отстранив от себя, усадил на низенькую софу у стены.

— Можешь жить у меня, сколько пожелаешь. Только вот девкам моим надо бы помочь, — ухмыльнулся он. — Не просто же так мне тебя кормить. Ты что умеешь?

— Все, — ответила Лейт, холодея. — Стряпать, убирать, шить. Читать умею, письма составлять.

— Ну, допустим, твоя ард элларская стряпня мне ни к чему, — рассмеялся он. — Здесь такую гадость даже аргам не скармливают. Ну ты, в общем, подумай сама, чем расплатишься.

Потрепав ее по распушенным сутра волосам, он вышел из комнаты. Лейт поспешно оделась и, стараясь быть незаметной, выскользнула на улицу.

День сегодня к долгим прогулкам явно не располагал. Небо затянули серые низкие тучи, моросил мелкий холодный дождь. Оскользываясь на мокрых камнях, она брела в полюбившуюся ей кондитерскую, чтобы там, в тепле и уюте ароматных запахов обдумать неожиданные и неприятные новости. К счастью, горько-сладкий ках стоил здесь сущие гроши, и, смакуя его душистый вкус, в кондитерской можно было сидеть до бесконечности.

Жить у Нейрада она не станет. Еще вчера он ясно дал ей понять, каких именно умений он ждет. Притиснув ее к стене, он долго, жадно целовал ее, и она не знала, куда деться от его жестких, сдавливающих рук, тяжелого тела и жаркого несвежего дыхания. К счастью, принуждать ее силой он не спешил, веселыми намеками предлагая самой выбрать эту естественную в такой ситуации плату за проживание. В общем-то, Лейт было все равно. Ночами приходила мысль, что в его предложении нет ничего постыдного, а если и случится у нее после ночи с ним дитя, так никто не усомнится, что это дитя Ас-Вардена. Она сама

будет рада, что не в одиночестве придется коротать долгие годы вдовства. Да и хотелось ей испытать пламя Койе, хотя бы из любопытства, хотя бы чужое, раз уж своего не дано.

Но было в этой мысли что-то неправильное, отвратительное, подлое. Вспоминался Жевр, несостоявшийся муж, и делалось стыдно и горько.

Лучше уж поискать работу, хотя бы за стол и кров. Служанкой в доме или посудомойкой в трайте. Да хотя бы в этой же кондитерской, как разносить. С жильем вот только туговато: все гостиницы, постоялые дворы и комнаты при трайтах были переполнены беженцами из Майра. Каждый день она методично заглядывала под каждую вывеску со знаком карны дороги, узнавая о свободных комнатах, с одним и тем же — отрицательным — результатом. Деньги, которые ей дал Джерхейн, она большей частью потратила на одежду и обувь, остальное — спрятала до лучших времен. Остатка ей хватило бы дней на двадцать в скромной гостинице с обедом.

Одним из выходов было обратиться за помощью к Холгойну, но теперь у нее не поворачивался язык. Еще в самом начале Джерхейн-Эйнир предлагал обратиться в святилище Феоллона, ведающее правосудием, засвидетельствовать ее личность и от своего имени потребовать от святилища Тармил в Улле через хэльд подтвердить брак, выступив свидетелем перед хэльдом Истина, но узнав, кто он такой, она отказалась. В первую очередь ему пришлось бы выдать себя. На следующий день о его возвращении узнал бы весь Дарнейт, а следом и весь Риаллар. И тогда... Лейт не очень хорошо представляла, что случится тогда, но умом понимала, что несвоевременная огласка может Джерхейну сильно навредить.

Значит, нужно терпеливо дожидаться отца или брата, пересидеть, пережить как-то это тяжелое время. Действительно, самый правильный выход — это работа.

А вот с этой просьбой, кстати, она может к нему обратиться. К нему и к хозяевам дома, где он живет. Конечно, может оказаться, что беженцы из Майра и тут ее опередили, но попробовать стоит.

Лейт доела пирожное, пообещала себе, что это последняя трата до приезда отца, и, слегка повеселев, отправилась в гости на другой конец города.

Джерхейн снова был не один: в той же комнате, на разноцветных подушках в полутьме сидела парочка музыкантов, исполнявших на тунде и аэрии незамысловатый, но очень красивый мотив. Сам он растянулся на софе, а рядом с ним, в полутьме, обреталось еще два человека, один из которых оказался тем самым толстячком, встреченным ею несколько дней назад. Усадив ее на софу, он извинился за шум и занятость и предложил ей наслаждаться музыкой, пока он обсуждает с гостями очередные проблемы...

Какое-то время она действительно слушала музыку. Постепенно ее уши привыкли к музыкальному фону и она стала отчетливо различать реплики, которыми обменивались Джерхейн и его гости.

— Допустим, пробрался ты в Эргалон, — говорил тот, которого она не знала — крупный мужчина с низким голосом, курчавой медной бородой и гривой каштановых волос. — Да там каждый арг тебе ручной! На улицах узнавать начнут. И все, считай, пропало, поскольку замок взять можно только неожиданностью и хитростью. Я не сомневаюсь, что если ты явишься, тебя поддержат все до единого. Для того, чтобы вышвырнуть островных колдунов, эргалонцам не хватает только вождя, способного довести дело до конца. Но ты сам знаешь — Риан Ал Джар так просто не возьмешь. Начнут с того, что сестру твою сразу же сделают заложницей.

— У нас точно нет своих людей в замке? — спросил Джерхейн.

— Откуда им там взяться? — буркнул толстяк. — Дружину выгнали, тех, кто сопротивлялся, прикончили, члены Совета Карн теперь в замок не ходят, заседают в городе, Совет старейшин тоже старается без нужды туда не заглядывать. Старая прислуга сбежала или затаилась, помалкивает, а новую никак не наберут — все местные, как один, ненавидят и боятся колдунов, да еще призраков невинно убиенных Холгойнов. Говорят, днем и ночью по замку разгуливают.

— Я бы тоже там разгуливал... как невинно убиенный, — хмыкнул Джерхейн. — В замок ведет несколько полупоздемных галерей, одна из них — из святилища Ильфейна, можно попробовать их использовать...

— Вельг — глава Ильфейна, — ехидно напомнил толстяк.

— Барр-упырь, — ругнулся Холгойн. — Убрать бы его по-тихому.

— Будет шанс — уберем, — сказал медноволосый.

Когда музыканты замолкли, Джерхейн вспомнил про Лейт и поспешно предложил ей угощаться тем, что стояло на соседнем колченогом столике. Она благодарно кивнула и потянулась к тарелкам. Несмотря на непривычно пряную кухню Риаллара, здешние блюда пришлись ей по душе, а уж сыры и фрукты и вовсе стали любимыми. Пока она ела, он расспрашивал ее о новостях, и, выслушав печальный рассказ об угасших Воротах, искренне ей посочувствовал.

— Я, как видишь, тоже здесь застрял, — пожаловался он, наполняя кубки гостей, а когда плеснул и Лейт, она поначалу замотала головой, но затем, вдруг осмелев, взяла кубок двумя руками и решительно хлебнула. Сахди быстро расслабило сковавший грудь ком, и она, почувствовав неожиданное освобождение, решительно села поудобнее, полуоткинувшись на подушки.

Меднобородый смотрел на нее с удивлением и любопытством.

— Не так-то это просто, оказывается, вернуться домой, — вздохнул Джерхейн.

— Простите, что слышала, — начала Лейт смущенно, — вы говорили о прислуге, — она окинула мужчин взглядом и, убедившись, что никто на нее не гневается, продолжила. — А можно ли... послать в замок кого-нибудь... не из местных горожан. Кого-то чужого, из соседнего города, например? Может быть даже не взрослого... Парня-подростка. Никто его не заподозрит. Если там одни колдуны, то вряд ли за вашей сестрой кто-то следит. Скорее, никому до малышки нет дела. Кого заинтересует, если она вдруг подружится с мальчиком чуть старше ее самой?

— Она дочь риана, — буркнул Джерхейн. — Никто не позволит ей болтать с поварятами.

— Она сирота, — голос Лейт обрел уверенность. — Вряд ли ее можно как-то использовать. А мальчик мог бы найти ваши ходы, особенно, если ему объяснят, где искать. И вывести девочку.

Меднобородый вдруг одобрительно кивнул.

— Верно. Рискнешь?

— Я? — изумилась Лейт. — Да я... разве я смогу... какой от меня толк? Я ж чужая, меня сразу раскусят.

— Именно, — воскликнул он оживленно. — Ты — чужая. Подходишь идеально. Скажешь им правду — про пиратов, про пролив, про Нейрада твоего мерзопакостного. Про невозможность вернуться. Легенду мы тебе чуть-чуть подправим, самую малость, так, чтобы

даже хэльд Истина не почувствовал лжи.

— Думаешь, Истина не отразит? — удивился Джерхейн.

— Экий вы, аш-чи, наивный, — хмыкнул тот. — Если с умом врать, так, чтоб и не врать вовсе, ничего Истина не засечет.

— А родители... — пробормотала насмерть испуганная Лейт. — Отец обещал мне перебраться через Пролив...

— Боюсь, у него еще долго не получится это сделать, — вмешался толстяк. — Грабежи судов участились, сейчас за проход через Пролив дикие деньги гребут, если вообще решаются. Отцу твоему разумнее оставить тебя здесь, в Дарнейте, на попечение того же Нейрада.

— А что не местная, так это даже лучше, — продолжил меднобородый. — Местных-то в замок палками не загонишь... Легенду придумаем такую, что Кимр прослезится. И парнишку-подростка найдем, помельче да посмышленнее, будет тебе личный связной.

— Лишь бы к хэлду не потащили, — встревоженный Джерхейн переводил взгляд с одного на другого. — Уверены, что получится? Мы ж ее погубим, если что.

— Не потащат. Островитянам нет дела до прислуги. Это чейн да чьянши жалуются, что рук не хватает.

— Я еще не согласилась, — в страхе перебила их Лейт. — У меня не получится.

— Получится, — заверил ее меднобородый. — Если что — просто сбежишь в город, к нашим. Даже если Итту не выведешь, все равно успеешь увидеть хоть что-нибудь. А потом... Эргалонские Ворота пока работают исправно, среди них есть одни, ведущие в Ард Эллар, в Гарду. До Мениды оттуда два дня пути. Наймешь проводника или попросишь брата, чтобы встретил тебя. Денег дадим, сколько нужно, насчет этого не бойся. Или сами проводника с тобой отправим, чтобы с рук на руки тебя сдал.

«Все уж лучше, чем в доме у Нейрада», — подумала она, и толстяк, прочтя что-то на ее лице, неожиданно прогудел успокаивающим, теплым голосом:

— Не бойся, девонька. У таких как ты, красавиц да умниц, все всегда получается, как надо.

Лейт горько усмехнулась, вспомнив свою злосчастную переправу через Пролив. Если бы не Джерхейн, сидеть ей в трюме пленницей, а может и вовсе наложницей пиратов. Или утонула бы, как большинство пассажиров. Или бы зарезали в драке, чтобы под ногами не пугалась. Она подняла на Холгойна взгляд и увидела его напряженное, не верящее лицо, глаза, полные страха, боли и надежды. Она, в общем-то, должна ему жизнь...

— Вы... вы точно уверены, что меня возьмут? — спросила она дрожащим голосом.

— Так если не возьмут, ничего и не случится, — хмыкнул толстяк. — Поедешь тогда домой, к брату.

И тогда она неуверенно, не глядя на Джерхейна, кивнула головой.

— Вот и умница, — обрадовался меднобородый.

Арта Сач Сал. 10 Пришествий назад. Небесный остров Агваллар

Результат его работы потряс мастера до глубины души. Остров-шар, замкнутый в оболочку, висящий высоко над земной твердью, странный, чудной мир, состоящий из множества ячеек наподобие пчелиных сот, с плавающими в воздухе радужными шарами, гигантскими гроздьями пузырей, похожих на разросшуюся до неузнаваемости виноградную лозу арали. Тем не менее, здесь уже зарождалась жизнь, ничем не похожая на ту, что была там, внизу. «Неужели это сделал я?» — ужаснулся мастер, исследуя вновь рожденный мир. Не иначе, руку его водила в этом деле чья-то другая, более могущественная рука. «Творцы, — подумал он со странным волнением. — Кто ж еще, кроме них?»

Но он уже любил это странное место, любил, как отец любит своего младшего сына, как мастер любит самое лучшее свое творение. Он захотел спуститься вниз, но для этого ему пришлось создать путь — нечто, похожее и не похожее на хэльд. Огромный разноцветный столб, соединивший небо и землю...

Земля лежала в руинах. Жара медленно спадала, пошли первые дожди, робко, неуверенно проклюнулась зелень. Он упорно и упрямо отыскивал тех, кому посчастливилось остаться в живых. Их оказалось чертовски мало, но все-таки...

Выжившие быстро освоились на повисшем в небесах странном куске земли, обжились, принялись отыскивать уцелевшие ка-эль и Книги Свода. Кэлленар им удалось возродить быстрее, чем мастер рассчитывал. Восстанавливать некоторые хэльды он отказался наотрез. Здесь, на Острове-в-небесах, была растительность и живность, способная прокормить небольшую колонию. Он решил, что физический труд и ответственность за будущее своих детей пойдут теллам на пользу. Первые годы урожаи были небольшими, зерна и овощей едва хватало на то, чтобы прокормиться впроголодь да высадить следующий, но постепенно они научились хозяйничать сами, без помощи хэльдов.

Колония росла, богатела, появились дети, подросли, народили новых... Жизнь текла стремительно и незаметно, мастер был так занят, так увлечен возрождением искусства и философии Кэлленара, что не заметил, как ушли те, кого он собрал на Острове в самом начале. Подросло еще одно поколение, затем — следующее, он старел, но медленно, а уж болезни и старческая дряхлость и вовсе обходили его стороной. Он радовался долголетию: жизнь его была наполнена смыслом, и он с ужасом думал, что когда-нибудь она все-таки оборвется. Но она не обрывалась, и он перестал бояться смерти, забыл о ней. Забыв о возрасте, он женился во второй раз. У него опять появились дочери и сыновья, они росли на его глазах, юные, чистые, сильные. Жизнь в других природных условиях изменила их внешность: исчезли складки-мозоли на лбу, кожа лица разгладилась, кости стали тоньше, рост — выше. Теперь они больше напоминали мать, уроженку четвертого поколения детей Острова, чем истинного телла-отца.

Именно они, его дети, пятое поколение людей, решили вернуться обратно на Теллар и попытаться возродить его. Он был счастлив, когда его ученики наперебой, взявшись за руки, излагали ему идеи возрождения Наземного мира, он благословил тех, кто ушел первыми, он напутствовал тех, кто уходил следом, он помогал им советами, радовался их победам, горевал над поражениями.

Годы шли, он по-прежнему был бессмертен и неуязвим, он пережил их всех, в

очередной раз познав горечь потери, он запретил себе любить и привязываться душою даже к бессловесным животным, боясь, что не переживет очередной разлуки. Бремя воспоминаний оказалось непомерным для него. И только мир, живой, полный красок, энергии, веселья, счастья, мир внизу, под Островом, видимый только в особые, построенные им хэлды, те, через которые он наблюдал за своими детьми, чтобы успеть вовремя прийти на помощь, — только этот мир приносил ему радость и отдохновение. Этот мир жил... Он не был похож на старый, исчезнувший под грудой пепла, он был проще, грубее, жестче — и в то же время чище и справедливее. И мастер почему-то считал всех людей, обитающих в Наземном мире, своими собственными детьми. Родными детьми.

...И все повторилось снова, как раз тогда, когда ему казалось, что возрожденная цивилизация Наземного мира достигла своего расцвета. Слепленный уверенностью, отвлеченный мелочами, он пропустил начало конца, а когда спохватился, было уже поздно. Он хотел спуститься туда, на землю, чтобы погибнуть вместе с детьми, но ему не дали, не позволили так глупо и бессмысленно рисковать собой. Островитяне были теперь не те, что прежде, почти тысячелетие назад, они отъелись и обленились, они настроили храмов и превратили Кэлленар сначала в религию, потом в особое искусство, доступное только избранным. Они убедили его, что Катастрофа неизбежна, что нужно лишь пережить ее, что их задача — сохранить жизнь и учение, а потом снова возродить Наземный мир. Зачем, подумал он тогда с ненавистью и отчаянием. Если через какое-то время они опять погубят себя? Зачем...

Шаг за шагом, в небесной голубизне Окна, он видел то же самое, что пережил когда-то очень давно. Ему казалось, что он навсегда забыл те годы, но теперь, увидев пылающий синим огнем Колодец, боль и ярость, отчаяние и страх вспыхнули в нем с новой силой. Будь проклят тот, кто создал этот убогий мир неспособным изжить зло из себя самого, тот, кто сделал людей неспособными очистить души от яда и нечистот. Будь они прокляты, Творцы, кем бы они ни были — богами, стихиями, философской абстракцией или такими же, как и он сам, людьми, наделенными властью и бессмертием. Будь они прокляты... Потому что перестав ненавидеть, жаждать славы, власти, богатства, мести, перестав мечтать о подвигах, они перестанут любить, жалеть, сочувствовать, страдать — они перестанут быть людьми, а значит, его детьми — и он перестанет любить их...

...Катастрофа затронула Остров, но в меньшей степени. Здесь не было бесчинств, войны и варварства, падения нравов и осквернения храмов. Был только сам хаос, горящие колодцы, рушившиеся хэлды, смерч, пронесшийся по всем ячейкам Острова и натворивший много бед, но все закончилось гораздо быстрее, чем он ожидал. Погибших оказалось немного. Все-таки оба Великих Колодца располагались очень далеко от Острова. Мастер помогал людям восстанавливать Агваллар как мог, но уже без прежней страсти и желания сделать лучше, чем было. Что-то умерло в нем, отгорело, отболело, осталась одна оболочка, все еще достаточно крепкая, чтобы продолжать жить. И он жил.

...А потом все опять повторилось, и Наземный мир умер и возродился, и снова он был похож и не похож на прежний. Мастера он уже не интересовал. Жизнь текла мимо него, он устал и одряхлел, но все еще был относительно крепок телом и ясен разумом. Те, кто теперь управлял Небесным островом, обращались с ним, как с богом, но ни почет, ни власть, ни слава не затрагивали его чувств. Он жил и жил, а когда в очередной раз увидел приметы надвигающейся беды, решил уйти. Спустившись на землю, он старательно вспоминал те слова, что в самом начале конца помогли ему вырвать у смерти неожиданный островок

спасения. И слова снова пришли, всплыли неизвестно откуда, но теперь смысл их был понятен и прост, и он радовался, вкладывая в них все свои силы. Восторг творения оживил прах его души, Огонь жизни пылал в ней как никогда ярко, водопадом изливаясь на свободу, но теперь образы, рождавшиеся в его распаленном воображении, были совсем иными, чем прежде. Ему чудилась не обитель богов, прекрасная, воздушная, возвышенно-изящная, а обыкновенная земля, такая, какой была она в его молодости, с яркими, сочными красками, синим безоблачным небом, буйной зеленью, свежим ветром, живительными ливнями, жарким и щедрым солнцем...

Очутившись на новорожденном Острове, он поначалу решил, что заснул по дороге в Сагир — прилег отдохнуть в стороне от обочины, там, где трава была зеленее и гуще, да и задремал от усталости. В тот самый день, когда император пригласил его в столицу империи, чтобы обсудить нечто важное. Он огляделся, не узнавая места. Потом вдруг вспомнил. Что-то внутри его закричало от возмущения — нет, не было этого, не было пылающих колодцев, не было безумного смерча, из которого родился первый Остров, не было бесчисленных лет бесполезной жизни. Всего лишь сон, тяжелый сон, какие часто снятся на закате солнца. Но представший его глазам мир, столь дорогой сердцу, был пуст и безлюден, хоть и полон жизни. И тогда он решил — сюда он никогда не приведет ни одно живое существо. Он устал и хотел одиночества. Он пробудет здесь до конца времен...

(Сезон Холода, Ард Эллар. Очаг Солнца)

— Я готов забрать твой камушек в любой момент, — сообщил Тэйну Рек, когда тот в очередной раз выбрался из Хранилища, пошатываясь от усталости. Вчера вечером, приведя Река в галерею хэльдов, он все-таки разведаль с их помощью, где Ригойн хранит артефакт.

— Ты решил, куда дальше?

— Мне нужен еще один такой, — признался Тэйн. — Его хозяйка — женщина по имени Ора Ильне, живет в Сторожевом Очаге Ард Эллара. Мне — туда. Потом — домой, в Эргалон.

После обеда он снова занимался с Линарой. После упорных попыток, дважды заканчивавшихся слезами, ей все-таки удалось создать свою первую связку. Девушка в изнеможении плюхнулась на скамейку и, подняв на него глаза, заявила, довольно улыбаясь:

— Фу, будто огород вскопала. Ты всегда так устаешь, когда строишь свои собственные конструкции?

— Не так быстро, — улыбнулся Тэйн, испытывая непривычное чувство гордости: впервые выступив в роли учителя, он радовался и за нее и за себя. — Обычно усталость приходит гораздо позже. Все зависит от опыта.

Она кивнула.

— Значит, буду практиковаться... Теперь мне понятно, как с ними работают.

— Ты можешь использовать урд-знаки не только для быстрой активации хэльдов, но и для других целей, — продолжил Тэйн. — Например, для защиты. Или нападения. Знаки Небесного огня в связке с Ударом и Воздухом производят очень эффектный огненный взрыв. Чем больше знаков тыстроишь в связку, тем сильнее получится взрыв, тем больше у него будет радиус поражения.

Осуждение так явно проявилось на ее лице, что он отвернулся.

— Тебе часто приходилось убивать?

— Мне приходилось сражаться, — ответил он резко. — Защищая свою жизнь. И не только свою. Не знаю, умер ли кто-то от моих магических атак. Останавливать нападающих у меня хорошо получалось, — тут он вспомнил Ахтан, побоище в трайте и закончил уже спокойным тоном. — Возможно, кто-то погиб.

— А мечом? И вообще, как получилось, что ты, иллар островной выучки, взял в руки меч? — в ее голосе уже не было осуждения, только любопытство. — А сражаться ты умеешь?

— Умею — ответил Ройг. — После Острова я часто... тренировался. На учебных мечах — они деревянные. Или на манекенах.

— А ты мог бы... убить им?

Тэйн задумался. Он неоднократно задавал себе этот вопрос, и гораздо раньше, чем встретился в илломайнском лабиринте с той странной разумной тварью.

— Да, мог бы, — ответил он твердо. — Я не чувствую в себе... ограничений. Милосердия, смирения или страха за бессмертную душу, которые запретили бы мне сражаться. Да, на Острове мне постоянно твердили, что великое искусство не терпит насилия, что иллар не имеет права отнимать жизнь, — в голосе его теперь звучало отвращение. — Да, раньше иллары были неприкосновенны. Но времена изменились. И если я не изменюсь вместе с ними, то погибну.

Линара медленно поднялась со скамьи.

— Так думают все, кто сейчас разрушает наш уклад, — сурово ответила она. — Мол, времена другие, время Кэлленара прошло. Как ты не понимаешь! Именно это его и разрушает. Отсутствие веры, отказ от традиций... Вы, иллары островной школы, дали себе слишком много воли, — она пристально вглядывалась в его лицо, пытаясь прочесть что-то важное для себя, но Тэйн спрятался за маску спокойствия и сдержанности. — Слишком много себе позволили. А теперь, когда все стало таким... неустойчивым, вы, вместо того, чтобы спасти положение, исправлять ошибки, хватаетесь за оружие.

— Слышали бы тебя островитяне, — усмехнулся Ройг с горечью. — Кимр, например.

— А что?

— Повторяешь его слова. Точь-в-точь.

— Значит, не так уж они неправы, — отрезала Линара сердито. — Должно же быть у тех, в чьих руках могущество, хоть что-то святое?

Яркие ее глаза метали молнии, с губ готовы были сорваться гневные слова. Волосы опять выбились из-под шарфа, покрывавшего голову, гибкая сильная фигура напряглась от едва сдерживаемого возмущения.

— Кто-то собрался шиаллах изучать, — улыбнулся Тэйн, любуясь ею. — Боевые шайолы.

— Шиаллах — это не Кэлленар, — возмущенно продолжила Линара. — Он более древний. Он был еще до кэн-ли, — горячо возразила она, видя скептическую ухмылку на лице Ройга. — С его помощью создали Кэлленар!

— Хочешь сказать, что раз он не является частью системы, то и убивать им можно?

— Защищаться, — поправила она яростно.

Тэйн рассмеялся. Смех его прозвучал в тишине класса очень громко и как-то особенно обидно.

— Думаю, боевые шайолы причинят вред гораздо большему количеству народа, чем поединок один на один с мечом в руках. Это гораздо честнее, чем убийственные заклинания, примененные против незащитных людей. Не так ли?

Не зная, что ответить, гневно сжав губы, Линара выбежала из комнаты.

Последний эпизод Книги Сач Сал оказался кратким, но до предела насыщенным информацией. Мастер-телл больше не появлялся. Дальнейшие ключевые события предстали перед Тэйном в виде ярких, последовательных картин.

Мысль о том, что на ход катастрофы можно и нужно влиять, зародилась в четвертую эпоху. Агваллар, по причине достаточной удаленности от Великих Колодцев, страдал от катаклизма слабее, чем Наземный мир, тем не менее, именно островитяне стали настойчиво искать выход. Невозможно было и дальше терять людей, знания, хэльды... Наиболее болезненной становилась потеря обученных мастеров своего дела, знания исчезали без надежды на восстановление, а записи на кожах и бумажных свитках оказались ненадежными и неустойчивыми. Результатом многолетнего труда целой группы ученых-жрецов стали пять урд-знаков, запечатленных в редчайших кристаллах особой огранки, названные Защитниками. Тэйн видел весь ритуал от начала до конца, все его подробности, ставшие для него тяжелым откровением, шаг за шагом. Шайола древнего языка шиаллах, связывавшая камни воедино на Великом Колодце, не просто забирала силы проводящего ритуал — она забирала жизнь. Впрочем, жрецы Острова и не думали отдавать свои жизни за целостность

мира — они предпочитали использовать чужие, принося жертву прямо там, на зеркально гладкой, чистой поверхности Колодца. Воздушный смерч прокатывался по земле и небесам, сопровождаемый огненными вспышками Кругов Власти, кое-где вызывая разрушения, неся смерть неосторожным и беспечным, но в результате все быстро возвращалось на круги своя. Хэльды некоторое время не работали, или работали со странностями, но постепенно и они приходили в норму. Спасенный островитянами Наземный мир преклонил колени перед всемогущим и милосердным Небесным Островом. В последующие две эпохи отношения между двумя очагами цивилизации изменились до неузнаваемости: Остров правил телларианами, превратив их в послушных и покорных рабов, и дважды спасал Наземный мир от разрушений и хаоса.

Но рабы имеют свойство бунтовать. С появлением признаков очередной катастрофы Наземный мир вышел из-под контроля, прокляв своих покровителей и взявшись за оружие. Ненависть к Небесному Острову была столь сильна, что риалларцы, взбунтовавшиеся первыми, объединились с хильдами и прорвались через Столбы прямо на внутреннюю поверхность Агваллара. Резня была короткой и жестокой — воевать островитяне не умели. Погибла половина населения раканов, и только столица Острова, Зар Ала, устояла под натиском боевых дружин, благодаря вовремя воскрешенным из забвения боевым шайолам. Остров был оккупирован телларианами, а жрецы в это время искали способ вернуть обратно власть и могущество... Катаклизм все решил за них. Доступа к Великим Колодцам Теллара у них не было, и начало бедствия едва не застало жрецов врасплох. Ритуал был проведен на самом большом Круге Власти святилища Илбара в Зар Але, но к уже опробованной шайоле были добавлены дополнительные знаки ши-ала. Результат оказался неожиданным: Катастрофа обошла Остров стороной, лишь слегка задев самые первые слои тарса, при этом внутренние области Агваллара и вовсе не пострадали.

Наземный же мир лежал в руинах... Кто-то из теллариан вернулся домой, потрясенный случившемся и считая катастрофу мстью островитян, кого-то жрецы успели уничтожить. Власть Острова над Наземным Миром опять была восстановлена, но уже в ином виде. Теперь островитяне боялись теллариан, закрылись и отгородились от них, насколько возможно. Именно тогда и возник запрет для илларов на оружие, именно тогда ученики агвалларской школы кэн-ли стали выборочно забывать о том, что они видели на Острове во время учебы. И никто больше не собирался защищать Наземный мир от хаоса. Все последующие катастрофы проходили по одному и тому же сценарию: Остров защищал сам себя и предоставлял хаосу разрушать Теллар, с тем, чтобы каждый раз снова приходиться на него повелителями и хозяевами положения. К концу каждой эпохи ненависть к Агваллару вскипала с безудержной силой, и каждая последующая катастрофа отбрасывали Наземный мир назад.

Кэлленар не восстанавливался. В Наземном мире не было больше ярких, сильных людей, способных прочесть Арта Аш Ар второй раз, чтобы освоить шиаллах, а следовательно, не стало и тех, кто мог бы открыть книгу Арта Ран Кэй, книгу мастеров, обучающую создавать хэлды. Несмотря на доступность книг для самих островитян, то же самое происходило и на Острове. С каждой катастрофой Кэлленар терял все больше и больше составных элементов, а значит, слабел и разрушался. А люди искали другие пути, все дальше уходя от древнего искусства, все чаще оказывавшегося бесполезным.

Когда Тэйн в очередной раз взял Арта Сач Сал в руки, знаки на форзаце книги не ожили

— это означало, что для него Арта Сач Сал закончилась. Его ошеломленный откровениями разум вот уже несколько дней пытался осознать грандиозность и неотвратимость надвигающегося бедствия, и отчаянно метался, пытаясь ухватиться за обрывки воспоминаний и выстроить хоть какой-нибудь план действий. Он мучительно пытался вспомнить, как именно звучали слова Кимра во время того знаменательного разговора в святилище Ильфейна. "Когда все пять ка-эль будут в ваших руках, кто-то из жрецов спустится сюда и очистит Наземный мир от ереси и скверны", — так, кажется, было сказано... "Спустится сюда и очистит Наземный мир", повторил он мысленно. Значило ли это, что островитяне собирались проводить ритуал на Колодце, как встарь, а не у себя на острове, а значит, исполнить то, для чего камни-защитники были созданы — защитить оба мира от последствий губительного катаклизма. Или... или ему хочется в это верить?

Нет, верить им нельзя, вероломство — их второе имя, если не первое... Тысячелетиями они раз за разом совершали преступление против человечества, и только наивный простак поверит в то, что к островитянам неожиданно вернулась совесть. Теллариане соберут для жрецов разбросанные по миру камни, чтобы те в очередной раз сделали свое мерзкое, трусливое дело...

Единственное, что во всей этой истории выглядело более чем странным, так это местонахождение камней-Защитников. Они должны были оберегаться островитянами, как великое сокровище, но вместо этого оказались разбросанными по миру, во владении разных людей из разных стран. Любопытно было бы узнать, почему островитяне их лишились, но Книга не показала Ройгу эту часть истории. Возможно, история камней никак не была связана с надвигающимся бедствием, поэтому она и не отразилась в книге.

Он бесцельно бродил по Очагу, намеренно прячась от Ригойна и Линары — он понимал, что не сможет внятно ответить на их закономерные вопросы. Ноги сами принесли его к полюбившейся рощице хвар. Стоял теплый пасмурный и безветренный день, облака, низко висевшие над долиной, прятали от взгляда высокие горные пики, и Тэйн долго и бездумно глядел, как они медленно дрейфуют вдоль реки, укутывая, слово ватой, ближайший харран.

— Ты не в духе, — констатировал Рек, привычно усаживаясь рядом.

— Я закончил Книгу, — сказал Тэйн. — Можно уходить.

— А камень?

— Камень... Видимо, тебе придется-таки его украсть.

— Когда?

— Подожди еще пару дней, — вздохнул Ройг после паузы, все еще испытывая жгучий стыд от своего решения.

— Скажешь, когда решишь, — кивнул Рек, вдруг став серьезным. — Но я б на твоём месте не сомневался. Они тебе ни капельки не доверяют. Утром вон опять мусолили-терли, что с тобой делать — тут оставить, силой, или прикончить. Не решили пока, что именно. Говорят, ты там в своей книге что-то такое вычитал, что никто до тебя не видел...

Я поступаю с Ригойном не лучше, чем островитяне поступают с нами, подумал Тэйн с горькой усмешкой, когда Рек ушел. Я ему лгу, опускаясь до презренного воровства. Но я не верю, что они ничего не знают про камни-защитники. Не могут не знать, если осведомлены о Катастрофе по книге Арта Сач Сал. У того, кто соберет эти камешки, будет в руках могущественный инструмент, с помощью которого можно диктовать миру свою волю. Я этого не хочу... Пожалуй, теперь я не смогу никому верить.

Вечером он достал тетрадь, где вел обещанные Орису воспоминания об отсутствующей книге Свода и заметки о прочтении Арта Сач Сал, и внес последние записи. Потом аккуратно вырвал из нее лист, на котором восстановил по памяти подробности ритуала, и спрятал в карман куртки. Увы, никто из тех, кого он знал, шиаллахом не владел, а повторно прочесть Арта Аш Ар здесь ему вряд ли позволят. И так ему рассказали слишком много для чужака... Странное чувство тревоги подталкивало его бежать из Очага Солнца, не пытаясь найти ответы на бесконечные вопросы, возникающие в голове как грибы после дождя. Из Книги Сач Сал Тэйн понял, что время ритуала чем-то ограничено. Трижды островитяне останавливали хаос, и каждый раз это делалось до возгорания Кругов Власти. Возможно, процесс можно обратить вспять только в определенное время, и в этом случае он должен торопиться.

Услышав стук, он резко повернулся на табурете и чуть не свалился на пол. Тяжелая деревянная дверь, скрипнув, приоткрылась, пропуская Линару. Вид у нее был встревоженный и немного виноватый.

— Мы сегодня не будем заниматься? — спросила она, быстро оглядывая его простое жилище. Комната-пещерка, с низким потолком, широким, но жестким ложем, грубым столом и стояком для одежды, представляла собой типичное ученическое жилье. Тэйн особо не привередничал — вряд ли в Очаге Солнца имелись роскошные гостевые комнаты

— Поздновато для занятий, — ответил он, радуясь, что она отвлекла его от тяжелых мыслей. Линара улыбнулась ему скользкой улыбкой, и, заметив бумаги, подошла к столу. — Это для Ориса? — спросила она, мельком глянув на записи.

Тэйн кивнул.

— Прости меня за вчерашние слова, — вздохнула она сокрушенно. — Я разозлилась. Это неправильно, понимаешь? Иллар — убийца. Противоестественно. Ты пойми, человек, обладающей такой силой, как кэн-ли, да еще и с мечом в руках, это...

— Даже не начинай, — буркнул Тэйн. — Не я придумал боевые шайолы. И не я первый поднял руку на илларов, вынудив их защищаться.

— Я понимаю, — согласилась она, виновато улыбаясь. — Обстоятельства иногда бывают сильнее нас.

— Вообще странно, что с тобой так получилось, — продолжала она, обходя стол и усаживаясь на край кровати. Тэйн машинально отметил, что на ней нет уже привычного ему платка, золотистые волосы распущены, а платье тоньше и наряднее обычного. — Чаще всего иллары очень привязаны к своим убеждениям и яростно их защищают. Знаешь, есть точка зрения, что островитяне могут управлять вами через ваше клеймо.

— Слышал я этот бред, — хмыкнул он. — Как ты себе это представляешь? Рука с клеймом живет своей жизнью и двигается отдельно от тела?

Линара рассмеялась.

— А как оно выглядит, ваше клеймо? У нас нет илларов с острова, ты первый. Может быть, ты покажешь?

Глаза у нее были тревожные и голодные.

Тэйн подсел рядом, скользнув ладонями по ее талии, и медленно, глядя ей в глаза, принялся расстегивать рубашку. Линара сама стащила ее с плеч, скользнула кончиками пальцев по обнажившимся плечам и задержалась на левой руке, там, где на коже был нанесен сложный узор знаков. Клеймо иллара было рыжеватого-коричневого цвета, шириною с ладонь и смотрелось как своеобразная татуировка-украшение. Линара водила пальцами по

изгибам символов, повторяя узоры, пока он нашупывал застёжки на платье. Нашел, бережно расстегнул одну, другую... Она плавно откинулась назад, на ложе, улыбаясь мягкой, зовущей полуулыбкой, и он наклонился над ней, собираясь поцеловать...

Руку пронзила острая боль. Он вздрогнул, ощутив, что узор на руке неожиданно нагрелся и горит, словно свежий ожог.

— Не обращай внимания, — шепнул он, видя, что она напряглась, и коснулся губами ее шеи, а она обвила его руками и жадно ответила на поцелуй...

Скрутило его совершенно неожиданно: резкой болью взорвалась голова, потемнело в глазах, руку с клеймом свело с такой силой, что он не сдержал стона и дернулся. Тэйн перевалился на спину, хватая ртом воздух.

— Что с тобой? — Линара приподнялась на локте, глядя на него внимательно и испуганно.

Желание и боль перехлестнулись в нем с такой бешеной, мучительной силой, что он с трудом сдержал приступ тошноты. Головная боль и судороги в руке пульсировали в такт биению сердца, его бросило в жар, затем — в холод. Обеспокоенная Линара подложила подушку ему под голову и укрыла одеялом. Он лежал, не шевелясь, не открывая глаз, и пытался понять свое неожиданно взбунтовавшееся тело. Откуда-то изнутри поднимались раздражение и неприязнь — к себе и к ней.

— Извини, — прошептал он сквозь зубы, боясь, что его сейчас стошнит. — Я, наверно, переусердствовал с Книгой. Я и сам... не ожидал.

— Не расстраивайся, — она с сочувствием погладила его по щеке. — Отдыхай. Мы еще успеем... поговорить.

Когда Линара ушла, плотно притворив за собой дверь, ушли и боль с дурнотой. Какое-то время он лежал неподвижно, ожидая подвоха, потом открыл глаза, осторожно поднялся и принялся исследовать клеймо. Кожа вокруг него слегка ныла, но рука двигалась свободно, никакого ожога не ощущалось.

В недоумении он прошелся по комнате, помахал руками и несколько раз присел, убеждаясь, что полностью здоров. Ничего подобного с ним еще не случалось... Илларам не запрещалось иметь семьи, они считались выгодной партией, семейным илларам позволялось жить не при храме, а в своих домах, но обычно никто из них не торопился в брак, пользуясь личной свободой и популярностью. Ройг не был исключением. Он легко увлекался и так же легко расставался со своими возлюбленными, и пока что ни одна из женщин не зацепила его душу по-настоящему. В Риан Ал Джаре он время от времени оставался на ночь после арраса, бывали случаи, что и не с одной танцовщицей, и никогда еще клеймо не реагировало так болезненно. Оно вообще никогда не причиняло неудобств. Даже после инициации.

Полностью раздевшись, он залез под одеяло и почти сразу же заснул. В предсонном сознании, за миг до сна всплыло сердитое и очень обиженное лицо синеглазой незнакомки.

Утром Тэйн еле поднялся. Книга вымотала его сильнее любых тренировок, любых подходов с Джерхейном и дружиной по Илломайнскому лабиринту, но еще сильнее давила растерянность на грани бессилия. Один камень — где-то здесь, в Ард Элларе, другой — и вовсе на Острове. Ригойн не отдаст свой добром, ни за что не отдаст, если знает правду, а значит, Реку придется его украсть.

Он с трудом отыскал Река; оказывается, тот еще ранним утром ушел в ближайший харран, и объявился только с первыми сумерками. Узнав о решении Ройга, он одобрительно закивал.

— Я уж поразузнал внизу, где арритов взять да куда ехать, где этот твой Сторожевой очаг находится. Не так уж и далеко, кстати, как говорят, несколько дневных переходов вниз по Торренту. Давай так... Завтра ты скажешь Орису с Ригойном, что уходишь. Задержи их хотя бы ненадолго. А я в это время схожу за камнем, — предложил он. — Попроси у них продукты в дорогу и карту местности. Не дадут — возьмем в долине, — Рек кивнул вниз, на едва различимые кихты. — Там люди добрее, иллару они не откажут. Хорошо бы, конечно, арритов добыть, да здесь их не держат, а там, — он кивнул на долину, — не продадут, мало их, придется до соседнего харрана пешком топать, и только там брать. Да и платить у нас нечем, разве что твоими услугами.

Тэйн медленно кивнул.

— С оплатой как-нибудь разберемся. Главное сейчас — взять камень и уйти без задержек.

— Уйдем, — хмыкнул Рек. — Где наша не пропадала...

— В Каньоне, например, — напомнил Ройг ворчливо. — Как бы наше с тобой нынешнее везенье не закончилось точно таким же образом.

— Не дрейфь, — хихикнул тот. — Не закончится.

Тэйн покачал головой. У него было острое ощущение, что островитяне их добром не отпустят.

(Сезон Холода. Риаллар, Эргалон.)

Отражение в зеркале ежедневно приводило Лейт в невероятное смущение. О Тармил, что скажет мама, если именно сейчас ей вздумается посмотреть в Окно на свою непутевую дочь! Потом она вспомнила, что хэльды в Улле угасают, и облегченно вздохнула. Не увидит.

Несмотря на постыдно открытые и откровенные одеяния, отражение в зеркале ей нравилось. Алое шелковое платье, складки которого распахивались при движении, открывая ее стройные изящные ножки аж до бедер, превратило ее из скромной тихой горничной в яркую красавицу. Сейна с Найлой с трудом убедили ее распустить волосы и заплели по местной моде несколько тонких косичек, украсив их яркими лентами. На запястья и лодыжки ей чуть ли не силой надели изящные браслеты, тихо звеневшие при каждом шаге. Чьянши, та, что командовала женской прислугой, одобрительно кивнула:

— Вот теперь нормально, — фыркнула она. — Ты служишь в королевском замке Риаллара, а не в прибрежной трайте. И да, если ты хотела в город — иди сейчас, вечером будет не до прогулок. И быстро!

Лейт обрадовано кивнула и бегом бросилась к себе в комнату, переодеваться. Вечером ожидался очередной аррас, на котором соберется эргалонская знать, иллары крупных святилищ, военная и торговая элита Риаллара. Агвалларец Кимр, стоявший за спиной Кианейт и фактически управлявший страной от ее имени, пытался хоть как-то наладить нормальные отношения с влиятельными горожанами.

Аррасы донельзя смущали выросшую в строгости Лейт, но ее новые подруги — девушки-горничные замка — радовались каждый раз, несмотря на прорву дополнительной работы, чудесной возможности поглазеть на известных людей, покрасоваться перед молодыми отпрысками знатных семейств и красивыми, статными воинами — своими и чужими. Хильдская дружина, состоявшая сплошь из пепельноволосых мускулистых красавцев, тоже изрядно отвлекала местных девчонок от прямых обязанностей. Поначалу к ним относились, как к оккупантам, но хильды вели себя скромно, никого не обижали, а если и предлагали любовь, то исключительно по взаимному согласию.

— Не забудь, ты должна заставить ведьму одеться, — бросила чьянши ей вслед. — Так что не задерживайся.

Ведьмой в замке называли Кианейт.

Переодевшись, Лейт решила выйти из замка не через кухонный двор, а через центральные ворота — она делала все, чтобы научиться побыстрее ориентироваться внутри Риан ал Джара и, возможно, запомнить что-нибудь полезное. Кроме того, сам замок произвел на нее неизгладимое впечатление. Впрочем, как и сам Эргалон.

Риан ал Джар, возвышающийся над столицей, простертой у его ног, сочетал в себе роскошный дворец и неприступный форт. Восемь его внешних башен и мощные защитные стены казались естественным продолжением скал и выглядели совершенно неприступными. Из города в замок вела всего одна дорога — она петлями вилась по склону горы и заканчивалась у Солнечных Врат. Въездная башня называлась Башней Солнца, Западная и Восточные башни не имели внешних входов, только порталы, ведущие во внутреннюю, королевскую часть замка, примыкавшую к скале. Здесь, собственно, и располагался сам дворец, окруженный аккуратными искусственными садами.

Из скальной части, у подножия которой размещался хоздвор — кухня, комнаты прислуги, склады и погреб, большая галерея хэльдов и собственное замковое святилище, по двухэтажной крытой галерее Лейт перешла в дворцовые покои. Мощные внешние стены упирались в скалу, к которой с обеих сторон дворца-крепости были пристроены квадратные башни, названные Скальными. Дворец возвышался над стенами, и с галереи, связывающей его со скалой, открывался волшебный вид на горы — с одной стороны, и на Эргалон — с другой.

Лейт шла по полупустым залам, представляя, каков был внутренний дворец, когда здесь царили Холгойны. Первый этаж был официальным: здесь находился зал приемов, роскошный, украшенный коллекционными древностями, старинными мозаиками и панно; в западной башне раньше заседал совет Карн, в восточной — совет старейшин. На втором этаже дворца размещалась библиотека, рабочие кабинеты риана и малые совещательные залы, а также комнаты тех старейшин, кто предпочитал жить в замке, а не в городе. Тут же был и Золотой зал — нарядная светлая палата для арраса. На третьем этаже располагались спальни, домашние покои и детские.

Как же уныло тут сейчас, думала Лейт, спускаясь по парадной лестнице в полном одиночестве. Кимр и его шайка заняли восточную башню и некоторые кабинеты старейшин. Совет Карн теперь собирался исключительно редко, предпочтя переехать в мэрию Эргалона. Остался кое-кто из старейшин — из тех, кто был действительно стар и не захотел менять привычный уклад даже при переменившейся власти. Наверху, в домашних покоях, только Кианейт занимала несколько комнат, да на противоположной стороне, подальше от островитянки, находилась спальня Итты, младшей сестры Джерхейна.

Из дворца она попала в Дворцовый дворик, отделенный от следующего — Дружинного — еще одной крепостной стеной, с квадратной зубчатой надвратной Птичьей башней. Здесь находился роскошный рукотворный сад-цветник с фонтанами, беседками, скамейками, лабиринтами вычурно подстриженных кустов. Боковые стены сада были сплошь покрыты лозами арали и вечнозелеными вьюнами, маскировавшими арки, за которыми лежали два просторных хозяйственных двора. Здесь же располагалась небольшая открытая галерея хэльдов, из которой тоже давно сделали арт-объект: ни одии из них не использовался современными имлларами ввиду утраты их назначения. Лежавший за крепостной стеной Дружинный дворик имел чисто оборонительное предназначение — тут были склады, конюшни и казармы. Большое пустое пространство от внешних ворот и до ворот Птичьей башни было вымощено гладкими до блеска плитами; в былые времена тут толпился народ в ожидании приема, проводились важные встречи, праздники, смотри и игры военных дружин.

Охрана Солнечных врат выпустила ее через узкую боковую дверь — не открывать же ворота ради служанки. Хильд-старшина ворчал, почему она не захотела идти через ворота Скальной башни, ведущие на западный хоздвор, но Лейт лишь взглянула на него с мягким укором, бросив невинное замечание про разбитую телегами колею и неудобную петлю, удлиняющую путь. Оказавшись на свободе, она заторопилась вниз по широкой извилистой дороге, плавно поднимавшейся по склону горы, на ходу любуясь величественным зрелищем. Там, внизу, лежал Эргалон, столь же пугающий, сколь и притягательный. Она боялась его пестрых и шумных улиц и одновременно переполнялась радостью от его оживленности и разнообразия красок. Там, внизу, ей предстояли две встречи: меднобородый Раммер ждал новостей, и Аррейн должен был встретить ее в садике святилища Келара, чтобы показать

рукотворные пруды, полные искусственно выведенных умельцами бога всего живого разноцветными рыбками.

Проникнуть в Риан Ал Джар оказалось несложно. Впрочем, ей действительно помогла тщательно продуманная предыстория. Когда чейн, управляющий замковым хозяйством, и присутствующий при этом благообразный немолодой агвалларец стали расспрашивать о том, как ее, жительницу Ард Эллара, занесло так далеко от дома, она рассказала им почти истинную правду, разве что отодвинув ее назад во времени. И про замужество, и про пиратов в Проливе, и про Нейрада. Только в ее истории она все же осталась у него жить, и даже приехала вместе с ним на столичную ярмарку. Когда он собрался домой, она отказалась возвращаться, прослышав, что в Риан Ал Джаре в последнее время не хватает опытной прислуги. Лейт жалобно поведала, как жестоко Нейрад с ней обращается, и даже продемонстрировала пару синяков, оставшихся после бегства с захваченного корабля.

Ей поверили безоговорочно. Внешность, манеры, акцент выдавали в ней обитательницу другого континента, а подробности схватки в Проливе, описание Неллима и Дарнейта, Дарданских Ворот, через которые она попала в Эргалон, приводимые ею легко и точно, были самые настоящие. Раммер познакомил ее с мальчишкой-связным, который нанялся в замок помощником истопника два дня назад, быстро провел по Эргалону, для правдоподобия поселил в крохотной дешевой гостинице, и велел выждать еще два дня, для подтверждения легенды.

Ее приняли. Положили небольшое, но достойное жалование, и, узнав, что она хочет жить в замке, дали крохотную комнату на нижнем уровне, почти у самой скалы. Тем не менее, окно в ее каморке имелось, так же, как и шкаф, низкое и узкое ложе, колченогий столик и хэльд Тепло.

Работы оказалось невпроворот. Старых слуг, за исключением чейна и чьянши, без которых в Риан Ал Джаре воцарился бы хаос, после переворота почти не осталось. Островитяне и охранявшая их дружина хильдов в город наведывались редко из-за открытой неприязни местных жителей, предпочитая проводить почти все время внутри дворцовых стен. Управляющий кое-как сумел набрать новых слуг, в основном из таких, как Лейт, пришлых; местные не очень-то хотели работать на ненавистных колдунов.

Мальчишка — его звали Тиор — ее помощник и спутник в этой опасной авантюре, был из местных. Несмотря на свои десять лет, росточку он был маленького, худенький, подвижный и шустрый. Его взяли помощником истопника: кроме хэльдов Тепло, в замке имелась дублирующая система отопления горячим воздухом, а в башнях Дружинного двора — множество кафельных печей, обогревавших каменные своды. Сейчас, в самое промозглое время, огромный замок нуждался в обогреве. Островитяне, привыкшие у себя на небесах к постоянному ровному теплу, все время мерзли и жаловались на холод.

Войдя в город, Лейт свернула с дворцового тракта на узкую извилистую улочку, заросшую атлахами. Там, в конце, в доме с тремя изящными золотыми башенками, ее ждали. Она уже была в этом маленьком, словно игрушечном доме, несколько раз: тут жили родители Раммера, тут всегда знали, где его найти, если Лейт придет с новостями или ей срочно понадобится помощь.

Мальчишка-посыльный привел меднобородого очень быстро.

— Меня приставили к Кианейт, теперь уже постоянно, — сообщила она после традиционной чашки каха. — Мне почему-то совсем не трудно с ней общаться.

— Потому что ты не местная, — прокомментировал тот.

Лейт пожалала плечами.

— Зря вы так. Она вовсе не рада, что оказалась в таком положении. Она среди врагов, собственный отец — и тот редко к ней заходит.

— Как мы и полагали, — хмыкнул Раммер. — Ширма, прикрытие, марионетка. Тем не менее, когда родится ребенок, он будет считаться законным наследником и она продолжит править от его имени, хотя на самом деле править по-прежнему будет Остров. Если, конечно, Джерхейн не убьет ее раньше.

— Вы хотите подослать к ней убийцу?

— Есть такой план. — неохотно кивнул тот. — Безумный и бессмысленный. Аш-чи ослеплен ненавистью, боюсь, он способен на этот безрассудный поступок. Единственное, что его удерживает — это сложность воплощения. Наш будущий риан вспылыв, но не безумен.

Лейт облегченно вздохнула. Ей было искренне жаль островитянку. Она не видела ничего зловещего в этой несчастной испуганной женщине.

— Меня с Иттой стали отпускать гулять в дворцовый сад, — продолжила она свой рассказ. — Девочка ко мне привыкла, няньки мне доверяют.

Как Лейт и предполагала, девочка в замке мало кого интересовала. Тихая, испуганная, молчаливая, она целыми днями сидела в своей богатой и пустынной комнате под надзором двух нянек. С одной Лейт быстро нашла общий язык — эта женщина приходилась девочке кормилицей. Вторая, приставленная больше для охраны, чем для заботы, старательно следила за тем, чтобы Лейт, пытаясь расшевелить девочку, ничего не украла. Лейт приходила сюда каждый день, терпеливо добиваясь внимания и доверия несчастного ребенка, и в конце концов Итта перестала ее пугаться и теперь встречала ее радостным визгом и непосредственным прыжком на шею.

— Вчера к нам присоединился Тиор, — Лейт улыбнулась, вспоминая прогулку. В карманах у мальчишки оказалось множество всякого пацанского барахла: камешки, ножик, разноцветные пуговицы, деревянная зверушка-уродец, косточки какого-то неизвестного Лейт плода. Итта, выросшая в чистоте и роскоши замка, даже не представляла, какими интересными могут оказаться все эти мелочи. — Думаю, его и девочку должны видеть вместе все чаще и чаще.

— Они должны примелькаться, — кивнул Раммер. — Ты, Тиор, Итта — чтобы ваша троица не вызывала в замке удивления. — Как малышка себя чувствует?

— Да не очень... Слишком худая для ее возраста, молчаливая, вечно настороженная. На здоровье, кажется, не жалуется, но она вообще не жалуется ни на что.

— Что в замке? Удалось что-нибудь заметить?

— В замке постоянно находится от двенадцати до двадцати пяти островитян, из них жреческий знак имеют только восемь. Остальные, как я поняла, Кэлленаром не владеют, они обычные слуги или помощники. Есть четверо человек охраны, из их собственных воинов, — продолжила Лейт. — Они называют себя «алареи», но это, как я понимаю, обычное название жителей острова.

Раммер кивнул.

— А хильды? Сколько их?

— С хильдской дружиной пока непонятно, — вздохнула девушка. — Их много и они все для меня на одно лицо. Чейн говорит, что их около восьмидесяти человек в замке, но чьянши считает, что меньше — многие живут не в замке, а в городе. Хотя едят они словно их две

сотни, — вспомнила она ворчливое замечание чьянши, повторяемое чуть ли не каждый день.

Раммер достал карту Риан Ал Джара и они принялись наносить на нее пометки, из того что Лейт уже удалось запомнить.

— Тиор просил передать, что проход за галереей хэльдов, о котором вы ему рассказывали, полностью заложен. Ворота Кухонного двора тоже очень хорошо охраняются, почти так же, как и главные, телеги с провизией досматривают еще до ворот, со всем тщанием, проезжают они по одной. Те, что едут обратно, тоже проверяют, хоть и не так дотошно.

— Жаль, — бросил тот. — Была у меня идея вывезти Итту на какой-нибудь из телег...

— Давайте еще понаблюдаем, — утешила его Лейт. — Может и получится...

Сердечно распрощавшись с меднобородым, она отправилась искать святилище Келара, в котором ее должен был ждать Аррейн. Путаясь и плутая в узких извилистых улочках, она то и дело спрашивала у прохожих дорогу, и добродушные эргалонцы охотно объясняли и показывали ей путь. Она не решилась попросить Раммера проводить ее — она решила не рассказывать ему о том, что здесь, в Эргалоне, у нее появился друг.

Они познакомились не так давно, на одном из риан ал жарских аррасов, когда Лейт впервые отправили прислужить в зале. Она почти споткнулась, едва не уронив на него кувшин с арали, ему чудом удалось удержать и ее, и кувшин от падения. Потом, позже, он несколько раз подзывал ее к себе с просьбой налить вина и понемногу расспрашивал, а на следующий день появился в замке с небольшим подарком. Лейт смутилась, но отказываться не стала. Вот уже два раза он приглашал ее в город, лично обращаясь к чьянши за разрешением и каждый раз кладя ей в ладонь щедрую мзду. Та хмурилась, но Лейт отпускала, а на днях бросила: «Не очень-то обольщайся, но может быть, это твой шанс сменить здешние грязные кастрюли на шелковый хитон жены или наложницы. Смотри не упусти. И не кривись, это тебе не ваш дикий горец, это иллар столичного святилища. Такими не разбрасываются»

Аррейн был илларом. Тогда, на аррасе, на нем был илларский ранд, хотя в городе он иногда одевался так же, как и простые горожане. Принадлежал он, видимо, святилищу Келара — Лейт не смогла прочесть символы на воротнике ранда, потому что там, дома, иллары не носили символы святилища на одежде, переспросить его самого она постеснялась, не желая демонстрировать свое невежество. Встречались они именно здесь — в тенистом, уютном дворике святилища Келара, чей сад с причудливыми рыбками Аррейн обещал показать ей сегодня.

Он ждал ее прямо у входа, сидя на приземистой изрезанной письменами тумбе, а когда она подошла, встал и отвесил сложный риалларский поклон. Он был всего на голову выше нее, и, как ей показалось, едва ли старше Жевра, и такой же плотный и крепко сбитый, но с открытым, улыбчивым лицом. Карие глубоко посаженные глаза, темные густые брови, кудрявые темно-русые с заметной только на солнце рыжинкой волосы до плеч чем-то напоминали ей изображения самого Келара в святилищах — именно таким представляли теллариане бога всего живого и живущего на старых полотнах. Ему не хватало только венка из лозы арали на голове и пастушьего посоха в руках...

Пруды с рыбками лежали за массивным, приземистым зданием храма, в роскошных садах, тянущихся чуть ли не до окраин. Лейт с детской радостью разглядывала разноцветных рыбок разных видов, лениво плещущихся в теплых прудах и рукотворных аквариумах.

Налюбовавшись на живность, они вышли на другом конце сада и устроились в

крохотном полутемном кафе, в котором одуряюще пахло свежей выпечкой.

— Ты придешь сегодня на arras? — спросила Лейт, с нетерпением ожидая заказа. — У тебя есть приглашение?

— Мне оно не нужно, — улыбнулся Аррейн — Приду, если успею. Дел много. Но я постараюсь, — видя, что Лейт улыбнулась, продолжил. — А кто еще будет?

— Я не знаю, — вздохнула она. — Я же всего лишь прислуга.

— Ты этого не заслуживаешь, — улыбнулся он, погладив ее ладонь.

— Мне надо заработать денег, чтобы вернуться домой, — повторила она часть легенды. — Нейрад уехал обратно в Дарнейт, я отказалась ехать с ним. Теперь мне только самой.

— А тебе не хочется остаться здесь?

Лейт пожала плечами.

— Мне нравится Эргалон, — честно призналась она. — Но он совсем другой. Слишком уж непривычно. Я очень соскучилась по Улле, — голос ее дрогнул. — Как только накоплю денег — поеду обратно.

Глядя, как хитро улыбается Аррейн, она в очередной раз задумалась, что именно толкнуло ее на эту авантюру с Риан Ал Джаром — то ли отчаяние после такой неожиданной и бессмысленной гибели Жевра, то ли мучительное отвращение к Нейраду, то ли гипнотизирующий, просящий взгляд Холгойна. Сейчас бы она, наверно, не ринулась бы в эту опасную авантюру, скорее бы устроилась служанкой где-нибудь в Дарнейте, ничего страшного, оказывается, в этом нет. Дождалась бы отца или брата, или, на худой конец, сама накопила бы денег на то, чтобы вернуться домой.

— А ты не торопись, — сказал Аррейн, глядя на нее ласково. — Сейчас не лучшие времена для Эргалона, но будет время, когда все изменится. Подожди до весны.

До arras оставалось еще много времени, но Лейт переделалась заранее — ей нужно было привыкнуть к новой одежде и помочь Кианейт с туалетом. Откровенное платье, распущенные волосы, обнаженные лодыжки и плечи — здешние порядки изрядно шокировали, Лейт стоило невероятных усилий преодолеть вбитую воспитанием сдержанность. И все же отражение в зеркале ей нравилось, несмотря ни на что. Она поправила талисман, для которого Аррейн подарил ей изящную серебряную цепочку. Тогда, в день знакомства, он был на ней и принес ей удачу. Она теперь всегда носила его на шее, не снимая даже ночью. Поначалу ей было очень страшно — ей казалось, что истинные намерения отражаются у нее на лице, но дни текли, полные забот, и она постепенно успокоилась, убедившись, что никому в голову не приходит ее подозревать. И все же... Даже с Аррейном она старалась не откровенничать, хотя ей очень хотелось ему довериться.

Вздыхнув, она покинула свою крохотную каморку и торопливо, почти через весь дворец, направилась в покои Кианейт — необходимо было помочь ей одеться перед arrasом.

Комнаты ее высочества носили следы жалких попыток переделать обстановку по образу и подобию агвалларской, но гордая островитянка быстро сдалась. Холодные серые и бледные голубые тона занавесей все равно превращались в огненные, поскольку солнце, рвущееся в большие стрельчатые окна, заливало их расплавленным золотом. Яркие ахтамарские ковры на полу и стенах не имели ни одного серого оттенка, зато изобиловали зелеными, синими, золотыми — ярчайшими красками живой природы. Даже спальня ее высочества, ее личный островок, ее убежище, устроенная поначалу на чуждый манер, теперь носила следы смещения культур. Богато расшитое покрывало и роскошный ахтамарский

ковер, множество больших и маленьких подушек с разноцветными кистями уже вытеснили белый кружевной покров, хотя обтянутые серой кисеей стены и плотно зашторенные от солнечных лучей окна все еще напоминали об истинном происхождении хозяйки спальни. Лейт уже знала, что ее высочество не любит ни темноты, ни яркого солнца, и магические светильники на стенах, делающие комнату очень светлой, прямо-таки белой, тоже давно не вызывали удивления.

Еще у дверей она услышала жалобные всхлипывания. Несомненно, гордая островитянка плакала... Лейт постучала, и, не дождавшись ответа, решительно вошла в комнату. На Кианейт было больно смотреть — покрасневшие глаза, припухший нос, дрожащие губы сделали надменную красавицу несчастной и жалкой.

Лейт не была жестокосердной, и даже всеобщее осуждение не могло удержать ее от сочувствия. Заставив островитянку выпить воды, она на свой страх и риск выбрала ей одежду и вежливо попросила:

— Примерьте, госпожа. Аррас вот-вот начнется.

— Не хочу, — всхлипнула та.

— Они придут за вами, — напомнила Лейт мягко. — И заставят.

Та неохотно переделась. К ее пепельным волосам, белой коже и серым глазам изумительно подходили голубые и сиреневые одежды, но Кианейт, казалось, было все равно, как она выглядит. Лейт вздохнула, силой усадила ее в кресло и причесала, как умела, на свой лад, по ард-элларски: гладко убрала волосы назад, заколола узел, обвязала лентами.

— Спасибо, — прошептала та.

Лейт поклонилась.

— В городе говорят, что мой муж Джерхейн собрал войско, чтобы захватить Эргалон, — сказала она медленно. — Ты ничего ... не слышала?

— Я редко бываю в городе, госпожа. У меня там никого нет. Но о войске я тоже слышала, — ответила она почтительно.

Кианейт рывком поднялась и подошла к зеркалу.

— Он не посмеет напасть на собственный дом. Если он попытается... Риан Ал Джар рухнет!

— Замок очень крепкий, госпожа, — сказала Лейт терпеливо, словно ребенка успокаивала. — Джерхейн это знает. Риан Ал Джар просто так не взять, — повторила она то, что неоднократно слышала еще в Дарнейте.

— Не в этом дело, — прошептала та. — Отец хочет укрепить стены боевыми шайолами, — и, видя удивленный взгляд девушки, пояснила. — Очень сильной магией разрушения, знакомой только алареям.

— Значит, никакое войско нам не страшно. Пойдемте, госпожа, без вас не начнут

— Мы все погибнем, Лейт, — в глазах Кианейт было неподдельное отчаяние. — Они не пощадят никого! Холгойн нападет на замок и тем самым активирует все, что они на него повесят. Стены этого не выдержат... И люди тоже. Нам будет некуда бежать. Мы погибнем здесь, все до одного. Отец не даст Холгойну прорваться, он скорее уничтожит Риан Ал Джар, чем уступит хоть пядь.

— Пойдемте, госпожа, — твердо сказала Лейт, чуть ли не силой заставляя ее подняться. — Нас ждут. Если Холгойн придет, это случится не скоро.

Гостей действительно собралось много. Лейт с откровенным любопытством разглядывала незнакомые лица, однако особо глазеть было некогда — приходилось бегать

разве что не вприпрыжку, чтобы поспевать за всеми указаниями чьянши. Когда же отзвучали благодарственные и приветственные речи, гости разбрелись по углам и диванам, самостоятельно выбирая угощение и наливая вино, она и еще несколько девушек остались в зале, чтобы при необходимости прислуживать Кианейт и другим гостям. Жены высокопоставленных лиц, глав больших карн и дочери знатных родов, красивые чисто риалларской, яркой, броской красотой, чувствовали себя на этом оживленном сборище гораздо свободнее, чем его хозяйка.

Лейт пристально следила за Кианейт, пытаясь разглядеть на лице островитянки следы недавних слез, но та лишь слабо улыбалась, превратившись обратно в надменную красавицу. Серый и синий шелк и серебро украшений выделяли ее из золотисто-красно-зеленой массы гостей холодным пятном на фоне изобилия сочных радостных оттенков. Лейт два раза подавала ей кубок сахди, и оба раза убеждалась, что та не отпила ни глоточка, только пригубила с теми, кто подходил с приветствиями. Ей кланялись, расточали комплименты, заверяли в верности, клялись в преданности, пряча за натянутыми улыбками умело сдерживаемую ненависть.

Ее в очередной раз позвали, она подала кувшин, разлила сахди по кубкам, поклонилась и отошла к окну, откуда весь аррас был виден как на ладони. Дым ал-за клубами вился под потолком, аромат его немного кружил ей голову. На мгновение Лейт захотелось поменяться местами с какой-нибудь веселой и хорошенькой гостьей, потягивавшей сладкое вино и развлекавшейся пустыми разговорами, но она вспомнила Кианейт и передумала. Море врагов и ни одного друга — нет, она не смогла бы жить в столь враждебной обстановке. Может быть, несмотря на столь неудачное начало самостоятельной жизни, она еще сможет подарить и пламя Койе, и нежность Тармил любимому человеку. А вот что ждет на этом пути Кианейт... страшно даже представить.

Аррейн появился, когда Ночное Солнце уже заглядывало в наполовину завешенные окна. Глядя, как он раскланивается с другими гостями, она удивилась той легкости, с которой он, простой иллар, общается со здешней знатью. Ард Элларские служители Кэлленара вели менее светский образ жизни, проводя в святилищах почти все свое время. Хотя... она так мало знала об их жизни. Считай, почти ничего.

Он обменялся с Кианейт несколькими фразами, судя по выражению ее лица, вполне дружелюбными, и присоединился к Лейт, которая, пользуясь временным затишьем, присела передохнуть на ближайшую от островитянки софу. Место Аррейна занял какой-то агвалларец, судя по вычурной одежде — не принадлежавший к касте жрецов. Лейт не помнила его лица — видимо, один из тех гостей или помощников, что время от времени появлялись в Риан Ал Джаре на короткий срок и потом возвращались к себе на Остров. Кианейт явно оживилась и они завели непринужденную беседу, изредка поглядывая на Кимра, который вскоре поднялся и, кивнув остальным со скучающе-усталым выражением, покинул зал.

— Ты слышал что-нибудь о войске Холгойна? — спросила она, вспомнив панику Кианейт. — Говорят, он идет на город.

— Слышал, — кивнул тот невесело. Островитянин рядом с Кианейт заозирался в поисках прислуги, но Аррейн удержал ее за руку, не позволяя встать. Через несколько мгновений кто-то из девушек уже нес им поднос с напитками. — Слухи летят быстрее ветра. К счастью, пока это всего лишь ветер. До бури еще далеко.

— Ты уверен? — удивилась она его спокойствию. — Говорят, с ним идет огромное

войско.

— Нет никакого войска, — хмыкнул тот. — Где он его тогда прячет, если оно есть?

Она пожала плечами.

— В горах, например? У нас в Ард Элларе водится немало банд, которые прячутся именно в горах, особенно на юге.

— Может и в горах, — пробормотал Аррейн. — Но вряд ли. Островитяне следят за ним. Они бы знали о его приближении заранее. Не бойся, — он посмотрел на нее с выражением заботливого отца, — ничего плохого он не сделает, даже если вдруг объявится. Ну, пошумит немножко...

Сдавленный стон и звук бьющейся посуды отвлекли их обоих. Там, напротив них, Кианейт пыталась помочь подняться рухнувшему на пол агвалларцу, но он, захрипев, дернулся, отталкивая ее руки. Аррейн и Лейт кинулись на помощь, но тот, посиневший, с выпученными глазами, еще несколько раз дернулся и затих, перестав хрипеть.

— Он... умер? — шепотом спросила островитянка.

Аррейн, по-илларски бегло проверив пульс и дыхание, коротко кивнул.

— И опять на аррасе, — хмыкнул он, быстро оглядываясь и жестом подзывая охрану. — Никого из замка не выпускать. Сообщите Кимру о случившемся. Возможно, убийца все еще здесь.

Лейт поймала полный паники взгляд Кианейт — та смотрела на кувшин с арали и два бокала на подносе. Ее собственный, налитый всего лишь наполовину, стоял нетронутый: по совету илларов-целителей она старалась воздерживаться от крепких напитков. «Джерхейн... — вдруг подумалось ей. — Он хотел отомстить ей за измену. И почти отомстил»

(Сезон Холода, Ард Эллар, река Тойрент)

Утро началось с холодного мокрого снега, завалившего костер и засыпавшего липкой пленкой спальные мешки путников. Линара, стуча зубами, принялась вытаскивать из-под груды веток газагара сухие дрова и раздувать огонь. Лигур и близнецы отправились вычерпывать талый снег из лодок, а Рек занялся завтраком, отпуская ворчливые комментарии на счет тех, кого понесла нелегкая дьяволы знают куда и зачем. Ройг так и не понял, имеет ли тот ввиду конкретно его одного или всех сразу. Запастись бы терпением, подумал он лениво, подыскивая себе поле деятельности и убеждаясь, что все делается и без него. Что ж, тот, кто не мешает, подчас приносит гораздо больше пользы, чем несколько энергичных помощников.

Они быстро позавтракали, наслаждаясь теплом костра и горячей пищей — похлебкой из мелких хлебных злаков и тертого сушеного мяса. В исполнении Река она оказалась почти съедобной. Тэйн, который так и не привык к пресной пище Ард Эллара, проглотил ее, мысленно обещая себе роскошное пиршество по возвращении домой, и, тщательно скрывая раздражение, принялся собираться в дальнейший путь.

Окружающие пейзажи наводили хроническое уныние, от которого хотелось плюнуть на все и сбежать куда подальше, или, на худой конец, напиться до невменяемости. Жухлая грязно-бурая трава, серое грязное небо, серая стылая вода, леденящий промозглый ветер превращали путешествие в пытку. Солнце не показывалось до полудня, в середине дня робко мелькнуло в прорехе облаков и скрылось, то ли напуганное свинцовой серостью пейзажа, то ли устремляясь туда, где его ждал более радушный прием. Линара уверяла, что с продвижением на юг окрестности станут живописнее, а пока унылые вересковые пустоши сменялись гранитными глыбами, обсыпанными кустиками золотистого мха, низенькими кривыми деревцами и стелющимися по земле корявыми ветками газагара, чей ствол торчал над землей наподобие трухлявого пня, разбрасывая окрест паутину ветвей.

Лодка быстро скользила по течению, маневрируя меж изредка попадавшихся на пути камней. Рек раскатисто похрапывал на дне, Тэйн ради разнообразия сменил Лигура у руля, но скоро, утомленный непривычным занятием, отыскал глазами фигурку Линары на носу, между Бэром и Бартом на веслах, и... они чуть не врезались в очередной каменный клык, торчащий над водой. Рек беспокойно заворочался под шкурой, Лигур хмыкнул и отобрал у него весло.

— Что-то уж очень мрачные здесь места, — сказал Тэйн через некоторое время, смущенный собственной неловкостью. — Я совсем не так представлял себе долину Тойрента по описаниям и рассказам. Мне казалось, берега густо населены, а здесь за два дня — всего лишь один Очаг да и тот вблизи Очага Солнца.

— Потерпите еще немного, — улыбнулся Лигур. — Завтра к вечеру мы должны добраться до Мениды. Больше плыть нам не придется.

Рек был жутко недоволен навязанной компанией. Тэйн молчал. Ситуация крайне ему не нравилась, но достойного выхода из положения он не видел. Утром три дня назад, после распева во внутренней часовне Илбара, Тэйн подошел к Ригойну и вручил ему тетрадь с записями. Высказав все заранее продуманные витиеватые благодарности, он сообщил, что на следующее утро планирует продолжить свое путешествие по Ард Эллару, и попросил

объяснить ему дорогу и позволить взять кое-какие припасы и снаряжение. В обед Орис и Ригойн сообщили, что, учитывая его ценность для Очага Солнца и для всего остального Теллара, они не только снарядят его в дорогу, но и дадут отряд сопровождающих, который поможет ему быстро добраться до нужного места в целостности и сохранности.

Сопровождающими оказались Лигур, два брата близнеца — Бэр и Барт, и Линара. Близнецов Тэйн несколько раз видел мельком в Очаге Солнца, определить, на что они способны, у Ройга пока не получалось, хотя впечатление они производили весьма мрачное: замкнутые и неразговорчивые, судя по телосложению, они скорее всего были воинами, а не илларами. С Лигуром Ройг общался мало, однако относился к нему с уважением и опаской — тот считался лучшим учеником Ригойна. Зачем здесь Линара, Ройг только догадывался. Орис не хотел упустить его из виду, возможно, существовал даже некий план привязать его к Очагу любыми способами.

Однако больше оставаться здесь он не желал. Камень-защитник, благополучно украденный Реком, лежал у него в маленьком непромокаемом мешочке вместе с остальными камнями.

Сторожевой Очаг, по словам Ригойна, находился на северо-западном побережье Ард Эллара. Близнецы были родом из тех краев, они и выступали проводниками. С их точки зрения, быстрее всего было спуститься вниз по течению Тойрента до Мениды, столицы северо-восточной провинции Ард Эллара, а там купить арритов или найти подходящие Дверь или Ворота, уводящие к побережью. Тэйн надеялся, что в шумной портовой Мениде он сможет отвязаться от своих нежеланных спутников.

Лигур уверенно правил лодкой, обходя опасные участки и удачно минуя пороги. Течение Тойрента в этих местах было быстрым, но не столь бурным, как в верховьях, лодка шла с хорошей скоростью, грести было легко, и Тэйн в основном глазел на проплывающие мимо унылые пейзажи. Первую ночь они провели под открытым небом, поскольку единственный попавшийся им по пути Очаг остался позади еще на закате дневного солнца. Только один из отряда, Барт, отважился искупаться, остальные, в том числе и Ройг, поежились и опасливо отошли подальше от воды, предпочтя греться у костра и травить байки. Предстояло еще полтора дня пути, наполненных ледяными брызгами, пронизывающим ветром и остановками под открытым небом, с которого то и дело сыпалось мелкое мерзлое крошево, весьма отдаленно похожее на снег.

Плыли молча, сменяя друг друга на веслах и старательно обходя клыкообразные скальные выступы, которыми был прямо-таки утыкан этот отрезок реки. Словно обломки чьих-то гнилых зубов, подумал Тэйн. Мысль о великане, потерявшем здесь свою вставную челюсть, показалась ему забавной, и он поделился ею под немелодичный храп Река. Отсмеявшись, они заметили, что пора бы уже и пообедать, и, высмотрев место поудобнее, причалили к левому берегу реки. Пока близнецы и Тэйн вытаскивали лодку вместе со спящим Реком, который то ли действительно спал, то ли притворялся, отлынивая от физического труда, на берегу перед Лигуром, возившимся с костром, появился голубой овал хэльда Окно. Увидев Ригойна, Линара поморщилась и, взяв Ройга за руку, увела в сторону, подальше от изображения.

— Сейчас он ругаться будет, — улыбнулась она, словно извиняясь. — Мастер не хотел его отпускать, да Орис настоял. И теперь без нас он не может разобраться ни с бумагами, ни с расписанием, — тут она хихикнула, как девчонка. — В день отъезда он уже успел напортачить... Смотри, — она кивнула на подергивающееся изображение, — злится. —

Бедный Ли! Нет, я ни за что туда не пойду, а то и про себя услышу что-нибудь... нелестное.

Пока те разговаривали, Тэйн и Линара набрали целые охапки веток. Когда овал хэльда исчез, они вернулись к костру. Рек продолжал валяться в лодке, закутавшись в куртку по самый нос.

— Будить этого лентяя или пусть проспит обед? — усмехнулся Лигур.

— Не разбудишь — он нас в лодке потом живьем сглодает, — проворчал Тэйн.

Остановка была короткой — только для того, чтобы состряпать горячее варево все из той же крупы и сушеного мяса, проглотить его, обжигаясь и радуясь теплу, свернуть пожитки и столкнуть лодку обратно в воду. Рек, выпавшийся и насытившийся, разглагольствовал о жизни, чередуя философские мысли со скабрзными анекдотами.

С тем и плыли.

Ройга одолевала стылая дрема, с которой он боролся по мере сил, пытаясь реагировать на шутки Река. Темнело, хмурые тучи нависали над местностью, закрывая и небо, и садящееся дневное солнце, и Агваллар. В какой-то момент наваждение, похожее на сон, все-таки затянуло его в свои зыбкие сети. Рваные кусочки сновидения, состоявшего большей частью из впечатлений предыдущих дней, постепенно сменились яркой картиной комнаты, украшенной искусной росписью. Голубое, серое и черное, сложный, витиеватый узор, похожий то ли на письмена, то ли на переплетения цветов и листьев... Приглядевшись, он понял, что это не роспись, а тончайшее кружево, натянутое на стене, а черные нити — всего лишь отбрасываемая им тень. Светильники в виде многоногих причудливых жуков были разбросаны по стенам в хаотическом беспорядке. Рука — его рука? — нет, белая и токая рука протянулась к одному из них, прикоснувшись хрупкими и длинными пальцами к гладкому панцирю жука. Жук потух, предоставив двум другим собратям делиться светом с хозяином комнаты.

Хозяином? Зеркало в вычурной раме отражало вовсе не мужчину. Молодая женщина смотрела на него выразительными синими глазами. В них тонул весь окружающий мир, свет и тьма, и он тоже потерялся, растворился в них... Пальцы ее неуверенно поднимались к пепельно-серебряным волнам волос, у висков запутались лапками два маленьких хищных паучка. Узор на их спинках почему-то оказался хорошо знаком, так хорошо, что он испугался своей забывчивости. Хозяйка паучков нервно поглаживала их пальцами, глядя на себя в зеркало. На ней был тяжелый и длинный, до щиколоток, халат, наброшенный на плечи. Точеные линии тела, совершенные и женственные... Неожиданно она поняла, что чьи-то посторонние, любопытные и жадные глаза наблюдают за ней из ее собственных, бездонная синева наполнилась ужасом, пальцы схватили одного, другого паучка и безжалостно сорвали их с висков, не жалея волос, обвившихся вокруг лапок... И зеркало разбилось от ослепительной вспышки, болезненно отдающейся в голове и в левом плече...

— Кошмар приснился? — услышал он насмешливый голос Река, восседающего на носу с видом бывалого морского капитана. — Кончай мотаться из стороны в сторону, как оглушенная рыба над котелком.

К вечеру небеса разразились мелким ледяным дождем. Одежда постепенно натягивалась сыростью, руки на веслах сводило судорогой, ноги стыли в неподвижности. После заката дневного солнца передвижение по реке стало невозможным: плотные низкие облака закрывали и Ночное солнце, и Агваллар. Предстояла очередная холодная ночь под открытым небом.

Помогая вытаскивать лодку на берег, Тэйн надеялся если не согреться, то хотя бы не

обледенеть на холодном ветру. Рек, завернувшийся в меховые мешки — свои и Ройга, пока тот пытался согреться естественным путем, привалился к камню и блаженно улыбался. Ворчание и ругань ему надоели.

Линара развела огонь и занялась приготовлением ужина.

— А здесь, — она окинул взглядом берег, — не так уж и плохо.

Тэйн не разделял этого мнения, но возражать не собирался. С юго-востока невысокий холм с густой порослью газагара прикрывал их стоянку от ветра, с северо-запада возвышались три остроконечных гранитных камня, сглаженных ветрами, обросших снизу золотистыми кляксами мха. Ложбинку между холмом и глыбами окаймляли редкие кусточки хнума, какие-то уж очень чахлые в этом неласковом крае, да шальные камни-окатыши, вываленные здесь весенними разливами. Усыпанный галькой берег был довольно далеко от лагеря, случись что — до лодки пришлось бы бежать ой как долго. А что может случиться, подумал он раздраженно. Зверюга какая нападет? Так не с реки же. Пока костер горит, да висит над камнями какая-нибудь магическая штучка вроде знака Небесного огня, зверюги предпочитают держаться в стороне. Преследовать их некому — грабители здесь встречались редко, большие пространства и отсутствие приличных дорог не давало разбойничкам развернуться, и хотя шайки по трое-четверо бандитов иногда осмеливались нападать на стоявшие в стороне кихты, вряд ли маленький отряд приглянется охотникам за легкой поживой. Кроме того, илларов здесь чтили даже больше, чем в Риалларе.

Груда шкур, из которой торчали голова и пятки Река, переместилась поближе к костру, озабоченно следя за манипуляциями Линары над котелком и давая бездну ценных советов. Она краснела и закусывала губы, но мужественно молчала, справедливо опасаясь, что ответь она хоть раз — и он не заткнется никогда. Бэр выплясывал у огня нечто похожее на ритуальный свадебный танец степных наездников, исполняемый женихом перед отцом невесты после испития священной водицы — дурацкой винной бурды, в которую добавляли настой из двадцати шести трав, зажигающий мужеский огонь даже в старце. Когда на второй день пути через Сухое Море они оказались на свадьбе в стойбище, тихо посмеиваясь над забавным ритуалом, Джержейну приспичило на спор с Ройгом допить то, что оставалось в расписном глиняном кувшинчике. Вкус его, видите ли, заинтересовал. Вспомнив, что творилось с Холгойной ночью, Тэйн улыбнулся: не во вкусе тогда было дело...

Ройг устроился у камней, вытащив меч из ножен и положив его на колени. Сушившиеся вблизи костра сапоги, нанизанные на воткнутые в землю палки, образовывали забавный частокол, прикрывая костер от леденящего восточного ветра. Хотелось размяться и попрыгать — вот уж точно бы согрелся. Он оглянулся на Линару, потом на Лигура, обосновавшегося на одной линии с частоколом сапог. Предложить, что ли, близнецам? Найдя их, он поймал хмурые взгляды обоих и решил не рисковать. Не поймут ведь.

Разминая левую руку, он неожиданно ощутил резкую боль в плече. Неужели опять клеймо? Закатав рукав, он стал рассматривать его, на всякий случай, убеждаясь, что ничего не оцарапал или поранил, и остолбенел, пораженный неожиданной догадкой. Тот затейливый узор на спинках паучков из его недавнего сна — он в точности повторял центральный элемент клейма-браслета на руке.

Он оглядел разноцветную вязь символов на коже со стремительно растущим страхом. Что это такое? Сны он считал крупными запертой островитянами памяти, бережно хранил все воспоминания и впечатления. Их не было, пока он шел через Каньон, пока отлеживался в харране, пока добирался до Очага Солнца — только в Очаге они и вернулись, его

драгоценные сны-воспоминания, частички той, прошлой жизни, которую он теперь проживал заново. Иначе не вспомнишь... А те бездонные синие глаза с тяжелыми ресницами и паучками в волосах — уже не первый раз они глядели на него в самом конце этих снов, глядели то сочувственно, то ласково, то взволновано. И узор на паучках — его узор, обозначал какую-то особенную, тайную связь. Очень важную связь.

Клеймо... А что оно вообще означало, кроме простой принадлежности к Острову, почему было таким сложным, почему всегда — разным, ни у одного знакомого иллара центральный рисунок браслета не повторялся. О чем оно говорило? И главное — что оно делало со своим владельцем...

Лигур отвлек его от размышлений, вытащив из мешка оплетенную корой флягу.

— Инта, настоящая на травах. Папаша мой ею от простуды растирался, — пояснил он, энергично встряхивая бутылку. — Ну и внутрь, конечно, не брезговал. Ты как — наружно или внутренне?

— Сначала внутрь, а на ночь и растереться можно, — оживился Рек, опережая Ройга.

Похлебка была уже готова, они разложили хлебные лепешки и сыр, но отхлебнуть драгоценного напитка Лигур позволил только замерзшим. От крепкой настойки живительное тепло сразу же побежало по жилам, мир показался ласковее и добрее. Уже почти стемнело, река и холмы скрылись в холодных зеленоватых сумерках, и лишь глыбы расплывчатыми темными пятнами нависали над ложбиной. Хлебная горячее варево и весело похваливая повара — даже близнецы включились в оживленную болтовню вокруг костра, они обсуждали планы на будущее. Лигур мечтал о сытном горячем ужине в трайтах Мениды, Линара смеялась, теребя Ройга расспросами о Риалларе, он охотно отвечал, описывая то Риан Ал Джар, то сам Эргалон, то шумные торговые площади, каких он пока еще ни разу не видел в Ард Элларе. Лигур улыбался, Рек отпускал сомнительные шуточки, и даже молчуны подали несколько реплик.

Когда трапеза подошла к концу, Лигур предложил выпить еще по глотку инты. Линара убежала на берег мыть котелок и ложки, Лигур и близнецы отправились собирать хворост для костра, Рек рылся в мешках, озабоченно бормоча себе под нос. Ройг на какое-то время оказался у костра в полном одиночестве. Сильно хотелось спать, но в душе поселилось какое-то непонятное беспокойство. Было что-то натянутое, неестественное в легкомысленной болтовне ард элларцев, в самой обстановке вокруг костра. Место здесь, что ли, такое тоскливое... Рек нашел свою потерю и уполз куда-то в сторону, а может, просто пошел поискать укромное местечко, где можно было в тепле и сухости справить нужду, ни Линара, ни те двое с Лигуром еще не вернулись. Постепенно все остальные улеглись рядом с костром, и, согревшись живым теплом, один за другим погрузились в сон. Последним успокоился Рек, потребовав перед этим еще один глоток инты и выхлебав чуть ли не половину бутылки. Лигур со смехом оторвал его от баклаги, взмолившись оставить на крайний случай. Потом утихомирился и он, и Тэйн остался один в обществе мирно сопящих спутников. Его тоже начинало клонить в сон, но он хотел разобраться со смутными подозрениями. Может быть, действительно место, хмурое, тревожное, вон эти глыбины так и нависают над ложбиной... Или удивительное безлюдье, ни одного кихта, даже нежилого, без крыши, какие часто встречались в тех местах, которые попадались ему на пути к Очагу Солнца. Или неопределенность, практически путь в неизвестность, с нежеланными спутниками и неуверенностью в конце... Кто такая — женщина по имени Ора Ильне из Сторожевого Очага, как ее там разыскать и как вести с ней разговор?

Он поднялся на ноги и, отыскав небрежно брошенную баклагу, собрался было хлебнуть и последовать примеру остальных, но тут одна из шкур зашевелилась и из-под нее выползла Линара, растрепанная со сна и чуточку встревоженная. Тэйн улыбнулся ей и вернулся на свое место, разворачивая скатку спального мешка из шкур. Линара, с распущенными непокрытыми волосами и домотканой рубахе до колен, осторожно переступила через неподвижного Лигура и, оказавшись рядом с Ройгом, медленно опустилась на только что развернутый мех. Улыбнулась Тэйну скользкой улыбкой и села так, чтобы ее подтянутые к животу и оголившиеся колени оказались совсем рядом с его рукой — случайное движение и его пальцы коснулись бы нежной кожи...

— Все еще холодно? — спросила она, указав глазами на баклагу с интой.

— Да уже не так, — ответил он дружелюбно и неторопливо, делая вид, что не понимает ее намека. Сейчас вокруг было слишком много посторонних.

Она оказалась совсем рядом, оплеля рукой его шею и заглядывая в глаза.

— Я бы могла помочь тебе согреться, — Линара хотела его поцеловать, но увидев что-то в глазах, передумала и расслабила руку, змеей скользнув вниз, к ремню. Наткнувшись на ножны, она хотела сначала отстегнуть их, потом вытащить клинок, но он вовремя перехватил ее руку и, сжав запястье, отвел в сторону.

— К нему лучше не прикасаться, — объяснил он виноватым голосом, будто боясь, что она обидится. Но она только улыбнулась и покачала головой.

— Я осторожно. А лучше ты сам убери их.

Ройг отстегнул ножны и огляделся, проверяя, спят ли товарищи по походу. Лигур заворочался. Соблазн был велик, но он еще не совсем потерял голову.

Маленькая пауза помогла ему взять себя в руки и перехватить инициативу.

— Знаешь, здесь как-то неуютно, — заговорил он, улыбаясь и отпуская ее запястье, но она не торопилась отнимать руку. — И холодно. А завтра мы уже будем под крышей, — он посмотрел в ту сторону, где во мраке утонула река, и почувствовал, как медленно уползла в сторону маленькая ручка Линары. Помолчав, она сказала:

— Говорят, островным илларамам запрещено любить.

Тэйн пожал плечами. Слышал он эту байку, ее любили повторять в охваченной безумием Каррее, где любовь вообще признавалась только в законном браке. Но отвечать Линаре не торопился — он чуть ли не кожей чувствовал, как ее охватывает злость.

— Говорят, что клеймо, — она пальцем провела по тому месту на плече, где под одеждой находился браслет. Он вздрогнул — клеймо опять отозвалось болью. Линара вздохнула и продолжила, — что клеймо отнимает у вас любовь. Вы знаете только пламя Койе, да и то — тусклое, бледное, а уж нежность Тармил вам и вовсе недоступна.

— Ты хотела проверить? — спросил он, внезапно рассердившись. Глаза у Линары были злые, не Тармил, покровительница истинной любви, говорила сейчас ее устами, а Ойе, оборотная, проклятая сторона Койе, многоликой богини Ночи. Он рванул ее к себе, приник к губам, сжав так, что она охнула, но вырваться не пыталась, наоборот, прижалась и попыталась ответить на жадный поцелуй. Его обдало жаром, но в следующее мгновение осуждающие и обиженные синие глаза двумя яркими светильниками вспыхнули где-то на дне сознания и он выпустил Линару, отшатнувшись от нее.

В ее глазах все еще плясали злобные отблески Ойе, и он, поражаясь вернувшемуся самообладанию, сказал спокойно и даже дружелюбно.

— Давай подождем, — она прикусила губку и он продолжил, — до тех пор, пока ты

действительно не поверишь, что ничто не способно отнять у человека нежность Тармил. Никакие клейма. Если, конечно, он сам не хочет ее лишиться.

Она медленно встала, плавно повела плечами, и, не вымолвив больше ни слова, вернулась к себе и с головой нырнула под шкуру.

«А может, это действительно так? — подумал он с удивлением, заливая в себя остатки инты. — Чей это призрак так настойчиво уводит меня из мира реального в воображаемый?» Пустая баклага полетела в сторону, рассерженный Тэйн не рассчитал силы — доньшко бутылки гулко тяпнуло лежавшего за частоколом сапог Река прямо по лбу. Ройг притворился спящим, ожидая бури, с трудом сдерживая готовый прорваться смех.

Бури не было. Рек не проснулся.

Глава

33

(Сезон Холода, Ард Эллар. Очаг Солнца)

— А ты уверен, что это сработает? — Кельхандар вертел в руках две тоненькие палочки — ка-эль, из прозрачного, искрящегося золотым и красным стекла. — И ритмический рисунок заклятия у тебя какой-то... странный, — он смотрел на листок бумаги, потом на друга, на лице которого сияла довольная улыбка. — Да это вообще не урд! — возмутился он. — Откуда ты ЭТО взял?

Тэйн вырвал у него листок.

— Неважно. Есть здесь одно хитрое место. Точнее даже не здесь. За этой штукой я вниз ползал!

Воспоминания о дерзкой ночной вылазке во внутренний храм наставников, в одиночку, без Кельха, были болезненно яркими. Тэйн до сих пор трясся от страха. Если бы поймали — вышвырнули бы с Острова без разбирательств. Тем не менее, он рискнул спуститься по державшему пузыри-раканы черенку, добравшись до слоистых белесых облаков, на поверхности которых и находилось это пузырчатое сооружение — храм наставников. Ничего особенного... Обыкновенное жилище старейшин и учителей, с небольшой внутренней часовней. Он собирался стащить оттуда эти две ка-эль совсем для другого дела, но задержался в часовне, привлеченный объемными, ярко светящимися в темноте надписями. Кое-что показалось ему понятным, хоть и не похожим на уже привычный урд, и он, увлеченный зловещей красотой живых трехмерных узоров, кое-как перенес их на бумагу. Знаки прекрасно ложились в формулу, над которой они с Кельхом давным-давно ломали голову.

— В чье святилище пойдём? — невозмутимость быстро вернулась к Кельхандару и он осторожно спрятал палочки в карман. — Хэллик ближе всех.

— Пойдем к Феоллону, — решил Ройг. — Уж он-то наверняка знает ответы на все вопросы.

Существовала среди учеников старая бродячая легенда, что с помощью ка-эль Ихар, приведенных в действие над Кругом Власти в святилище, можно оживить его покровителя и тот ответит на любые вопросы. Любопытные и неугомонные ученики беспрепятственно добывали ка-эль, однако на этом все и заканчивалось. Ка-эль не желали подчиняться корявым и нежизнеспособным ученическим конструкциям — они даже не оживали в руках молодых илларов.

Кельхандар и Ройг давно уже ломали головы над этой загадкой, поскольку вопросов без

ответа за время обучения накопилось у них предостаточно. С годами обучения становилось понятно, что простыми урд-знаками при воздействии такого масштаба им не отделаться. Требовалось нечто гораздо более мощное, чем рядовое заклинание или связка урд-знаков. То, что нашел Тэйн, могло подойти... Кельхандар попробовал мысленно нарисовать этот сложный, похожий на цветок узор, и уже воссоздав первые петли, почувствовал движение Огня жизни. Он поспешно остановился — лучше приберечь силы для настоящего дела.

Они выбрались в святилище Феоллона той же самой ночью. Кельхандара лихорадило от предвкушения запретного удовольствия. И не только от этого... Если у них получится, все остальные ученики умрут от зависти. Попав на Остров позже Тэйна, Кельхандар был на несколько лет старше и чуть ли не на голову выше. Он был уже взрослым парнем, в то время как Ройг все еще оставался мальчишкой. Тем не менее, он тайно завидовал своему другу, который существенно опережал его в освоении искусства. Они дружили и одновременно соперничали.

В святилище было сумрачно и холодно. Островные святилища мало напоминали телларианские — всегда просторные, с очень высокими сводами, выдержанные в одном цвете — цвете бога-покровителя, без Купола служб, без изображений. Только огромный зал и Круг Власти в центре. И светящиеся надписи на стенах.

Одеяние Феоллона представлялось островитянам сумрачно-красным, поэтому все святилище было выдержано в багровых тонах. Оба они здорово струхнули, пока шли сюда мимо дежурных, похрапывающих на своих постах с чистой совестью, а теперь и вовсе жались к двери, не уверенные в том, что затеяли. Когда любопытство пересилило страх, Тэйн шагнул вперед.

Он велел Кельхандару стать напротив него с другой стороны Круга и развести руки с ка-эль. С выражением скуки на лице Кельх повиновался. Подрагивающие коленки и неровное дыхание выдавали его с головой. Все, что нужно было сделать и произнести, Тэйн помнил наизусть. Вытянув руки над Кругом, он стал по одному воспроизводить объемные знаки-цветы, вплетая их в узор придуманного им заклятия. Знаки быстро наливались силой, становясь объемными и детальными, увеличиваясь в размерах, и он неожиданно ощутил, как быстро уменьшается запас его собственного Огня жизни. На всякий случай он оперся ногой о Круг Власти. Стало немного легче.

Конечный результат превзошел самые смелые ожидания. Зал вспыхнул и осветился неизвестно откуда взявшимся светом. Из Круга Власти вырвался ослепительно белый столб огня, едва не опаливший обоих заклинателей-недоучек. Кельхандар, оступившись, попытался удержать равновесие, взмахнул руками с ка-эль, и мощный поток пламени распался на два неравных огненных столба. Один из них рванулся вверх, вышиб дыру в куполе святилища, а второй, поменьше, ударил в стену, чудом не задев стоявшего напротив Тэйна. После этого огненная стихия снова слилась воедино, пол под ногами задрожал, стены снова вспыхнули ярко-красным светом. Тэйн, оцепеневший в нескольких шагах от Круга, пытался сообразить, как можно утихомирить это огненное нечто, но ка-эль были у Кельха, который, шатаясь, брел к выходу. Когда рядом с ним обрушился огромный кусок стены, а в лицо брызнуло каменным крошечком, Тэйн не раздумывая бросился к двери.

Там, на ступенях перед святилищем, их уже ждали наставники. Лица, бледные, искаженные ужасом, слились в одно сплошное полотно, на котором Тэйн видел только горящие испугом глаза. Старейшина школы и старший жрец святилища, не обращая внимания на мальчишек, кинулись в храм, а их схватил за плечи кто-то из наставников. До

Тэйна долетали срывающиеся на крик голоса:

— Что? Шайола вышла из-под контроля!

— Хорошо хоть живы остались...

— Откуда дети взяли ши-ала? Подсказал кто-то, конечно же! Сами? Вы бредите, уважаемый. Книги шиаллаха давно утрачены, что касается собственных записей, здесь, в школе, их нет! Только в столице...

— Мальчишка — ученик, владеющий шиаллахом? Глупости говорите, господин мой, бросили скорее какую-нибудь гадость на Круг да подожгли. Смотреть лучше надо.

— А вы сможете управлять шайолой, не принося жертву, наставник? Да-да, и я так думаю — сил не хватит. Кто-то все-таки им подсказал...

— Может, он был с ними там, у Круга?

— Зачем ему рисковать? Достаточно открыть Окно.

Кельхандару стало обидно — они сами, без какой-либо посторонней помощи создали эту «шайолу», никто им не помогал. И только потом, позже, пришел страх. В куполе святилища — дыра, украденные ка-эль предательски торчат из карманов, и все наставники школы сгрудились перед входом, бросая на нарушителей свирепые взгляды.

— Выгонят, — прошептал Тэйн помертвевшими губами.

— Не выгонят, — хмыкнул Кельх. — Арта Аш Ар ты уже прочел, а после инициации обратного пути нет. Ну накажут... Подумаешь! Даже если выгонят — что ты потеряешь?

Тэйн пожал плечами. Он был готов на все, чтобы его оставили на Острове. Возвращаться ему было некуда.

Последовавшее наказание оказалось жестоким. Тэйн потерял сознание под кнутом, потом еще много дней пролежал в темной сырой клетушке, поддерживая силы только водой и лепешками. Он лежал на полу, сглатывая злые слезы, проклиная всех островитян, имена которых мог вспомнить. Каждый день к нему приходил кто-нибудь из наставников школы, а то и старейшины, допытываясь, как ему пришло в голову устроить этот дурацкий эксперимент в святилище. Он сказал неправду, заявив, что трехмерные знаки явились к нему во сне, он запомнил их и решил применить на практике. Валяясь на каменных плитах, едва выдавливая из себя слова, он выглядел весьма убедительно. Потом оказалось, что Кельхандар, стараясь выгородить друга, свалил все на некоего постороннего жреца, который показал им знаки, дал ка-эль и велел помочь ему вызвать бога, у которого хотел узнать какую-то тайну... Тэйн клялся, что не помнит ни знаков, ни структуры заклятия. Кельхандар вдохновенно описывал чужака-жреца. Чему в итоге поверили островитяне, никто из них двоих так и не узнал. Обоих оставили в покое, выпоров еще раз для закрепления урока. А еще через несколько дней вернули обратно в школу. Доучиваться.

На самом деле Тэйн прекрасно помнил все, что сделал в ту ночь, ведь он не просто срисовал со стены знаки — он сумел вдохнуть в них жизнь и даже удержать в связке. «Шиаллах, — повторял он. — Эта бешеная штука называется шиаллах. Интересно, что это? Похоже на другой магический язык. Судя по всему, сильнее урда».

Кельхандар, выслушав его соображения, усмехнулся.

— А может, это бог откликнулся на наш зов? А мы не успели ничего спросить.

— Вряд ли мы теперь узнаем, что там было, — буркнул Тэйн. — А что до бога — то я в него не верю.

(Сезон Холода, Ард Эллар. Долина реки Тойрент)

«Шайола, — подумал он уже в полусне, — шиаллах... Неудивительно, что жрецы перепугались и подумали о предательстве. И неудивительно, что я ничего не помнил об этом»

В полусне ему показалось, что он все еще лежит на холодном полу той клетки под святилищем, ожидая приговора. Холод держал его в неподвижности, руки-ноги онемели и отказывались повиноваться. В животе выло то ли от голода, то ли от боли, а согнуться почему-то не получилось. Он с трудом приподнял веки, увидел серое, испятнанное облаками небо, с которого сыпалась белая льдистая крупа, и вспомнил, что те события на Острове давно остались в прошлом. Тем не менее, боль оказалась самая настоящая, а когда он попытался изменить положение тела, она резко усилилась и оглушила, в то же мгновение вернув память...

Через силу Тэйн попытался осмотреться. Шум реки слышался теперь с другой стороны, похоже, они опять сменили место стоянки. Со всех сторон торчали гладкие, обточенные водой и ветром валуны. В поле зрения появился Лигур, его лицо приблизилось, в руках появилась баклага, горлышко которой ткнулось ему в зубы. Ройг охотно отпил столько, сколько ему позволили, задохнулся, когда огонь обжег внутренности. Отдышавшись, прислушался, как блаженное тепло растекается по телу, как проясняется в голове и утихает звон. Соображалось плохо, однако ответить на некоторые вопросы самому себе все же пришлось.

Где Рек? Со вчерашнего дня, проснувшись связанным, Тэйн не видел и не слышал своего спутника. Лигур заявил, что тот также связан и занимается любимым делом — спит. Как же, станет он спать, когда такое случилось... Да его стоны и ругательства перебудили бы всю окрестную живность! Значит, рот ему или заткнули, или опять напоили той самой интой со снотворным. О том, что Река могли убить, Тэйну не хотелось думать. Все-таки эти четверо — иллары.

Значит, Рек жив. И, к счастью, мало чем может помочь ард элларцам. Когда вчера Лигур потребовал отдать ему камни-защитники, Ройг долго прикидывался дурачком, изображая непонимание, пока близнецы не принялись его избивать. Отплевываясь кровью, Ройг цветисто и многосложно выразил свое отношение к Лигуру, Ригойну, и всей ард элларской школе. Бэр и Барт перетряхнули всю его поклажу. Потом вещи Река. Затем, на всякий случай — все остальные. Бесценных артефактов нигде не оказалось.

Мешочек с камнями лежал в заплечном мешке, вместе с запасной одеждой. За все время путешествия Тэйн ни разу не доставал его, однако еще вчера утром тот был на месте. Если он и вывалился случайно, так только вечером, на стоянке, перед тем, как его напоили интой со снотворным. Естественно, делиться этим умозаклчением он ни с кем не собирался. Попинав его еще немного, близнецы бросили его в лодку, погрузились сами и отчалили от берега.

Линара сидела на корме, у рулевого весла, и по большей части молчала, изредка откликаясь на бросаемые ей реплики. Когда Ройг, злой, как сам дьявол Ллих, в не самых лестных выражениях напомнил ей о двух попытках соблазнения, она взвилась фурией и едва не выцарапала ему глаза, хорошо, Лигур оттащил. Его это явно позабавило — он отпустил несколько ехидных шуточек насчет всех баб вообще и Линары в частности.

Весь предыдущий день плыли без остановок. По коротким репликам, которыми обменивались Лигур и Барт, Тэйн понял, что никто и не собирался везти его к Сторожевому очагу. Пользуясь невежеством чужаков, они плыли по совершенно другому притоку

Тойрента. Теперь же Лигур торопился и нервничал, подгоняя близнецов на веслах и раздраженно переругиваясь с Линарой.

Поесть ему так и не дали. Лигур заявил, что поскольку ни грести, ни идти ногами ему больше не придется, то и припасы на него переводить нечего. Спасибо хоть напоили. Опять же, интой. Тэйн усмехнулся про себя: видимо, Лигур считал, что, опьянев, он станет разговорчивее, но у Ройга за спиной была хорошая школа пьянства, пройденная вместе с Джерхейном. Он глотал инту, не давясь, согревался, но не пьянел, только злости прибавлялось с каждым глотком. Злости и понимания.

Ночевали на берегу. Перед Лигуром снова появился голубой овал Окна, но Тэйн, будучи связан и обессилен, так и не смог уловить ни слова из их очень эмоциональной беседы. Потом он быстро провалился в глубокий, стылый сон, полный тягостных воспоминаний...

Он попытался напрячь мышцы. Повиновались они плохо, но в конце концов ему удалось согнуть ноги в коленях и перевернуться на бок. Река он снова не увидел, хотя вчера, во время путешествия по реке, он слышал на корме лодки какую-то возню и видел мельком что-то похожее на обездвиженное тело. Очень хотелось верить, что парень все-таки жив.

Кое-как ему удалось оглядеться. Лодка стояла на берегу, у одной из глыб был разведен костер, около которого сидели нынешние его враги, неторопливо жевали и вполголоса совещались.

Мелкий колючий снег продолжал сыпаться с неба. Тэйн, вспомнив, что на нем нет ни тхона, ни куртки, так, одни штаны да рубаша, уже изрядно порванная, сообразил, чем может закончиться для него долгое лежание на холодной земле. Зубы лязгнули, но он сжал челюсти, не желая, чтобы те, у костра, слышали эти жалкие звуки.

Когда они закончили есть и Линара убрала посуду и припасы, Лигур вновь навис над ним, всем своим видом выражая брезгливость.

— Так куда ты их дел? — спросил он, просунул руку под кожаные ремни, которым Ройг был стянут, и рывком посадил его. — Думай быстрее, а то мои ребята очень сильно сердятся за воровство и жаждут немного размять об тебя руки-ноги.

— Ты бы объяснил, что тебе нужно, а? — буркнул Тэйн с презрением. — Убедился ведь уже, что нет у меня твоих камней.

— Врешь, — раздраженно заявил Лигур. — Учитель в хэльде Истина видел. Его камни ты тоже украл, мразь, — тут он с ненавистью сплюнул. — Давай соображай быстрее, не заставляй нас брать грех на душу и ломать тебе кости.

Ройг представил себе эту веселенькую перспективу и замысловато выругался.

— Ну так что?

«Если бы я знал, — подумал он устало. — Может быть и лучше, что я не знаю. И они никогда не узнают»

Лигур, явно разочарованный его молчанием, но, по-видимому, ожидавший его, кивком головы позвал близнецов.

— Сейчас мы этого упрямца искупаем. Водичка как раз для несговорчивых. Линара, кажется, тебе очень хотелось его раздеть? Будь с ним поласковее, пусть знает, от чего отказался.

Когда им наконец надоело это занятие, его бросили на берегу, предварительно добавив к ремням, стягивающим запястья и лодыжки, еще несколько. Тэйн и без этого не удрал бы — мышцы давно свело судорогой от холода. Когда Линара, стоявшая в стороне, пока его швыряли и вытаскивали из воды, подошла к нему и присела рядом, он поблагодарил богов,

что раздеть его полностью у нее не хватило смелости — штаны все же она ему оставила, хотя теперь они затвердели на холоде и леденили хуже воды. Протянув руку, она прикоснулась к его груди — синяки там были что надо, красно-фиолетовые, огромные, — вздохнула и спросила, не скрывая проскальзывающих в голосе жалостливых ноток:

— Зачем ты так? Лигур ведь не хочет от тебя ничего невозможного. Зачем ты заставляешь нас это делать?

Тэйн насильно рассмеялся, маскируя смехом явно прорывавшийся стук зубов.

— Ты лучше объясни мне, зачем вам понадобилась такая сложная комбинация, чтобы камни отобрать? — спросил он. — Почему бы не сделать то же самое в Очаге Солнца? И, кстати, зачем вам камни?

— Мы долго не могли понять твоих целей, — ответила Линара, задумчиво разглядывая облака. — Орис опасался тебя. Он был уверен, что ты действуешь по поручению Агваллара. Книга — только повод для тебя, ты мог бы прочесть ее на Острове. Хэльд Истина долго не давал ответа. Почему-то ты в нем не отражаешься... — она опустила взгляд и долго, пристально смотрела ему в глаза, но, не увидев там ничего, кроме откровенной неприязни, отвернулась. — В Окне тоже... В общем, Орис и сейчас уверен, что ты подослан агвалларцами. Видимо, они как-то закрывают тебя от наблюдения. Как только ты назвал другой очаг и другое имя, хэльды дали ответ, что именно тебе понадобилось. Орис решил, что безопаснее будет, если ты уберешься из нашего Очага как можно скорее. А позавчера Ригойн обнаружил, что его камня нет на месте. Сам понимаешь, какой приказ мы получили.

Тэйн яростно вывернулся, пытаясь сесть и желая посмотреть ей в глаза.

— Зачем вам камни? Все равно главный Колодец находится в Риалларе.

Линара повернулась к нему с нехорошей усмешкой.

— Ты прочел три Книги Кэлленара и не понял такой простой вещи. Камни — уникальный инструмент защиты. Неважно, от чего — от всемирной Катастрофы или от простого дождя. Тот, кто ими владеет, может увеличить или уменьшить сферу защиты. Это зависит только от размера Круга Власти да от силы шайолы. Именно так Агваллар получил власть над Телларом и тысячелетиями ее удерживал.

Тэйн скрипнул зубами и выругался.

— А Орис решил, что теперь — очередь Ард Эллара? Руки у него чешутся поуправлять всем остальным миром?

— Почему — поуправлять? Мы защитим от Катастрофы всех тех, кто захочет с нами сотрудничать. Агваллар потеряет первенство. Впервые за долгое время у всех будут равные возможности, и можно будет начать все сначала. Остров слишком долго приказывал Наземному миру, как жить. Теперь им придется или существовать отдельно, без Теллара, или подчиниться общим законам, — уверенно закончила она.

— А если кто-то сотрудничать не захочет, вы просто исключите его из сферы защиты, — в ярости он даже согрелся, а потому умудрился сесть и поймать ее взгляд. Опять глаза ее были злые... Он продолжил, ехидно и презрительно. — Интересно, а что хочет Орис за сотрудничество? Статус бога? Или денег? Или...

Линара в ярости занесла руку для удара, но в последний момент удержала ее.

— Ну, давай, врежь мне, — продолжил Тэйн лихорадочно, — я, может быть, скорее подохну, тогда вы точно ничего не узнаете.

Резко поднявшись, она направилась к Лигуру.

Через какое-то время его подтащили к костру. Лигур держал его ремень, на котором

висели ножны с мечом.

— Иллар, носящий оружие, — проговорил он задумчиво. — Выродок. Скольких человек ты убил? А скольких ранил? Не хочешь испробовать это на своей шкуре? Не бойся, в пещеры Феоллона мы тебя не отправим, просто нарисуем на другой руке еще один браслет.

Тэйн молча ждал, глядя на руки Лигура. Помнится, Даллан запретил Вельгу прикасаться к мечу... Вот он помедлил, мгновение нерешительности отразилось на его лице брезгливой гримасой. Видимо, убедив себя, что иного выхода нет, Лигур взялся за рукоять и выдернул меч из ножен.

Его вопль заставил Линару вздрогнуть, а близнецов — оглядеться в поисках невидимого врага. Лигур повалился на землю и затих, выпустив рукоять меча, Линара склонилась над ним, трясая, шлепая по щекам. Открыв глаза, он недоуменно уставился на кисть руки, затем — на валявшийся в стороне меч. Тэйн, удовлетворенно улыбающийся, получил от Барта пинок в живот. Первый, и, как оказалось, далеко не последний.

...Потом все слилось для него в один непрекращающийся кошмар, выплывая из которого на несколько мгновений, он жалел, что действительно не знает, что случилось с камнями. В какой-то момент ярость в глазах Линары внезапно потухла, она отвернулась и ушла, что-то прошипев сквозь зубы. Один из молодых отволол его за ноги к лодке и бросил на дно, лицом в скопившуюся там ледяную воду.

Надо же было так влипнуть, подумалось сквозь боль. Идиотская доверчивость... Ведь чуял же подвох... А Орис-то каков! Равные возможности... Да они передерутся между собой, островитяне и эти... доморощенные адепты, а все остальные тем временем тихо — или не очень — перережут друг друга и подохнут сами. Нет уж... лучше окочуриться, чем отдать этим камни.

Он стал вспоминать те особые слова урда, которые знал каждый иллар и которые произносили очень немногие — только те, кто по каким-то причинам желал намеренно уйти из жизни. Дьявол, даже это ему недоступно, требуются кисти рук, а они притиснуты к телу столь плотно, что он давно их не чувствует. Одеревенели. К холоду добавился озноб, купание в ледяной воде под аккомпанемент морозного ветерка потихоньку делали свое черное дело. Что ж, если так, урд скоро может и не понадобится.

Он с трудом вырвался из цепких объятий стылого, нездорового сна. Открыв глаза, внезапно осознал, что будят его намеренно, осторожно встряхивая за плечи и похлопывая по щекам. Вокруг было темно, ночное солнце затянуло тяжелыми тучами, ветер стих, воздух казался чуть теплее, чем накануне. Тэйн обнаружил, что лежит на берегу развязанный, и что Рек, с донельзя расцарапанным лицом (не иначе, Линара приложилась) растирает его пахнувшей интой тряпкой. Он попытался сесть, но ничего не получилось. Тело словно умерло, одна боль существовала сама по себе. Губы растянулись в кривой и радостной улыбке, но парень недовольно покачал головой и, сунув ему в рот всю ту же баклагу, заставил сделать несколько глотков.

— Я огрел их по голове, пока они спали, — пояснил он. — Пусть спят подольше и покрепче. Может их... того?

Тэйн медленно, словно преодолевая сомнения, качнул головой, потом, чувствуя, что уже может шевелить губами, спросил:

— Как ты освободился?

— Разжевал кляп, перегрыз ремень. Все зубы стер, — он пощупал пальцем нижние резцы и вздохнул. — Я бы раньше, — добавил он виновато, — если бы знал, что с тобой и

где ты. Проснулся-то я уже связанный. Только когда я твои вопли услышал, тогда и понял, что надо шевелиться. Камни твои я спрятал еще тогда, на стоянке, — продолжал Рек, отхлебнув из баклаги для поддержания духа. — Я слышал почти весь разговор Лигура с Ригойном, когда валялся в лодке. Я тогда и понял, что плывем мы не туда, и что им нужно камни твои свистнуть и смыться. Пока Лигур с близнецами дровишки собирал, а сука эта посуду мыла, я их тихонько у тебя из мешка вытащил, да за те глыбы — помнишь их? — спрятал. Там щель есть одна хитрая, как раз туда все три и просунулись. Тебе сказать не успел — пошло их гнусное совсем разум замутило. Оказалось — правильно сделал.

Тэйн криво усмехнулся. Правильно. Очень правильно.

— Своими руками они тебя не убьют — боятся, — продолжал Рек лихорадочно. — А вот бросить здесь — бросят, ни пожрать, ни выпить не оставят. Так что давай сматываться, пока они не очухались. Ты встать-то можешь?

— Худо будет, если не смогу, — хмыкнул Ройг.

С помощью Река он поднялся на ноги, с трудом переставляя их, сделал несколько шагов. «Главное — начать, — подумалось неуверенно, — а там видно будет, кто кого». Рек уже тащил тхон, чьи-то сухие штаны, судя по тому, что оказались коротковаты — Лигура, его меховую куртку, сапоги — тоже явно не его собственные, кого-то из близнецов. Пока Тэйн одевался, Рек таскал в лодку шкуры и мешки с припасами, бормоча себе под нос, что кое-кто обойдется и без жратвы, и без инты, потом принялся сталкивать лодку на воду, понимая, что от Ройга помощи будет мало. Тэйн проковылял к догоревшему костру, надеясь разыскать свой меч. Вряд ли Лигур отважился взять его во второй раз. Там он и нашелся. Тэйн поднял его, нашел в стороне пояс с ножнами, нагнулся за ним... и боковым зрением увидел женскую фигуру, крадущуюся в сторону лодок. Видимо, у Река не хватило духу ударить ее.

— Линара, — окликнул он ее, подпоясываясь. — Оставь эту глупую затею. Если хочешь жить, отойди подальше и жди, пока мы уплывем. Убить не убьем, но свяжем и бросим где-нибудь.

Она резко обернулась, замерла с ничего не выражающим лицом, а когда он сделал шаг вперед, собираясь действительно связать ее и заткнуть рот кляпом, он услышал за своей спиной чье-то тихое и ровное дыхание. Скопив глаза на шкуры со спящими, он убедился, что близнецов нет на месте. Быстро очухались... Рек не стал их связывать, надеялся, что побег отнимет гораздо меньше времени. Он замер, потом, собрав силы, зажег высоко над головой знак Небесного огня. Искусство давалось с трудом. «Если уж драться, то хотя бы не в темноте», — подумал он угрюмо и заметил тень крадущегося сзади Бэра. Тогда он развернулся, и, не обращая внимания на предупреждающий крик Линары, прыгнул вбок и ударил тяжеловесного, не успевшего увернуться Бэра ногой в живот. Мышцы, впрочем, у того оказались железные, он лишь отшатнулся и крикнул, а потом метнулся вперед и повалил Ройга на землю, ловя кисти рук — основное оружие иллара. Тэйн с трудом вывернулся, вскочил на ноги и с яростью приговоренного на смерть кинулся навстречу встающему противнику. Со стороны доносился голос Линары, оттуда же долетала ругань Река, что-то где-то хрустнуло, грохнуло, она взвизгнула, потом все затихло, затем снова донесся его голос, отвечающий на реплики Барта... Отвлечься и узнать, что там с Реком, было невозможно. Ройг был ловок и увертлив, обучен системе рукопашного боя, практикуемой риалларской дружиной Хэллиха, но сейчас ловкость и сноровка мало помогали ему теперь, слишком уж больно было драться. В очередной раз уйдя из захвата, он схватился за спасительную рукоять меча, выдернул его из ножен и выставил вперед. Бэр

попытался ногой выбить его из рук, но Ройг, ожидавший именно этого, рубанул по лодыжке, Бэр попытался увернуться, потерял равновесие и упал на землю. Ройг бросился сверху и, держа лезвие клинка у его горла, ударом пальцев по точкам на шее отправил его в глубокий обморочный сон. Отойдя к шкурам, он выдернул шнуры из мешков и связал руки-ноги и его, и до сих пор не пришедшего в себя Лигура.

Тело слушалось плохо, каждый мускул по отдельности стонал, вымаливая пощаду. Дохромав до берега, Тэйн обнаружил Река, который отмахивался от Линары, нападавшей на него с ножом, с помощью баклагы из-под инты. Барт вылезал на берег из воды, хрипло бормоча проклятия. Тэйн прыгнул в лодку, размахнулся веслом и снова опрокинул того в воду, отталкивая подальше от берега. Барт нырнул и почти сразу же всплыл, захлебываясь ледяной водой и бестолково барахтаясь. Ройг окликнул Река и велел ему поскорее садиться в лодку.

Удачно отбросив Линару, отчего она упала на землю, Рек прыгнул в лодку, отталкивая ее от берега, но ухватившийся за корму Барт потянул ее на себя, а Линара в тот же момент метнула нож. Рек крикнул, откинулся назад и рухнул в воду с фонтаном ледяных брызг. Лево́й рукой Тэйн поймал его за ворот и вытащил голову из-под окрасившейся алым воды, правой нарисовал урд-знак Смерч и ударил им Барта, который в этот момент забирался в лодку. Того снова швырнуло в воду, а Ройг, едва не перевернувшись, с трудом вытащил обмякшего Река.

Лезвие вонзилось в его шею сзади, кровь хлестала изо рта, он попытался что-то сказать и захлебнулся. Несколько мгновений в глазах все еще билась жизнь. Тэйн выплюнул заклинание, останавливающие кровь, семь слов и два жеста. Почувствовав, как накренилась лодка и потеряв равновесие, он на последнем жесте упал на одно колено. Тут же сильные руки Барта вцепились в его куртку и потащили в воду. Несколько мгновений они боролись, потом Ройг вырвался из захвата и швырнул прямо в его бешеное и мокрое лицо гибрида «Паука» с «Вихрем», бессознательно стекший с кончиков пальцев. Захлебнувшись криком, Барт осел в воду, а скорчившийся от боли Тэйн ползком вернулся к Реку.

Поздно. То короткое время, за которое он мог бы еще перетянуть чашу весов жизни на свою сторону, утекли вместе с кровью незаконченного заклания. Глаза его незадачливого спутника закрылись. Тэйн вытащил нож из раны и снова повторил заклинание. Кровь уже не текла, он начал другую фразу урда, может, сердце еще можно заставить биться... Но плоть уже не отзывалась под его руками, и то особое ощущение, которое иллары называли пульсом жизни, скользнуло меж пальцев и рассеялось.

Все было кончено.

Разогнувшись, он увидел Линару, вытаскивающую из воды оглушенного Барта. Тот, кажется, не шевелился. Неужели он убил его с помощью кэн-ли? Лицо Линары было дс синевы бледным, до ее сознания добрался весь ужас содеянного. В тусклом свете урд-знака над берегом он разглядел ее полные паники глаза. Сам он не чувствовал ничего, кроме пустоты. Жив ли Барт? Может, еще все-таки жив? И, поглядев в лицо Линары, он понял, что нет.

Тэйн медленно, нарочито медленно, надеясь, что яростная дрожь уляжется, устроил Река на дне лодки, потом выпрыгнул на песок и шагнул к Линаре, мутно соображая, что делает, схватил ее за плечи и сдавил их до хруста. Она даже не вскрикнула, только лицо сделалось совсем обморочным. Он встряхнул ее — голова мотнулась безвольно, как у куклы. Стиснув ее плечи еще сильнее, он встряхнул ее снова. Она пискнула, взгляд обрел

осмысленное выражение — на нем отразился панический ужас загнанного животного, не сомневающегося в своей судьбе. Они оба — убийцы. Два иллара-убийцы. Отбросив ее на землю, он вытер руки о полы тхона, вернулся в лодку и сел над Реком, тупо глядя в его окаменевшее лицо...

В себя он пришел от ее же голоса. Она трясла Лигура, развязывая его и пытаясь привести в чувство. Бешенство снова вспыхнуло в нем, желание убить — по-настоящему убить, не случайно, а осознанно прервать ее жизнь, стало настолько сильным, что он снова выбрался на берег, связал ей руки за спиной и бесцеремонно швырнул в лодку, еще не зная, что будет с ней делать дальше. Выведя лодку на середину реки, он наконец разжал губы и прошипел:

— Показывай дорогу к предыдущей стоянке.

— Тогда развяжи меня, я сяду на руль, — сказала она покорно.

— Попытаешься сбежать — убью, — предупредил он. Выражение его лица и голос не вызвали сомнений, что решимости у него хватит.

На обратном пути пришлось подыматься вверх по реке. Ройг, еле живой после всего случившегося, едва выгреб против течения. Линара молчала. Ни разу она не попыталась сбежать, даже тогда, когда они наконец выбрались на берег. Тэйн с легкостью нашел щель между глыбами, в которую Рек спрятал артефакты, вытащил их оттуда и с ненавистью уставился на три сияющих камешка. Выбросить бы их в воду, чтобы никто и никогда даже не помышлял с их помощью устанавливать господство над мирами... А что потом?

Ему было плохо. Многочисленные купания в ледяной воде сделали свое дело — с рассветом лихорадка, малозаметная во время драки и пока он греб, сотрясала его вдвое сильнее прежнего, ломота в костях, вдобавок к синякам и ушибам, сделалась совершенно невыносимой. Он плохо соображал, что делает и что должен сделать. Надо бы похоронить Река, но он лишь сидел, привалившись к камням, и глядел, как Линара, стоявшая напротив, кутается в рваную безрукавку. Другой одежды, кроме рубахи и штанов, на ней не было, но ему не было ее жаль. Он не разрешил ей взять теплую куртку Река. Тупо глядя перед собой, он, с трудом шевеля губами, выдал приказ взять нож, тот самый, и рыть им яму. Прямо здесь, между тремя большими глыбами. Линара, зыркнув на него с ненавистью, повиновалась.

Он так и остался сидеть, не выпуская меча из рук, когда она жалобно попросила у его разрешения передохнуть. Только кивнул, утопая в волнах жара, лениво следя за тем, чтобы она никуда не улизнула. Она попросила разрешения поесть, из тех припасов, что остались в лодке. Предложила развести костер, но он не разрешил. Пожевав лепешек и сыра, запив все холодной водой из реки, она покорно и молча принялась за работу.

К середине дня яма была готова. Тэйн перенес Река к камням, потом велел Линаре собрать веток, и пока она носила хворост, он, стоя на коленях перед другом, шепотом выговаривал Прощание. Петь, как положено при погребении, у него не было ни сил, ни голоса. Время от времени он замолкал, судорожно пытаясь вспомнить ускользающие из памяти слова. Кому приходилось служить последнюю службу по друзьям? Напутствия перед длинным путем в чертоги Феоллона, наставления перед последующим воплощением и прощание, прощание навсегда. «Что ты сделал за свою короткую жизнь, парень? Так немного... Летая над озером кипящей грязи Лахлайда, душа твоя наберется сил, очистившись от горечи и разочарования, от прежних обид и незалеченных душевных ран. А я пойду дальше. Прости...»

Он молчал, когда Линара закончила носить ветки для костра. Он поджег их знаком Небесного Огня, нарушив правило: погребальный костер можно было зажечь только живым, земным огнем. Разжигать его у Ройга не хватило бы сил, а Линаре он не мог доверить столь важный для него обряд. Привалившись к камням, он долго смотрел на пламя, моргая от слез, и ему казалось, что он сам лежит сейчас там, объятый огнем. На какое-то время он забылся. Открыв глаза, обнаружил, что костер уже почти прогорел. Велев Линаре забросать то, что осталось, землей, он еще раз шепотом повторил Прощание.

Когда она закончила, дневное солнце клонилось к закату. Тэйн, едва волоча ноги, вернулся с ней к лодке, отобрал часть припасов, теплые вещи, оставил ей одну шкуру и велел убираться прочь.

— У тебя же жар, — сказала она встревожено. — Я могла бы...

— Убирайся, — повторил он раздраженно, не глядя на нее.

Она все еще стояла на берегу, рядом с лодкой, когда он втиснул все в самый большой мешок и, закинув его за спину, нетвердой походкой отправился прочь.

(Сезон Холода, Риаллар, Эргалон)

— Нет, добром это опять не кончится, — ворчал чейн, хмуро следя, как девушки на кухне перетирают посуду. Навести порядок после арраса удалось только утром: весь оставшийся вечер островитяне пытались расследовать отравление. Все действия сводились к хэльду Истина, к которому по очереди отводили запертых в Риан Ал Джаре гостей. За слуг взялись только утром, когда более высокородные гости, многие из которых были возмущены непочтительным обращением, были отправлены по домам

— Опять? — переспросила Лейт, занятая тем же, что и остальные. С самого утра ее не отпускала паника — она ждала своей очереди и безумно боялась встречи с хэльдом. Это был бы провал. Теперь ей даже не успеть уйти, все входы-выходы перекрыты, людей выпускают только с личного разрешения кого-нибудь из жрецов, без пропуска не выбраться. Она в ловушке. Разве что спрятаться, затеряться где-нибудь во дворце, в пустых комнатах, в бесчисленных старых кладовых, из тех, что примыкают к скале, пересидеть там, пока не откроют ворота... И улизнуть, когда все уляжется.

— Прошлый раз, когда убили главу посольства, островитяне отомстили, захватив власть, — пояснил чейн. — Что они сделают с нами теперь?

— А мог тот, кто это сделал, сбежать еще вчера? — робко спросила она.

— Да мог, конечно, — фыркнула чьянши. — Выходы-то не сразу перекрыли. Феоллон свидетель, никого они уже не найдут, только хаос посеют. Работы невпроворот, — и она что-то неразборчиво пробормотала себе под нос. — Сегодня должны сажди привезти, из заказанного на Рождение Илбара, а у нас двор перекрыт.

— Оооо, опять аррас, — застонала Найла, самая хорошенькая и самая молодая из служанок.

— Обожаю Рождение, — мечтательно ответила Сейна, и, поймав недовольный взгляд чьянши, продолжила. — Все равно это весело.

— Никто вас в город не пустит, — бросила та сердито. — Даже не надейтесь.

Лейт тихонько вздохнула. Несмотря ни на что, она жидала праздника с каким-то новым, радостным чувством и надеялась, что ей удастся убежать из замка хотя бы на короткое время — Аррейн уже пригласил ее. Ему, конечно, тоже поначалу придется несладко, всю праздничную ночь и все утро он проведет в святилище — служба в ночь Рождения длится с восхода до заката Ночного солнца, потом — небольшой перерыв и снова Кэн-а-за, с восходом дневного солнца — утренний распев, особенно торжественный в праздничные дни. Они собирались встретиться вечером, в городе, на празднике, когда на каждой площади будет расставлено угощение и бродячие театральные труппы и музыканты начнут наперебой зазывать гуляющих.

О празднике ей с удовольствием рассказывали подруги, хохоча и предвкушая грядущее веселье. Лейт слушала их радостный щебет и с неожиданной тоской вспоминала дом. В Улле Рождение праздновали так же, как и в горных харранах: собирались в святилище, пели праздничные распевы, жгли девять костров на берегу, бросая в каждый горсть зерна, клочок сена, сухую ветку и цветок чаари, сохраненный и высушенный после осеннего праздника Восьми Ветров — призывали Илбара даровать им хлеб и тучное стадо, отогнать болезни, подарить крепкое жизнеспособное потомство. Ни гуляния, ни праздника — Рождение

Илбара считалось серьезным событием. На мгновение Лейт стало обидно за свой дом, но потом она подумала, что нет ничего удивительного в том, что обычаи везде разные. Мир так велик...

— Подсыпать отраву в вино мог только кто-то из здешних, — проворчала чьянши. — Из своих, — и она окинула девушек внимательным взглядом. — Лейт, сходи проведай ведьму, комнаты убери и побудь с ней. Она с утра трясется, папаша ей сказал, что это ее травануть хотели.

Лейт кивнула, с трудом скрывая облегчение. Она расспросит островитянку, как продвигаются дела, и, может быть, обратно уже не вернется.

По дороге в покои Кианейт ее догнала Сейна.

— Да не расстраивайся ты, — хихикнула она, по-своему истрактовав напряженное, опечаленное выражение ее лица. — Сбежишь ты к своему Аррейну, никто и не узнает. А мы прикроем — придумаем чего-нибудь. В первый раз, что ли?

— Как сбежать-то? — с горечью спросила Лейт.

— Есть лаз через погреб, — заговорщицки прошептала Сейна. — Очень старый. О нем только прислуга и знает.

— Думаешь, чейн и чьянши не в курсе? Не верится.

— Может и знают, да помалкивают. Сами, скорее всего, пользуются. Помнишь, за подвалом с колбасами подвал с сыром? Помнишь вторую камеру, для самых старых и выдержанных? Так вот, там есть полка с пустыми ящиками, она отодвигается, и дальше — лаз. Он низкий, надо протискиваться, но дальше — лестница. Светильников в начале пути нет, но потом появятся светящиеся надписи, похожие на те, что рисуют иллары.

— И где выход? — взволнованно уточнила Лейт.

— На окраине старого мастерового квартала, в районе каменщиков.

— Они знают о лазе?

— Если и знают, то помалкивают. Выход хорошо замаскирован камнями и колючками аний. Пока продерешься, все руки исцарапаешь.

— Покажешь? — у Лейт возникло лихорадочное желание сбежать прямо сейчас, и она с трудом справилась с остро вспыхнувшей надеждой.

— Конечно, — заверила Сейна.

До Кианейт она не дошла, задержавшись в одной из парадных галерей, где уже заканчивали уборку. Лаз она найдет и сама, без Сейны. Сейчас или все-таки подождать? Даже если ей велят идти в галерею хэльдов, она всегда может отпроситься ненадолго, в туалет, например, или доложиться той же чьянши. Но если изловчиться сейчас и не попасть под проверку хэльдом, у нее появится шанс легко вытащить Итту из замка. И именно в праздник Рождения Илбара сделать это будет проще всего. Люди, увлеченные праздничной суматохой, пропустят мимо множество странностей. Если переодеть девочку в одежду Тиора, правильно испачкать лицо и руки, можно беспрепятственно провести ее по замку и дальше, в городе, передать в нужные руки.

Главное — уцелеть сейчас.

Лейт вышла на балкон внутренней галери и уставилась на Птичий дворик. Пусто, лишь караул чеканит шаг, обходя пространство вдоль стен. На галерее западной стены мелькнул кто-то худой и беловолосый, внизу скрипнула дверь на хоздвор, откуда вышли пара слуг из тех, что грузили припасы. Что, если уйти к Итте прямо сейчас, посидеть там, а после восхода Ночного солнца, когда замок и вовсе пустеет, улизнуть вместе с ней? Немного

успокоившись, она решила все-таки навестить Кианейт, надеясь, что островитянка расскажет ей, как движется расследование

Кианейт выглядела измученной после явно бессонной ночи, но рассуждала на удивление здраво и спокойно.

— Кто бы это ни был, больше он не сунется, — сказала она твердо. — Попытка не удалась, погиб невинный человек, следить теперь за всеми будут вдвойне внимательнее, чем раньше.

— А Истина что-нибудь уже показала? — спросила Лейт небрежно, собирая разбросанные по комнате вещи и раскладывая их на свои места.

— Нет пока. Не покажет здесь, тогда на Острове жрецы восстановят ход событий с помощью связки хэльдов, как это сделали в тот день, когда я приехала, — пояснила островитянка. — Здесь не получается, один из нужных хэльдов в галерее откликается неадекватно.

— А вдруг они... обманули хэльд?

Кианейт усмехнулась.

— Его не обманешь. Там же очень просто — иллар задает вопрос, хэльд показывает ответ.

— А о чем спрашивают?

— Про яд и спрашивают, — Кианейт неожиданно рассмеялась. — Ты боишься, что Истина покажет какие-то твои личные тайны? — и увидев, что Лейт кивнула, поспешила ее успокоить. — Не покажет. Речь идет только о вчерашнем вечере и только о попытке отравления. Никому ваши мелкие провинности и сердечные дела не интересны.

Это немного снизило тревогу, но не до конца. Убравшись в покоях островитянки, Лейт часть дня провела у Итты, играя с ней в садике. Островитяне ходили мимо, не обращая на них внимания. Когда нянька увела девочку обедать, ей пришлось вернуться к чьянши за дальнейшими поручениями, где ее ждало радостное известие: оказалось, островитяне прекратил допросы слуг, поскольку подозрение пало на кого-то из эргалонцев.

Аррейн появился вечером, но на ее робкий вопрос отвечать не стал, отмахнувшись.

— Там все сложнее. Отравить хотели не ее. Забудь, не переживай. Давай лучше договоримся, где и когда встретимся на Рождение, мне в ближайшее время придется на несколько дней уехать по делам святилища. Мы можем не увидеться до праздника.

Нет, он все-таки не простой иллар, думала Лейт, уже засыпая. Судя по вчерашнему аррасу, по знакомствам, по хорошим отношениям со здешними агвалларцами, он занимает далеко не последнее место в эргалонской иерархии. Жаль, конечно, что он явно на стороне Острова и пренебрежительно высказывается о Джерхейне... Лейт это задевало. Она сочувствовала невезучему аш-чи всей душой.

Меж тем Эргалон полнился слухами о Джерхейне Холгойне. Никто уже не сомневался, что он жив и здоров, а вести из Дарнейта приводили народ в радостное возбуждение. По слухам, Холгойн собрал большой отряд, чтобы двинуться на столицу и предпринять попытку вернуть Риан Ал Джар. Здесь, в Эргалоне, было достаточно желающих присоединиться к его дружине, да и собственно эргалонская дружина Хэллиха ждала только прямого приказа атаковать Риан Ал Джар. Но Холгойн не спешил. Островитяне в панике поставили у выхода из Дарданских ворот под Эргалоном постоянный сторожевой пост из десятка хильдов, и теперь любой выходящий из них путник подвергался тщательному досмотру и допросу, но пока что все заканчивалось тем, что задержанных отпускали.

В замке, видимо, знали нечто большее. Приготовления к осаде шли полным ходом: запасались продовольствием, усиливали охрану. В город прибыл новый отряд хильдов, состоящий из хорошо обученных, закаленных во внутренних войнах бойцы. С Агваллара спустилась еще одна группа жрецов, чьей задачей стала магическая защита замка. Обитателям Риан Ал Джара и прислуге было строжайше запрещено подниматься на стены и на все без исключения башни, а при пересечении Дружинного двора ни в коем случае не сворачивать с центральной дороги, соединявшей Солнечную и Надвратную башни.

Между тем, несмотря на страх и суету, замок готовился к празднику. Рождение Илбара привыкли отмечать пышно и ярко, так, чтобы привлечь радость и удачу на весь следующий год — по этому дню теллариане начинали отсчет нового года.

— Сходи-ка ты к ведьме, — в очередной раз сказала чьянши рано утром через неделю после арраса, поймав Лейт на кухне. — Надо занавеси сменить. Она просила темные, так вчера портниха наконец доделала.

Кианейт, несмотря на упадочное настроение и не слишком бодрое самочувствие, неожиданно вызвалась помочь Лейт в этой весьма утомительной работе. Несколько дней назад Лейт уговорила ее выйти погулять в сад, и все эти дни островитянка бродила по его чистеньким мраморным дорожкам, или сидела у оплетенной вьюнами стены. На них уже проклевывались маленькие и нежные зеленые листочки, а на огромных ухоженных клумбах садовники высаживали первые весенние цветы. Садовые деревья тоже готовились раскрыть первые цветочные бутоны, и Лейт радовалась, глядя, как медленно, но верно, возрождается к жизни после зимних холодов щедрая риалларская природа.

С портьерами было почти покончено, когда в дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, в покои ее высочества торопливо вошел незнакомый человек.

«Как к себе домой», — подумала Лейт, поспешно сгребла в охапку занавеси, торопясь уйти, но Кианейт судорожно вцепилась в ее руки и едва не свалила на пол. Вид у нее был испуганный до безумия.

Вошедшего мужчину Лейт никогда не видела в замке раньше. Высокий, худощавый и резкий в движениях, наполовину седой, одет он был в популярный в Эргалоне тхон, кожаные брюки и высокие сапоги, и, несмотря на хорошую погоду, теплый меховой плащ. Он сделал несколько решительных шагов им навстречу, полы плаща распахнулись, обнажая ножны меча. Кианейт охнула и попятилась к окнам, увлекая за собой Лейт. «Может, охрану позвать?» — прошептала та, но островитянка лишь отрицательно покачала головой.

Взгляд его темных живых глаз на пару мгновений задержался на девушке, потом скользнул по Кианейт, и на губах заиграла усмешка. Он остановился в нескольких шагах от островитянки, даже не подумав приветствовать ее по этикету, и она, вместо того, чтобы указать ему на грубость, торопливо и неуклюже поклонилась сама. Лейт оторвалась от его длинного сурового лица, и, переведя взгляд на Кианейт, увидела, что та разве что не трясется от страха.

— Рад вас видеть, госпожа, в добром здравии, — заговорил он простуженным, хриплым голосом. — Не бойтесь, я вас пальцем не трону. Сядьте.

Кианейт упала на диван, а он уверенно пододвинул себе кресло и сел. Лейт осталась стоять и бесшумно попятилась к окну.

— Как вы сюда попали? — выдавила Кианейт дрожащим голосом.

— Конечно же по коридору из моего храма, — усмехнулся тот. — Думаешь, Вельг мне помеха? В моем собственном доме?

— Проход закрыт ловушками.

— Десять лет я посвятил изучению илломайнского лабиринта. Неужели ты думаешь, что за это время я не научился обращаться с ловушками? — жесткая улыбка на мгновение исказила его лицо и мгновенно сошла.

— Вас ищут. За вас назначена награда...

— Думаешь, мои иллары меня продадут?

Кианейт неуверенно пожала плечами.

— Тебе, наверно, уже донесли, что твой муж, живой и здоровый, находится сейчас на пути в Эргалон, — продолжил гость. — Часть его дружины, та, что была расквартирована по илломайнскому кольцу, готова к нему присоединиться. Цель, как ты понимаешь, одна — вышвырнуть твоих соотечественников из его родового замка.

— Он всех погубит! — вскинулась Кианейт. — Отец использовал шиаллах для укрепления замка, разрушения от шайол будут огромные. Риан Ал Джар не выдержит такого потрясения! Погибнут все — не только агвалларцы, но и жители замка, и те, кто сюда прорвется.

— Вот за этим я и пришел, — сказал гость с нажимом. — Поговори с отцом. Вы плохо знаете Джерхейна. Сейчас он находится в той стадии ярости, когда каждый, кто хотя бы отдаленно смахивает на островитянина, будет стерт в порошок. И, к сожалению, он на самом деле способен это сделать. Если хоть кто-то окажет ему сопротивление, Джерхейн утопит Риан Ал Джар в крови. Так же, как это сделал Кимр совсем недавно, — Кианейт хотела возразить, но он властно перебил ее. — Ты и он — первые в списке. Он готов стереть замок с лица земли ради мести за семью.

— Тогда мы все умрем, — воскликнула островитянка с горечью. — Мы, слуги-эргалонцы, хильды, его сестра Итта, и те воины, кто будет осаждать замок. Мой отец, хоть и поступил жестоко и не совсем порядочно, постарался пролить как можно меньше крови.

— Вот пусть он постарается снова, — сказал гость. — Знаешь, почему?

Кианейт вопросительно подняла брови.

— Слышала про Пришествие Феоллона?

— Вы имеете в виду катастрофу? — уточнила она.

— Вижу, что слышала. Если сейчас в Эргалоне, в такой близости от Колодца прольется кровь, оставшиеся хэльды потухнут окончательно и Риаллар уподобится остальному миру.

— Отец считает, что нет прямой зависимости между эмоциями жителей и качеством наполнения колодцев, — сказала она.

— Да? — рассмеялся гость. — А перед твоей свадьбой он убеждал нас в обратном. Врал, конечно же. Нет, девочка, связь эта, к сожалению, существует. Кстати, передай ему, что Колодец он не найдет. Это очень хитрое место... Хватит уже губить людей в лабиринте.

— Откуда вы знаете про Колодец? — Кианейт в волнении вскочила на ноги.

— А он тебе не рассказывал? — хмыкнул гость. — Я же его хранитель. Думаешь, за меня просто так объявили награду? Так вот, резня в Риан Ал Джаре резко приблизит нас к развязке. Могут даже Круги вспыхнуть... И все, пойдет обратный отсчет. А у Кимра, я так понимаю, камней-защитников как не было, так и нет, ни для того, чтобы укрыть Остров, ни для заявлений о благородной миссии.

Кианейт молчала. Потом выдавила еле слышно.

— Не думаю, что он меня послушает.

— Но ты все равно попробуй, — настойчиво повторил гость. — И кстати, я, когда

доберусь до Холгойна, со своей стороны обещаю сделать все, чтобы удержать его от безумных поступков. Если успею, конечно. А ты... Я знаю Джерхейна с детских лет, мне очень не хочется, чтобы мальчик осквернил себя убийством собственной жены и нерожденного младенца. Тебе следует, пока не поздно, вернуться домой. Или хотя бы спрятаться у отца твоего ребенка.

Кианейт вздрогнула.

— Вы... знаете.

— Знаю. Он может тебе помочь, если что?

— Я... — та прерывисто вздохнула. — Не хочу возвращаться на Остров. Меня там никто не ждет. Мама... у нее двое младших, и масса светских забот, которые она всегда любила больше детей. А связаться с... — тут она положила руку на живот, — тоже не могу. Он телларианин. Я не могу воспользоваться Окном, а он, с тех пор как в замке правит отец, не может сюда пробраться, — кусая губы, Кианейт явно пыталась удержаться от слез.

— Тогда тебе остается только молить богов, чтобы остаться в живых, — сочувственно проговорил гость. — Попробуй убедить отца. Если Кимр сдастся сам, у меня будет больше шансов уговорить Джерхейна сохранить вам жизнь.

Кианейт закрыла глаза.

— Уходите, Даллан. Я сделаю все, что смогу, но... папаша такой же упрямый, как и мой несостоявшийся муж. Он не любит Наземный мир. Поверьте, ему все равно, что будет с хэльдами. Остров ведь все равно уцелеет.

Гость по имени Даллан поднялся.

— Что ж, тогда — удачи тебе. Прощай, — и он ушел также быстро и бесшумно, как и появился.

Островитянка повернула к Лейт мокрое от слез лицо.

— Лейт... не бросай меня. Пожалуйста. Я здесь совсем никому не нужна.

— Может быть... — шепотом заговорила потрясенная Лейт, — я смогла бы отнести весточку вашему другу?

Та отрицательно покачала головой.

— Он далеко. Я даже толком не знаю, где он на самом деле находится.

(Сезон Холода, Ард Эллар. Долина реки Тойрент)

К вечеру Тэйн добрался до ущелья, в глубине которого журчал тоненький хрустальный ручеек. Спустившись вниз, он допил инту, набрал воды и поднялся обратно.

Нужно было где-то остановиться на ночлег, но Ройг шел, как заведенный, толком не понимая, куда направляется. Останавливаться он боялся, подозревая, что подняться и продолжить путь будет практически невозможно. В ложбине, попавшейся на пути, он заметил высокие толстые стебли свиха, чьи листья и витые стручки опали только к Рождению Илбара. В затуманенном жаром сознании промелькнула тусклая радость. Если собрать стручки, листья, растереть и заварить горячий горький отвар, бесценное средство от лихорадочных состояний любого происхождения, то может быть, полежав до рассвета в тепле, наутро ему станет лучше.

На сбор семян ушла бездна времени, потом он мучился с костром, вылил полбаклаги в котелок и терпеливо ждал, пока закипит вода, пока настоится горькое пахучее зелье. С трудом он связал нужные урд знаки гармонией и кое-как просипел их над котелком. На это ушли последние искры Огня жизни, а затем он долго сидел без движения, с трудом вспоминая, как его учили в Очаге Солнца набирать Огонь жизни из окружающего мира. Обжигаясь, он выпил получившееся снадобье, старательно разжевал попавшие в рот семена, потом завернулся во все шкуры сразу и лег, наслаждаясь долгожданным покоем. Куда теперь идти? Ни карты местности, ни малейшего представления, куда его занесло, у него нет. Надо бы в Сторожевой Очаг, но там, скорее всего, его будут ждать оскорбленные в лучших чувствах адепты Очага Солнца. Хотя, если идти по солнцу на северо-запад, рано или поздно он выйдет к морскому побережью, которое, не в пример здешним пустошам, густо заселено. Только вот сколько ему придется идти? И сможет ли он одолеть дорогу?

Содрогаясь от накатывающих время от времени волн жара, он доцедил остатки зелья со дна котелка. Жажду это не утолило, он допил воду из баклаги и снова свалился на землю. Нет, ему не справиться с этим огнем, безжалостно пожирающим внутренности. Ну и пусть, подумалось вяло. Не хочу больше. Не вижу смысла. Все равно камни кто-нибудь отберет, не те, так эти, и сделает по-своему. Он снова стал вспоминать те слова урда, но при первом же усилии в памяти всплыли те самые синие глаза, огромные до жути, два озерца, в которых запросто утонет даже опытный пловец. Тяжелые крупные слезы выкатились из них, поползли по щекам, оставляя мокрые блестящие дорожки на матово белой коже.

«Не надо, — промелькнуло в них нечто сродни боли, — не надо, не смей...» — ресницы вздрагивали гневно, прозрачные капли цеплялись за них, потом падали, подобно дождю, и гнев улегся, уступив место страху. «Нет, только не это, не смей!»

И такое отчаяние выплеснулось из этих глаз, что не хватило сил возразить. «Ну что ты, это всего лишь слабость, минутная слабость, слабость и жар, — отвечал он этим мыслям, неизвестно откуда берущимся в его голове, как будто кто-то далекий и в то же время настолько близкий, что смешно было бы таиться и обманывать, шептал ему на ухо, сидя рядом с затухающим костром. — Все пройдет, не завтра, конечно, придется еще собирать свих, заваривать его, отлеживаться в тепле и темноте, и все пройдет, пройдет же, я уверен, пройдет... Это просто болезнь, и страх, и одиночество...»

«Только не одиночество, — раздался далекий шепот. — Я тут, рядом. Я всегда рядом, я

тебя не брошу. И ты не бросай меня. Я уже не смогу — без тебя"

Мысли-паутинки сплетались в тонкое изящное кружево, опутывая его спокойствием и надеждой.

«Это всего лишь слабость, минутная слабость и жар, он пройдет, завтра пройдет, и ничего больше не понадобится, вот увидишь, а я буду рядом. Ты только думай обо мне, и я буду рядом...»

Утром Тэйн проснулся во взмокшей одежде, обессиленный и опустошенный, но живой. Лихорадки не было, осталась лишь безумная, мучительная ломота во всем теле, неодолимая слабость и невыносимая жажда. Обрывки ночного бреда засели в голове фантастическими картинками, которые он с трудом разобрал и печально усмехнулся сам себе. Чего только не делает с людьми лихорадка... Он лежал, не находя сил встать и хотя бы поесть, аппетита не было, не было и желания что-то делать. Надо снова заварить свих, до выздоровления еще далеко, все может повториться к вечеру, надо шевелиться, но он продолжал лежать, вслушиваясь в заунывную тишину серого промозглого утра, улавливая только отзвуки порывов ветра. Неожиданно они сложились в голоса... Он нехотя усилил слух, пытаясь разобрать, с какой стороны они раздаются, и с содроганием узнал голос Лигура. Продолжая удерживать концентрацию внимания, Тэйн различил голос Бэра, потом неразборчивый ответ Линары. Они говорили о нем. Они шли по его следу.

Тэйн поднялся, проклиная весь белый свет и самого себя впридачу. Просто так, для бодрости. Только погони ему не хватало.

Он двигался настолько быстро и бесшумно, насколько мог, однако шаги и голоса неуклонно приближались. Тэйн не знал, в какую сторону идет, они же хорошо представляли местность. По тем обрывкам разговоров, что ему удалось уловить, усиливая слух заклятиями урда, он понял, что Линара вернулась на стоянку, нашла очухавшегося Лигура, обрадовалась, что камни нашлись, заверила, что противник слаб и долго не протянет, и помогла им быстро собраться в погоню. Они могли преуспеть, если бы он не умел вслушиваться. Лигур, по-видимому, был не слишком опытен и ловок в использовании таких простейших навыков кэн-ли, как усиленное зрение и слух, иначе давно бы уловил его хриплое частое дыхание.

И тем не менее они еще ни разу не сбились со следа, хотя он делал резкие повороты и перелезал через лежавшие на пути большие плоские камни. Здесь не было ни тропинок, ни жилищ, кусты хнума оплетали булыжники, золотистый мох устилал землю бархатным богатым ковром, солнце играло бликами на черных гранитных глыбинах, высившихся в три человеческих роста, частых, переходивших в сплошные нагромождения, благодаря которым он по-прежнему оставался невидимым. Там, впереди, вставал горный хребет. Его вершины скрывались за густыми розовыми облаками, Остров Колдунов висел над ними лилово-золотым тяжелым блюдом. Тэйну казалось, что он возвращается к Очагу Солнца. Если так, то он попадет из огня да в полымя. Позади Лигур с взбесившейся Линарой, впереди Орис с прорезавшейся манией величия. Направо и налево — чужая бескрайняя страна, холодная и негостеприимная. В ней можно было бы затеряться, так ведь все равно найдут чужака, да еще такого приметного, как он, да еще у себя дома — как не найти?

Он водил их уже полдня, от изнеможения едва переставляя ноги. Такого бешеного, пожирающего тела жара, как накануне, уже не было, но не было и свиха, драгоценной лечебной травки, и он снова ощутил ломоту в костях и боль во всем теле. Вот оно, начинается снова. Он привалился к камню, вытащил из мешка хлеб и сыр, впихнул в себя столько, сколько смог проглотить, запил, давясь, и прикрыл глаза, разрешая себе отдохнуть.

Как там его учили... дьяволы небесные, ничего не получается!

Шаги и голоса звучали очень далеко, и Тэйн надеялся, что у него есть скромный запас времени. Если его все-таки догонят, он использует все знания и опыт, все оставшиеся силы, чтобы уничтожить их и себя. Драгоценные реликвии останутся здесь, в безлюдном месте, вдалеке и от алчных островитян, и от предвкушающих победу и власть ард элларцев. Если кто-то и найдет их... Впрочем, островитяне действительно могут их найти. Нашли же они каким-то образом четыре из пяти камней, находящихся в Наземном мире. А кстати, у кого из них может быть пятый?

Он снова прислушался, убедился, что голоса приближаются, поднялся на ноги. Потом поставил между двумя ближайшими камнями ловушку, узлы которой обдумал еще утром. Ловушка была простенькая, но зато — крепкая, да и продержится долго. Если они попадут в нее, то выберутся не скоро, хотя ключ у нее простой. Лигур, конечно же, разберется, и во второй раз она уже не работает. Ничего, по пути он сообразит что-нибудь другое.

Закончив плести сеть слов, знаков и жестов, он потащился дальше, прикидывая, как оторваться от преследования. Если брести бесцельно, как сейчас, то можно блуждать в этих безлюдных краях до бесконечности. Он протиснулся между двух валунов и замкнул их еще одной ловушкой, похожей на первую, но ключ к ней Лигуру пришлось бы подбирать заново. Еще одна отсрочка...

В конце концов ему пришлось остановиться снова, у ручейка, чтобы напиться и перекусить. Волны жара снова захлестывали тело. Не разжигая костра, он улегся подремать, переждать обморочное головокружение. Боль и усталость завладели им, сдавливая по очереди в своих безжалостных объятиях, а когда он вырвался, то голоса преследователей оказались совсем близко. Тэйн прислушался. Его ловушек они не миновали, изрядно помучившись в обеих. Взглянув на ночное солнце, он понял, что провалялся без движения непозволительно долго, почти потеряв драгоценное преимущество в расстоянии.

Собравшись быстро, насколько мог, он выбрался из ложбинки между камнями, по голосам понял, что его заметили, и бегом бросился прочь. Куда бежал — не видел, просто бежал, пока несли ноги. Потом споткнулся о выступ и покатился вниз.

Склон был пологий и почти ровный. Катился он долго, очень долго, не пытаясь остановиться и только охая и ругаясь, когда под ребра попадало что-то острое. Когда бешеное мелькание земли и травы прекратилось, он снова вслушался в голоса и обнаружил, что они исчезли. Его окружила тяжелая, неестественная, глухая тишина. Воздух оказался неожиданно теплым и затхлым, а запах — неуловимо знакомым. Тэйн продолжал лежать, сомневаясь, что после веселого спуска осталось цело хотя бы одно ребро. Когда боль утихла, он осторожно приподнялся и зажег слабенький урд-знак, поскольку свет ночного солнца почему-то не проникал сюда.

Высокий пологий склон терялся где-то в черноте неба, впереди были все те же отвесные стены, гладкие, без растительности, под ногами — мелкая пыль, похожая на прах. Тепло, затхлость и безмолвие. Он сразу вспомнил, где он видел подобное, причем совсем недавно.

Дьявольский Каньон.

Несомненно, это был какой-то другой Каньон, очень похожий на первый. Не зная, радоваться или огорчаться, Тэйн поднялся на ноги и пошатываясь, медленно пошел вперед, уцепившись за мысль, что и этот Каньон приведет его в один из подземных городов Тонхайра. Тут же навстречу ему вылетело несколько хорошо знакомых гниющих голов. Весело пощелкивая челюстями, они остановились в десятке шагов от него и замерли, будто

бы решая, напасть сейчас или подождать немного. Он застонал и опустился на землю.

Он вернулся к тому, с чего начался для него Ард Элар. Круг замкнулся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

География

Наземный мир, Теллар — земля, состоит из двух континентов (Эррум и Рельм), разделенных проливом

Агваллар — Небесный Остров, Остров Колдунов. Самостоятельная земля, видимая с поверхности Теллара, связана с Наземным миром едиными магической системой и культурой. Столица — Зар Ала.

Риаллар — государство на северо-западе Эррума, западного континента. Столица — Эргалон.

Илломайн — горный хребет, у подножия которого располагался Эргалон

Джар — гора. (т. е. Джар Ил — гора Ил)

Риан Ал Джар — королевский замок на склоне Илломайна, над Эргалоном

Майр — государство в центре Рельма, восточного континента. Столица — Каррея

Ахтан — государство на юге и юго-востоке Эррума, западного континента. Столица — Ахтамар.

Холгойны — правящая династия Риаллара. Эйнир Холгойн, король (риан), дети: Джайт, Джерхейн, Игта, Аларик

Тар-Нариды — правящая династия Майра. Королева Нэлла, ее сын Асахар, жена Аурелия

Хильдайр — государство на севере Рельма, столица — Арберт

Ард Эллар — государство на юге Рельма

Улле, Менида, Неллим — города Ард Эллара

Времена года

Сезон Ветров — осень

Сон Холода — зима

Сезон Пробуждения — весна

Рождение Илбара — первый день весны

Кэлленар — магическое учение

кэн-ли — искусство применения Кэлленара на практике, совокупность всех умений и навыков для ежедневного применения

иллар — последователь учения, владеющий кэн-ли, т. е. прошедший первую ступень посвящения (освоивший Арта Аш Ар, Книгу Искусства) и умеющий понимать и создавать урд-знаки. Обучался на Острове.

илон — служитель храма, обучался основам Кэлленара на Острове, кэн-ли не владел или владел на минимальном уровне, владел ка-эль. Учил детей в храмах, проводил службы

хэльд — магическое устройство с определенными свойствами. Пример: Хэльд Окно позволяет вызвать и поговорить с человеком, находящимся в другом месте.

ка-эль — небольшой магический предмет узконаправленного действия. Предназначен для использования любым человеком, без применения кэн-ли.

Небесный столб — хэльд, переносящий людей на небесные острова

Круг Власти — концентратор магической энергии, наполняется Огнем Жизни (т. е. эманациями людей) всех живущих. Благодаря кругам работают хэльды и ка-эль

урд — магический язык, состоящий из 146 символов (можно сравнить с иероглифами)

урд-знак — элемент урда, мини-заклинание из одного слова

Арта Аш Ар, книга Искусства — иницирует ученика, дает знание урд-знаков. При повторном прочтении дает знание шиаллаха.

Арта Кон Ла, Книга Заклинаний — вторая книга, учит самостоятельному построению урд-конструкций

Арта Син Рен, Книга Круговорота, дает представление об устройстве вселенной

Арта Сач Сал, Книга без названия — предупреждает о катастрофах.

Арта Ран Кэй, Книга Мастеров — учит создавать хэльды

Илбар, глава пантеона, бог света

Хэллх- бог огня и войны

Феоллон — бог времени и мудрости

Ильфейн — бог недр, покровитель ремесел

Фиал — богиня плодородия

Тармил — богиня дома и домашнего очага

Мейр — бог воды

Келар — бог животных, растений и всей природы

Койе — богиня ночи и чувственной любви.

Лахлайд — подземное озеро кипящей грязи, место обитания Феоллона

аш-чи — обращение к принцу

риан — правитель, король

карна — профессиональное объединение.

ранд — одежда илонов и илларов, длинный приталенный халат с застежкой спереди,

цвет зависел от святилища. Ранд илларов Ильфейна (главный герой) — темно-серый.

аррас — праздничный обед или просто вечеринка

атлахи — деревья с толстым стволом и длинными узкими зелеными листьями

раады — плодовые, похожи на апельсиновые, листья сине-зеленые

дейд — священное дерево, низкое, ствол узловатый, кора с сильным пряным ароматом

арали — виноградная лоза, вино

сахди — игристое вино

интар — злак, по качествам близок к пшенице

инта — самогон

тунд — бубен

аэрия — деревянный духовой инструмент, близок к флейте

унду — ударный музыкальный инструмент, близок к небольшому барабану

тхон — воинский облегченный доспех из мягкой кожи с кольчужными вставками.

райяс — рис

аррит — лошадь

тагал — мера длины, 1,132 км

суари — похлебка на прокисшем кобыльем молоке

идги — степной хищник

дадаг — рисовые лепешки

ушари — повязка, закрывающая лицо от степной пыли

шийяр — халат степняков

рга — ахтанский лук

ганчи — кожаные штаны на шнуровке

аэрия — музыкальный духовой инструмент, сост из несколько трубок наподобие

флейты

ал-за — курительные палочки, табак

трайта- таверна

вишве — струнный инструмент типа гитары

низкорослых хвойных хвар, душистых и колючих аний, желтых и сиреневых головок роша.

Поднебесная империя — первое государство теллов, располагалась на территории Майра и Ард Эллара, Кэлленар Солнечный. Столица — Сагир

Тонхайр — подземное государство теллов, Кэлленар Темный, тянулось от Ард Эллара до Эргалона. Столица — Мэн.

Ахр

Очаг

Харран

Кихт

Вийла — цветок, символ Тармил. Растет как дома, так и в открытом грунте. Цветет мелкими желтыми цветами

Кнея — сосна

Агваллар

Зар Ала — столица Острова

ракан — пузырь из сиуры, внутри которого живут люди, находится на втором слое тарса

тарс — первый слой острова, ровная поверхность, больше всего похожая на обыкновенную землю

санар — внутренняя часть острова, где находятся раканы и школа илларов.

сиура — вещество, из которого состоит остров

сур — плотные сгустки сиуры, строительный материал для зданий острова

корс — стебель, на котором держится ракан

реус- прозрачные летающие глыбы, способ передвижения между раканами

аларей — коренной островитянин-агвалларец

ир, ат и сут — утро, день, и темное время суток (вечер и ночь)

пейер — тонкий короткополый, выше колен, мужской халат с широким поясом, обычно с шитьем по подолу и вороту

чару — высокий головной убор-тюрбан

зард — высокородный или очень богатый человек в Зар Але

Зар Изран — сердце Зар Алы, внутренний город столицы.

высшее жречество:

Менарт, глава Конклава Жрецов и первый жрец Илбара

Ривард, глава клана Следящих

Кимр, третий жрец Кэлленара, отец Кианейт, третий жрец Илбара